

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 3/2 (315) 2018

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecătoria la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscow, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Ростислав АХМЕТОВ. Роль Комиссии ЕС в регулировании рынка природного газа.....	3
Yaryna BOHIV. People's sovereignty and problems of its realization during the period of democratic transformation: the experience of Ukraine.....	6
Олег БОГИНСКИЙ. Некоторые методы, применяемые для подготовки аналитических выводов, в рамках института криминальной разведки.....	11
Андрей БОРОВИК. Использование специальных знаний при расследовании фактов нанесения телесных повреждений лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы.....	15
Ростислав БУНДЗ. Детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника и совершения им преступлений с особой жестокостью.....	20
Kateryna VORONTSOVA. Reforming of the patent legislation in the health care sphere in Ukraine.....	25
Алексей ГЕРАСИМОВ. Использование психологических методов исследования в криминологии: история, проблемы и перспективы.....	29
Артур ГОРДИЕНКО. Государственно-частное партнерство как форма инвестирования в объекты нежилого строительства в Украине.....	33
Сергей ДЕЛЕДИВКА. Формы защиты прав сторон договора о размещении рекламы.....	37
Евгения ДУЛИБА. Теоретико-правовые основы исследования фискальной функции государства: доктринальные аспекты.....	40
Дмитрий ДЬЯЧКОВ. Принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры.....	44
Надежда ЖИДЕНКО. Опыт стран Европейского Союза в сфере профессионального обучения государственных служащих для Украины.....	48
Юлия ЗАВГОРОДНЯЯ. Права ребенка: цивилизационный и историко-правовой аспекты.....	52
Наталья ИВАНЮТА. Отдельные аспекты информатизации в хозяйственном судопроизводстве.....	56
Iuliya KAZMIRYK. The concepts of legal nature of the Eurasian Economic Union.....	60
Alla KOVAL. The comparative aspect of the conducting of the secret investigative actions in the struggle against corruption.....	65
Вита КОНОНЕЦ. Правовой анализ внесенных изменений в Налоговый кодекс Украины за 2017 год.....	68
Татьяна КОРНЯКОВА, Ирина МОДЕНКО. Созависимость наркомании. Методы избавления от наркотизма.....	71

Андрей КРИПАК. Правовое обеспечение реализации публичной политики формирования самодостаточных территориальных громад в Украине.....	76
Андрей КУБАЕНКО. Общественное доверие к органам Национальной полиции как ключевой фактор эффективности правоохранительной системы.....	80
Олег КУЗЬМИЧ. Правовые положения относительно участия третьих лиц в отношениях собственности.....	85
Никита ЛАРИОНОВ. Реформирование системы отчетности по трансфертному ценообразованию в Украине в контексте исполнения Украиной обязательств по плану действий ВЕРС.....	90
Алена МИКОЛЕНКО. Компенсационная функция административно-деликтного права.....	93
Ольга МИНЧЕНКО. Герменевтика как философско-правовая основа юридической лингвистики.....	97
Валерия МИШЕГЛИНА. Роль юридических символов в контексте психологической школы права.....	101
Анатолий НОВАК. Особенности правового регулирования публично-управленческой деятельности в сфере формирования национальной антикоррупционной политики.....	105
Татьяна ПАВЛОВА. Международно-правовая регламентация конфискации доходов (активов), полученных преступным путем.....	109
Лидия ПАЛЮХ. Уголовная ответственность за преступления против правосудия в странах романо-германской правовой семьи.....	114
Оксана ПАНОВА. Принципы административно-правового обеспечения публичной безопасности.....	118
Анна ПАХОМОВА. Правовые аспекты реформирования аграрной науки Украины.....	122
Milana PAKHOMOVA. State administration of professional growth of pedagogical employees in foreign countries: experience for Ukraine.....	126

Игорь ПИДКОВА. «Парад суверенитетов» историко-правовые аспекты принятия декларации о государственном суверенитете Украины.....	130
Svetlana RAK. The official negligence: comparative and legal analysis of legislation of Ukraine, the Republic of Moldova and the Republic of Latvia..	135
Анна СЕРВЕТНИК. Процедура совершения исполнительной надписи нотариуса по законодательству Украины.....	139
Виталий СЕРЕДЮК. «Украинский вопрос» в программных документах украинских политических партий начала XX ст.....	144
Anastasiya SILKOVA. Theoretical features of discharge juveniles from punishment with the probation in criminal law of Ukraine and criminal law of some foreign states.....	149
Алексей СИТАЙЛО. Основания и порядок применения залога	155
Степан СЛИВКА. Каноническо-правовые истины в теории догматического развития.....	159
Роман УСТИЧ. Международно-правовые основы антитеррористической безопасности ядерных объектов.....	165
Виктор ФИЛАТОВ. Функции информационной безопасности государства в правовом измерении.....	170
Oleksandr SHEVCHUK. Concept and types of state control of the legal trafficking of drugs	173
Oleksandra SHYNKARUK, Philip IVANOV. Reasons for administrative and delict relations: features and classification.....	178
Светлана ШОПТЕНКО. Зарубежный опыт реализации производств по делам об административных правонарушениях и возможности его использования в Украине.....	182



УДК 341.1

РОЛЬ КОМИССИИ ЕС В РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА

Ростислав АХМЕТОВ,
аспирант кафедры сравнительного и европейского права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены институциональный механизм Европейского Союза, роль Комиссии Европейского Союза (ЕС) в регулировании интеграционных процессов в газовой сфере. Исследованы институциональный механизм Евросоюза в сфере природного газа, особенности которого определены на основе учредительных документов и актов вторичного права ЕС. Особое внимание уделено Комиссии ЕС, которая задействована в функционировании рынка природного газа. Автор анализирует Комиссию ЕС как институт, который выступает защитником интересов Союза в целом, а также полномочия Комиссии ЕС по обеспечению выполнения норм учредительных договоров в энергетической сфере.

Ключевые слова: институциональный механизм Европейского Союза, Комиссия ЕС, регламент, директива, форумы ad hoc.

THE ROLE OF THE EU COMMISSION IN REGULATING THE NATURAL GAS MARKET

Rostyslav AKHMETOV,
Postgraduate Student at the Comparative and European Law Department
Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article examines the institutional mechanism of the European Union, the role of the Commission of the European Union (EU) in regulating the integration processes in the gas sector. The institutional mechanism of the European Union in the field of natural gas is investigated, the peculiarities of which are determined on the basis of constituent documents and acts of secondary law of the EU. Particular attention is paid to the EU Commission, which is involved in the functioning of the natural gas market. The author analyzes the EU Commission as an institution that advocates the interests of the Union as a whole, as well as the powers of the EU Commission to ensure compliance with the norms of constituent agreements in the energy sector.

Key words: institutional mechanism of the European Union, the EU Commission, regulations, directive, ad hoc forums.

REZUMAT

Articolul descrie cadrul instituțional al Uniunii Europene, rolul Comisiei Europene (CE) în reglarea proceselor de integrare în sectorul gazelor naturale. Se investigează mecanismul instituțional al Uniunii Europene în domeniul gazelor naturale, ale cărui caracteristici sunt definite pe baza documentelor constitutive și a actelor de drept derivat al UE. O atenție deosebită este acordată Comisiei Europene, care este implicată în funcționarea pieței gazelor naturale. Autorul analizează Comisia Europeană ca instituție care servește interesele de apărare ale Uniunii în ansamblu, precum și competențele Comisiei UE pentru a asigura respectarea normelor tratatelor în sectorul energetic.

Cuvinte cheie: mecanism instituțional al Uniunii Europene, Comisia Europeană, regulamente, directivă, forumuri ad-hoc.

Введение. Природу, цели и задачи, тенденции развития Европейского Союза крайне трудно понять без рассмотрения его институционального механизма. Институциональная структура ЕС в целом вызывает оживленную дискуссию в доктрине европейского права. Так, по мнению Л.М. Энтина, в рамках ЕС следует использовать понятие «институциональная система ЕС». Под институциональной системой он понимает следующее: «Совокупность руководящих органов ЕС, наделённых особым статусом и полномочиями. Все основные параметры этой системы закреплены в учредительных актах.

Институциональная система в широком смысле слова включает также и другие органы» [5, с. 34].

Б. Топорнин понимает институциональную систему как организационную реализацию интеграции [9, с. 310].

С. Кашкин под институциональным механизмом понимает «систему институтов и других органов, с помощью которых данная организация осуществляет свою компетенцию». Учёный выделяет среди них институты (органы, наделённые, как правило, властными полномочиями) и органы (все остальные) [4, с. 235].

М. Гердеген отмечает, что определение и закрепление за конкретными ор-

ганами ЕС полномочия отражает крайне сложную систему распределения власти в правопорядке ЕС [1, с. 125].

В. Посельский отмечает, что распределение полномочий между институтами ЕС не соответствует традиционному делению на законодательные и исполнительные органы власти, присущее национальным государствам [6, с. 89]. Развивает его мнение Р. Петров, который отмечает, что на самом деле институты ЕС различают не по кругу полномочий, а в соответствии с тем, чьи интересы они представляют [6, с. 25].

В. Муравьев отмечает, что институциональный механизм Евросоюза



представляет собой систему органов Евросоюза, а также актов, которые эти органы принимают. Он имеет сложную конструкцию, которая отражает постепенный характер развития европейской интеграции. Основу его организационной структуры составляют Европейский Парламент, Европейский совет, Совет, Комиссия, Суд, Европейский центральный банк, Счетная палата [8, с. 127].

Исходя из современного состояния учредительных договоров, считаем, что следует выделять трехуровневую систему руководящих институций ЕС. Высокий уровень, как и в настоящее время, занимают 7 институтов Союза, упомянутые в учредительных договорах (ст. 13 ДЕС). На втором уровне находятся другие инстанции ЕС, которые по традиции именуются его органами. Новацией Лиссабонского договора стало выделение в отдельную категорию «учреждений ЕС», ранее входивших в состав группы «органов» [2, с. 111].

Ключевую роль в обеспечении всего процесса европейской интеграции, в том числе и в обеспечении функционирования и создания рынка природного газа, играет Комиссия ЕС (далее – Комиссия). Этот орган имеет очень широкие полномочия, особенно в сфере продвижения интересов европейской интеграции.

Цель статьи. Исходя из положений Договора о Европейском Союзе и Договора о функционировании Европейского Союза, необходимо проанализировать основе разделы и статьи, а также акты вторичного права ЕС, составляющие основу институционального механизма регулирования газового рынка Комиссией ЕС.

Методы и использованные материалы. Институциональный механизм Европейского Союза исследовали В. Муравьев, В. Василенко, Л. Грицаенко, С. Кашкин, Р. Петров, В. Посельский, Б. Топорнин, А. Шпакович и др. Регулирование рынка природного газа Европейского Союза рассматривался С. Белоцким, Я. Яковенко, С. Дяченко, А. Чернецкой, Ю. Горячей, которые акцентируют внимание на энергетической политике Евросоюза в сфере правового регулирования энергетических отношений. Без внимания остаётся детальный анализ полномочий Комиссии ЕС в энергетической сфере.

Комиссия ЕС является институтом, который выступает защитником интересов Союза в целом. Работой Комиссии руководит её председатель. Он определяет ориентиры для работы комиссаров; устанавливает внутреннюю организацию Комиссии с целью обеспечения последовательного, эффективного и коллегиального характера ее деятельности; осуществляет назначение вице-председателей; может требовать отставки отдельных членов Комиссии [3, с. 83].

Аппарат Комиссии состоит из департаментов, которые называются генеральными дирекциями. Каждый комиссар отвечает за какую-то конкретную сферу деятельности ЕС: экономическую или финансовую политику, сельское хозяйство, внешние сношения, юридические вопросы, научные исследования, вопросы конкуренции и т.п. Каждый комиссар возглавляет одну или несколько генеральных дирекций и отвечает за общую политику и общее администрирование в своей области. В свою очередь, генеральные дирекции опираются в своей деятельности на многочисленные рабочие органы, в которых представлены профессиональные объединения, действующие, как правило, на общеевропейском уровне [3, с. 184].

Основные функции Комиссии заключаются в продвижении общих интересов Союза и предоставлении соответствующих инициатив, наблюдении за реализацией положений права ЕС под контролем Суда ЕС, выполнением бюджета и управлением программами, осуществлением координационной, исполнительной и управленческой функций, представительстве Союза на международной арене (ст. 17.1 ДЕС).

Комиссия выявляет общие интересы ЕС и инициирует принятие актов, обеспечивающих дальнейшее развитие Союза и углубления европейской интеграции. При этом большое количество актов институтов Союза может приниматься только по предложению Комиссии (ст. 17.2 ДЕС). Это и есть одна из ее главных функций. Она инициирует и готовит подавляющее большинство законодательных инициатив, которые принимает Европарламент и Совет. Комиссия ЕС выступает необходимым соавтором на стадиях нормотворческого процесса.

В рамках законодательной деятельности Комиссия формально не имеет существенных полномочий, исходя из договоров, однако на практике ее неформальное влияние на законотворческий процесс в ЕС является существенным. Комиссия обладает почти монопольной правом на законодательную инициативу: «Законодательные акты Союза могут приниматься только по предложению Комиссии» (п. 2 ст. 17 ДЕС), это же право зафиксировано и в рамках обычной законодательной процедуры (п. 2 ст. 294 ДФЕС). Почти все директивы и регламенты, в т.ч. и в сфере природного газа, начинаются с формулировки «Совет (Совет и Парламент) действуя по предложению Комиссии».

Полномочия, предоставленные Комиссии государствами-членами ЕС, обеспечивают ей активную роль в сфере контроля за надлежащим выполнением положений учредительных договоров, актов институтов ЕС. В случаях нарушений норм прав ЕС со стороны государств-членов или институтов Союза Комиссия может обращаться с иском в Суд ЕС (ст. 258 ДФЕС). При этом для такого обращения не требуется получения предварительного согласия нарушителей.

Наиболее значимыми являются полномочия Комиссии в области, в которых государства-члены передали ЕС значительную долю своей компетенции. К ним относятся антимонопольное законодательство, общая торговая политика и тому подобное. В частности, в сфере, которая касается правил конкуренции на внутреннем рынке, Комиссия следит за соблюдением принципов конкуренции и в случае их нарушения может принимать решения о введении санкций в виде штрафов или платежей или признавать соглашения, заключенные с нарушением правил конкуренции, недействительными (ст. 105 ДФЕС). Постановления Комиссии, которые накладывают финансовые обязательства на лица другие, чем государства, являются обязательными и подлежат реализации в принудительном порядке по гражданско-процессуальными нормами, которые действуют в государстве, на территории которого они осуществляются (ст. 299 ДФЕС). Соглашения между предприятиями, подпадающих под действие



правил конкуренции, должны быть зарегистрированы в Комиссии. Незарегистрированные соглашения признаются недействительными. Однако Комиссия может лишать силы и уже зарегистрированные соглашения. Если соглашение, признанное недействительным или отмененное Комиссией, продолжает действовать, то Комиссия может принять решение о санкциях. Более конкретные полномочия могут быть возложены на Комиссию актами Совета ЕС.

Комиссия отвечает за исполнение бюджета Союза и управление программами, которые осуществляются в середине ЕС и за его пределами и финансируются со стороны Союза (научных, образовательных, помощи третьим странам, включая финансовую). Она готовит отчет о выполнении бюджета ЕС для утверждения Европарламентом (ст. 318 ДФЕС).

Структурно роль сферы энергетики в работе Комиссии ЕС подчеркнута введением в рамках действующего с 2014 г. состава Комиссии особой должности «Вице-президента Европейской Комиссии по вопросам Энергетического союза», а также продолжением функционирования должности «Комиссара по климатическим воздействиям и энергетике», которая существовала и раньше. В подотчетности последнего находится специальное структурное подразделение Комиссии – Генеральный Директорат по энергетике (DG Energy). Его задачей является выполнение административно-секретарских функций с целью содействия выполнению задач Комиссии ЕС в сфере энергетики.

Комиссия наделена широким спектром исполнительных полномочий по обеспечению выполнения норм учредительных договоров и управления программами, в том числе в энергетической сфере, осуществляет представительство ЕС во внешних отношениях, также и относительно сферы природного газа (п. 1 ст. 17 ДЕС).

В рамках выполнения Комиссией административных функций, в первую очередь, речь идет о сборе информации, на основе которой будет в дальнейшем приниматься определенные решения. Это общее право Комиссии следует из ст. 337 ДФЕС. Ярким примером реализации этого права в сфере

природного газа является получение Комиссией от государств-членов информации о заключенных по поставкам природного газа межгосударственных соглашениях.

Существуют в Комиссии ЕС полномочия по расследованию нарушений права ЕС и наложения штрафов. Общее право на это в Комиссии существует на основании ст. 258-260 ДФЕС. Основанием является нарушение государством-членом каких-либо обязательств, возложенных Договорами. Например, принятие национального акта во исполнение требований директивы в сфере природного газа.

Комиссия непосредственно представляет ЕС в различного рода международных организациях, связанных со сферой природного газа (ст. 220 ДФЕС). Например, в Энергетическом сообществе.

Комиссия может выступать посредником на межгосударственных переговорах по поставкам газа в третьи государства. Например, в 2009 г. и в течение 2014–2016 гг. она выступала посредником на переговорах «Газпрома» и «Нафтогаза» по поставкам газа на Украину и в ЕС.

В рамках ЕС при участии Комиссии также создаются различного рода форумы для решения газовых проблем *ad hoc*. Так, 9 февраля 2015 представители Австрии, Болгарии, Хорватии, Греции, Венгрии, Италии, Румынии, Словении и Словакии, а также вице-президент Европейской комиссии по вопросам энергетики Союза и комиссар по действиям в сфере климата и энергетики провели первое заседание Группы высокого уровня по газовому снабжению Центральной и Юго-Восточной Европы (CESEC). Целью Группы высокого уровня является создание дорожной карты приоритетной региональной инфраструктуры, повышение рыночной интеграции и содействия диверсификации поставок газа в регион. Именно Комиссия ЕС создает, созывает и возглавляет Газовую координационную группу – орган, который должен осуществлять оперативную работу во время кризиса. Именно Комиссия после консультаций с Группой может дать рекомендации государствам-членам, а в случае их невыполнения предложить Раде «дальнейшие шаги» (Директива 2004/67 / ЕС о безопасности поставок газа).

В ДЕС зафиксировано, что Комиссия «выступает с соответствующими инициативами» и «продвигает общие интересы Союза» (п. 1 ст. 17 ДЕС). Так, в сфере трансевропейских газовых сетей ЕС имеет право «разрабатывать комплекс ориентиров» (п. 1 ст. 171 ДФЕС). Не имея юридически обязывающего значения, эти акты обуславливают формирование права ЕС и стратегически определяют рамки нормотворчества. Например, нормы ДФЕС прямо указывают на принятие институтами ЕС норм «мягкого права» (п. 3 ст. 26, п. 2 ст. 121, п. 1 ст. 209 ДФЕС).

Выводы. Правовой механизм Евросоюза построен на взаимодействии международного договорного и институционального механизмов. Последние являются подсистемами единой системы правового регулирования интеграционных процессов в Евросоюзе. В частности, важную роль в обеспечении функционирования рынка природного газа Европейского Союза играет его институциональный механизм, который в целом базируется на структуре институтов, органов и учреждений ЕС. Сами по себе тенденции в ЕС по консолидации национальных компетенций в сфере регулирования энергетики в рамках полномочий институтов ЕС обусловлены необходимостью разработки и внедрения нормативно-правовых механизмов как в рамках Союза, так и за его территориальными пределами.

Правовая работа институтов ЕС сосредоточена на обеспечении правовой регламентации энергетического сектора с целью расширения масштаба решаемых задач коммунитарного уровня, а также формировании общих правил организации энергосектора. В сфере обеспечения безопасности поставок газа в ЕС Комиссия играет существенную роль.

Список использованной литературы:

1. Гердеген М. Европейське право. К.: КІС, 2008. 528 с.
2. Европейський Союз: Основопологаючі акти в редакції Лиссабонського договору з коментаріями / Отв. ред. С.Ю. Кашкин, перев. А.О. Четверико. М., 2008. 698 с.
3. Європейське право. Право Європейського союзу. Підручник у



тръох книгах. Кн. 1. / За ред. В.І. Муравйова. К.: Ін Юре, 2015. 312 с.

4. Право Европейского союза. Учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Норма, 2009. 698 с.

5. Европейское право. Учебник для вузов / Под ред. Л. Энина. М.: Норма, 2008. 960 с.

6. Посельський В. Конституційний устрій Європейського союзу. К.: Таксон, 2005. 136 с.

7. Право Європейського Союзу. Навчальний посібник. / За ред. Петрова Р. К.: Істина, 2010. 376 с.

8. Право Європейського Союзу. Підручник. / За ред. В.І. Муравйова. К.: Юрінком, 2011. 704 с.

10.Топорнин Б.Н. Европейское право. Учебник. М.: Норма, 1998. 456 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахметов Ростислав Рустемович – аспирант кафедры сравнительного и европейского права, Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akhmetov Rostyslav Rustemovych – Postgraduate – Student at the Comparative and European Law Department Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

axmetov.r@protonmail.ch

UDK 342.12

PEOPLE'S SOVEREIGNTY AND PROBLEMS OF ITS REALIZATION DURING THE PERIOD OF DEMOCRATIC TRANSFORMATION: THE EXPERIENCE OF UKRAINE

Yaryna BOHIV,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Assistant Professor of Constitutional and International Law Department
of Training and Scientific Institute of Law and Psychology
of Lviv Polytechnic National University

SUMMARY

The article concentrates on the separate aspects of local self-government functions and powers in the context of the process of authority decentralization in Ukraine. The author endorses the idea that the draft of Ukrainian law: "On amendments to the Constitution of Ukraine" (as to decentralization of power) that was added to the Verkhovna Rada of Ukraine agenda in 2015 does not provide for enlargement of powers of territorial communities. As a result such changes are primarily aimed at increasing the capacity of communities to exercise their powers. At the same time functions and powers of local community require to be fixed more accurately that provide financial and property autonomy of local self-government and powers with regard to local referenda.

Key words: functions and powers of local self-government, issues of local importance, decentralization.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОПЫТ УКРАИНЫ

Ярына БОГИВ,

кандидат экономических наук, ассистент кафедры конституционного и международного права
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

В статье обращается внимание на отдельные аспекты реализации функций и полномочий местного самоуправления в контексте процесса децентрализации власти в Украине. Автором поддерживается идея о том, что Проект Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти)», который в 2015 году внесен на рассмотрение Верховной Рады Украины, не предусматривает расширения полномочий территориальных общин, поскольку такие изменения, в первую очередь, направлены на повышение возможности общин осуществлять предоставленные им полномочия. Вместе с тем нуждаются в более четкой фиксации функции и полномочия территориального общества, которые обеспечивают финансовую и имущественную автономию местного самоуправления, а также полномочия относительно местных референдумов.

Ключевые слова: функции и полномочия местного самоуправления, вопрос местного значения, децентрализация.

REZUMAT

În articol se atrage atenția asupra anumitor aspecte ale punerii în aplicare a funcțiilor și competențelor administrației publice locale în contextul procesului de descentralizare a puterii în Ucraina. Autorul susține ideea că proiectul de lege a Ucrainei „Cu privire la modificarea Constituției Ucrainei (în ceea ce privește descentralizarea puterii)”, care în 2015 a fost prezentat Radei Supreme a Ucrainei, nu prevede împuternicirea comunităților locale, deoarece aceste modificări vizează în principal creșterea capacității comunităților de a-și exercita competențele acordate acestora. În același timp, au nevoie de funcții de fixare mai precise și puteri ale comunităților locale în autonomia financiară și patrimonială a administrațiilor locale, precum și drepturi la referendumuri locale

Cuvinte cheie: funcțiile și competențele autorităților locale, problemă locală, descentralizare.



Problem formulation. It is necessary to regulate the status of territorial community clearly and comprehensively as it is the primary subject of local self-government, the main provider of its functions and powers and to determine the peculiarities of its legal personality in the modern conditions of state establishment. Yurii Shemshuchenko emphasizes most appropriately that it is essential to determine the status and range of questions of local importance at the Constitutional level in the process of power decentralization that are introduced in specific functions and powers of local self-government individuals and foremost in human rights in specific spheres of municipal life. Based on European municipal traditions, in particular, depended on the principles of the European Charter on Local Self-Government, it is necessary to consolidate the provision that in relation to local issues territorial community bodies and officials of local self-government should have all the functions and powers except those that are entrusted to the bodies of state power by the Constitution and laws of Ukraine [1, p. 6].

Analysis of recent scientific research and publications. The issues of the functions and powers of local self-government were studied by such scholars as O. Altunin, O. Batanov, S. Boldyrev, V. Borodenyuk, I. Drobush, A. Zayets, V. Kolisnik, P. Lyubchenko, O. Skrypnyk, Y. Shemshuchenko, I. Schebetun and others. It should be noted that existing scientific research and publications of the following research topic are related to both separate organizational and legal aspects of local self-government functioning and the conceptual issues of local self-government essence as a form of implementation of national sovereignty.

Purpose of article. The aim of the article is to examine certain aspects of the implementation of local self-government functions and powers in the context of decentralization process of power in Ukraine.

Core material presentation. The issues of local importance as an object component of local self-government according to the Article 140 of the Constitution of Ukraine are resolved within the Constitution and laws of Ukraine. As previously mentioned the Constitutional list of such issues is

determined in article 143 of Basic Law its legislative regulation of functions and powers of local self-government was implemented primarily by the Law of Ukraine «On Local Self-Government in Ukraine».

It is worth agreeing with above-mentioned criticism about domestic legislation approaches to functions regulation and local self-government functions. So, O. Batanov comes to the conclusion that in Ukraine there was only a constitutional and declarative recognition of the issues of local importance in the form of establishing the principle of regulating the powers of local self-government bodies under the scheme «only permitted by law», since local self-government in Ukraine can only be performed within the framework of the Constitution and laws of Ukraine.

Criticism of Ukrainian Law «On Local Self-Government in Ukraine» is conditioned by the fact that it is a kind of catalog of functions and powers of local self-government bodies and officials. In essence, this is not a law on local self-government, not a law on territorial communities, but a law on governments and authorities of local self-government, their powers and subjects of jurisdiction. In addition, the existing procedure for establishing functions and powers of local self-government bodies is based on the traditionally sectoral, in fact, Soviet principle of legislative fixing [2, p. 19].

O. Batanov conceives that the transition from current traditional for Soviet era establishment of functions and powers of local governments to the system-function-target principle facilitates the problem solving process. The idea of this approach is to introduce a detailed definition of the status of each element of local self-government system, first of all, the territorial community distinguishing initially the functions of these entities between themselves, and then their powers. It requires precise and detailed regulation in the legislation of the main purpose of territorial community activity and municipal authority main object - questions of local importance [2, p. 19–20].

Experts opinion about Draft Law of Ukraine «On Amendments to the Constitution of Ukraine Concerning the Decentralization of Power» that was submitted for the Parliament's

consideration in 2015 and didn't presuppose the extension of local communities powers is believed to be right [3, p. 83; 4]. The proposed changes are primarily aimed at increasing the capacity of communities to exercise their jurisdiction. Meanwhile, the conceptual consolidation of local issues in abovementioned draft amendments to the Fundamental Law of Ukraine was also criticized. According to the judge of the Constitutional Court of Ukraine M. Gultay in a separate Opinion regarding the Conclusion of the Constitutional Court of Ukraine of July 30, 2015, No. 2-b / 2015, the proposed amendments to the draft law to Article 140 of the Constitution of Ukraine, in its part one, is excluded the provision that local self-government is the right of territorial community to resolve issues of local importance independently in terms of the Constitution and Laws of Ukraine. On that score, M. Gultay reckons that the exclusion from the first part of Article 140 of the Constitution of Ukraine of such wording may lead to the restriction of this right and the right of citizens to participate in the management of public affairs [5, p. 31].

Nowadays there are different approaches to the consideration and classifications of local self-government functions and powers in scientific literature. Thus, the classification of functions of local self-government is possible by such criteria as objects, subjects, methods, territory, means, forms of activity, etc. The objects are distinguished by political, economic, social, cultural, ecological and external functions of the municipal government; the subjects - the functions of the municipal authority, which are implemented directly by territorial communities, functions performed by representative bodies of local self-government, functions that are implemented by village, settlement, city mayors, functions that are implemented by executive bodies of local self-government; the territory - functions of the municipal authority, which are exercised at the level of territorial communities of a village, settlement, city or region; the methods and means - informative, planning and programming of corresponding administrative-territorial units development, rule-making, budget-financial, material-technical, of social control [6, p. 7; 2, p. 21]. Another approach involves the classification of local



government functions and general, special and supporting (auxiliary) functions, and, as a result, the distribution of the entire normative list of issues of local significance within such a system [7, p. 11].

For this reason, when considering questions of local importance as the basis of local government activities, it is necessary to differentiate such categories as functions and powers of local self-government. In particular, the specifics of local self-government functions include the fact that they are derivative from the purpose and objectives of local self-government bodies; arise, occur and develop in accordance with the tasks to be performed by local self-government authorities in Ukraine; are specified in the powers of local self-government bodies; are not specified in special legislation; the exercise of functions by local self-government authorities has a constant systematic nature and takes place throughout the time of their existence; promote the optimal combination of local and national interests, the most effective implementation of the socio-economic potential of self-government territorial units. The powers of local self-government authorities are defined as the rights and obligations fixed in normative acts of various legal force, by which they fulfill the tasks assigned to them and implement the provided functions for solving issues of local importance [8, p. 9].

Part 1 of Article 143 of Ukrainian Constitution specifies the issues of local importance for the territorial communities of the village and city, which they are authorized to decide on their own or through the bodies of local self-government established by them. Part 2 of the mentioned article of the Basic Law determines a list of issues of local significance, which is set for the regional and district councils. It should be accepted the idea that the right for real local self-government is recognized today only by the territorial communities of villages and cities, since only representative authorities of local self-government operate on the level of districts and regions, which are deprived of the opportunity to create their own executive bodies [9, p. 71]. Taking into consideration this circumstance local self-government bodies are obliged to «delegate» to the relevant local state administrations the majority of their powers, which lead to violations of the

principles of legal, organizational and financial autonomy not only of district and regional councils, but also of local authorities of the primary level.

The constitutional list of issues of local significance of primary level local governments includes the management of property that is in communal ownership; approving the program of socio-economic and cultural development and monitoring their implementation; approval of the budgets of the respective administrative-territorial units and control over their implementation; establishment of local taxes and fees in accordance with the law; ensuring local referendums and implementing their results; formation, reorganization and liquidation of communal enterprises, organizations and institutions, as well as control over their activities; resolution of other issues of local importance, assigned by law to their competence.

Regional and district councils approve programs of socio-economic and cultural development of the respective regions and districts and control their implementation; approve rayon and oblast budgets, which are formed from the state budget funds for their respective distribution between territorial communities or for implementation of joint projects and funds borrowed on a contractual basis from local budgets for the implementation of joint socio-economic and cultural programs, and control their implementation; decide other issues assigned by law to their competence.

The authority to manage property that is in communal ownership is logically conditioned by the material autonomy of local self-government, which is guaranteed by Article 142 of the Constitution of Ukraine. In accordance with this norm, the material basis of local self-government is movable and immovable property, land, natural resources owned by territorial communities of villages, settlements, cities, urban areas, as well as objects of their joint property, which are in the management of district and regional councils. Article 60 of the Law of Ukraine «On Local Self-Government in Ukraine» previsions that local self-government bodies, in accordance with the law, exercise on behalf of and in the interests of territorial communities, the power to own, use and dispose of objects of the right of communal property, including all

property transactions, can transfer objects of communal property rights to constant or temporary usage by legal entities and individuals, rent them, sell and buy, use as a mortgage, solve and the issue of their exclusion determined in agreements and contracts terms and financing of the privatized and transferred to the use and lease. The expediency, the order and conditions for the alienation of the objects of the right of communal property are determined by the relevant council. Revenues from the alienation of the objects of the right of communal property are credited to the corresponding local budgets and are directed at financing the events provided for by the development budgets [10].

The next constitutional power of local self-government, which is conditioned by the financial autonomy of local self-government, is the authority to approve the budgets of the respective administrative-territorial units and exercise control over their implementation. According to Article 61 of the Law of Ukraine «On Local Self-Government in Ukraine», local self-government bodies in villages, settlements and cities, and urban areas (if created) independently develop, approve and implement relevant local budgets in accordance with the Budget Code of Ukraine. District and regional councils approve district and regional budgets, which are formed from the state budget funds for their respective distribution between territorial communities or for the implementation of joint projects and funds borrowed on a contractual basis from local budgets for the implementation of joint socio-economic and cultural programs, control their execution. Formation and execution of district and regional budgets is implemented by the respective state administrations in accordance with the Budget Code of Ukraine. Independence of local budgets is guaranteed by their own and assigned to them on a sustainable basis by law national income, as well as the right to determine independently the directions of using local budget funds in accordance with the law. Intervention of state authorities in the process of preparation, approval and execution of local budgets is not allowed, except in cases that are envisaged by this and other laws.

Meanwhile, according to Article 142 of the Constitution of Ukraine and Article 67 of the Law of Ukraine «On Local Self-



Government in Ukraine», financial support is provided for the expenses related to the implementation of the powers of executive power bodies and the implementation of decisions of state authorities by local self-government bodies. Thus, the state funds the full actualization by the local self-government bodies of executive power governments provided by law at the expense of consolidating the sources of budget revenues from the relevant local budgets, providing transfers from the state budget, as well as transferring the corresponding state-owned objects to local governments. At the same time, decisions of state authorities that lead to additional expenditures of local self-government authorities are necessarily accompanied by the transfer of necessary financial resources to them. The indicated decisions are executed by local self-government bodies within the limits of financial resources transferred to them. Expenditures of local self-government authorities that arose as a result of decisions of public governments and previously not provided with adequate financial resources are compensated by the state.

In our opinion, in the context of budgetary discretion of local self-government, criticism of the provisions of the Draft Law on Amendments to the Constitution of Ukraine Regarding the Decentralization of Power № 2217a dated July 1, 2015 on the exclusion from Article 142 of the Constitution of Ukraine of a principle according to which «the state participates in the formation of revenues of budgets of local self-government, financially supports local self-government». From the point of view of the Constitutional Court of Ukraine judge S. Sas such a change is not opportune since it does not take into account that of twenty seven entities – administrative and territorial units – only a few are donors who autonomously provide themselves and fill the income of the state budget of Ukraine, and the rest – recipients who need financial assistance from the state. The deletion of this provision from Part 3 of Article 142 of the Constitution of Ukraine reduces the level of constitutional social and economic guarantees of the state for residents of subsidized territorial communities, as it limits their rights and freedoms [11, p. 51].

Other powers of local self-government, in particular of the territorial

communities of villages, settlements and cities have the authority to establish local taxes and charges. In accordance with Article 69 of the Law of Ukraine «On Local Self-Government in Ukraine» and the provisions of Section III of the Budget Code of Ukraine concerning the structure of incomes of local budgets general funds, local taxes and charges are fully credited to the revenue part of such budgets. The current list of local taxes and duties is defined in Article 10 of the Tax Code of Ukraine, according to which such mandatory payments are a property tax, a flat tax, fees for parking vehicles and tourist fees. In this case, local councils are required to establish a single tax and property tax (in terms of transport tax and land fee), as well as resolve issues regarding the establishment of property tax (in terms of the tax on real estate property which does not include the land) and establishment of a charge for parking places, a tourist tax. The norms of Article 12 of the Tax Code define the powers of local self-government bodies (village, settlement, city councils and councils of joint territorial communities) in the field of local taxation. These powers should include: 1) the decision of local taxes and duties establishment; 2) local taxes and fees rates setting within the rates defined by the Tax Code of Ukraine; 3) granting tax privileges in accordance with the tax law established by the Tax Code.

The authority to ensure the holding of local referendums and the implementation of their results is a distinct problem authority of local self-government bodies. Despite such a constitutional norm, the possibility of conducting a local referendum has not been provided at the legislative level, since the issue of a local referendum has not yet been regulated by law since the Law of Ukraine «On All-Ukrainian and Local Referendums» the issue of local referendum was not regulated by law in 2012.

Part one and part two of Article 143 of the Constitution of Ukraine wording contains an indication that local self-government bodies may decide the issues of local significance, which are assigned by law to their competence. The official interpretation of such a formation was made by the Constitutional Court of Ukraine in the Decision of April 1, 2010 and the example of the powers of local self-government bodies in the field of land relations. Thus,

in paragraph 4 of the reasoning part of the specified Decision, the Court noted that, in accordance with the items «a», «b», «c», «g» of Article 12 of the Land Code, the authority of rural, settlement, city councils belongs to the disposal of land of territorial communities, the transfer land plots of communal property owned by citizens and legal entities, the provision of land for utilization from communal land, and the withdrawal of land from communal land. The Constitutional Court of Ukraine considers that these powers are covered by the notion «other issues of local importance» mentioned in Article 143 of the Constitution of Ukraine, and therefore, in their implementation, rural, settlement and city councils act as subjects of power, exercising administrative and other functions [12].

Conclusion. In the process of decentralization of power it is necessary to determine the status and the spectrum of issues of local importance at the level of the Constitution, that are realized in legislation and in practice with the help of specific functions and powers of local self-government entities in specific areas of municipal life. The question of local significance as the basic object of the municipal government requires the constitutional and legal fixation which is based on the principle: “EVERYTHING THAT IS NOT EXPLICITLY PROHIBITED BY LAW IS PERMITTED”

The draft of Law of Ukraine «On Amendments to the Constitution of Ukraine Regarding the Decentralization of Power» that was submitted to the Parliament for consideration in 2015, now does not provide the extension of territorial communities powers, since such changes primarily aim at increasing the capacity of communities to exercise their powers. However, in the course of adopting amendments to the Basic Law on the decentralization of power, it is necessary to provide a wording in accordance with which local self-government is the right of a territorial community to independently solve local issues, and also to determine the definition of the concept of «issues of local importance». In addition, the functions and powers of the territorial community that provide financial and property autonomy of local self-government, as well as authority over local referenda, should be fixed precisely.



References:

1. Shemshuchenko Yu. Kontseptual'ni problemy rehional'noyi polityky i detsentralizatsiyi vlady v Ukraini v konteksti yevrointehratsiynykh protsesiv [Conceptual problems of regional policy to decentralization of power in Ukraine in the context of eurointegration processes]. *Viche*, 2015, vol. 12, pp. 3–6.
2. Batanov O. V. Munitsypal'na vlada v Ukraini: konstitutsiynopravovi problemy orhanizatsiyi ta funktsionuvannya: avtoref. dys d-ra yuryd. nauk :12.00.02 [Municipal power is in Ukraine: constitutionally legal problems of organization and functioning]. NAN Ukrainy, In-t derzhavy i prava im. V.M. Korets'koho, Kyiv, 2011, 34 p.
3. Konstitutsiynyy protses v Ukraini: novi realiyi, novi vyklyky, novi pidkhydy: Informatsiyno-analitychni materialy [A constitutional process is in Ukraine: new realities, new calls, new approaches: Informaciyno-analitichni materials]. Kyiv: Tsentrazumkova, 2015, 78 p.
4. Khavronyuk M. I. Vysnovok shchodo proektu Zakonu pro vnesennya zmin do Konstitutsiyi Ukrainy (shchodo detsentralizatsiyi vlady) [Conclusion in relation to the project of Law on making alteration in Constitution of Ukraine (in relation to decentralization of power)]. Available at: http://protokol.com.ua/ua/visnovok_shchodo_proektu_zakonu_pro_vnesennya_zmin_do_konstitutsiyi_ukraini_shchodo_detsentralizatsiyi_vlady/.
5. Okrema dumka suddi Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy Hul'taya M. M. stosovno Vysnovku Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy u spravi za zvernennam Verkhovnoyi Rady Ukrainy pro nadannya vysnovku shchodo vidpovidnosti zakonoproektu pro vnesennya zmin do Konstitutsiyi Ukrainy shchodo detsentralizatsiyi vlady vymoham stately 157, 158 Konstitutsiyi vid 30 lypnya 2015 roku # 2-v/2015 [Separate opinion of judge of Constitutional Court of Ukraine of Gul'taya of M. of M. in relation to Conclusion of Constitutional Court of Ukraine in business after the appeal of Verkhovna Rada of Ukraine about a grant a conclusion in relation to accordance of bill about making alteration in Constitution of Ukraine in relation to decentralization of power the requirements of the articles 157, 158 Constitutions from July, 30, 2015 year 2-v/2015]. *Visnyk Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy*, 2015, vol 5, pp. 30–33.
6. Drobush I.V. Funktsiyi predstavnyts'kykh orhaniv mistsevoho samovryaduvannya v Ukraini: avtoref. dys.d-ra yuryd. nauk:12.00.02 [Functions of representative organs of local self-government are in Ukraine] NAN Ukrainy, In-t derzhavy i prava im. V.M. Korets'koho, Kyiv, 2002, 14 p.
7. Altunina O. M. Sutnist' ta vydy funktsiy orhaniv mistsevoho samovryaduvannya [Essence and types of functions of organs of local self-government]. *Forum prava*, 2009, vol. 3, pp. 8–13.
8. Altunina O.M. Diyal'nist' orhaniv mistsevoho samovryaduvannya shchodo zdiysnennya delehovanykh funktsiy ta povnovazhen' vykonavchoyi vlady avtoref. dys. kand. yuryd. nauk: 12.00.07 [Activity of organs of local self-government is in relation to realization of the delegated functions and plenary powers of executive power]; *Kharkivs'kyy natsional'nyy universytet vnutrishnikh sprav, Kharkiv.*, 2009, 20 p.
9. Bordenyuk V.I. Okremi aspekty naukovoho zabezpechennya mistsevoho samovryaduvannya v Ukraini [Separate aspects of the scientific providing of local self-government are in Ukraine]. *Yurydychna nauka*, 2011, vol 1, pp. 71–78.
10. Pro mistseve samovryaduvannya v Ukraini: Zakon Ukrainy vid 21 travnya 1997 roku [About local self-government in Ukraine: A law of Ukraine is from May, 21, 1997]. *Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrainy*, 1997, vol. 24, pp. 170.
11. Okrema dumka suddi Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy Sasa S. V. stosovno Vysnovku Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy u spravi za zvernennam Verkhovnoyi Rady Ukrainy pro nadannya vysnovku shchodo vidpovidnosti zakonoproektu pro vnesennya zmin do Konstitutsiyi Ukrainy shchodo detsentralizatsiyi vlady vymoham stately 157, 158 Konstitutsiyi vid 30 lypnya 2015 roku # 2-v/2015 [Separate opinion of judge of Constitutional Court of Ukraine of Sasa S. In. in relation to Conclusion of Constitutional Court of Ukraine in business after the appeal of Verkhovna Rada of Ukraine about a grant a conclusion in relation to accordance of bill about making alteration in Constitution of Ukraine in relation to decentralization of power the requirements of the articles 157, 158 Constitutions from July, 30, 2015 year 2-v/2015]. *Visnyk Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy*, 2015, vol. 5, pp. 47–53.
12. Rishennya Konstitutsiynoho Sudu Ukrainy vid 1 kvitnya 2010 roku # 10-rp/2010 (sprava za konstitutsiynym podannam Vyshchoho administratyvnoho sudu Ukrainy shchodo ofitsiynoho tлумachennya polozhen' chastyny pershoi statti 143 Konstitutsiyi Ukrainy, punktiv „a“, „b“, „v“, „h“ statti 12 Zemel'noho kodeksu Ukrainy, punktu 1 chastyny pershoi statti 17 Kodeksu administratyvnoho sudochynstva Ukrainy) [A decision of Constitutional Court of Ukraine is from April, 1, 2010 year 10-rp/2010 (business after constitutional presentation of the Higher administrative court of Ukraine in relation to official interpretation of positions of part of the first article 143 Constitutions of Ukraine, points of „a“, „b“, „v“, „h“ to the „g“ article 12 of the Landed code of Ukraine, point of a 1 part of the first article of a 17 Code of the administrative legal proceeding of Ukraine). *Ofitsiynyy visnyk Ukrainy*, 2010, vol. 27, pp. 1069.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богив Ярына Святославовна – кандидат экономических наук, ассистент кафедры конституционного и международного права Учебно-научного института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bohiv Yaryna Svyatoslavivna – Candidate of Economic Sciences (PhD), Assistant Professor of Constitutional and International Law Department of Training and Scientific Institute of Law and Psychology of Lviv Polytechnic National University

yaryna_bohiv@ukr.net



УДК 343.1:65.012.8+004

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ, В РАМКАХ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

Олег БОГИНСКИЙ,

аспирант кафедры оперативно-розыскной деятельности и раскрытия преступлений факультета № 2
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются отдельные методы осуществления криминального анализа в рамках института криминальной разведки. Рассматриваются разные точки зрения на вопрос применимой методологии в данной сфере. Раскрыто общее содержание базовых методов криминального анализа. Детально анализируются методы сетевого анализа и географического профилирования для достижения целей криминальной разведки. Обозначаются рамки и особенности применения этих методов по разным направлениям противодействия преступности. Очерчивается общий алгоритм создания географического профиля правонарушителя. Делается вывод, что в Украине необходимо усилить подготовку аналитиков для правоохранительных органов. Предлагаются пути решения этой задачи.

Ключевые слова: криминальная разведка, методы анализа, аналитические выводы, правоохранительные органы, противодействие преступности.

SOME METHODS, APPLIED FOR PREPARATION OF ANALYTICAL DERIVATIONS, WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL INTELLIGENCE PROCESS

Oleh BOHYNISKYI,

Postgraduate of Department of Operative and Search Activity and Crime Detection of Faculty № 2
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

In the paper the separate methods of criminal analysis realization during the criminal intelligence process are analysed. The different standpoints on a question of applicable methodology are examined in this sphere. General matter of base methods of criminal analysis is exposed. In detail the methods of network analysis and geographical profiling are analysed for achievement of aims of criminal intelligence process. Scopes and features of application of these methods are designated on different directions of criminality counteraction. The general algorithm of creation of offenders geographical profile is outlined. Drawn a conclusion, that in Ukraine it is necessary to strengthen training of analysts for law enforcement authorities. The ways of decision of this task are offered.

Key words: criminal intelligence process, analysis methods, analytical derivation, law enforcement authorities, criminality counteraction.

REZUMAT

În articol sunt analizate metode separate de implementare a analizei penale în cadrul instituției de informații criminale. Sunt luate în considerare diferite puncte de vedere cu privire la problema metodologiei aplicabile în acest domeniu. Conținutul general al metodelor de bază ale analizei penale este dezvăluit. Se analizează în detaliu metodele de analiză a rețelei și de modelare geografică în scopul atingerii obiectivelor inteligenței criminale. Sunt enumerate domeniul de aplicare și specificul aplicării acestor metode în diferite domenii de contracarare a criminalității. Se conturează algoritmul general pentru crearea profilului geografic al infractorului. Se concluzionează că în Ucraina este necesar să se consolideze formarea analiștilor pentru agențiile de aplicare a legii. Sunt propuse modalitățile de rezolvare a acestei probleme.

Cuvinte cheie: informații criminale, metode de analiză, concluzii analitice, agenții de aplicare a legii, combaterea criminalității.

Постановка проблемы. В современных условиях правоохранительные органы всего мира все активнее применяют новации и мощный аналитический аппарат в противодействии преступности. Во многих странах созданы специализированные подразделения, задачей которых является обработка поступающей информации с последующим представлением аналитических выводов, носящих оперативный, тактический

или стратегический характер. Наиболее часто такая деятельность проводится в рамках института криминальной разведки, который уже прочно укоренился в профессиональной сфере национальных и международных правоохранительных органов (см., например, [1]).

Актуальность темы исследования. Для эффективной подготовки соответствующих разведывательно-аналитических выводов применяются

знания из разных научных отраслей, обличенные в форму конкретных методов. Анализ этих методов является важной задачей для изучения института криминальной разведки как целостного механизма.

Состояние исследования. Вопросы методологии криминальной разведки поднимались многими исследователями. В этой связи следует назвать работы С. Албула, О. Бочковского,



Х. Брейди, М. Грибова, Дж. Грива, Р. Дэвиса, Т. Джона, Е. Жицкого, М. Иннеса, К. Исмаилова, Д. Картера, П. Клеркса, А. Корыстина, В. Коади, В. Кребса, М. Макгуаера, А. Манжая, С. Брауна, В. Некрасова, М. Петерсона, Дж. Ретклифа, О. Райбаха, К. Росси, В. Симовица, М. Спероу, Н. Тилли, В. Филиповски, Ф. Фортина, А. Ханькевича, Дж. Хаулетта, В. Шендрика, Дж. Шептицкого, И. Шинкаренко, С. Шнейдера и многих других авторов. Вместе с тем следует отметить, что в большинстве из проанализированных научных трудов вопросы применения конкретных методов во время осуществления криминальной разведки, особенно в национальной юридической науке, освещены крайне недостаточно.

Целью и задачей данной статьи является анализ отдельных методов, применяемых для подготовки аналитических выводов, в рамках института криминальной разведки.

Изложение основного материала.

Центральным элементом криминальной разведки как процесса является анализ, без проведения которого сама эта деятельность теряет смысл, а накопление данных будет в большинстве случаев пустой тратой времени.

Во время анализа могут быть применены разные методы и использоваться конкретные модели работы с данными.

Согласно британской Национальной разведывательной модели разведывательно-аналитические продукты формируются с использованием 9-ти основных методов: анализ результатов, анализ криминальных моделей, профилирование рынка, анализ демографических и социальных трендов, профилирование преступной деятельности, сетевой анализ, анализ рисков, анализ целевых профилей, оценка оперативной разведывательной информации [2, п. 7.11].

Указанную классификацию нельзя назвать устойчивой, поскольку во время осуществления криминальной разведки постоянно внедряются новые методы анализа.

С. Р. Шнейдер выделяет анализ телефонных связей, анализ потоков, сетевой анализ, финансовый анализ, визуальный анализ, контент-анализ, составление смешанных таблиц криминального анализа, картографирование подозреваемых [3, с. 9].

Практика показывает, что подавляющее число аналитических выводов содержит элементы сетевого анализа. Этот метод является особенно актуальным в условиях изучения больших преступных групп и организаций, поскольку с увеличением сети, подлежащей анализу, растет и вероятность обнаружения в ней слабых мест, появляется возможность проследить соответствующие связи. Сетевой анализ предусматривает применение теории графов к определенным объектам, событиям и т. д.

Одной из популярных методологий, применяемых для проведения криминальной разведки и которая содержит большое количество элементов сетевого анализа, является Анасара. М. Спероу [4, с. 255], исследуя применение методологии Анасара в криминальной разведке, отмечает ее полезность для наглядного представления аналитику собранных данных. Во-первых, аналитик представляет связи между фигурантами и таким образом определяет преступную роль каждого. Во-вторых, спроектированный граф в идеале должен иметь структуру, при которой его ребра не будут пересекаться (планарность графа). Аналитик пытается достичь этой цели. В-третьих, в центр графа помещаются фигуры, которые играют ключевые роли.

Методы Анасара имеют несколько упрощенный характер с точки зрения сетевого анализа. М. Спероу называет в этой связи несколько проблемных моментов: двухмерность моделей, сложность достижения эффекта планарности графа в реальных условиях, определение центральных фигур по ограниченному данным [4, с. 256].

Последняя проблема заключается в том, что можно ошибочно определить в качестве ключевых фигур лиц, имеющих наибольшее количество связей, однако в действительности они не будут таковыми. Это может произойти либо ввиду ограниченности известных данных, либо по другим причинам. Так, например, во время исследования связей в итальянской мафии было обнаружено, что лидеры преступных группировок выходят на связь с другими членами группы через ограниченное число контактов [5]. Этот факт может способствовать тому, что во время автоматизированного анализа теле-

фонных связей членов организованной преступной группировки действительные лидеры окажутся на периферии построенного графа.

Вообще, анализируя криминальные сети, для каждого из ее участников целесообразно высчитывать кроме социального также так называемый «криминальный капитал» (полезные криминальные знания и навыки, доступ к орудиям и средствам совершения преступлений, связи с другими лицами с криминальной репутацией). В совокупности они будут определять вес лица в криминальной среде. В рамках анализа связей в социальных криминальных структурах для определения механизмов их разложения и дезинтеграции необходимо привлекать методологический аппарат теории анализа социальных сетей (SNA), в том числе определить для каждого объекта соответствующие метрики: степень центральности, силу связи, эквивалентность и тому подобное (см., например, [6]).

Конечно, во время построения соответствующих графов и высчитывания закономерностей следует помнить о важности определения характера связей между объектами исследования. Создание отдельных графов с подобными связями дает возможность кроме всего прочего сделать их визуально приемлемыми для восприятия человеческим глазом в силу их меньшего размера. Также для более наглядного представления данных отдельные исследователи предлагают применять техники увеличения отдельных участков графа (fisheye), фокусировку, геопозиционирование данных графа, а также комбинирование указанных техник [7].

Сетевой анализ может применяться не только для определения ролей и активности преступного элемента, но и для поиска лиц, являющихся потенциальными конфидентами. Использование сетевого анализа с этой целью рассматривают, например, нидерландские исследователи П. Дуайн и П. Клеркс. В частности, они предлагают это делать в сфере противодействия киберпреступности и торговле людьми [8, с. 151] (в этой связи см. также [9]).

Как показывает практика существенную часть функций криминального анализа можно формализовать [10, с. 140], а, следовательно, и запрограммировать. Это среди прочего



достигается использованием моделей (шаблонов), которые учитывают как пространственные, так и временные параметры совершения тех или иных правонарушений. Некоторые авторы также предлагают учитывать количественные параметры и непосредственно связи для визуализации проработанных сведений. Сама же визуализированная модель должна отображать информацию о событиях, местах, объектах, связях, профилях и ресурсах [11, с. 149, 150].

Поиск ассоциативных связей в рамках сетевого анализа является достаточно нетривиальным заданием. Для этого могут применяться разные математические алгоритмы (см, например, работу Дж. Ксю и Х. Чена [12]). Вместе с тем для поиска пропущенных связей между объектами, которые не были подтверждены фактическими сведениями, также могут применяться достаточно простые математические решения, как тот же подсчет количества общих связей для каждого узла сети с их последующим сравнением. Применимость этого метода была экспериментально доказана итальянскими учеными [13].

Еще одним эффективным методом, применяемым во время осуществления криминальной разведки, является картографирование преступных проявлений. Одной из целей, которую достигают с использованием этого метода, является построение так называемых географических профилей. Указанные профили позволяют очертить пространственные рамки, в которых правонарушитель может жить или вести какую-то деятельность. Использование описанных профилей вместе с психологическими позволяют более целостно подойти к расследованию уголовных правонарушений.

В основе построения географических профилей лежит теория, согласно которой как жертвы, так и правонарушители имеют определенные устойчивые маршруты движения, в рамках которых они собственно и осуществляют свою повседневную деятельность. Как отмечает Дж. Ретклиф, правонарушители обычно не отправляются далеко от своего постоянного местонахождения для совершения преступления, поскольку это требует от них дополнительных усилий и повышает риск

быть пойманными. Вместе со знаниями типичного преступного поведения географическое профилирование дает возможность правоохранительным органам определить точку вероятного пребывания правонарушителя на определенной местности [14, с. 74].

Эффективное картографическое профилирование в современных условиях практически невозможно осуществлять без применения специализированного программного обеспечения. В качестве примера последнего можно назвать продукты Rigel компании ECRI (ecricanada.com), Crimestat (www.nij.gov/topics/technology/maps/pages/crimestat.aspx), отечественный комплекс RICAS (police.kh.ua). Параллельно с созданием географических профилей, как правило, происходит построение так называемых «тепловых карт», которые призваны визуализировать на карте наиболее криминогенные участки. Эти участки отображаются более насыщенным цветом, как правило, с красным оттенком.

Как верно отмечает А.Н. Ханькевич, техника географического профилирования позволяет упростить обработку информационного потока, с которым сталкиваются полицейские подразделения во время расследования серийных преступлений, а также оптимизировать оперативно-розыскную тактику поиска преступника: сузить круг подозреваемых за счет сопоставления перечня подозреваемых и лиц, которые находятся в высокопрофильной зоне; силами полиции организовать в этой зоне интенсивное патрулирование в часы наиболее вероятного совершения преступления; активизировать на отмеченной территории систему общественного информирования и тому подобное [15, с. 340].

Общий алгоритм построения географического профиля достаточно обстоятельно описал Р.Н. Коксис [16, с. 186]. Соответствующий порядок действий правоохранителя можно представить следующим образом.

1. Необходимо внимательно изучить особенности и принципы географического профилирования. Следует помнить, что этот метод не является применимым ко всем видам серийных преступлений. Наиболее полезным географическое профилирование становится во время расследования

насилованных преступлений против лица (серийные/сексуальные убийства, изнасилования, поджоги и тому подобное), зато оно мало подходит для расследования корыстных преступлений, как те же квартирные кражи и т. д. Географическое профилирование ориентировано на лиц, которые имеют постоянное место пребывания. Если же лицо ведет бродячий образ жизни или постоянно меняет местоположение, то этот способ идентификации является малоприменимым. Еще одной особенностью этого метода является то, что для его эффективного применения нужно иметь информацию о местах совершения нескольких (по крайней мере двух, а лучше не менее четырех) правонарушений, к которым вероятно причастно одно лицо.

2. Географическое профилирование должно базироваться на как можно большем количестве точных проверенных данных. Должно быть учтено не только место непосредственного совершения преступления, но и другие локации, например, места, где преступник встретил жертву, где скрыл следы совершения преступления, где снял наличность с похищенной кредитной карточки или реализовал похищенные вещи и т. д.

3. Обозначение ключевых точек на карте. Эти точки, как правило, отражаются разными цветами и должны содержать соответствующую хронологическую информацию, а также закодированную информацию об обстоятельствах события.

4. Определение базовой круга. С этой целью независимо от хронологии событий на карте выбирают две наиболее отдаленные ключевые точки, которые были определены ранее. Прямая – расстояние между ними будет выступать диаметром соответствующего круга. Указанный круг можно рассматривать в качестве ориентировочной локации, в пределах которой действует преступник. Именно на территории в пределах очерченного круга стоит сконцентрировать основные усилия, касающиеся расследования.

5. Применение доцентрического подхода. Для этого выбирают первые по времени четыре инцидента, обозначенного на карте, и аналогично предыдущему пункту выстраивают новый круг, который обычно будет меньше



предыдущего. Этот подход базируется на том, что существует высокая вероятность (~66%) поведения преступника, которое характеризуется совершением сначала преступления подальше от места обитания, с постепенным избиранием более близких к его размещению мест для противоправной активности.

6. Для более точной фокусировки на территории расследования нужно провести так называемую кластеризацию (выделение групп по определенным признакам). Например, определить локацию, где совершено наибольшее количество преступлений, или с учетом хронологии событий определить пространственный вектор их развития. Это позволяет еще больше сузить территорию поиска, создать предпосылки для более рациональной расстановки сил и средств. При этом нужно учитывать, что ниспадающий тренд преступлений по расстоянию может свидетельствовать о готовности преступника «путешествовать» для совершения противоправных действий.

7. Во время построения географического профиля стоит учитывать характер территории поиска. Следует рассмотреть вопрос об исключении за пределы зоны расследования поверхностей водоемов и других участков местности, где место пребывания преступника является маловероятным.

8. Нужно постоянно корректировать профиль с учетом поступающей информации. Этот процесс должен учитывать динамику расследования.

9. В итоге происходит интерпретация полученных результатов (рис. 1).

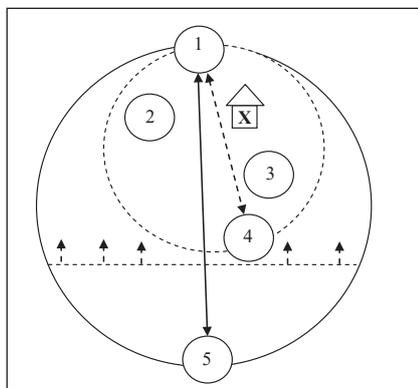


Рис. 1. Построенная диаграмма, где цифры в кругах – места событий в хронологическом порядке, X – вероятное место обитания подозреваемого

Результаты, полученные вследствие географического профилирования, могут быть использованы как в проактивной, так и в реактивной правоохранительной деятельности. В первом случае речь идет, например, об усилении патрулирования конкретной местности, ориентирования общественности на сообщение о подозрительной активности в пределах определенной зоны и тому подобное. Если речь идет о реактивной деятельности, то во время расследования можно сопоставлять географический профиль с местами обитания подозреваемых, приоритетно отбирать биологические образцы у тех лиц, которые живут или работают в пределах очерченной зоны, и тому подобное.

Выводы. С учетом проведенного анализа можно констатировать, что во время проведения криминальной разведки на этапе анализа используется целый ряд методов, совмещающих в себе различные научные познания. Это делает работу аналитика одной из наиболее квалифицированных и, как следствие, требующей существенной подготовки. Неудивительно, что во многих ведущих государствах мира штат аналитиков правоохранительных органов существенно превосходит количество полевых сотрудников. В украинских правоохранительных органах, в частности в полиции, количество аналитиков пока невелико, однако развитие этого направления находится под постоянным контролем руководства Национальной полиции. Подготовку соответствующих специалистов может осуществлять Харьковский национальный университет внутренних дел, в котором имеется опыт изложения соответствующих курсов, а также существует направление технических (см., например, [17]) и психологических исследований для решения задач правоохранительной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Манжай О. В., Жицький С. О. Кримінальна розвідка та її співвідношення з оперативним обслуговуванням. *Jurnalul Juridic National: Teorie si Practică*. 2015. № 3(13). С. 100-105.
2. Guidance on the National Intelligence Model / Produced on behalf

of the Association of Chief Police Officers by the National Centre for Policing Excellence. 2005. 213 с. URL: <https://whereismydata.files.wordpress.com/2009/01/national-intelligence-model-20051.pdf> (Дата обращения: 07.02.2018).

3. Schneider S. R. The Criminal Intelligence Function: Toward a Comprehensive and Normative Model. *Law Enforcement Intelligence Analyst Digest*. 1995. Vol. 9. No. 2. pp. 1-26.

4. Sparrow M. K. The application of network analysis to criminal intelligence: An assessment of the prospects. *Social Networks*. 1991. № 13. pp. 251-274.

5. Agreste S., Catanese S., De Meo P., Ferrara E., Fiumara G. Network Structure and Resilience of Mafia Syndicates. *Information Sciences*. 2016. Vol. 351. pp. 30-47.

6. Perez Ch., German R. Graph Creation and Analysis for Linking Actors: Application to Social Data // *Automating Open Source Intelligence: Algorithms for OSINT* / Edited By Robert Layton, Paul A. Watters. Elsevier, 2016. pp. 103-129.

7. Ferrara E., De Meo P., Catanese S., Fiumara G. Visualizing criminal networks reconstructed from mobile phone records // In: *Hypertext 2014 Extended Proceedings: Late-breaking Results, Doctoral Consortium and Workshop Proceedings of the 25th ACM Hypertext and Social Media Conference (Hypertext 2014)*, Santiago, Chile, September 1-4, 2014. URL: <https://arxiv.org/abs/1407.2837> (Дата обращения: 22.06.2017).

8. Duijn P., Klerks P. Social Network Analysis Applied to Criminal Networks: Recent Developments in Dutch Law Enforcement, Networks and Network Analysis for Defence and Security, *Lecture Notes in Social Networks*. 2014. pp. 121-159 (DOI: 10.1007/978-3-319-04147-6_1).

9. Manzhai O. V. Procedure Analysis of the Special Investigative Actions Through Cyberspace in Countries of Common and Continental Law. *Internal Security*. 2012. No 1(4). pp. 141-152.

10. Ribaux O., Margot P. Case based reasoning in criminal intelligence using forensic case data. *Science & Justice*. 2003. № 3. pp. 135-143.

11. Rossy Q, Ribaux O. A collaborative approach for incorporating forensic case data into crime investigation



using criminal intelligence analysis and visualization. *Science & Justice*. 2014. № 54. pp. 146-153.

12. Xu J. J., Chen H. Fighting organized crimes: using shortest-path algorithms to identify associations in criminal networks. *Decision Support Systems*. 2004. № 38(3). pp. 473-487 (DOI:10.1016/S0167-9236(03)00117-9).

13. Berlusconi G., Calderoni F., Parolini N., Verani M, Piccardi C. Link Prediction in Criminal Networks: A Tool for Criminal Intelligence Analysis. *PloS one*. 2016. № 11(4). :e0154244 (DOI:10.1371/journal.pone.0154244).

14. Ratcliffe J. H. Crime Mapping and the Training Needs of Law Enforcement. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2004. Vol. 10. Iss. 1. pp. 65-83 (DOI 10.1023/B:CRIM.0000037550.40559.1c).

15. Ханькевич А. М. Географічне профілювання як інноваційний метод встановлення місцезнаходження осіб, які вчиняють серійні злочини // Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави : тези доп. VI Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 1 груд. 2017 р.) / МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. Х., 2017. 440 с. С. 338-340.

16. Kocsis R. N. *Criminal Profiling: Principles and Practice*. Humana Press Inc., 2006. 273 p.

17. Носов В. В., Манжай О. В. Організація та забезпечення інформаційної безпеки: навчальний посібник. Х. : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2007. 216 с., іл.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богинский Олег Валерьевич – аспирант кафедры оперативно-розыскной деятельности и раскрытия преступлений факультета № 2 Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bohynskiy Oleh Valeriiovych – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of Department of Constitutional, Administrative and Financial Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv

sofist@ukr.net

УДК 343.983.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ФАКТОВ НАНЕСЕНИЯ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ЛИЦУ, ОТБЫВАЮЩЕМУ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Андрей БОРОВИК,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и правосудия Международного экономико-гуманитарного университета имени академика Степана Демьянчука

АННОТАЦИЯ

В положениях научной статьи обосновывается актуальность темы на основе анализа Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Автор статьи осуществляет характеристику трех форм использования специальных знаний при расследовании фактов нанесения телесных повреждений лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы. В положениях научной статьи автор освещает методологические и тактические особенности назначения и проведения судебно-медицинских, судебно-психиатрических и медико-криминалистических исследований. Особое внимание автор уделяет медико-иммунологической экспертизе как одной из современных видов криминалистических исследований. Предлагается внести дополнения по совершенствованию положений действующего уголовно-процессуального законодательства и положений криминалистической тактики.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, преступление, осужденный, телесные повреждения.

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CAUSING PERSONAL INJURIES TO A PERSON THAT IS SERVING A SENTENCE IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Andriy BOROVYK,

Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Justice International Economic Humanities University named after academician Stepan Demianchuk

SUMMARY

In positions with scientific articles defending the relevance of the topic on the basis of based on the analysis of the European Committee for the prevention of torture or inhuman, or degrading treatment or punishment. The author defines and holds a description of the three forms thre use of special knowledge during an investigation into inflicting personal injuries to a person that is serving a sentence of imprisonment. In the positions of the scientific article, the author highlights the methodological and tactical features of appointment and conduct of forensic medicine; forensic psychiatric and medical forensic research. Special attention to the author pays a spread of Medical immunological examination one of the modern types of crime research. Offered by the author to make additions to the improvement of the current provisions of the criminal procedural legislation and forensic tactics.

Key words: criminalistics, judicial expertise, offense, sentenced, injuries.



REZUMAT

Dispozițiile articolului științific demonstrează relevanța subiectului pe baza analizei Comitetului european pentru prevenirea torturii și tratamentelor sau pedepselor inumane sau degradante. Autorul articolului definește și conduce o caracterizare a celor trei forme de utilizare a cunoștințelor speciale atunci când investighează faptele de a provoca vătămări corporale unei persoane care execută o pedeapsă cu închisoarea. În prevederile articolului științific, autorul subliniază caracteristicile metodologice și tactice ale numirii și conducerii medicinei medico-legale; medico-legală. Se acordă o atenție deosebită examenului medical și imunologic ca unul dintre tipurile moderne de cercetare medico-legală. Se sugerează ca autorul să facă adăugări pentru a îmbunătăți dispozițiile actuale legislației în materie de procedură penală și dispozițiile tacticilor criminalistice.

Cuvinte cheie: criminologie, examinare criminalistică, criminalitate, condamnare, leziuni corporale.

Постановка проблемы. В процессе расследования фактов нанесения телесных повреждений лицам, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, потребность в специальных знаниях для решения вопросов, возникающих перед следователем, приобретает особую актуальность. Обуславливается это необходимостью комплексного использования знаний различных научных отраслей, в первую очередь судебной медицины и криминалистики. Так, по данным Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) Совета Европы, во многих странах Европы растет количество лиц, осужденных на пожизненное или длительное заключение. Во время проведения инспекционных посещений представители Комитета не раз отмечали, что условия содержания таких заключенных, доступные им виды деятельности и предоставляемые возможности человеческого общения оставляют желать лучшего. Более того, многим из таких осужденных назначали особые режимные ограничения, которые не могли не ухудшить и без того пагубные последствия долгосрочного лишения свободы; примерами таких ограничений являются постоянная изоляция от остальных узников, надевание наручников при каждом выходе из камеры, запрет общаться с другими заключенными и ущемление в правах на свидания с близкими. Комитет не признает никакие аргументы в пользу неразборчивого применения ограничений в отношении всех осужденных к отдельным категориям наказания без учета той опасности, которую представляет (или не представляет) каждая конкретная личность [1]. Именно такие факты ограничения прав осужденных лиц, на наш взгляд, определяют мотивацию совершения таких преступлений, как нанесения телесных повреждений. Это подтверждается тем, что надлежащее противодействие насилию среди заключенных требует того, чтобы персонал был в

состоянии применять свои полномочия и адекватно осуществлять надзорные функции; это, в частности, предусматривает полноценное кадровое обеспечение. Персонал учреждений лишения свободы должен умело распознавать признаки волнения и решительно вмешиваться, если в этом есть потребность. Существование позитивных взаимоотношений между персоналом и заключенными, построенных на понятиях безопасного содержания и ухода, получит в этом контексте решающее значение, а в первую очередь будет зависеть от наличия у персонала навыков личного общения. Кроме того, руководящий состав учреждения должен быть готов к полной поддержке подчиненных в осуществлении их полномочий. Ситуации, которые будут возникать, могут потребовать конкретных мер безопасности (включая действующий порядок проведения обыска); впрочем, подобные мероприятия всегда будут лишь дополнительными по отношению к упомянутому выше основным требованиям. Именно использование специальных знаний, на наш взгляд, должно служить действенным комплексом мер по предотвращению таких преступлений, как нанесение телесных повреждений лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы.

Состояние исследования. Теоретическим основанием статьи стали труды ученых в области криминалистики и судебной экспертизы: Г.С. Белкина, С.Ф. Бычкова, А.И. Винберга, И.В. Горы, Е.П. Ищенко, А.А. Карева, В.А. Колесникова, Н.И. Клименко, В.К. Лисиченко, В.Г. Лукашевича, С.А. Сафронова, В.Н. Махова, А.А. Исаева, В.И. Шиканова и др.

Цель статьи заключается в исследовании методологических и тактических аспектов использования специальных знаний при расследовании фактов нанесения телесных повреждений лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, для выработки предложений по совершенствованию положений

действующего законодательства и криминалистической тактики.

Изложение основного материала. В теории криминалистики выделяют три основные формы использования специальных знаний. Первая состоит в непосредственном использовании специальных знаний следователем или лицом, проводящим следственные розыскные действия. Такие знания указанные лица приобретают во время учебы в юридических учебных заведениях, а также на занятиях по профессиональной подготовке в процессе работы. Вторая и третья формы использования специальных знаний предусмотрены действующим законодательством и связаны с привлечением к этому лиц (специалистов и экспертов), которые не являются субъектами доказывания и не заинтересованы в результатах дела [1, с. 127].

Основной вопрос, который возникает во время расследования преступлений данной категории, это, на наш взгляд, установление степени тяжести телесных повреждений, которое влияет на квалификацию преступления, то есть имеет обязательный характер. Знания специалиста нужны для установления давности нанесения телесных повреждений, выяснения механизма их нанесения и орудия, которое для этого использовалось. Анализ следственной практики показывает, что при расследовании этих преступлений специальные знания использовались в форме консультаций, советов, рекомендаций, передачи справочной информации, участия в подготовке и проведении процессуальных действий, проведения предварительных исследований (82,4% – медицинских, 5,9% – криминалистических).

Именно консультации со специалистами относятся к непроцессуальным формам использования специальных знаний и являются достаточно распространенными в расследовании фактов нанесения телесных повреждений. Особое значение такие консультации приобретают на начальном этапе расследо-



вания. Специалист в области судебной медицины поможет в определении степени тяжести телесных повреждений, механизма их образования, орудий, которые для этого применялись, психического состояния потерпевшего после факта насилия и возможности общения с ним для получения информации об обстоятельствах преступления [3, с. 36–38].

В юридической литературе высказывается мнение о возможности получения следователем консультаций, советов и рекомендаций от ветеранов следствия или оперативно-розыскной работы, а также от ученых в области уголовного права, процесса, криминалистики и других отраслей знаний [4; 5; 6; 7]. Не отрицая важности помощи следователю со стороны таких лиц, следует отметить, что общепризнанным является мнение, согласно которому под специальными знаниями понимают «совокупность современных теоретических знаний и практических навыков в области науки (кроме правовой), техники, искусства и ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяемых с целью расследования и предотвращения преступлений» [8, с. 161]. Именно поэтому мы считаем, что знания в области права не могут считаться специальными для следователя или другого лица, проводящего расследование по делу, но это не лишает его возможности обращаться за помощью к более опытным работникам правоохранительных органов, которые имеют значительный опыт работы и могут помочь в решении конкретных вопросов. Такую деятельность можно рассматривать как одну из форм обучения следователя, повышения его профессиональной квалификации, а не как форму использования специальных знаний в раскрытии преступления.

Учитывая психологическое состояние, в котором находится пострадавший, существенное значение приобретает помощь психолога в процессе подготовки следователя к общению и во время получения информации от потерпевшего. Специалист поможет следователю правильно определить признаки совершенного физического и психологического насилия, выявить другую информацию, которая может иметь значение для установления психологического контакта с потерпевшим с целью получения полных и объективных показаний об обстоя-

тельствах происшествия и о личности преступника [9, с. 191–198]. Мы считаем, что привлекая к расследованию профессиональные психолога, можно получить данные, позволяющие понять и правильно оценить особенности психической деятельности и проявлений человека, которые имеют значение для выводов правового характера.

Стоит заметить, что процессуальной формой использования специальных знаний при расследовании фактов нанесения телесных повреждений является судебная экспертиза. В соответствии с положениями действующего Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) она назначается, когда для разрешения определенных вопросов по делу необходимы научные, технические или другие специальные знания. Назначение экспертизы, на наш взгляд, возможно лишь по уголовному делу, а правом ее назначения наделено лицо, в производстве которого находится дело, и процессуальный прокурор. Изучение материалов уголовных дел о фактах нанесения телесных повреждений лицам, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, показало, что в процессе расследования назначались и проводились следующие виды экспертиз: судебно-медицинская (потерпевшего – 96,1% и подозреваемого – 7,8%); судебно-психиатрическая (обвиняемого) – 68,6%; медико-криминалистическая – 60,8%; баллистическая – 15,7%; дактилоскопическая – 23,5%; трасологическая – 37,3%; микрообъектов – 25,5%; судебно-наркологическая (подозреваемого) – 7,8%; холодного оружия – 15,7%; иммунологическая – 1,96% [10, с. 125].

Из вышеизложенного видно, что наибольшую долю среди судебных экспертиз при расследовании фактов телесных повреждений, нанесенных лицу, которое отбывает наказание в виде лишения свободы, составляют судебно-медицинские, судебно-психиатрические и медико-криминалистические исследования. Важным элементом организации проведения судебно-медицинской экспертизы является выбор момента ее назначения и формулировка задач, которые следует решить эксперту. Обуславливается это динамическим состоянием здоровья потерпевшего. На наш взгляд, следователю по таким делам всегда требуется учитывать сле-

дующее: а) возможность наступления смерти потерпевшего; б) ход природных процессов заживления повреждений и ограниченность методов исследования тела живого человека; в) возможность изменений признаков, влияющих на определение степени тяжести телесных повреждений.

Действующее законодательство не устанавливает сроки для назначения экспертизы. В соответствии с положениями действующего УПК Украины экспертиза назначается, когда для разрешения определенных вопросов при производстве по делу нужны научные, технические или другие специальные знания. Следует заметить, что самой потребности в специальных знаниях еще недостаточно для назначения экспертизы. Следователем должны быть собраны материалы, необходимые для проведения исследования и дачи заключения. По делам о телесных повреждениях такая ситуация складывается на первоначальном этапе расследования. Конечно, сбор необходимого материала требует определенного времени, однако откладывать назначение экспертизы на завершающий этап расследования не имеет смысла. Изучение уголовных дел показало, что материалы для исследования эксперту представлены не в полном объеме. Следователи направляли экспертам самих лиц, а иногда отдельные протоколы следственных действий. По запросу эксперта предоставлялись дополнительные материалы, нужные для исследования: характеристики, справки, медицинские документы (история болезни). Это является наглядным свидетельством недооценки консультаций со специалистом, который мог сориентировать следователя относительно сбора материалов, характеризующих психическое здоровье, физическое состояние человека, информации об особенностях личности и ее психологических особенностях. Важную информацию могут содержать неофициальные личные документы, дневники, записные книжки, заметки, письма, стихи, проза, рисунки и т. п., которые могут содержаться как на бумажных, так и на современных носителях (компьютеры, дискеты, диски, флешки и т. п.). Дополнительные сведения, необходимые эксперту для обоснования вывода, могут быть получены в процессе допроса дежурного врача, который принимал



больного, хирурга, что проводил операцию, врача, который наблюдал за больным и общался с ним. Целесообразно, чтобы во время такого допроса присутствовал судебный медик, который может обратить внимание на обстоятельство, имеющие значение для формирования заключения.

Заметим, что кроме этого могут проводиться другие виды судебно-медицинской экспертизы. К ним относятся судебно-биологические исследования в связи с обнаружением на месте преступления или на теле и одежде пострадавшего следов крови, слюны, потожировых и других выделений, не принадлежащих потерпевшему. Кроме того, могут проводиться экспертные исследования таких объектов, как отделившиеся волосы или их части.

В криминалистике в последнее время приобретает особое распространение медико-иммунологическая экспертиза. Целесообразно обратить внимание на то, что вопросы, которые поставлены перед экспертом, требуют конкретной формулировки и определенной последовательности. В постановлении должны быть перечислены все доказательства и материальные объекты, представляемые эксперту для исследования. Особое значение в таких случаях приобретает взаимодействие следователя с экспертом в форме получения консультаций по специальным вопросам, формулировки вопросов эксперту.

Стоит заметить, что некоторые из названных экспертиз позволяют определить не только групповую принадлежность исследуемого биологического материала. В ряде случаев можно установить его индивидуальное происхождение, то есть конкретное лицо. Современные достижения в области генетики создали предпосылки для идентификации лица по крови и другим выделениям человека [13, с. 38].

Судебно-психиатрическая экспертиза назначается, когда из обстоятельств преступления и поведения подозреваемого во время совершения преступления и после этого у следователя возникают сомнения относительно вменяемости или наличия психических отклонений личности. Иногда к следователю попадают сведения, что лицо страдает психическими заболеваниями. Такая экспертиза может быть проведена

в научно-исследовательском институте общей и социальной психиатрии и судебно-психиатрических отделениях при психоневрологических больницах.

Перечень вопросов, ставящихся перед экспертом, должен быть достаточно развернутым, чтобы из ответов на них вырисовывалась полная картина психологической стороны причинения телесных повреждений, особенностей восприятия свидетелей или потерпевшего. Сначала перед экспертом нужно ставить вопросы общего характера, а затем – конкретно-детализирующие. Значительную помощь в формулировании вопросов следователь может получить, воспользовавшись консультацией профессионального специалиста-психолога. Последний поможет четче и правильно их поставить [14, с. 74].

Заметим, что в отдельных случаях в материалах дела содержатся данные, которые дают основания для назначения психиатрической и психологической экспертизы. Речь идет о нанесении телесных повреждений в состоянии сильного душевного волнения, когда возникает необходимость в разграничении патологического и физиологического аффектов субъекта. Если проводить их отдельно, то сначала назначается судебно-психиатрическая экспертиза для диагностики патологического аффекта. Затем по ее итогам, если эксперты приходят к выводу об отсутствии патологического аффекта у подэкспертного лица, назначается судебно-психологическая экспертиза. Особое значение это приобретает в делах о преступлениях несовершеннолетних, когда требуется установить, не отстает ли подозреваемый в психическом развитии.

Судебно-психологическая экспертиза направлена на изучение содержания и структуры индивидуального сознания и адекватности поведения лица в процессе причинения телесных повреждений или отражения явлений окружающей среды. Основная задача судебно-психологической экспертизы по данной категории дел заключается в оказании помощи следователю в глубоком исследовании специальных вопросов психологического содержания, которые относятся к предмету доказывания. В специальной литературе отмечается, что предметом экспертизы являются индивидуально-своеобразные черты психического отражения участниками про-

цесса различных явлений окружающей действительности, имеющих значение для правильного разрешения уголовных дел [15, с. 14]. Объектом исследования судебно-психологической экспертизы являются психологические проявления человека, не выходящие за пределы нормы, то есть такие, которые не вызывают сомнения в психической полноценности. Мы считаем, что основными задачами судебно-психологической экспертизы является не установление достоверности показаний допрашиваемых лиц (это вопрос юридического характера, относящийся к компетенции следователя), а выяснение возможности допрашиваемого лица в силу индивидуальных особенностей протекания его психических процессов адекватно воспринимать, сохранять в памяти и воспроизводить сведения о фактах, подлежащих доказыванию.

Проведение судебно-психологической экспертизы требует правильного определения момента ее назначения. Целесообразнее проводить ее тогда, когда следователем собрано достаточно материала, который всесторонне характеризует личность на разных этапах ее жизнедеятельности в различных жизненных ситуациях, а именно материалы: а) об образе жизни, предшествовавшему совершению преступления (образование, профессия, род занятий, интересы, мировоззрение, черты характера, навыки, отношения с членами семьи, соседями, коллегами, планы на будущее); б) о фактах, которые предшествовали совершению преступления и непосредственно или косвенно связаны с ним, о поведении во время совершения и после преступления; в) о поведении во время расследования в целом и проведения следственных действий в частности (как оценивает свои действия, какие мысли высказывает по поводу содеянного и его последствий).

Значение приобретает правильная постановка вопросов перед экспертом. Помощь в их формулировке может оказать специалист-психолог. Следует помнить, что вопросы должны быть конкретными, чтобы эксперту не пришлось «угадывать», какой аспект личности интересует следователя.

На наш взгляд, в отдельных случаях расследования нанесения телесных повреждений лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, воз-



никает необходимость назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Она назначается тогда, когда вопросы, поставленные на разрешение экспертизы, не могут быть решены путем последовательного или одновременного проведения нескольких однородных экспертиз. В данном случае речь идет о решении специальных вопросов, которые тесно связаны между собой, но касаются разных отраслей одной науки или смежных наук. Каждый из экспертов проводит исследования в соответствии со своей компетенцией и специальностью, после чего в результате обсуждения полученных данных экспертизы приходят к общему выводу.

Назначение психолого-психиатрической экспертизы необходимо, когда преступление совершено в группе несовершеннолетних и взрослых для выяснения обстоятельств вовлечения в преступление. У таких несовершеннолетних наблюдаются наряду с признаками психических отклонений расстройства психики, требующие психологического исследования [17, с. 9].

При изъятии орудий, которые использовались для нанесения телесных повреждений лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, а также при обнаружении следов их воздействия (например, повреждения на одежде, на теле, следы металлизации), назначается комплексная медико-криминалистическая экспертиза. Медицинское исследование дополняется физико-техническим, когда сопоставляются сведения о характере, размере, особенности телесных повреждений с данными о предметах, которые могли использоваться как орудия преступления. Исследуются различные микрочастицы (волосы, волокна, частицы различных веществ).

В некоторых случаях может назначаться криминалистическая экспертиза. Ее объектами могут быть орудия преступления, предметы, которые были повреждены во время нанесения телесных повреждений потерпевшему (одежда, кошелек, мобильный телефон, записная книжка и тому подобное), а также разнообразные следы (выстрела, обуви, рук и др.), которые были обнаружены на месте преступления, теле и одежде потерпевшего и подозреваемого.

Один и тот же объект (например, окурок) является носителем нескольких

видов информации (трасологической и биологической) и может подвергаться различным исследованиям. В таких случаях сначала проводят криминалистическое исследование для идентификации личности по следам зубов, а затем судебно-медицинское для определения группы слюны. Несоблюдение правильной последовательности назначения и проведения различных экспертиз в отношении одних и тех же объектов ученые относят к типичным ошибкам по делам о телесных повреждениях. Из-за таких нарушений объекты теряют ряд признаков, а потому определенные исследования в дальнейшем становятся невозможными (или нецелесообразными) [18, с. 82].

Выводы. Подводя итог вышеизложенному, следует акцентировать внимание на двух уровнях: во-первых, на теоретическом уровне рассмотренные нами виды экспертных исследований являются наиболее распространенными по данной категории дел, о чем свидетельствуют результаты многочисленных научных исследований. Однако это не исключает возможности (в случае необходимости) проведения других видов экспертных исследований для выяснения обстоятельств, которые могут возникать во время расследования фактов нанесения телесных повреждений: почерковедческих, товароведческих, судебно-наркологических, холодного оружия, иммунологических и т. п.

Во-вторых, на практическом уровне, несмотря на важность использования специальных знаний на первоначальном этапе расследования данной группы преступлений, было бы целесообразно дополнить действующий УПК Украины положением следующего содержания: «Если необходимо выявить у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля телесные повреждения или другие следы преступления, следователь выносит об этом постановление и поручает проведение освидетельствования судебному медику или врачу». Изложение такой нормы в указанной редакции (аналогично с осмотром трупа) будет ориентировать следователя на обязательное привлечение лица, обладающего специальными знаниями для проведения освидетельствования (осмотра тела живого человека) подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, будет способствовать

повышению результативности такого следственного действия.

Список использованной литературы:

1. Развитие стандартов ЕКПП относительно тюремного заключения: Извлечение из Одиннадцатого общего доклада, 2016 г. URL: <https://rm.coe.int/16806cd2>.
2. Кравченко Л.И. Предметная принадлежность специальных знаний в исследовании героина. Вестник Академии адвокатуры Украины. 2008. Число 2(12). С. 127–132.
3. Дело о второй дуэли Михаила Юрьевича Лермонтова (писателя). Практическое законоискусство. 2007. № 1. С. 36–38.
4. Курилин И.Г. Теоретические основы использования специальных знаний в расследовании преступлений. Научный вестник Киевского национального университета внутренних дел. 2007. № 1. С. 122–128.
5. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: диссертация на соискание ученой степени д-ра юридических наук (12.00.09). Харьков, 1967. 564 с.
6. Клименко Н.И. Ошибки при использовании специальных знаний в досудебных стадиях уголовного процесса. Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности при расследовании преступлений органами внутренних дел. К.: Изд-во КВШ МВД СССР, 1988. С. 127–129.
7. Россинская Е.Г. Профессия эксперт. М.: Юристъ, 1999. 192 с.
8. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый Юристъ, 1997. 192 с.
9. Иерусалимов И.А., Шульга В.В. Использование специальных знаний при расследовании сутенерства или вовлечения лица в занятие проституцией. Научный вестник Киевского национального университета внутренних дел. 2007. № 3. С. 191–198.
10. Батюк О.В. Теорія і практика криміналістичного забезпечення розслідування злочинів, вчинених у пенітенціарних установах: монографія. Луцьк, 2014. 320 с.
11. Сафронов С.О. Методика розслідування умисного заподіяння тяжкого і середньої тяжкості тілесних



ушкодженъ: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза». К., 1999. 19 с.

12. Потрібна Я.В. Медико-імунологічна експертиза: особливості призначення. Бюлетень з обміну досвідом роботи. 2007. № 168. С. 62–66.

13. Тяжкі та особливо тяжкі злочини: кваліфікація і розслідування: Керівництво для слідчих. М.: Спарк, 2001. 494 с.

14. Коцинець В.В., Марчак В.Я. Спеціальні психологічні знання в кримінальному процесі: теоретичні та практичні проблеми: навчальний посібник. Чернівці: Рута, 2007. 215 с.

15. Коченов М.М. Введення в судово-психологічну експертизу. М., 1971. 179 с.

16. Біленчук П.Д., Курко М.Н., Стахівський С.М. Судові експертизи в цивільному, арбітражному і кримінальному процесі: довідник. К.: В&В, 1998. 52 с.

17. Мельник С.Т., Яровенко В.О. Теоретичні основи судової психологічної експертизи. Владивосток: Вид-во Далекосхідного ун-ту, 1990. 160 с.

18. Хмелева А.В. Судебная экспертиза при расследовании преступлений против личности. Юридические записки. Вып. 7: Расследование преступлений: Вопросы теории и практики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. С. 81–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боровик Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и правосудия Международного экономико-гуманитарного университета имени академика Степана Демьянчука

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borovyk Andrii Volodymyrovych – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Justice, International Economic Humanities University named after academician Stepan Demianchuk

aborovychok@gmail.com

УДК 343.91

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА И СОВЕРШЕНИЯ ИМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Ростислав БУНДЗ,

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Института права и психологии

Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с формированием личности несовершеннолетнего преступника и совершением им преступлений с особой жестокостью. Установлено, что поскольку преступность – это социальное и правовое явление, существует непосредственная зависимость детерминант преступности от изменений, происходящих в условиях социальной жизни людей. Особенности криминогенной ситуации в нашей стране на современном этапе зависят от целого ряда негативных социальных и социально значимых явлений и процессов. Преступность подвергается воздействию множества факторов объективных и субъективных свойств и развивается согласно объективным закономерностям, так как, будучи отрицательным социальным явлением, испытывает те же изменения, что и общество в целом. Следует отметить, что одна из главных причин роста жестокой преступности заключается в том, что личность формируется под воздействием не только всего общества в целом, которое можно считать большой социальной группой, но и тех малых социальных групп, в которых она состоит, а это формирование не всегда оказывается благоприятным. Отмечено, что изучение детерминаций, влияющих на формирование личности преступника, учитывая сложность и многоаспектность данной проблемы, должно осуществляться с привлечением специалистов в области социальной, возрастной, юридической психологии, психиатрии.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, детерминанты, формирование личности несовершеннолетнего преступника, предупреждение, причины и условия преступности.

DETERMINANTS FOR THE FORMATION OF THE IDENTITY OF A JUVENILE OFFENDER AND THE COMMISSION OF CRIMES WITH SPECIAL CRUELTY

Rostislav BUNDZ,

Postgraduate Student of the
Department of Criminal Law and the Process of the
Institute of Law and Psychology of the
National University "Lviv Polytechnic"

SUMMARY

The article is devoted to the research of issues related to the formation of the personality of a juvenile offender and the commission of crimes with special cruelty. It is established that, as criminality is a social and legal phenomenon, there is a direct dependence of determinants of crime on changes occurring in conditions of social life of people. The features of criminogenic situation in our country on the modern stage depend on a number of the negative social and socially meaningful phenomena and processes. Criminality exposed to influence of enormous amount of factors of objective and subjective properties and develops according to objective conformities, so as, being the negative social phenomenon, tests the same changes, that and society on the whole. It should be noted that one of the main reasons of increase of cruel criminality lies in the fact that the person is formed under the influence of not only the entire society in general, which can be considered a large social group, but also those small social groups in which it is formed, and this formation is not always proves to be favorable. It is emphasized that the study of determinations affecting the formation of the offender's personality, taking into account the complexity and multidimensionality of the problem, should be carried out with the involvement of specialists in the field of social, age, legal psychology, psychiatry.

Key words: juvenile delinquency, determinants, formation of the identity of a juvenile offender, prevention, causes and conditions of crime.



REZUMAT

Articolul este dedicat cercetării problemelor legate de formarea personalității unui criminal minor și comiterea de infracțiuni cu cruzime deosebită. Se constată că, din moment ce criminalitatea este un fenomen social și juridic, există o dependență directă a factorilor determinanți ai criminalității de schimbările apărute în condițiile vieții sociale a oamenilor. Caracteristicile situației criminale din țara noastră în stadiul actual depind de o serie de fenomene și procese negative semnificative din punct de vedere social. Criminalitatea este expusă mai multor factori de proprietăți obiective și subiective și se dezvoltă în conformitate cu legile obiective, deoarece, fiind un fenomen social negativ, se confruntă cu aceleași schimbări ca și societatea în întregime. Trebuie remarcat faptul că una dintre principalele cauze ale creșterii criminalității violente este că personalitatea se formează sub influența nu numai a societății în ansamblul său, care poate fi considerat un grup social mare, ci și pe cele ale grupurilor sociale mici, în care este făcută, iar această formațiune nu este întotdeauna favorabilă. Aceasta a observat că studiul determinărilor care afectează formarea identității infractorului, având în vedere complexitatea și natura multidimensională a problemei ar trebui să fie pentru a atrage experți în domeniul social, vârsta, psihologia legală, psihiatrie.

Cuvinte cheie: delincvența juvenilă, factorii determinanți, formarea personalității unui infractor juvenil, prevenirea, cauzele și condițiile de criminalitate.

Постановка проблемы. Основной проблемой криминологической науки, которая имеет важное теоретическое и практическое значение, было и остается изучение как детерминант преступности, так и детерминант, влияющих на формирование личности преступника. Без изучения причин и условий преступности и лиц, совершающих преступления, она будет неполной. Проблема причин преступного поведения стала актуальной именно в настоящее время, когда наблюдается крайнее обострение социально-экономической и общественно-политической обстановки в стране, имеет место кризис нравственности, духовности, растет количество случаев злоупотребления наркотическими средствами как среди взрослых, так и детей, а преступность почти достигла своей критической массы.

Так как преступность – следствие комплекса причин и условий, то для уменьшения ее проявлений в обществе нужно бороться не только с ее негативными последствиями, но и с причинами, порождающими данное явление и приводящими к формированию личности преступника.

Состояние исследования. Криминологическая характеристика, предотвращения и детерминанты, а также понятие преступности несовершеннолетних стали предметом исследования в трудах таких известных отечественных и зарубежных ученых, как В. Бурдин, А. Аванесов, Ю. Антонян, М. Бабаев, Т. Бочонок, И. Богатырев, М. Ветров, В. Глушков, В. Голина, В. Грищук, И. Даньшин, А. Джужа, А. Долгова, В. Емельянов, В. Ермаков, А. Закалюк, К. Игошев, И. Карпец, А. Костенко, В. Кудрявцев, Н. Кузнецова, В. Лановенко, Ф. Лопушанский, М. Миньковский, В. Панкратов, М. Панов, А. При-

маченок, О. Сахаров, И. Топольскова, И. Туркевич, Н. Юзикова, Н. Туз, А. Иосифа, А. Гумин и многие другие.

Целью и задачей статьи является исследование вопросов, связанных с формированием личности несовершеннолетнего преступника и совершением им преступлений с особой жестокостью.

Изложение основного материала. Среди детерминант преступлений ученые, в том числе В. Кудрявцев, выделяют субъективные и объективные причины и условия. Субъективные причины преступлений в его понимании – это определенные элементы социальной психологии, противоречащие идеологии общества и находящие свое выражение в искаженных потребностях, интересах, целях, мотивах, нравственных ценностях и правосознании лиц, совершающих правонарушения. Объективные причины преступлений – это определенные противоречия в общественной жизни, экономических и социальных отношениях людей. Субъективные условия преступлений – это демографические и социально-психологические особенности населения (черты характера, возраст, пол и т. д.). Объективные условия преступлений – это недостатки организационного и технического порядка, поддерживающие, а иногда и питающие действие субъективных и объективных причин преступлений [1, с. 126].

В своей диссертации «Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника (криминологический аспект)» Н. Туз выделяет социально-психологические детерминанты, влияющие на формирование личности несовершеннолетнего преступника. Под такими детерминантами он понимает комплекс взаимосвязан-

ных взаимообусловленных факторов, под действием которых неблагоприятные условия социальной среды, взаимодействуя с психолого-возрастными особенностями личности подростка, производят в ней стойкие деформации, способные в конкретной жизненной ситуации проявиться в совершении уголовно наказуемого деяния [2, с. 3].

А. Джужа, В. Василевич и А. Кирилук отмечают, что исследование механизма преступного поведения должно базироваться на сочетании трех основных составляющих, то есть осуществляться на общесоциальном (макросоциальном), групповом (микросоциальном) и индивидуальном уровнях. Механизм преступного поведения эти авторы определяют по такой схеме:

– искаженная система ценностей приводит в действие механизмы, которые разрушают систему социальных институтов, нарушают общественные отношения в сфере правопорядка;

– ввиду неэффективности появляется деформация социальных норм, регулирующих процессы борьбы с преступностью, нестабильность, ослабленность их применения, что приводит к безнаказанности и безответственности; вступает в действие механизм деформации и искажения системы социальных ценностей в сознании определенной части населения и функционирования государственных и общественных организаций, осуществляющих противодействие преступности;

– механизмы социальной напряженности и конфликтов негативно влияют на сознание, нормативно-правовую базу, приводят к разрушению общественных отношений;

– деформированные социальные отношения могут быть действенными механизмами искажения системы цен-



ностных ориентаций населения, увеличения конфликтов, завуалированности нормотворческой деятельности, потери социального контроля над преступностью [3, с. 66].

Преступность – это социальное и правовое явление. Зависимость детерминант преступности от изменений, происходящих в условиях социальной жизни людей, отмечалась многими учеными. Например, Н. Кузнецова писала: «Преступность исторически изменчива как по социальной сущности, так и по месту (в разных государствах и в разных социально-экономических формациях неодинаков круг преступлений), и по времени (объем уголовно наказуемых деяний меняется по мере исторического развития государства даже одной формации) [4; 5]». Она социальная в том, что состоит из действий, совершенных людьми в обществе и против интересов всего общества или основной его части.

В современном научном представлении преступность – это сложное социальное явление с признаками системности, являющееся результатом взаимодействия множества отрицательных по своей направленности факторов развития общества и личности. Она имеет качественные и количественные характеристики, раскрывающие ее структуру, состояние и динамику.

В методологических целях следует различать причины существования преступности вообще и причины преступности в конкретной стране. Первые значительно шире, они связаны со всей историей человечества, неразрывно вписаны в нее и определяют такую очень важную черту преступности, как ее вечность, то есть то, что она была всегда и навсегда останется [5, с. 90].

Особенности развития криминогенной ситуации в нашей стране на современном этапе зависят от целого ряда негативных социальных и социально значимых явлений и процессов. Преступность подвергается воздействию множества факторов объективных и субъективных свойств и развивается согласно объективным закономерностям, так как, будучи отрицательным социальным явлением, испытывает те же изменения, что и общество в целом.

На криминогенную ситуацию в стране существенное влияние оказывает определенная деградация мораль-

но-нравственных ценностей, усиление социальной конфликтности в связи с резкой поляризацией общества, обнищанием значительной части населения и ростом на этой основе количества наркозависимых, жестоких, озлобленных лиц и изменения в социальной характеристике лиц, совершающих преступления. Данные негативные изменения порождают как преступность, конкретные акты противоправного поведения, так и приводят к формированию криминогенной установки на совершение преступления.

Одна из главных причин роста жестокой преступности заключается в том, что личность формируется под воздействием не только всего общества в целом, которое можно считать большой социальной группой, но и тех малых социальных групп, в которых она состоит, а это формирование не всегда оказывается благоприятным.

К малой социальной группе можно отнести семью, дошкольные учреждения, школу, другие среднеспециальные и высшие учебные заведения, коллектив, ближайшее окружение человека, место отдыха и т. д., то есть это тот первичный коллектив, в котором человек проводит основную часть своего времени. Таким образом, каждый индивид выступает одновременно и как член малой группы (причем не одной), и как член всего общества. Поэтому его поведение формируется в соответствии с требованиями всех больших и малых коллективов, в которых он состоит. Малая социальная группа по своему групповому сознанию, поведению, системе ценностей, взглядов и традиций занимает промежуточное положение между индивидом и «большим обществом», является переходным звеном между ними [6, с. 73].

Негативные условия социальной среды способны активно порождать многоплановые личностные деформации (искажение интересов, потребностей, ценностных ориентаций), которые при определенной жизненной ситуации могут выразиться в форме преступного поведения. А это значит, что ни один социальный фактор не может определять поведение, преломляясь через психологию субъекта, но не приобретая психологического статуса. Таким образом, психология представляет собой как бы «арену», на которой

происходит взаимодействие социального и биологического, которую не может обойти ни один фактор [2, с. 9].

По мнению ряда ученых-криминологов и психологов, много социальных противоречий, присущих обществу, реализуется именно через малые группы. Например, классовые и другие социальные различия сказываются в зависимости от образа жизни малых групп – семьи, родственников, друзей, соседей, обсуждаются и оцениваются ими. Демографические изменения также затрагивают малые группы: переезд с периферии в столицу неизбежно меняет ближайшее окружение субъекта, причем часто это изменение имеет не только персональный, но и социальный характер (переход в другую профессиональную, возрастную группу и т. д.). Особенно это характерно для малых социальных групп, в которые входят несовершеннолетние.

Относительная самостоятельность малой социальной группы приводит к тому, что в ней могут возникать групповые нормы поведения и групповые ценности, не совпадающие с нормами и ценностями, принятыми обществом и санкционированными государством. Это не означает, что такие групповые образцы поведения всегда противоречат правовым или нравственным нормам общества; часто они в этом смысле нейтральны, так как касаются только профессиональных или иных специфических интересов участников группы (взаимоотношения спортсменов, традиции семьи, национальные обычаи и т. д.). Вместе с тем возможны и такие групповые нормы и образцы поведения, которые противоречат праву и общественной морали.

Психологи рассматривают три основных вида групповых конфликтов: между отдельной личностью и членами малой социальной группы; между членами малых социальных групп; между членами малой социальной группы и общества. Проанализируем причины этих конфликтов.

Всякая малая группа создает внутренний (неформальный), а иногда и внешний (формальный) контроль над выполнением указанных норм и требований. В силу указанных особенностей малой социальной группы она может быть арендой различного рода противоречий, связанных и с противоправным



поведением. Это, прежде всего, противоречия внутри самой социальной группы: конфликты между членами семьи, школьного или трудового коллектива, той или иной группы и т. д. [7, с. 65]. Если подросток не подчиняется условиям жизни семьи, он испытывает на себе родительскую власть. Этот социальный контроль связан с нормами поведения, разделяемыми группой, вследствие этого он способен играть как положительную, так и отрицательную роль; так, контроль над поведением члена группы, придерживающейся вредных для общества ценностей, будет направлен на то, чтобы укрепить антиобщественную позицию индивида, отделить его от других коллективов, изолировать от влияния общества.

Внутренние групповые конфликты болезненно сказываются на самосознании и поведении членов группы, тем более что они, как правило, заставляют каждого определить свою позицию по отношению к враждующим участникам, принять ту или иную сторону. Эти конфликты могут стать источниками различного рода правонарушений. Могут также встречаться конфликты между несколькими малыми социальными группами, например, между семьей и сослуживцами, между группами родственников со стороны мужа и со стороны жены, между школой и родителями подростка и т. д. [8, с. 127].

Важно отметить, что конфликт внутри малой социальной группы может иметь не только внешний характер, выражаясь в ссорах и обостренных отношениях, но и быть скрытым, внутренним. На самосознании и поведении члена той или иной малой социальной группы негативно сказывается, если он становится вольным или невольным участником внутригруппового конфликта. Выбирая ту или иную линию поведения, он неизбежно нарушает групповые нормы другой стороны; занимая двойственную позицию, он обрекает себя на осуждение обеих сторон. Все это служит источником разнообразных правонарушений, особенно направленных против личности.

Наконец, возможен третий вид противоречий и конфликтов – между малой группой и обществом. По сути дела это противоречия на основе расхождения между нравственными, правовыми и другими социальными

нормами и ценностями – групповыми и общественными. Семья, ведущая антиобщественный образ жизни (пьянство и прочее), приходит в резкое противоречие с нормами общества. Тем более в таком противоречии находится группа преступников, совместно совершающих преступления, например, убийства или причинения различной тяжести вреда здоровью человека с особой жестокостью под влиянием спиртных напитков или наркотиков.

Групповые нормы поведения в большинстве случаев не фиксируются в каком-то определенном виде: это просто обычные реакции на стандартные ситуации, которые в данной группе общеприняты. Если в семье родители употребляют алкоголь, подросток привыкает к этому как к обычному порядку вещей. «В любой группе важно именно то, что считается само собой разумеющимся, что молчаливо и бессознательно принимается всеми» [9, с. 103]. Это и опасно, потому что под такую категорию само собой понятных поступков могут подпадать и мелкие кражи, и сквернословие, и хулиганские выходы в общественных местах.

Групповая мораль подобного рода тесно связана с низким уровнем правового и нравственного сознания. Происходит деформация многих моральных понятий, и это становится психологическим оправданием противоправных поступков. В малых социальных группах, где складываются неправильные взаимоотношения и возникают случаи, а затем и привычные формы антиобщественного поведения, формируется и искаженный по своей направленности социальный контроль; фактически он становится антисоциальным.

К нарушениям антиобщественных правил поведения применяются различного рода меры воздействия. Характерно, что если раньше в преступную группу привлекали путем обмана и угроз, то теперь в большинстве случаев влияют просьбами и уговорами. Основной расчет организаторов преступных групп строится на подборе «единомышленников», людей с такой же антиобщественной ориентацией [10, с. 69].

В криминологической литературе чаще всего подчеркивается значение уголовного воздействия среды на несовершеннолетних. При этом

особое внимание уделяется микросреде – сфере непосредственного общения несовершеннолетних. Внутренняя структура любой микросреды может различаться, но ее основу составляет малая социальная группа, непосредственно влияющая на личность несовершеннолетнего. Сюда относится и предметно-вещественная (материальная) среда, которая окружает несовершеннолетнего в быту, на работе, в учебе, личной жизни, в условиях которой лицо осуществляет свою жизнедеятельность. Рассматривая вопрос о причинах и условиях совершения несовершеннолетними преступлений, обычно анализируют явления, которые воздействуют на психику и сознание несовершеннолетнего в течение длительного времени. Вместе с тем вопрос об обстоятельствах, оказывающих влияние на несовершеннолетнего непосредственно к совершению преступления, остается малоисследованным. Такого рода обстоятельства можно назвать криминогенной ситуацией. Криминогенная ситуация – это комплекс внешних обстоятельств, в которых оказалось лицо, влияющих на его сознание, чувства, волю, с учетом которых оно принимает решение совершить правонарушение [11, с. 116].

Подростковый возраст отличается повышенной чувствительностью к внешним и внутренним факторам, поскольку в это время радикально меняется социальный статус индивида. Содержание и процессуальные особенности социализации в этом возрасте определяют и во многом усиливают делинквентность несовершеннолетнего. Податливость влиянию среды в подростковом возрасте самая высокая, причем каждое отдельное проявление делинквентного поведения обусловлено, как правило, сложным взаимодействием возрастных, индивидуально-типологических, индивидуально-психологических и социально-психологических детерминант.

Особую роль в социализации несовершеннолетнего играет семья. Семья выполняет несколько функций, одна из них – воспитательная. Именно в семье ребенок учится воспринимать мир, набирается жизненного опыта, глазами родителей он различает добро и зло. Воспитание правовой культуры начинается также в семье. Именно



она кровно заинтересована в активном усвоении подрастающим поколением необходимых норм поведения, в формировании устойчивости к стихийным негативным воздействиям. С первых дней жизни ребенка семья берет на себя ответственность за заботу о его здоровье. Семья легче и эффективнее осуществляет индивидуальный подход к ребенку, вовремя замечает просчеты, активно стимулирует позитивные качества, противодействует негативным чертам характера.

Рассматривая детерминации преступности несовершеннолетних, следует упомянуть и о пагубном влиянии средств массовой информации (далее – СМИ) на несовершеннолетних. А. Бугера отмечает, что средства массовой информации, и особенно телевидение, стали неотъемлемой частью культуры современного общества. Именно СМИ создают своеобразный информационный фон, на основе которого человек, в том числе молодой, формирует определенное мировоззрение относительно способа и стиля жизни, моделей поведения. В этом смысле СМИ располагают неисчерпаемыми возможностями положительного влияния на сознание людей, формирование у них (особенно у несовершеннолетних и молодежи) высоких моральных качеств, общественной активности, образцов правомерного поведения, нетерпимости к нарушениям закона и т. п. Между тем, как показывает практика, СМИ не выполняют в полном объеме эти задачи, более того, далеко не единичны случаи негативного влияния телевидения на поведение несовершеннолетних, когда пропагандируются стандарты поведения телегероев, которые несовместимы с ценностными ориентациями общества и связаны с демонстрацией культа силы, жестокости и т. п. [12, с. 4].

Выводы. Изучение детерминаций, влияющих на формирование личности преступника, учитывая сложность и многоаспектность данной проблемы, должно осуществляться с привлечением специалистов в области социальной, возрастной, юридической психологии, психиатрии. Криминологический анализ детерминант формирования криминогенной личности, в том числе и несовершеннолетнего, должен исходить из принципа социального и психологического единства,

их постоянного взаимодействия. Неблагоприятные тенденции в обществе способны привести к деформации личности (учитывая возрастные особенности несовершеннолетних), которые в определенной жизненной ситуации могут привести к совершению преступления. Наличие определенных признаков, черт, свойств у лица не обязательно приводит к совершению преступления, даже при неблагоприятных обстоятельствах, однако одной из главных задач является своевременное выявление и преодоление склонности человека к противоправному поведению. Таким образом, следует отметить, что в отношении несовершеннолетних особое значение приобретает ранняя профилактика, которая должна осуществляться в отношении лиц, не совершивших преступления, но своим поведением свидетельствующих о склонности к нему.

Список использованной литературы:

1. Кудрявцев В. Причины преступлений. М.:1976. 135 с.
2. Туз Н. Соціально-психологічні детермінанти формування особистості неповнолітнього злочинця (кримінологічний аспект): автореф. дис. ... на здоб. наук. ступ. канд. юр. наук: спец. 12.00.08. Львів. ЛьвДУВС. 2016. 19 с.
3. Джужа О., Василевич В., Кирилук А. Щодо механізму злочинної поведінки. Право України. 2005. № 6. 235 с.
4. Кузнецова Н. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. 145 с.
5. Лунеев В. Мотивация преступного поведения. М., 2002. 390 с.
6. Филонов Л. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М., 1979. 273 с.
7. Карпец И., Дубинин Н., Кудрявцев В. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982. С. 65.
8. Психиатрия и наркология: учебное пособие / под ред. В. Менделевича. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 127.
9. С чего начинается личность / под общ. ред. Р. Косолапова. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. С. 103.
10. Шабанов П., Штакельберг О. О наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб., 2001. С. 69.

11. Курс кримінології: підруч. Загальна частина. К., 2001.

12. Бугера О. Проблеми використання ЗМІ для запобігання злочинам серед неповнолітніх: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2006. 20 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бундз Ростислав Олегович – аспирант кафедры уголовного права и процесса Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bundz Rostislav Olegovich – post-graduate student of the Department of Criminal Law and the Process of the Institute of Law and Psychology of the National University “Lviv Polytechnic”



UDC 347.77

REFORMING OF THE PATENT LEGISLATION IN THE HEALTH CARE SPHERE IN UKRAINE

Kateryna VORONTSOVA,

Postgraduate Student of the Scientific and Research Institute of Intellectual property
of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine

SUMMARY

This article studies the current state of the Ukrainian patent legislation in the field of health care. Mechanisms for its reforming are identified. Problematic issues of regulation of the legal status of intellectual property rights subjects in the health care sector are considered taking into account the necessity to ensure access to treatment as well as human rights at the highest available level of health. The implementation of international obligations in the national legislation should be realized with the aim of providing patent protection for the relevant objects, smoothing the possibility of obtaining protection of so-called weak patents, introduction of administrative procedures for the recognition of rights as invalid in order to promote innovative activity and protect the rights of population.

Key words: patent law, evergreen patents, surgical or therapeutic methods for treating a person or an animal, utility model, patent objection, exhaustion of intellectual property rights, certificate of additional protection.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПАТЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УКРАИНЕ

Екатерина ВОРОНЦОВА,

соискатель

Научно-исследовательского института интеллектуальной собственности Национальной академии правовых наук Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование современного состояния патентного законодательства Украины в сфере здравоохранения и выделяются механизмы его реформирования. Проблемные вопросы регулирования правового статуса субъектов права интеллектуальной собственности в сфере здравоохранения рассматриваются с учетом необходимости обеспечения доступа к лечению, а также прав человека на наивысший из доступных уровней здоровья. Имплементация международных обязательств в национальное законодательство должна осуществляться с целью обеспечения патентной защиты соответствующих объектов, нивелирования возможности получения охраны «слабых» патентов, введения административных процедур признания недействительными прав с целью содействия инновационной деятельности и защиты прав населения.

Ключевые слова: патентное законодательство, вечнозеленые патенты, хирургические или терапевтические способы лечения человека или животного, полезная модель, патентные возражения, исчерпания прав интеллектуальной собственности, сертификат дополнительной охраны.

REZUMAT

Acest articol studiază starea actuală a legislației Ucrainei privind brevetele în domeniul asistenței medicale și identifică mecanismele de reformare a acesteia. Problemele problematice de reglementare a statutului juridic al subiecților de drepturi de proprietate intelectuală din sectorul sănătății sunt luate în considerare ținând seama de necesitatea asigurării accesului la tratament, precum și a drepturilor omului la cel mai înalt nivel posibil de sănătate. Punerea în aplicare a obligațiilor internaționale în legislația națională ar trebui pusă în aplicare în vederea asigurării protecției brevetelor instalațiilor relevante, echilibrarea posibilității de obținere a protecției brevetelor "slabe", introducerea procedurilor administrative pentru invalidarea drepturilor în scopul promovării inovației și protejării drepturilor populației.

Cuvinte cheie: legislație în domeniul brevetelor, brevete cu caracter permanent, modalități chirurgicale sau terapeutice de tratare a unei persoane sau a unui animal, model de utilitate, obiecții privind brevetele, epuizarea drepturilor de proprietate intelectuală, certificat de protecție suplimentară.

Description of problem. In connection with the entry into force of the Association Agreement between Ukraine, on the one part, and the European Union, the European Atomic Energy Community and their Member States, on the other part (hereinafter – the Association Agreement) [1], Ukraine itself undertook a commitment to reform the national legislation via implementing the relevant norms. Thus, according to Art. 158 and 219 of the

Association Agreement, the parties ensure the proper and effective implementation of obligations under international agreements in the field of intellectual property, in particular the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights and the Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health, adopted on the 14th of November 2001 at the ministerial meeting within the framework of the WTO (the Doha Declaration).

The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (hereinafter – the TRIPS Agreement), adopted in 1994 during the Uruguay Round, marked a new stage in the regulation relations concerning intellectual property rights by defining minimum standards for the protection of intellectual property objects. The purpose of the TRIPS Agreement, in accordance with Art. 7 is that the protection and



enforcement of intellectual property rights should contribute to the promotion of technological innovation and to the transfer and dissemination of technology, to the mutual advantage of producers and users of technological knowledge and in a manner conducive to social and economic welfare, and to a balance of rights and obligations. At the same time, according to Art. 1 of the TRIPS Agreement members may, but shall not be obliged to, implement in their law more extensive protection than is required by the TRIPS Agreement, provided that such protection does not contravene the provisions of the TRIPS Agreement. However, having stipulated in the legislation “more extensive protection”, the country *de facto* cannot depart from the obligations assumed by itself in connection with the economic consequences for it (the principle of reciprocity).

The purpose of the article. The TRIPS Agreement was adopted to promote the effective and proper protection of intellectual property rights with the purpose to reduce distortions and obstacles in international trade. Instead, norms of law enacted according to the TRIPS Agreement became burdensome in the context of the enjoyment of other human rights, especially in the health care sphere. For that reason, it is necessary to study the Association Agreement, the TRIPS Agreement, the Doha Declaration and the domestic law in order to harmonize the enshrined legal status of subjects of intellectual property rights and human rights on the highest available level of health. The purpose of this article is to study the current patent legislation of Ukraine in the health care sphere and to single out mechanisms for reforming national legislation in order to bring it in conformity with the norms of ratified international agreements and to stimulate inventive activity in Ukraine.

The main material. The provisions of the TRIPS Agreement are not of direct force but are enforced by the members via the adoption of relevant national legislation that complies with the requirements of the TRIPS Agreement. At the same time, the TRIPS Agreement contains flexible norms that can be used by the member states. Hence, Art. 1 of the TRIPS Agreement declares that the members shall be free to determine the appropriate method of implementing the

provisions of this Agreement within their own legal system and practice. Article 8 of the TRIPS Agreement, among the principles, defines the right of the states, in formulating or amending their laws and regulations, to adopt measures necessary to protect public health and nutrition, and to promote the public interest in sectors of vital importance to their socio-economic and technological development, provided that such measures are consistent with the provisions of the TRIPS Agreement. Appropriate measures, provided that they are consistent with the provisions of the TRIPS Agreement, may be needed to prevent the abuse of intellectual property rights by right holders or the resort to practices which unreasonably restrain trade or adversely affect the international transfer of technology.

Pursuant to Art. 27 of the TRIPS Agreement patents shall be available for any inventions, whether products or processes, in all fields of technology, provided that they are new, involve an inventive step and are capable of industrial application. Therefore, the TRIPS Agreement grants the states the right to determine the criteria of the patentability at their own discretion, which, according to Carlos M. Correa, is one of the most important of the so-called “flexible” provisions of the TRIPS Agreement [2, 20]. The high level of patentability criteria reduces the possibility of obtaining weak and unsubstantiated patents.

According to Art. 7 of the Law of Ukraine “On Protection of Rights to Inventions and Utility Models”, the invention meets the requirements of patentability provided if it is new, involves an inventive step and is industrially applicable. An invention (utility model) shall be considered as new if it is not part of the state of the art. The state of the art comprises everything made available to the public throughout the world before the date of filing of the application with the Office or, if the priority has been claimed, before the date of its priority. An invention shall be considered as involving an inventive step provided that it is not obvious to a person skilled in the art, i.e. an invention does not proceed obviously from the state of the art. It shall be considered to be industrially suitable if it may be used in industry or other field of activity. It worth mentioning that scientists substantiate the necessity of more strict criteria of

absolute novelty and inventive level in relation to inventions in the health care sphere, raising the standard of inventive level in order to prevent the issuance of patents that are not truly innovative and stimulating further innovations [3].

Thereby, the legislation of Ukraine provides the legal protection of an invention, the object of which is, among others, the new application of a known product or process (para. 2 part 2 Art. 6 of the Law of Ukraine “On the Protection of Rights to Inventions and Utility Models”). The TRIPS Agreement does not contain the obligation of the members to protect the new application. The protection of such object of patenting leads to the existence of a phenomenon known as *evergreen patents*. In the healthcare sector this negatively affects the public’s access to medicines, since the obtaining by pharmaceutical companies of new patents for already patented medicines as a result of insignificant changes (new use, form, combination, etc.) impede the ability to release generic drugs relative to the referent one. To avoid such negative consequences is possible only by amending the legislation. Such provisions were reflected in the already submitted to the public discussion Draft Law of Ukraine “On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Improving the Legal Protection of Inventions and Utility Models” [4] (hereinafter – the Draft Law), issued on 19 the of October, 2017 by the Department of Intellectual Property of the Ministry of Economic Development and Trade of Ukraine. Thus, it is proposed to exclude from the legal protection a new dosage or any new characteristic or new use of the known medicinal product, except those that lead to a significant increase of therapeutic effectiveness of the medicinal product, which is confirmed by results of researches.

According to part 2 of Art. 27 of the TRIPS Agreements the members may exclude from patentability inventions, the prevention within their territory of the commercial exploitation of which is necessary to protect *ordre public* or morality, including to protect human, animal or plant life or health or to avoid serious prejudice to the environment, provided that such exclusion is not made merely because the exploitation is prohibited by their law. Thus, the TRIPS Agreement does not establish strict



criteria and allows the states to prohibit the issuance of a title of protection at their discretion. In its turn, Ukraine does not allow the patenting of inventions that contradict the public order, humanity and morality. However, the norms of Ukrainian legislation do not prohibit obtaining a title of protection for diagnostic, therapeutic and surgical methods of treating people or animals. Ukrainian scientists have repeatedly emphasized the need to exclude objects that are subject to the patenting of diagnostic, therapeutic and surgical methods of treating humans or animals, as well as chemicals and medicinal products [5, 9]. It should be noted that the Draft Law proposes to exclude from the legal protection surgical or therapeutic methods of treatment of humans or animals, methods of diagnostics of an organism of a human or an animal, the human organism at various stages of its formation and development.

Pursuant to part 2 of Art. 1 of the TRIPS Agreement, the term “intellectual property” refers to all categories of intellectual property that are the subject of sections 1 through 7 of Part II of the TRIPS Agreement, namely, copyright and related rights, trademarks, geographical indications, industrial designs, patents, layouts-designs (topographies) of integrated circuits, and protection of undisclosed information. At the same time, domestic legislation provides legal protection, in addition to the abovementioned, also for a utility model. In accordance with the data of the World Health Organization 61 countries in the world provide protection for utility models, besides Ukraine, among them there are: Argentina, Armenia, Austria, Azerbaijan, Belarus, Canada, China, Denmark, France, Georgia, Germany, Hungary, Italy, Kazakhstan, Poland, Portugal, Republic of Korea, Republic of Moldova, Russian Federation, Slovakia, Spain, Turkey, etc. [6]. Unlike a patent for an invention, the patentability conditions for a utility model are novelty and industrial applicability. Applicants obtain a patent for the utility model on the basis of a formal examination within applicant’s responsibility. Norms of Ukrainian legislation do not prohibit simultaneous application for the invention and utility model for the same product or process, and in case of refusal of obtaining the patent for the invention, applicants may

obtain the patent for the utility model. In the health care sphere this situation is unacceptable, taking into account the internationally vested right of the person to the highest of available levels of health and the correspondent duty entrusted to the state to respect, protect and guarantee the provision of such right.

The imperfection of Ukrainian patent law is particularly noticeable taking into account the absence of possibility of filing patent objections before its entry into force. Although Art. 32 of the TRIPS Agreement obliges the member states only to make available an opportunity for judicial review of any decision to revoke or forfeit a patent, the researchers substantiate the necessity to entrench the right to file patent objection and introduce a mechanism for coordination of the decision on the issuance of patents for medicinal products with the office for health protection [3]. Thus, in accordance with Art. 16 and 24 of the Law of Ukraine “On the Protection of Rights to Inventions and Utility Models”, unlike an application for a utility model, an application for an invention is a subject to publication, and any person has the right to review its materials, however, the right to appeal against the decision on the application to the Appellate Chamber is given only to the applicant. Third parties have the right to object only against the patent which has come into force via the suing the claim to the court. It should be noted that the Draft Law provides for the possibility of recognizing the rights to an invention and a utility model as void in an administrative procedure (*post-grant opposition*), as well as the right of any person to submit to the examination institute a motivated objection on an application within 6 months from the date of publication of the information about the application for the invention.

It should also be noted that pursuant to national procedural law, the person’s right to apply to a court arises in the event of existence of a violated, unrecognized or disputed right, freedom or legitimate interest. *E.g.*, the All-Ukrainian Network of People Living with HIV / AIDS charitable organization appealed to the Kyiv Commercial Court with a claim for the voidance of the AbbVie Inc Patent No. 85564 for the invention *The hard pharmaceutical dosage form containing the HIV protease inhibitor, a method of*

its receiving. It was made due to the fact that the state registration of the invention and the issuance of the patent of Ukraine were conducted in violation of the current legislation of Ukraine since the invention did not meet the requirements of patentability, namely: was not new and had no inventive step. By the decision of the Commercial Court of Kyiv dated the 3rd of June, 2017, the claim was denied in view of the absence, in the court’s opinion, of a violation of the plaintiff’s rights or interest protected by law [7]. At the moment the case is in the court of appeals.

One of the ways to prevent the issuance of unsubstantiated patents in the health care field is to secure the obligation to obtain a prior positive opinion of the relevant healthcare authority. Thus, in Brazil an alternative mechanism for filing objections was created through the statutory requirement to obtain the *prior consent* on granting of patents for pharmaceutical products in the Agency for the Control of the State of Health of the Population [8, p. 27].

When considering subjects of intellectual property rights in the field of health care, one of the most controversial remains issues of compulsory licensing and state use of a patent. Cases of other use without permission of an owner of rights are enshrined in Art. 31 of the TRIPS Agreement. In spite of the fact that the TRIPS Agreement does not contain any restrictions concerning the grounds for application of compulsory licensing mechanisms, the legislation of Ukraine grants the right of exploitation without the permission of a patent holder “in order to ensure the health of the population, the state defense, environmental safety and other interests of society”. Unlike the Ukrainian legislation, the TRIPS Agreement does not require an unjustified refusal to grant a license for the use of an invention (utility model), but only contains the necessity of making “efforts to obtain permission from the rights holder under acceptable commercial conditions”. The attention should also be paid to the use of the terms “compensation” and “remuneration” when issuing a compulsory license. Thus, remuneration means a fee for the economic value of the permitted exploitation, while compensation is a broader concept and



may include compensation for the lost benefit of a patent holder or damages inflicted to a patent holder in connection with compulsory licensing. It should be noted that the possibility for the member states to use compulsory licensing mechanisms depends on the domestic law based on the TRIPS Agreement. The complexity of the procedure, the absence of legal will and the inconsistency of statutory acts make it impossible for a member state to use compulsory licensing as one of the main flexible provisions of the TRIPS Agreement.

When viewing compulsory licensing, it's also worth to dwell on the possibility of member states to use the mechanism of non-commercial exploitation of a patent in the public interest. Its essence is in a simplified procedure for obtaining, as opposed to the compulsory license, an appropriate permission on the initiative of the government without the obligation to obtain prior consent from the patent holder.

The Draft Law, taking into account the international obligations of Ukraine, proposes an introduction of the certificate of the additional protection of rights to inventions, according to which an owner of the patent for an invention, the subject matter of which is the active substance of a medicinal product, security tool of an animal, means of protection of plants, the introduction of which into civil circulation in Ukraine is authorized by the relevant competent authority, has the right to extend the term of validity of intellectual property rights to this invention for a term of not more than 5 years, as well as for 5 years and 6 months for an invention the subject matter of which is the active substance of a medicinal product and in respect of which pediatric investigation had been carried out.

Conclusions. Therefore, with regard to the current state of legal regulation of relations arising in respect to the objects of intellectual property right in the health care sphere, it is necessary to reform the patent law of Ukraine. In implementing international treaties, the national legislator should be guided primarily by the interests of national subjects of intellectual property law, taking into consideration the level of economic development, the availability of productive capacities and, in particular, the health of the population.

References:

1. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/984_011/print.

2. Carlos M. Correa Pharmaceutical innovation, incremental patenting and compulsory licensing. Research papers 41 south centre september 2011. URL: <http://apps.who.int/medicinedocs/documents/s21395en/s21395en.pdf>.

3. Кашинцева О., Кондратюк С. Патентна реформа щодо лікарських засобів. Науково-дослідний інститут інтелектуальної власності Національної академії правових наук України, благодійна організація «Всеукраїнська мережа людей, які живуть з ВІЛ/СНІД». Причини реформування. 2015. URL: https://issuu.com/odesign_ua/docs/lzhv_03_02_16_odesogn.

4. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо вдосконалення правової охорони винаходів і корисних моделей: Проект Закону України від 19.10.2017 р. Департамент інтелектуальної власності. URL: <http://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=28f1fb94-db06-4a8a-a942-58a5b32b6885&title=ProektZakonuUkrainiproVnesenniaZminDoDeiakikhZakonodavchikhAktivUkrainiSchodoVdoskonalenniaPravovoiOkhoroniVinakhodivIKorisnikhModelei>.

5. Селіваненко В. Правова охорона інтелектуальної власності у сфері охорони здоров'я (цивільно-правовий аспект): дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.03 – цивільне право і цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право. Науково-дослідний інститут приватного права і підприємництва імені академіка Ф.Г. Бурчака НАПрН України, Київ, 2015. С. 270.

6. Where can Utility Models be Acquired? URL: http://www.wipo.int/sme/en/ip_business/utility_models/where.htm.

7. Рішення Господарського суду м. Києва від 03.06.2017 р. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/65381895>.

8. Руководство по надлежащей практике улучшения доступа к лечению путем применения гибких положений соглашения TRIPS ВТО в области общественного здравоохранения. URL: <http://www.undp.org/content/dam/undp/library/hiv aids/English/TRIPS-UNDP-Russian.pdf>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vorontsova Kateryna Oleksiivna – postgraduate student of the Scientific and Research Institute of Intellectual property of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронцова Екатерина Алексеевна – соискатель Научно-исследовательского института интеллектуальной собственности Национальной академии правовых наук Украины

Katerina_bas@ukr.net



УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНОЛОГИИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей ГЕРАСИМОВ,
соискатель юридического факультета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем применения психологических знаний в криминологии и уголовной практике. Обсуждена перспектива использования современных достижений в области психологии для изучения личности преступника.

Ключевые слова: психология, рефлексология, нейропсихология, личность преступника, мотив преступления, вменяемость, невменяемость.

THE USAGE OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH METHODS IN CRIMINOLOGY: HISTORY, PROBLEMS AND PROSPECTS

Aleksey HERASYMOV,
Applicant of the Faculty of Law of
V.N. Karazin Kharkiv National University

SUMMARY

The article is devoted to the study aspects of applying the psychological knowledge in criminology and criminal practice. The prospect of modern achievements in the field of psychology usability for the criminal's identity studies is substantiated.

Key words: psychology, reflexology, neuropsychology, criminal's personality, motive of crime, sanity, insanity.

REZUMAT

Articolul este dedicat studierii problemelor aplicării cunoștințelor psihologice în domeniul crimiologiei și practicii penale. Perspectiva utilizării realizărilor moderne în domeniul psihologiei pentru a studia identitatea criminalului este fundamentată.

Cuvinte cheie: psihologie, reflexologie, neuropsihologie, personalitate criminală, motivație a crimei, sănătate, nebunie.

Постановка проблемы. Криминология вышла из лоно уголовного права в результате формирования своего особого предмета научного исследования, который, по мнению В.В. Лунеева, составляют закономерности и тенденции преступности, причин и условий ее существования, формирование личности преступника и его преступного поведения, путей и мер контроля преступности, ее предупреждения и удержания на социально терпимом уровне [1, с. 213]. При внимательном анализе очевидно, что какой бы вопрос предмета криминологии мы не изучали, ключевой фигурой криминологии все же является личность преступника. Главный вопрос, на который уже много лет пытается ответить криминология, это вопрос о том, в чем кроется причина преступного поведения: в самом человеке или в окружающей его среде.

Актуальность темы исследования обусловлена фактическим наличием ряда теоретических и практических

проблем применения психологических методов в криминологии.

Состояние исследования. Изучению криминологических проблем личности преступника посвятили свои работы многие ученые, среди которых особое место занимают М.М. Гернет, О.А. Герцензон, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский, В.Г. Танасевич, Ю.Д. Блувштейн, А.И. Долгова, А.Б. Сахаров, Ю.М. Антонян, А.П. Закалюк, И.Н. Даньшин, А.Н. Костенко и др. Психологические и психиатрические аспекты изучения личности преступника освещались в трудах Е.К. Краснушкина, Д.Р. Лунца, О.Е. Фрейерова, Н.И. Фелинской, И.А. Кудрявцева, Г.В. Морозова, О.Д. Ситковской и др. Анализ научных источников дает возможность констатировать наличие большого количества трудов, посвященных проблемам личности преступника, использующих психологические методы. В тоже время остается ряд нерешенных проблем теоретического и практического характера.

Целью статьи является выявление проблем применения психологических методов исследования личности преступника и раскрытие путей преодоления этих проблем и перспектив применения в криминологии новых знаний в области психологии. Методологической основой исследования является историко-правовой метод изучения этапов и направлений развития психологических теорий о личности преступника.

Изложение основного материала. Как и любое криминологическое исследование, изучение личности преступника имеет своей конечной целью разработку мер противодействия преступности. Для достижения этой цели, как было сказано выше, прежде всего, необходимо определить, что является причиной преступного поведения: особенностями самого лица, совершившего преступление, или это результат воздействия на него внешних факторов. Чтобы попытаться найти ответ на эти вопросы, криминологи используют



методы разных наук, изучающих человека и закономерности его поведения. Особое место в исследовании личности преступника традиционно занимает психология.

До настоящего времени одним из важнейших вопросов не только уголовного права, но и криминологии является определение вменяемости (невменяемости) лица. Однако до сих пор этот вопрос не нашел своего окончательного решения и продолжает оставаться предметом научных дискуссий. Согласно теории уголовного права невменяемость – это неспособность лица осознавать совершаемые общественно опасные деяния или руководить своими поступками. Для признания лица невменяемым необходимо наличие двух критериев – медицинского и юридического (психологического). Медицинский критерий невменяемости фактически означает наличие у субъекта психического расстройства, юридический (психологический) критерий означает неспособность лица осознавать свои деяния или руководить ими. И если установление медицинского критерия, т. е. наличия у лица психического расстройства, опирается на научно обоснованную практику, которая постоянно развивается, пытаясь преодолеть массу внутренних противоречий, то с установлением психологического критерия наука находится в начале своего пути. Так, известный российский криминолог Ю.М. Антонян, многие годы посвятивший исследованию личности преступника и лично обследовавший большое количество преступников, указывает на то, что достаточно часто те лица, которые признаны вменяемыми, не всегда проявляют свое сознательное социальное отношение к содеянному, многие считают собственное поведение вынужденным. Иными словами, они не в состоянии руководить своими действиями. Они оказываются беспомощными перед собственными внутренними силами, поэтому, по мнению ученого, «возлагаемая на них обществом и государством ответственность чаще всего является химерой». В состоянии жестокой психологической зависимости от своих бессознательных влечений человек не является хозяином собственной судьбы. Его выбор уже predetermined. Сознательная воля такого человека совершить те или

иные физические действия – не более чем инструмент, и он становится рабом самого себя. Абсолютно не осознавая этого, такая личность обычно возлагает ответственность только перед самим собой. Ответственность и осуждение воспринимаются им как несправедливость. Между тем человек может быть ответственен в той мере, в какой он свободен в своих действиях, а подлинно свободен он лишь в реализации собственного замысла. Индивид не может нести ответственность за то, что находится за пределами его прямого или косвенного влияния» [2, с. 53].

Это явление было описано еще в 1801 г. французским психиатром Ф. Пинелем (Philippe Pinel) в работе “*Traite medico-philosophique sur l’alienation mentale*”. Им было замечено, что некоторые преступники, не имея явных признаков психического заболевания, совершали ужасные преступления помимо своей воли. Ф. Пинель назвал такое поведение «мания без бреда». Он не смог дать научное объяснение этому явлению и ограничился констатацией наличия у отдельных преступников особого вида так называемой мании без бреда, которая выражается исключительно в расстройстве воли. В своих работах Ф. Пинель выделял следующие признаки этой формы психического отклонения: «Она или непрерывна, или отличается периодическими приступами. При ней не замечается никаких сколько-нибудь уловимых расстройств в функциях понимания, восприятия, суждения, воображения, памяти, а лишь извращения в области чувств и слепые влечения к актам насилия или даже кровожадное бешенство, причем невозможно подметить какую-либо господствующую идею, какую-либо иллюзию воображения, которые могли бы явиться определяющей причиной этих пагубных влечений» [3, с. 364–367].

Его ученик Эскироль, пытаясь объяснить подобное поведение преступников (которое, с одной стороны, явно противоречило представлениям о норме, а с другой стороны, эти преступники не проявляли признаков сумасшествия), в опубликованной им в 1827 г. работе “*Memoire sur la monomania homicide*” назвал такое поведение частичным помешательством.

Особое внимание в своих исследованиях Эскироль уделил моно-

убийства. Он также выделял и другие формы мономаний: эротомания; пиромания, при которой поджигательство является результатом инстинктивных импульсов; мономания пьянства; мономания резонирующая, результатом которой являются неконтролируемые действия, которые противостоят чувствам человека, его интересам и сложившимся обычаям общества. Английский врач Причард (Prichard, 1786–1884) также описывал подобные случаи и назвал их нравственными помешательствами (*moral insanity*).

Многие ученые того периода горячо поддержали идею мономаний, или частичного помешательства. Однако в 1852 г. французский психиатр А.Б. Морель (Auguste-Benedicte Morel, 1809–1873) выступил с резкой критикой учения о мономаниях. Он считал, что помешательство не может быть частичным, и выдвинул теорию о вырождении. Согласно его теории, человек, подвергающийся неблагоприятным внешним влияниям, которые порождаются бедностью и сопутствующими ей проблемами, испытывает физические и нравственные последствия. Эти последствия могут передаваться по наследству, усугубляясь в каждом последующем поколении, что приводит к вырождению породы. Это вырождение выражается в физической, умственной и нравственной деградации человека. В его учении наряду с понятием болезни в медицинском ее понимании описывается и понятие так называемых болезненных темпераментов [3, с. 377–378]. Эта теория была взята на вооружение многими учеными, в том числе и криминологами, и много лет служила теоретической базой для объяснения причин преступности.

Другой всемирно известный криминолог, итальянский врач-психиатр Чезаре Ломброзо обосновал другую оригинальную теорию, объясняющую поведение преступников. Ч. Ломброзо, в отличие от А.Б. Мореля, видел в преступниках не людей, деградировавших от условно нормальных до вырожденцев, а напротив, считал, что преступники – это люди, являющиеся изначально недоразвитыми с эволюционной точки зрения, и в силу этого они не могут вести нормальный образ жизни. Эти люди, по мнению Ч. Ломброзо, являются прирожденными преступниками,



и задача общества – опознать их по разработанным им признакам и затем ликвидировать как вид. Однако эта теория также не выдержала испытание временем.

Значительный вклад в развитие теории о поведении человека внес австрийский психолог Зигмунд Фрейд, развивший теорию о бессознательном. Идеи, высказанные Фрейдом, позволили развить понимание процесса мотивации преступного поведения. Так, по мнению У. Уайта, человек рождается преступником, а его последующая жизнь – процесс подавления разрушительных инстинктов, заложенных в Оно. Учение Фрейда породило много последователей, попытки внедрения методик психоанализа в пенитенциарную практику способствовали развитию клинической криминологии.

На рубеже XIX и XX веков в Америке возникло альтернативное направление в психологии, согласно которому предметом психологии должно являться не сознание человека, а его поведение. Это направление получило название бихевиоризм (от англ. *behavior* – поведение). Во второй половине XX века бихевиоризм фактически был замещен когнитивной психологией.

В это же время независимо от бихевиоризма в Российской империи возникло подобное научное направление, которое получило название «рефлексология» (от лат. *reflexus* – отраженный), или «объективная психология». Рефлексология активно развивалась в период с 1900 по 1930-е гг. и была тесно связана с деятельностью В.М. Бехтерева. Рефлексология рассматривает психическую деятельность как совокупность рефлексов, которые возникают в результате влияния внешней среды на нервную систему животного и человека.

Научные достижения того времени в области психологии нашли свое отражение в криминологии. Для изучения причин преступности и особенностей преступников были открыты криминологические кабинеты во многих крупных городах. К научным исследованиям, посвященным причинам преступности и личности преступника, активно привлекались разные специалисты, прежде всего психологи, психиатры, физиологи, антропологи, биохимики,

статисты и другие. Однако судьба отечественной криминологии была трагична. Уже в 1929 г. началось наступление на науку. Среди множества трагических судеб ученых того времени показательной является судьба профессора Г.И. Волкова, автора опубликованной в 1928 г. в Харькове монографии «Уголовное право и рефлексология» [4]. В этой работе Г.И. Волков, ссылаясь на работы В.М. Бехтерева, предлагал отказаться от психологических методов в уголовном праве и в криминологии в пользу методов рефлексологии. Однако в 1930 г. была опубликована статья профессора ЛГУ М.Д. Резунова, посвященная вопросам методологии исследований. Одна из частей этой статьи была посвящена критике идей профессора Г.И. Волкова. Избранная Волковым методология была, по мнению Резунова, не только научно ошибочной, но и опасной с политической точки зрения [5, с. 86]. Г.И. Волков в марте того же года опубликовал статью, в которой отстаивал свое мнение [6]. Однако в том же году М.Д. Резунов опубликовал новую статью с обвинениями в уклонении Волкова от марксистской теории [7]. Результат этой дискуссии был трагичен для обоих ученых. По данным правозащитной организации «Мемориал», Г.И. Волков был арестован 22 августа 1937 г. по обвинению в шпионаже и участии в террористической организации, расстрелян 8 февраля 1938 г. М.Д. Резунов был арестован 10 апреля 1937 г., а 13 ноября того же года был приговорен к расстрелу.

Начавшееся в 30-х гг. наступление на криминологию положило конец научным исследованиям в этой области знаний. Формальными причинами закрытия криминологических исследований назывались методологические и концептуальные ошибки ученых, выразившиеся в чрезмерной биологизации криминологии. Что характерно, это мнение поддерживалось и в последующие годы вплоть до конца существования СССР.

Трагические события 30-х гг. повлияли и на последующие поколения криминологов, включая тех, кто занимался криминологическими исследованиями после восстановления криминологии в 60-х гг. XX столетия. Криминологи этого периода продолжали решать проблемы, которые достались

им в наследство с начала века. Так, известный криминолог А.Б. Сахаров утверждал, что есть все основания считать, что преступное поведение определенным образом связано, а иногда и непосредственно обусловлено психологическими особенностями субъекта [8, с. 25]. Противоположные взгляды высказывал Я.М. Яковлев, считавший, что изучение внутренних психологических процессов является субъективным и малопродуктивным, поэтому объектом криминологического исследования должно быть лишь поведение преступника (изучаемое с позиции оперантного обуславливания) [9, с. 109].

Нерешенные теоретические проблемы находят свое отражение и в сегодняшней практической деятельности. Как было сказано выше, теория и практика установления медицинского критерия невменяемости значительно опережает развитие методики и практики определения психического (юридического) критерия. В результате, признавая необходимость использования при определении вопроса о невменяемости знаний как психиатрии, так и психологии, на практике приоритет отдается установлению наличия или отсутствия психического расстройства у лица, совершившего преступление, т. е. медицинскому критерию. Проведенные многими учеными исследования этого вопроса показали, что до 80% случаев установления невменяемости обосновывается лишь исходя из наличия психического расстройства. Так, проведя анализ научной литературы и судебной практики, О.Д. Ситковская считает, что проблема одностороннего подхода при проведении судебных экспертиз связана с особенностями профессиональной ориентированности экспертов-психиатров [10, с. 141].

По мнению психолога И.А. Кудрявцева, который с 1968 г. работает в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, проблема непривлечения психологов к участию в проведении экспертиз для определения на паритетных с психиатрами началах состояния вменяемости-невменяемости состоит в том, что несмотря на очевидное наличие психологических аспектов этой проблемы, адекватности психологического подхода к ее решению, принципиальной достаточности



уровня развития психологической науки для решения экспертных задач, их практическое освоение лимитируется, прежде всего, пределами личной компетенции экспертов, отсутствием четко разработанной методологии, алгоритмов и научных критериев судебно-психологической оценки состояния регуляции криминального поведения субъекта правонарушения [11, с. 56].

Несмотря на то, что сложившаяся судебная практика при рассмотрении уголовных дел осуществляет установление психологических признаков путем анализа поведения субъекта преступления, где внутренняя сторона деяния определяется по характеру внешней стороны деяния, все же есть надежда на будущее. Наука не стоит на месте; так, в последние годы появилось много исследований в области психологии поведения человека. Несомненно, для криминологии представляют научный и практический интерес результаты исследований, полученные в области нейропсихологии. Например, американскими учеными эмпирическим путем с использованием магнитно-резонансного томографа (МРТ) было установлено, что человек воспринимает несправедливость так же, как и боль. У исследуемых людей при помощи МРТ было установлено, что при получении предложения, которое испытуемый считал для себя несправедливым, у него возбуждались те же нейроны головного мозга, что и при ощущении боли. В результате испытуемый не мог принимать достаточно рациональные решения. Этим можно объяснить часто нелогичное и невыгодное с точки зрения здравого смысла поведение людей, в том числе преступников.

Выводы. Таким образом, проанализировав историю развития криминологии и психологии, можно сделать вывод, что эти науки находятся в тесной взаимосвязи и оказывают огромное влияние друг на друга. Необходимость использования в криминологии и уголовном праве знаний в области психологии и применения психологических методов доказана теорией и практикой. Психология и криминология являются относительно молодыми науками и еще не сказали своего решительного слова. Для целей криминологической оценки особенностей личности преступника, формирования мотивов преступления

и способов воздействия на преступника, а также способов коррекции его поведения релевантным является комплексный подход.

Трагический опыт истории советской криминологии показывает, что участие государства в руководстве научной деятельностью не должно распространяться на выбор учеными методологии и методов исследования. Исходя из реалий текущей практики криминологических исследований, можно сказать, что для проведения глубоких научных изысканий необходимо привлекать к криминологическим исследованиям специалистов в области психологии, психиатрии, биологии, нейропсихологии и других наук.

Список использованной литературы:

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.
2. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. Москва: Проспект, 2011. – 312 с.
3. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2012. VI, 770 с.
4. Волков Г.И. Уголовное право и рефлексология. Харьков: Юридическое издательство Наркомюста УССР, 1928. 134 с.
5. Резунов М.Д. Людвиг Фейербах и психологическая школа права. Революция права. М., 1929. № 4 (июль – август). С. 71–88.
6. Волков Г.И. В защиту уголовной рефлексологии (Ответ М.Д. Резунову). Советское государство и революция права. М., 1930. № 3. С. 101–112.
7. Резунов М.Д. Марксизм и рефлексология в уголовном праве. Советское государство и революция права. М., 1930. № 3 (Март). С. 113–124.
8. Сахаров А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника. Советское государство и право. 1970. № 10.
9. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1985. 247 с.
10. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: Издательство «Норма», 1998. 285 с.

11. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 192 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасимов Алексей Владимирович – соискатель юридического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Herasymov Aleksey Vladimirovich – Applicant at V.N. Karazin Kharkiv National University Law Faculty

alexgeras@i.ua



УДК 346.7:69

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФОРМА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ОБЪЕКТЫ НЕЖИЛОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

Артур ГОРДИЕНКО,

аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена государственно-частному партнерству как форме инвестирования в объекты нежилого строительства. Государственно-частное партнерство рассмотрено как процесс, состоящий из четырех стадий: 1) планирование, в рамках которого принимается инвестиционное решение; 2) выбор государственно-частного партнерства как наилучшего способа реализации проекта; 3) преддоговорные отношения, в рамках которых избирается частный партнер; 4) договорные отношения, касающиеся строительства, эксплуатации и техобслуживания объекта публичной инфраструктуры. Выявлены недостатки законодательства Украины, касающиеся каждой из стадий, и внесены предложения, направленные на его усовершенствование в аспекте лучшей мировой практики.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, строительство, нежилое строительство, инфраструктура, инвестиции, выгодо-затратный анализ.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A FORM OF INVESTMENT IN NON-RESIDENTIAL CONSTRUCTION IN UKRAINE

Arthur GORDIENKO,

PhD student in Economic Law Department, Law Faculty,
Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article deals with public-private partnership as a form of investment in non-residential construction projects. We view public-private partnership as a process consisting of four stages: 1) planning, in which an investment decision is made; 2) the choice of public-private partnership as the best way to implement the project; 3) pre-contractual relations, in which a private partner is awarded the contract; 4) contractual relations relating to the construction, operation and maintenance of the public infrastructure facility. We reveal the shortcomings of Ukrainian legislation of Ukraine concerning each of the stages, and introduce proposals aimed at its improvement in the light of the best world practice.

Key words: public-private partnership, construction, non-residential construction, infrastructure, investment, cost-benefit analysis.

REZUMAT

Articolul este dedicat parteneriatului public-privat ca formă de investiție în proiecte de construcții nerezidențiale. Parteneriatul public-privat este considerat un proces format din patru etape: 1) planificare, în cadrul căreia se ia o decizie de investiție; 2) alegerea parteneriatului public-privat drept cea mai bună modalitate de implementare a proiectului; 3) relațiile pre-contractuale, în cadrul cărora este ales un partener privat; 4) relațiile contractuale privind construirea, exploatarea și întreținerea infrastructurii publice. Se dezvăluie deficiențele legislației Ucrainei privind fiecare etapă și se fac propuneri de îmbunătățire a acesteia în lumina celei mai bune practici mondiale.

Cuvinte cheie: parteneriat public-privat, construcții, construcții nerezidențiale, infrastructură, investiții, analiză cost-beneficiu.

Постановка проблемы. Одна из особенностей правоотношений инвестирования в объекты нежилого строительства заключается в том, что заказчиками в этих правоотношениях часто выступают государственные органы и органы местного самоуправления. Такое участие может касаться самых разнообразных объектов, например, таких, как транспортные сооружения (железные дороги, автомобильные дороги, аэродромы, речные и морские порты, мосты, туннели, эстакады), электростанции и электрические сети,

трубопроводы и коммуникации, дамбы, комплексные промышленные сооружения, учреждения образовательного, медицинского и оздоровительного назначения, спортивные и развлекательные сооружения, здания и сооружения военного назначения и т. п.

Широко употребляемым термином, который обозначает вышперечисленные объекты, является термин «публичная инфраструктура». Публичную инфраструктуру определяют как инвестиции, в которых правительство играет основную роль и отвечает за

принятие решений о том, будет ли инфраструктура обеспечена в интересах широкого сообщества, об источнике доходов для содержания инфраструктуры в течение её жизненного цикла. Таким образом, понятие публичной инфраструктуры не ограничивается инфраструктурой, которая принадлежит или напрямую финансируется государственным сектором. Например, это определение будет охватывать активы и услуги инфраструктуры, принадлежащие и предоставляемые частным сектором, в отношении которых, тем



не менее, правительство разработало всеобъемлющую политику и нормативную базу или, возможно, сохраняет условную ответственность за состояние соответствующих активов и постоянное предоставление услуг [1, с. 98].

Ключевой формой инвестирования в публичную инфраструктуру в мировой практике является публично-частное партнерство, осуществляемое в Украине на основании Закона Украины от 01.07.2010 г. «О государственно-частном партнерстве».

Актуальность темы исследования. Несмотря на то, что специальное законодательство о государственно-частном партнерстве существует в Украине в течение достаточно длительного времени, оно не стало двигателем инвестиционной деятельности в сфере нежилого строительства. За данными Министерства экономического развития и торговли Украины, по состоянию на 1 января 2018 г. действуют 7 договоров, касающихся строительства и/или эксплуатации автострад, дорог, железных дорог, взлетно-посадочных полос на аэродромах, мостов, дорожных эстакад, тоннелей и метрополитенов, морских и речных портов и их инфраструктуры [2]. При общем неудовлетворительном состоянии объектов публичной инфраструктуры в Украине это крайне низкий показатель. Кроме того, эффективность формально начатых проектов вызывает сомнения. Не в последнюю очередь это обусловлено качеством нормативно-правовой базы осуществления государственно-частного партнерства, её несоответствием лучшей мировой практике. В связи с этим исследование правовых вопросов государственно-частного партнерства как формы инвестирования в объекты нежилого строительства является актуальным и своевременным.

Состояние исследования. Правовые вопросы государственно-частного партнерства освещались в работах О.М. Винник, М.А. Гуренко, В.Г. Олюхи, В.В. Поединок, О.Э. Симсон, О.Д. Сиротюка, С.В. Терещенко, О.М. Чабан, О.В. Шаповаловой, Д.В. Шлыкюва и других авторов. Вместе с тем, комплексное правовое исследование государственно-частного партнерства как формы инвестирования в объекты нежилого строительства в

Украине с учётом лучшего мирового опыта в настоящее время отсутствует.

Целью статьи является исследование государственно-частного партнерства в сфере нежилого строительства как процесса, состоящего из ряда последовательных стадий с учётом его проектного характера, выявление недостатков законодательства Украины, касающихся каждой из стадий, и внесение предложений, направленных на его усовершенствование в свете лучшей мировой практики.

Изложение основного материала. В глобальном измерении публично-частное партнерство не является четко определенным понятием. Оно включает ряд структур и концепций, которые характеризуются распределением рисков между публичным и частным секторами. В Зеленой книге по публично-частным партнерствам и праву Сообщества по публичным контрактам и концессиям, подготовленной Европейской комиссией, указано, что термин «государственно-частное партнерство» не определен на уровне ЕС. В общем этот термин касается различных форм кооперации между органами публичной власти и бизнесом, которая имеет целью обеспечивать финансирование, реновацию, управление или содержание инфраструктуры или оказание услуг [3].

Специалисты Всемирного банка определяют публично-частное партнерство как долгосрочный договор между частным лицом и органом государственной власти с целью предоставления публичных благ или услуг, по которому частная сторона несет существенный риск и управленческую ответственность, а вознаграждение связано с результатами хозяйствования. Публично-частные партнерства обычно не включают сервисные контракты или контракты строительства под ключ, которые относятся к сфере публичных закупок, или же сделки приватизации, по которым делящаяся роль публичного сектора является ограниченной [4].

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона Украины от 01.07.2010 г. «О государственно-частном партнерстве», государственно-частное партнерство – это сотрудничество между государством Украина, территориальными общинами в лице соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления (го-

сударственными партнерами) и юридическими лицами, кроме государственных и коммунальных предприятий, или физическими лицами – предпринимателями (частными партнерами), что осуществляется на основе договора в порядке, установленном настоящим Законом и другими законодательными актами, и отвечает признакам государственно-частного партнерства, определенным настоящим Законом. Такими признаками являются:

- предоставление прав управления (пользования, эксплуатации) объектом партнерства или приобретение, создание (строительство, реконструкция, модернизация) объекта государственно-частного партнерства с последующим управлением (пользованием, эксплуатацией), при условии принятия и выполнения частным партнером инвестиционных обязательств в соответствии с договором, заключенным в рамках государственно-частного партнерства;

- продолжительность отношений (от 5 до 50 лет);

- передача частному партнеру части рисков в процессе осуществления государственно-частного партнерства;

- внесение частным партнером инвестиций в объекты партнерства из источников, не запрещенных законодательством.

Из законодательного определения государственно-частного партнерства следует, что на стороне публичного партнера могут действовать не только собственно государственные органы, но и органы местного самоуправления. Таким образом, стоит отметить некоторую неточность отечественного термина «государственно-частное партнерство» и тождественность его принятому в мировой практике термину «публично-частное партнерство».

А.А. Власова обращает внимание на проектный характер государственно-частного партнерства и характеризует его как долгосрочное, урегулированное договором сотрудничество между государством и частным сектором с целью выполнения заданий, традиционно относящихся к компетенции государства, которое охватывает весь жизненный цикл соответствующего проекта [5, с. 6].

К сожалению, законодательство Украины не уделяет должного внима-



ния проектному характеру государственно-частного партнерства и не описывает его как ддящийся процесс с достаточной полнотой. Отечественный Закон ограничивается лаконичным описанием отдельных аспектов этого процесса. Не восполняется этим и недостаток подзаконной базы.

В общем, в процессе государственно-частного партнерства может быть выделено четыре фазы:

1) планирование, в рамках которого принимается решение инвестировать в определенный проект;

2) выбор государственно-частного партнерства как наилучшего способа реализации проекта;

3) преддоговорные отношения, в рамках которых избирается частный партнер;

4) договорные отношения, в частности, касающиеся строительства, эксплуатации и техобслуживания объекта публичной инфраструктуры [6].

Решения, принятые на одной стадии, влияют на протекание следующих стадий. В идеале хорошо проработанный на стадии планирования бизнес-кейс проявляется в качественном договоре государственно-частного партнерства, который, в свою очередь, послужит основой для лучших результатов в течение эксплуатационной фазы. Рассмотрим содержание вышеуказанных стадий подробнее.

В течение *первых двух стадий* должны состояться по меньшей мере 4 аналитических процесса: 1) определение потребностей в объекте инфраструктуры; 2) выгодо-затратный анализ; 3) анализ эффективности затрат; 4) разработка бизнес-кейса. Для максимизации подотчетности и прозрачности результаты всех процессов должны раскрываться перед соответствующими стейкхолдерами, включая широкую публику [6].

По мнению экспертов Всемирного банка, способ реализации проекта вторичен, сначала должны определяться сама его ценность для общества и эффективность, а уже потом с учетом возможных фискальных рисков – форма реализации. И государственно-частное партнерство рассматривается лишь как один из многих вариантов [7]. Согласно же ч. 1 ст. 10 Закона Украины «О государственно-частном партнерстве», предложения об осуществлении

государственно-частного партнерства готовятся центральными или местными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления или лицами, которые в соответствии с настоящим Законом могут быть частными партнерами. О том, что таким предложениям должен предшествовать определенный стратегический план развития инфраструктуры, Закон не говорит ни слова. Внесение соответствующих предложений частными лицами в принципе противоречит мировой практике, поскольку очевидно, что соответствующие проекты будут удовлетворять не публичные, а в первую очередь частные бизнес-интересы.

Выгодо-затратный анализ определяет как систематический процесс расчета и сравнения выгод и затрат проекта для двух целей: определить, является ли инвестиция в проект надежной (оправданность/осуществимость проекта), и сравнить проект с альтернативными проектами (ранжирование/определение приоритетов инвестиций) [8, с. 9].

Чтобы надлежащим образом оценить ценность проекта государственно-частного партнерства, необходимо определить те выгоды и издержки, которые не охватываются анализом эффективности затрат. Всеобъемлющий выгодо-затратный анализ идентифицирует выгоды, именуемые нефинансовыми выгодами, поскольку они отделены от получения доходов или финансовых аспектов эффективности затрат и добавляют ценности проекту государственно-частного партнерства [9, с. 12]. Так, построенная дорога может уменьшить заторы, сокращая ежедневное время путешествия пассажиров. Если для строительства такой дороги лучше всего использовать государственно-частное партнерство, указанные нефинансовые выгоды должны быть признаны, даже если *анализ эффективности затрат* не указывает на то, что проект принесет чистый финансовый доход.

Анализ эффективности затрат может быть определен как оптимальное сочетание затрат жизненного цикла и качества (или пригодности для цели) товара или услуги с целью удовлетворения требований пользователя. Он дает возможность уполномоченным органам определить, будет ли стро-

ительство дороги и т. д. на условиях государственно-частного партнерства менее затратным, чем строительство на условиях традиционного генподряда [10, с. 21]. Если анализ эффективности затрат выполнен некорректно, в частности, содержит неадекватную оценку рисков, предвзятую в пользу выбора государственно-частного партнерства, вероятным является превышение расходов проекта по сравнению с запланированными. Тремя наиболее принципиальными аспектами анализа эффективности затрат являются такие: анализ затрат жизненного цикла, определение рисков и выбор ставки дисконтирования.

Оба вида анализа, рассмотренные выше, имеют ограничения. Общий анализ бизнес-кейса охватывает выгодо-затратный анализ и анализ эффективности затрат с целью преодоления указанных ограничений и более полного обоснования выбора государственно-частного партнерства как способа реализации проекта [11, с. 127–129].

Итоговый анализ бизнес-кейса может получать различные названия, включая концептуальную разработку проекта (*scoping study*) или анализ осуществимости (*feasibility study*). Такой анализ может также содержать различные виды анализов, включая комбинации выгодо-затратного анализа и анализа эффективности затрат. Осуществление такого анализа придает уверенность в надлежащей оценке проекта публичным партнером, что, в свою очередь, обеспечивает публичную поддержку, повышает подотчетность и позволяет избегать подозрений в принятии решений, не соответствующих общественным интересам.

Ст. 11 Закона Украины «О государственно-частном партнерстве» указывает на необходимость проведения анализа эффективности осуществления государственно-частного партнерства путем:

1) детального обоснования социально-экономических и экологических последствий осуществления государственно-частного партнерства по результатам анализа:

– экономических и финансовых показателей реализации государственно-частного партнерства;

– социальных последствий реализации государственно-частного партнер-



ства, включая улучшение качества услуг и уровень обеспечения спроса товарами (работами и услугами);

– экологических последствий реализации государственно-частного партнерства с учетом возможного негативного влияния на состояние окружающей среды;

2) обоснования высокой эффективности проекта с привлечением частного партнера по сравнению с реализацией проекта без такого привлечения;

3) выявления видов рисков осуществления государственно-частного партнерства, их оценки и определения формы управления рисками;

4) определения формы осуществления государственно-частного партнерства;

5) определения социально-экономических и экологических перспектив после окончания действия договора, заключенного в рамках государственно-частного партнерства.

Ни Закон, ни разработанные на его основе подзаконные акты не указывают на конкретные строгие методики и процедуры, с соблюдением которых должен производиться указанный анализ. Вследствие этого заключение по результатам анализа может иметь преимущественно описательный характер. Кроме того, поскольку решение о выборе государственно-частного партнерства как способа реализации проекта уже фактически принято, результаты анализа могут подгоняться под оправдание такого решения.

Что касается *третьей стадии*, то мировой практикой признано, что выбор оптимального партнера может требовать более сложных конкурентных процедур, нежели в случае традиционных публичных закупок. Примером такой процедуры является процедура конкурентного диалога, введенная в ЕС в 2004 г. специально для учета специфики «особо сложных контрактов», прежде всего по созданию инфраструктуры на условиях публично-частного партнерства. Сложность считается присущей случаям, когда государственные органы объективно не в состоянии определить технические средства, которыми, возможно, удовлетворит их потребности или цели, и/или объективно не в состоянии определить правовые или финансовые условия реализации проекта [3].

Другие важные аспекты конкурентного диалога заключаются в следующем: государственные органы могут обсудить все аспекты договора с заявителями (не менее трех); обсуждение или переговоры могут проходить поэтапно; он заканчивается, когда государственный орган решает, что его потребности удовлетворены; после этого каждый заявитель подает свое окончательное предложение; после представления окончательных предложений осуществляется их оценка; дополнительные переговоры с победителем не допускаются.

Конкурентный диалог позволяет должностным лицам государства оставаться открытыми к инновационным/креативным идеям, исходящим от заявителей; альтернативные процедуры не позволяют этого. Украинским законодательством возможность применения процедуры конкурентного диалога для выбора частного партнера не предусмотрена. Вместо этого применяется «традиционная» процедура подачи заявок в конвертах, известная своим коррупционным аспектом. Впрочем, необходимость в явных коррупционных злоупотреблениях может и не возникнуть: абз. 2 ч. 1 ст. 14 Закона «О государственно-частном партнерстве» предусматривает, что если после объявления конкурса по определению частного партнера на участие в указанном конкурсе подал заявку только один претендент, соответствующий договор может быть заключен уполномоченным органом с этим претендентом путем согласования с ним существенных условий договора. Если инициатива по учреждению «партнерства» исходила от частного лица, преследующего собственные бизнес-интересы, вероятно, что оно и будет единственным участником конкурса.

Четвертая стадия может быть разделена на два периода: строительство (условно годы 1–5) и эксплуатация и техобслуживание (условно годы 6–30 или дольше). В свою очередь, период эксплуатации и технического обслуживания должен предусматривать:

– определенную управленческую структуру и процесс, отражающие длящееся положительное взаимодействие между всеми партнерами;

– внедрение системы управления операционной деятельностью, учрежденной до заключения договора, кото-

рая содержит показатели эффективности деятельности, стимулы к их достижению и санкции;

– постоянное взаимодействие со стейкхолдерами.

Этим вопросам в законодательстве Украины также не уделяется должного внимания. Существует лишь общее указание о том, что частный партнер предоставляет государственному партнеру информацию о выполнении договора.

Выводы. Повышение эффективности государственно-частного партнерства как формы инвестирования в объекты нежилого строительства (публичной инфраструктуры) требует внесения таких концептуальных изменений в соответствующее законодательство Украины: 1) соблюдение последовательности аналитических процедур (определение потребности в объекте инфраструктуры – анализ бизнес-кейса, включающий выгодо-затратный анализ и анализ эффективности затрат, принятие решения о наилучшем способе реализации проекта, которым может быть государственно-частное партнерство); 2) исключение возможности инициирования государственно-частного партнерства частными лицами в собственных интересах; 3) внедрение процедуры конкурентного диалога для выбора частного партнера; 4) разработка детальной методологической базы взаимоотношений между партнерами после заключения договора; 5) обеспечение максимально полного раскрытия информации на всех этапах осуществления государственно-частного партнерства.

Список использованной литературы:

1. Poole E., Toohey C. & Harris P. Public Infrastructure: A Framework for Decision-making. Financial Flows and Infrastructure Financing, Reserve Bank of Australia, P. 97–135. URL: <https://www.rba.gov.au/publications/confs/2014/pdf/poole-toohey-harris.pdf>.

2. Довідка щодо результатів здійснення ДПП (2017 рік). URL: <http://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=ed00a2ba-480a-4979-84eb-d610a0827a8c&title=ZagalniOgliad>.

3. Green Paper on public-private partnerships and Community law



on public contracts and concessions (COM/2004/0327 final). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52004DC0327>.

4. Main types of PPPs: Toolkit for public-private partnerships in roads & highways. URL: <https://ppiaf.org/sites/ppiaf.org/files/documents/toolkits/highwaystoolkit/6/pdf-version/1-13.pdf>.

5. Власова А.А. Реализация национальных проектов на основе моделей государственно-частного партнерства в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008.

6. Shick R.A. Government Contracting: A Public Solutions Handbook. Routledge, 2015. 268 p.

7. Самаєва Ю. Державно-приватне партнерство – не мета, а один із способів її досягнення. Дзеркало тижня. 2016. 28 квітня.

8. Sallman D., Flanigan E., Jeannotte K., Hedden C. & Morillos D. Operations Benefit/Cost Analysis Desk Reference. US Department of Transportation, 2012. URL: <https://ops.fhwa.dot.gov/publications/fhwahop12028/fhwahop12028.pdf>.

9. The Guide to Guidance: How to Prepare, Procure and Deliver PPP Projects. The European PPP Expertise Centre, 2011. URL: http://www.utap.pt/Publicacoes_interna/guide-to-guidance-en.pdf.

10. Value for Money Assessment for Public-Private Partnerships: A Primer. US Department of Transportation, 2012. URL: https://www.fhwa.dot.gov/ipd/pdfs/p3/p3_value_for_money_primer_122612.pdf

11. Public-Private Partnerships Reference Guide Version 2.0. International Bank for Reconstruction and Development, 2014. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/600511468336720455/pdf/903840PPPORefe0Box385311B000PUBLIC0.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордиенко Артур Викторович – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gordiienko Arthur Viktorovich – PhD student in Economic Law Department, Law Faculty, Taras Shevchenko National University of Kyiv

art-gor@ukr.net

УДК 347.428

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СТОРОН ДОГОВОРА О РАЗМЕЩЕНИИ РЕКЛАМЫ

Сергей ДЕЛЕДИВКА,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье демонстрируются доктринальные подходы по структуре субъективно-гражданского права и такой его составляющей, как право на защиту, приводятся определения и исследуются виды форм защиты гражданских прав и их применение сторонами договора о размещении рекламы, определяются основания, условия и пределы применения форм защиты нарушенного права сторонами договора, отмечается приоритетность судебной формы защиты, проводится классификация видов юрисдикционных и неюрисдикционных форм такой защиты, осуществляется анализ возможности применения каждого из видов форм защиты при реализации правоотношений по размещению рекламы, формулируются рекомендации по применению способов самозащиты прав.

Ключевые слова: защита гражданского права, формы защиты прав, юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты, стороны договора о размещении рекламы, рекламные правоотношения, договор о размещении рекламы.

FORMS OF REMEDIES FOR CONTRACTING PARTIES OF AN ADVERTISING AGREEMENT

Sergey DELEDIVKA,

Postgraduate Student, Chair of Civil Law and Process
National Academy of Internal Affairs of Ukraine

SUMMARY

The article represents doctrinal approaches to the structure of legal civil rights and to its component, i. e. a right of defense, gives definition, studies the forms of remedies for civil rights and their application by any contracting parties of an advertising agreement, determines grounds, terms and the scope for application of remedies by the contracting parties, identifies the priority of court remedy, gives classification of jurisdictional and non-jurisdictional remedies, analyzes possible ways for use of each remedy in advertising relations, gives recommendations on self-help enforcement.

Key words: remedies, forms of remedies, jurisdictional and non-jurisdictional remedies, contracting parties of an advertising agreement, advertising relations, advertising agreement.

REZUMAT

Articolul demonstrează abordările doctrinare la structura drepturilor subiective civile și de aceea este în partea dreaptă a apărării, prevede definiții și cercetate tipuri de forme de protecție a drepturilor civile și aplicarea acestora de către părți a contractului de publicitate, determinată de motivele, condițiile și limitele de utilizare a formelor de protecție a dreptului încălcat acordul de părți, există o prioritate formă juridică de protecție, clasificarea speciilor și a formelor nejurisdiktionnyh jurisdiktionale o astfel de protecție, posibilitățile analizei efectuate și aplicarea fiecăruia dintre tipurile de forme de protecție în punerea în aplicare a raporturilor juridice privind publicitatea, formulează recomandări cu privire la aplicarea metodelor de drepturi de auto-apărare.

Cuvinte cheie: protecția drepturilor civile, o formă de protecție a formelor drepturilor, jurisdiktionale și nejurisdiktionny de protecție, partea a contractului de publicitate, relația de publicitate, contractul despre publicitate.

Постановка проблемы. В науке украинского гражданского права подробно разработана категория формы защиты гражданских прав, однако соответствующие научные труды в основном посвя-

щены общецивилистическим подходам и классификациям способов, средств и форм защиты гражданских прав.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нерас-



крытости в науке украинского гражданского права темы специальных форм защиты прав сторон договора о размещении рекламы, соотношений этих форм, их особенностей в аспекте правовой природы договора о размещении рекламы.

Состояние исследования. Научный анализ структуры субъективного права и такой его составляющей, как право на защиту, проводился многими отечественными и зарубежными учеными. Среди них следует назвать А. Мурашина, А. Скакун, Л. Спиридонова. Вопросы общецивилистических форм защиты гражданских прав освещались в работах О. Беляневич, А. Дзеры, А. Кота, Н. Кузнецовой, И. Спасибо-Фатеевой, М. Сибилева, Н. Стефанчука, Е. Харитоновна. Исследование рекламного договора осуществлялось в работах Л. Мамчур и А. Шишки.

Целью и задачей статьи является детализация форм защиты гражданских прав сторонами договора о размещении рекламы, определение особенностей их применения, а также оснований, условий и пределов такого применения.

Изложение основного материала. Понятию и содержанию субъективного права уделяется внимание как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. Так, О. Скакун подчеркивает, что существенными элементами структуры субъективного права являются следующие правомочия: 1) правомочие на собственные положительные действия; 2) правомочность на чужие действия; 3) правомочность требования [1, с. 220].

О. Мурашин расширяет состав элементов субъективного права, добавляя к вышеупомянутым трем правомочиям возможность пользоваться соответствующим социальным благом [2, с. 178].

Л. Спиридонов придерживается другой точки зрения, отмечая, что обеспечение принудительной силой государства является внутренним качеством самого субъективного права, а потому охватывается его определением [3, с. 144].

В науке гражданского права также существуют две аналогичные позиции по структуре субъективного гражданского права, в частности Н. Стефанчука [4, с. 12] и И. Спасибо-Фатеевой [5, с. 672].

Несмотря на разнообразие мнений представителей юридической науки, отметим, что обе позиции подчерки-

вают важность защиты гражданского права и в контексте его структуры, и в смысле его существования вообще. Понятие форм защиты гражданских прав на диссертационном уровне исследовал А. Кот. Формы защиты гражданских прав рассматриваются им в зависимости от субъекта, который осуществляет защиту прав, разделяя такие формы на юрисдикционные, которые в свою очередь делятся на судебную, альтернативную (административную и нотариальную) и самозащиту гражданских прав [6, с. 14].

Е. Харитонов выделяет следующие виды защиты гражданских прав: судебная защита; внесудебная защита (осуществляемая государственными органами и органами местного самоуправления, а также специально определенными лицами, в частности нотариусами), самозащита прав с помощью действий, совершаемых потерпевшим лицом [7, с. 106].

Д. Горбась приводит классификацию возможных способов самозащиты гражданского права, в частности: 1) совершение уполномоченным лицом дозволенных законом действий фактического характера; 2) выполнение нарушенного обязательства за счет должника; 3) обеспечение встречного исполнения, в том числе приостановление исполнения встречной обязанности; 4) отказ совершить определенные действия, в том числе в части отказа от принятия обязательства или отказа от договора. [8, с. 220].

Л. Мамчур, исследуя формы защиты прав в рекламных правоотношениях, разделяет их на нотариальную, административную (наложение административных штрафов за нарушение законодательства), судебную формы защиты прав, а также самозащиту. К последней форме автор относит выполнение за счет должника, назначение дополнительного срока или поручение выполнения третьему лицу, безвозмездное устранение недостатков или уменьшение суммы, подлежащей выплате, односторонний отказ от договора [9, с. 16].

Проведенный анализ доктринальных подходов к исследуемой проблематике позволяет выделить следующие формы защиты гражданских прав в сфере правоотношений по размещению рекламы – юрисдикционные и самозащита. В свою очередь юрисдикционные

формы защиты делятся на судебные, а также на административные и нотариальные.

Характеристика судебной формы защиты прав участников правоотношений при размещении рекламы требует отдельного исследования, поэтому стоит более подробно остановиться на других формах защиты прав.

Общие положения административной формы защиты гражданских прав установлены гражданским законодательством. Согласно ч. 3 ст. 17 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) [10], орган государственной власти осуществляет защиту гражданских прав и интересов в пределах, на основаниях и в порядке, которые установлены Конституцией Украины и законом. Таким образом, в отличие от такой универсальной формы защиты гражданских прав, как судебная защита, административная форма защиты возможна исключительно в случаях, установленных Конституцией Украины и законом.

Базовым законом, регламентирующим принципы административной формы защиты гражданских прав в сфере размещения рекламы, является Закон Украины «О рекламе» [11], нормами которого, в частности, предусмотрена следующая мера административного воздействия: принимать решение о приостановлении распространения соответствующей рекламы.

Порядком размещения рекламы в г. Киеве [12] установлены основания, порядок и процедура демонтажа рекламы, что также относится к административным мерам воздействия в сфере размещения рекламы.

Анализ возможных мер административного воздействия позволяет сделать вывод, что субъектами инициирования такой защиты, в основном, являются третьи лица, а не стороны соответствующего договора. Осуществление мер административной формы защиты в сфере размещения рекламы в большинстве случаев приводит к блокированию динамики соответствующих договорных правоотношений, к полной или частичной невозможности реализации прав по договору. Поэтому применение административной формы защиты прав сторонами договора о размещении рекламы, как правило, не осуществляется, хотя и не исключается.



Как отмечает Л. Мамчур [9, с. 16], возможно обращение к нотариальной форме защиты в случаях бесспорного взыскания задолженности по отчислению авторского вознаграждения, по нотариально удостоверенным договорам или для фиксации факта создания рекламного произведения. Однако указанный вывод Л. Мамчур касается общих вопросов рекламных правоотношений, а отношения по размещению рекламы в основном не присуща нотариальная форма защиты прав. Так, в соответствии с Перечнем документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей нотариусов [13], предусмотрена возможность нотариальной формы защиты в случаях нотариального удостоверения договоров, предусматривающих уплату денежных сумм, передачу или возврат имущества, а также право обращения взыскания на заложенное имущество.

Поскольку закон не обязывает стороны нотариально удостоверить договор о размещении рекламы, то бесспорное взыскание задолженности по договору о размещении рекламы по исполнительной надписи нотариуса, как правило, не применяется. Исключением из указанного общего правила является нотариальное удостоверение договора о размещении рекламы по желанию сторон, которое на практике почти не применяется.

Бесспорное взыскание задолженности по отчислению авторского вознаграждения более характерно в отношениях по созданию рекламы, а также во взаимоотношениях стороны соответствующего договора с третьими лицами. Для договора о размещении рекламы такое бесспорное взыскание нехарактерно. Нотариальная форма фиксации факта создания рекламного произведения имеет место в договорах о создании рекламы и относится к договорам о выполнении работ. Договору о размещении рекламы как особому виду обязательств по оказанию услуг [14, с. 75] нотариальная форма фиксации факта создания рекламного произведения не присуща. Таким образом, нотариальная форма защиты прав сторон договора о размещении рекламы применяется в ограниченных случаях.

Следующая форма защиты гражданских прав участников договора о разме-

щении рекламы относится к самозащите, осуществляется непосредственными действиями самих сторон без обращения к юрисдикционному органу. Согласно ст. 19 ГК Украины [10], самозащитой является применение лицом средств противодействия, которые не запрещены законом и не противоречат моральным основам общества. Способы самозащиты должны соответствовать содержанию права, которое нарушено, характеру действий, которыми оно нарушено, а также последствиям, вызванным этим нарушением. Для определения способов самозащиты прав, которые могут применяться в правоотношениях по размещению рекламы, стоит воспользоваться работами Д. Горбась [8, с. 220] и Л. Мамчур [9, с. 16].

Такой способ самозащиты прав, как совершение уполномоченным лицом дозволенных законом действий фактического характера, имеет довольно абстрактные родовые характеристики и может применяться в правоотношениях по размещению рекламы в зависимости от конкретной ситуации.

Выполнение нарушенного обязательства за счет должника нехарактерно для правоотношений по размещению рекламы, поскольку для выполнения обязательств по настоящему договору распространитель рекламы должен иметь соответствующие материальные возможности, в частности место для размещения рекламы, разрешение на размещение наружной рекламы и тому подобное. Поэтому выполнение кредитором – рекламодателем нарушенного обязательства за счет должника (распространителя рекламы), как и поручение выполнения третьему лицу в отношениях размещения рекламы, невозможно или крайне затруднено.

При нарушении обязательств, как со стороны распространителя рекламы, так и со стороны рекламодателя, уполномоченная сторона имеет все основания и возможности назначить дополнительный срок исполнения обязательства, приостановить выполнение встречного обязательства, отказаться совершить определенные действия, в том числе по принятию исполнения обязательства.

Возможность одностороннего отказа от договора о размещении рекламы непосредственно из закона не следует. Односторонний отказ от договора о размещении рекламы возможен только в

случае, если такая форма самозащиты предусмотрена в заключенном сторонами договоре.

Выводы. По итогам проведенного анализа форм защиты прав сторон договора о размещении рекламы можно сформулировать следующие теоретико-правовые выводы:

- формами защиты прав сторон договора о размещении рекламы являются юрисдикционные формы, к которым относятся судебная, административная и нотариальная, а также самозащита прав;
- основной формой защиты прав сторон договора о размещении рекламы является судебная защита;

- применение административной формы защиты прав сторонами договора о размещении рекламы, как правило, не осуществляется, хотя и не исключается. Административная форма защиты возможна исключительно в случаях, установленных Конституцией Украины и законом;

- нотариальная форма защиты прав сторон договора о размещении рекламы применяется в ограниченных случаях;

- формами самозащиты в правоотношениях по размещению рекламы могут быть следующие: назначение дополнительного срока исполнения обязательства; приостановление исполнения встречного обязательства; отказ совершить определенные действия, в том числе отказ от принятия обязательства; односторонний отказ от договора в случае, если такой отказ предусмотрен заключенным сторонами договором.

Список использованной литературы:

1. Скакун О. Теорія держави і права: підруч. К.: Правова єдість, 2011. 220 с.
2. Мурашин О., Кельман М. Загальна теорія права: підруч. К.: Кондор, 2002. 178 с.
3. Спиридонов Л. Теория государства и права: учебн. М.: Статус ЛТД+, 2008. 144 с.
4. Стефанчук М. Межі здійснення суб'єктивних цивільних прав: монографія. К.: КНТ, 2008. 12 с.
5. Спасибо-Фатеева И., Сибилев М., Яроцкий В. и др. Харьковская цивилистическая школа: защита субъективных гражданских прав и интересов: монография; под общ. ред. И. Спасибо-Фатеевой. Харьков: Право, 2014. 672 с.



6. Кот О. Проблеми здійснення та захисту суб'єктивних цивільних прав: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня докт. юрид. наук. Київ, 2017. 14 с.

7. Харитонов Є., Голубєва Н. Зобов'язальне право України: підруч. К.: Істина, 2011. 106 с.

8. Бірюков І., Заїка Ю., Бичкова С. та ін. Цивільне право України. Загальна частина: підруч.; за ред. професорів І. Бірюкова, Ю. Заїки. К.: Алерта, 2014. 220 с.

9. Мамчур Л. Правове регулювання реклами (цивілістичний аспект): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. юрид. наук. Львів, 2006. 16 с.

10. Цивільний кодекс України: Закон України від 13.03.2003 р. Офіційний вісник України, 2003. № 11 (28.03.2003). 461 с.

11. Про рекламу: Закон України від 3.07.1996 р. Відомості Верховної Ради України, 1996. № 39 (24.09.96). 181 с.

12. Про затвердження Порядку розміщення реклами в м. Києві: Рішення Київської міської ради від 22.09.2011 р. № 37/6253. Хрещатик, 2011. № 151.

13. Про затвердження переліку документів, за якими стягнення заборгованості провадиться у безспірному порядку на підставі виконавчих написів нотаріусів: Постанова Кабінету Міністрів України від 29.06.1999 р. № 1172. Офіційний вісник України, 1999. № 26. 69 с.

14. Деледівка С. Договір про розміщення реклами як особливий вид зобов'язань з надання послуг. Порівняльно-аналітичне право, 2017. № 3. URL: <http://www.pap.in.ua/index.php/arhiv/-vidannja/90>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Деледівка Сергей Григорьевич – аспірант кафедри гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Deletedivka Sergey Grigorevich – postgraduate student of the Chair of Civil Law and the National Academy of Internal Affairs of Ukraine

justem.law@gmail.com

УДК 336.132

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИСКАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Евгения ДУЛИБА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и правосудия
ЧВУЗ «Международный экономико-гуманитарный университет
имени академика Семена Демьянчука»

АННОТАЦИЯ

В статье с использованием диалектического подхода осуществлен анализ доктринальных аспектов исследований фискальной функции государства. С использованием исторического метода и положений теории государства рассмотрена совокупность взглядов ученых относительно понятия, содержания, видов и общественного значения функций государства, в том числе функций государства в области финансов. Основываясь на современных положениях теории государственного управления, государства и права определено состояние разработанности в отечественной научной литературе проблемы фискальной функции государства в Украине.

Ключевые слова: государство, функции, функции государства в области финансов, фискальная функция.

THEORETICAL LEGAL PRINCIPLES OF RESEARCH ON THE FISCAL FUNCTION OF THE STATE: THE DOCTRINAL ASPECTS

Yevheniia DULIBA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Department of Criminal Law and Justice, Private higher educational establishment "International university of economics and humanities named after academician Stepan Demianchuk"

SUMMARY

The article uses the dialectical approach to analyze the doctrinal aspects of research on the fiscal function of the state. Using the historical method and provisions of the theory of the state, a set of views of scientists on the concept, content, types and social significance of state functions, including state functions in the field of finance. Based on modern provisions of the theory of public administration, the state and law established the state of development in the domestic scientific literature of the problem of the fiscal function of the state in Ukraine.

Key words: state, functions, state functions in the field of finance, fiscal function.

REZUMAT

Articolul folosește abordarea dialectică pentru a analiza aspectele doctrinare ale cercetării privind funcția fiscală a statului. Folosind metoda istorică și dispozițiile teoriei statului, se are în vedere un set de opinii ale oamenilor de știință cu privire la conceptul, conținutul, tipurile și semnificația socială a funcțiilor statului, inclusiv funcțiile statului în domeniul finanțelor. Pe baza dispozițiilor moderne ale teoriei administrației publice, statul și legea au definit stadiul de dezvoltare în literatura științifică internă a problemei funcției fiscale a statului în Ucraina.

Cuvinte cheie: stat, funcții, funcții de stat în domeniul finanțelor, funcție fiscală.

Постановка проблемы. Одним из основных путей познания общественной природы государства является познание его современных функций, ведь уровень совершенства государства определяется, прежде всего, тем,

насколько эффективно оно выполняет свои функции, насколько результативна его политика [1, с. 9].

Фискальная функция государства является одной из необходимых, ведущих и обеспечивающих функций



современного государства, от качества которой зависит качество существования самого государства. При надлежащих условиях организации публично-властная деятельность по выполнению фискальной функции может способствовать социально-экономическому развитию в обществе. В период реализации реформ в современной Украине фискальная функция приобретает определяющее значение в обеспечении результативности их проведения. Например, такие реформы и программы, как налоговая реформа; реформа государственного таможенного дела и интеграция в таможенное сообщество Европейского Союза; реформа государственного финансового контроля и бюджетных отношений, другие смежные направления современных реформ в Украине составляют содержание фискальной функции государства, и они включены в группу реформ по вектору развития в соответствии с положениями Стратегии устойчивого развития «Украина-2020», одобренной Указом Президента Украины от 12.01.2015 г. № 5/2015 [2].

Актуальность темы. Итак, с точки зрения практической потребности и необходимости для общества актуальность исследования публичной деятельности по реализации фискальной функции государства является неоспоримой. Однако при наличии такой необходимости в настоящее время в Украине отсутствует надлежащее специальное научное обоснование доктринальных аспектов теоретико-правовых основ исследования фискальной функции государства с целью дальнейшего совершенствования основ публично-правовой управленческой деятельности в Украине.

Состояние исследования. Научное познание государства, выявление его качественного состояния, путей развития обязательно предусматривает рассмотрение и четкое понимание его функций как содержательного компонента его «жизни», динамики деятельности. Научные исследования фискальной функции государства, ее содержания, общественной роли проводились учеными в рамках исследований феномена самого государства с использованием разнообразного набора научных средств и методов. Обоснование общественного значения содержания

фискальной функции формировалось учеными разных времен, с разных точек зрения и с учетом системного и функционального подходов к изучению государства как общественного феномена во взаимосвязях с существующим общим учением о функции государства.

Учение о функции государства, сформированное общественной наукой, имеет основополагающий характер в исследовании доктринальных аспектов фискальной функции государства. Среди основных учредителей такого учения в истории теории государства можно назвать древнегреческих ученых Платона, Аристотеля и др., ведь с участием этих выдающихся ученых были сформированы основные принципы организации государства, основные направления и цели государственной деятельности, актуальные и в современных условиях.

Отечественный ученый И. Сало считает выдающегося английского философа Т. Гоббса соучредителем учения о функции государства, который, например, выделял равномерное обложение налогами граждан как функцию-обязанность государства [3, с. 12–13]. Также в научной литературе среди учредителей учения о функции государства выделяют Дж. Локка и Ж. Бодена. Например, согласно учению Дж. Локка власти в осуществлении своих функций должны подчиняться четким принципам и ограничениям, среди которых есть запрет на повышение налогов без согласия народа, общества [4, с. 422]. Такое мнение поддерживал и выдающийся французский философ Ж. Боден, по учению которого функции суверенной власти – это комплекс исключительных прерогатив в решении важнейших вопросов жизни страны. Взыскание налогов ученый считал одной из приоритетных функций, что реализуется в соответствии с принятыми обществом законами [5, с. 161].

В целом анализ исторического развития в области философско-правовой мысли, истории финансового права дает нам возможность сделать вывод относительно понимания учеными фискальной функции государства в контексте основополагающих качеств таких взаимосвязанных понятий, как «государство», «публичная власть», «функция государства», «государ-

ственный суверенитет» и тому подобное.

Эволюция современного правовопонимания исследуемых нами явлений непосредственно связана с диалектикой функционального подхода вообще в юридической науке досоветского и советского периода и непосредственно в науке финансового права. Так, по результатам исследований отечественного ученого В. Хошуляка установлено, что первым в истории финансовой мысли ученым, который выстроил общую систему финансовой науки путем систематизации существующих финансовых теорий, является Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти [6, с. 88]. Однако огромное доктринальное значение для науки финансового права, по мнению В. Хошуляка, имело выделение И. Юсти фискальной и регулирующей функции налогов. При этом отдельный научный интерес в контексте предмета нашего исследования имеет предоставление В. Хошуляком в историческом аспекте определения «фискальный принцип», согласно которому «народное хозяйство трактовалось исключительно как источник и средство наполнения государственной казны, а целью финансовой деятельности государства было увеличение налоговых поступлений, несмотря на социально-экономические последствия налогового гнета...» [6, с. 205]. Автор в процессе исследования использует такие термины, как «фискальная нагрузка», «фискальное значение», «фискальные задачи», «организация фискальной деятельности государства», «фискальная политика» и др. Вместе с этим в работах В. Хошуляка не представлены соответствующие определения понятий с точки зрения правовопонимания, не исследована в полной мере сущность и состав содержания фискальной функции государства.

Поэтому одна из основных целей статьи – осветить имеющуюся совокупность взглядов на общее понимание понятия «функция государства», выделить проблему состояния работанности фискальной функции государства в современной отечественной юридической науке.

Изложение основного материала. В историческом аспекте функции государства неразрывно связаны с необходимостью выполнения задач госу-



дарственной власти на определенном промежутке развития. Характер государственной деятельности определяется не только тем, кому принадлежит политическая власть, но и тем, как построено правительство, как организован государственный строй. При этом одним из основных факторов для развития являются публично-правовые задачи, которые признаются обществу обязательными для государства. Например, во времена Юстиниана основными задачами государства и его власти были «благосостояние» подданных, обеспечение их всевозможными благами, служение людям, защита от опасностей и т. п. [7, с. 103–104]. По своему содержанию деятельность по реализации принципов благосостояния и безопасности требовала от публичной власти аккумулирования государственных ресурсов и создание условий для развития основ фискальной деятельности ее должностных лиц.

В XX в. произошли существенные трансформации как в системе функций государства, так и в их сущности и содержании. Такие изменения были характерны для функций, которые осуществляло государство как в «традиционных» сферах общественной жизни (политической, экономической, социальной и культурной), так и в «новых» отраслях, обусловленных глобальными проблемами современности (демографической, экологической, сырьевой, космической, информационной и др.) [1, с. 3].

По мнению О. Лощихина, функции государства – это кардинальные, постоянные направления и виды деятельности государства, обусловленные объективными потребностями общественного развития, ее внутренними и внешними задачами, в которых проявляются и конкретизируются сущность и социальное назначение государства [1, с. 24–25]. Согласно постулатам теории государства, функции государства являются основными направлениями его деятельности, обусловленные его целями и задачами, конкретизируют его сущность [8, с. 137]. Государство как общественная институция способно содействовать развитию общества или препятствовать ему. Исследователь И. Матузов видит назначение государства в содействии осуществлению прав человека, а право в данном случае

должно всячески способствовать саморазвитию человека в рыночных отношениях [9, с. 61].

В теории государственного управления В. Малиновским функции управления классифицированы на три основные группы: основные, общие и вспомогательные [10, с. 209]. Автором выделяется самостоятельная «бюджетная функция» в группе вспомогательных функций государственного управления, что по смыслу соответствует понятию «бюджетный процесс» [10, с. 332]. Вместе с этим функции государства в области финансов, налогообложения и администрирования таможенных сборов (фискальная функция) автором не раскрывались.

На уровне фундаментального исследования О. Лощихиным раскрыта диалектика взаимодействия государства, общества, экономики и права как объективной основы формирования экономической функции государства. По выводам автора, экономическая функция государства имеет сложный, системный характер и охватывает такие направления деятельности, как защита экономических прав и свобод человека и гражданина, создание государственного сектора в основных отраслях экономики, эмиссия средств, общая координация экономической и финансовой политики, включая планирование, государственный заказ, государственное кредитование, налогообложение [1, с. 11]. В. Давыденко поддерживают предложения относительно существования самостоятельной налоговой функции государства, кроме этого, автором выделены такие самостоятельные функции государства, как валютное регулирование, бюджетная функция, функция таможенного регулирования [11, с. 77–78]. Отечественная исследовательница О. Семчик считает, что в настоящее время нет необходимости выделять отдельно налоговую функцию, которая, по мнению автора, скорее должна выделяться как подвид финансовой функции государства [12, с. 68]. О. Варич определяет внутреннюю структуру системы экономических функций государства, которую составляют подфункции налогообложения, финансов, валютного регулирования, таможенного регулирования, регулирования отношений собственности и предпринимательства [13, с. 8].

В научной литературе в области проблем финансового права исследовательницей О. Семчик обосновано понятие «функций государства в области финансов», под которыми автор понимает «основные комплексные направления деятельности государства, осуществляемые в определенных формах и при помощи конкретных методов в жизненно важных сферах финансовых отношений, которые выражают его сущность и социальное назначение» [12, с. 78]. Также автором эти функции классифицированы на три группы: 1) финансовые регулятивные функции; 2) финансовые обеспечительные функции; 3) финансовые контрольные функции [12, с. 69]; раскрывается содержание и состав каждой из предлагаемых групп функций.

В целом анализ современной отечественной научной литературы в рамках основных существующих (фундаментальных и прикладных) юридических исследований относительно становления и развития функций государства, в т. ч. экономических, привел к выводу, что учеными не уделялось достаточного внимания раскрытию правовой сущности понятия и содержания фискальной функции государства. Вместе с этим фискальное содержание деятельности государства чаще было предметом исследований ученых-экономистов, которые исследовали экономическую политику, систему государственного регулирования экономики.

Так, на сегодня в экономических науках, в частности финансовой (как зарубежной, так и отечественной), доминируют два подхода к определению, например, сущности такого понятия, как «фискальное обеспечение социальной функции государства». Установлено, что сторонники первого относят к фискальным элементам государственного регулирования социально-экономических отношений совокупность налогово-расходных мероприятий государства, связанных с выполнением им общественных функций (В. Белозерковец, М. Домбровский, Р. Копич), другие связывают фискальное с основной функцией налогов – аккумулялировать финансовые ресурсы государства (С. Гринкевич, И. Таранов). По мнению В. Тропиной, отождествление фискального с бюджетно-налоговыми ресурсами государственного регули-



рования или с системой налогообложения необоснованно сужает содержание этого понятия, поскольку даже этимология слова «фиск» (от лат. *fiscus* – государственная казна) обуславливает объединение в составе фискальных ресурсов государства всех источников их формирования, среди которых, кроме налогов, важное место занимают налоговые поступления в бюджет, а также учет такого компонента фискального потенциала государства, как доходы и расходы государственных целевых фондов. Автором установлено, что в подавляющем большинстве научных работ по экономике так называемая «фискальность» исследуется в контексте решения задач исключительно государственной экономической политики государства (В. Белоцерковец, О. Жовтанецкий, Д. Никитенко, С. Масличенко) [14, с. 17–18]. Также в экономической литературе фискальная функция исследуется в контексте проблем государственного регулирования экономики как система форм и методов реализации совокупности присущих государственным финансам функций (В. Тропина) [14, с. 18], системы финансовых мер государства для регулирования доходов и расходов местных бюджетов (Н. Кульчицкая) [15, с. 3].

Выводы. Познание природы государства через познание его современных функций всегда остается актуальной проблемой, поскольку состояние определенности и обеспеченности таких функций будет отражением определенного состояния проблем как самого современного государства, так и общества в целом.

Доктринальные аспекты исследования фискальной функции государства связаны с научными исследованиями в первую очередь сущности и социального назначения государства.

Проанализированные доктринальные теоретические аспекты финансовой науки в свете проблем применения отдельных фискальных инструментов государства в рамках различных концептуальных подходов ученых и на разных исторических этапах его развития свидетельствуют о том, что фискальное содержание деятельности государства чаще было предметом исследований ученых-экономистов в формате проблем экономической, фискальной политики государства или

отдельных их направлений и государственного регулирования экономики.

В результате фундаментальных юридических исследований установлено лишь важное доктринальное значение для науки финансового права исследования фискальной и регулирующей функции налогов, сборов и других обязательных платежей. Вместе с этим в современных условиях на уровне проанализированных фундаментальных исследований учеными-юристами недостаточно уделяется внимание именно фискальной функции государства, деятельность которого практически реформируется в настоящее время без должного научного обоснования. Поэтому дальнейшие исследования необходимо направить на установление сущности, социальной роли, содержания, принципов и других взаимосвязанных вопросов фискальной функции современного украинского государства.

Список использованной литературы:

1. Лоцихін О. Теоретико-правові характеристики економічної функції сучасної держави: автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01; Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького НАН України. К., 2010. 32 с.

2. Стратегія сталого розвитку «Україна-2020», схвалена Указом Президента України від 12.01.2015 р. № 5/2015. Офіційний сайт Верховної Ради України: Законодавство. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5/2015/paran10#n10>.

3. Сало В. Внутрішні функції держави в умовах членства в Європейському Союзі: дис. канд. юр. наук: 12.00.01. Х., 2007. 220 с.

4. Велика українська юридична енциклопедія: у 20 т. Х. : Право, 2017. Т. 2: Філософія права / редкол.: С. Максимов (голова) та ін.; Нац. акад. прав. наук України; Ін-т держави і права імені В.М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т імені Ярослава Мудрого. 1128 с.

5. Боден Ж. Шість книг о государстве. Історія вчень про державу і право: хрестоматія / Уклад. Г. Демиденко. Х.: Легас, 2002. С. 161.

6. Хохуляк В. Наука фінансового права: проблеми становлення та роз-

витку: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.07; 12.00.01. К., 2015. 545 с.

7. Вальденберг В. Государственное устройство Византии до конца VII века; под ред. В. Земскова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 228 с.

8. Скакун О. Теорія права і держави: підручник. 3-тє вид. К.: Алерта; ЦУЛ, 2011. 524 с.

9. Матузов Н., Малько А. Теория государства и права: учебник. М.: Юристь. 2004. 270 с.

10. Малиновський В. Державне управління: навч. посібник. К.: Атіка, 2003. 576 с.

11. Давиденко В. Економічна функція сучасної держави. Держава і право. 2008. Вип. 19. С. 77–78.

12. Семчик О. Держава і фінанси: правовий зв'язок: монографія / відп. ред. Л. Воронова. К.: Юридична думка, 2010. 204 с.

13. Варич О. Економічні функції сучасної держави: природа, зміст, тенденції розвитку в Україні: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. К., 2006. 20 с.

14. Тропіна В. Бюджетне забезпечення соціальної функції держави в Україні. Фінанси України. № 5. 2008. С. 15–31.

15. Кульчицка Н. Фіскальна політика України на регіональному рівні: автореф. дис. канд. екон. наук: 08.04.01 – фінанси, грошовий обіг і кредит; Тернопільська академія народного господарства. Тернопіль, 2004. 21 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дулиба Евгения Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и правосудия, частное высшее учебное заведение «Международный экономико-гуманитарный университет имени академика Степана Демьянчука»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Duliba Yevheniia Volodymyrivna – candidate of Law Sciences, Associate Professor of Department of Criminal Law and Justice, Private higher educational establishment “International university of economics and humanities named after academician Stepan Demianchuk”

furmanczuk@ukr.net



УДК 347.963

ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ ПРОКУРОРОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМИ ФУНКЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ

Дмитрий ДЬЯЧКОВ,
аспирант

Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается внедрить в законодательство Украины принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры, анализируется содержание этого принципа. Акцентируется внимание на том, что этот принцип является принципом деятельности прокуратуры, а не принципом ее организации. Обосновано, что в соответствии с этим принципом прокуроры при осуществлении функций прокуратуры должны быть политически нейтральными, не вправе вмешиваться в политическую жизнь государства, использовать свои полномочия для достижения политических результатов. По результатам исследования вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, принцип, принцип организации, принцип деятельности, политическая нейтральность.

PRINCIPLE OF POLITICAL NEUTRALITY OF PROSECUTORS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROSECUTOR'S FUNCTIONS

Dmitriy DAYCHKOV,

Graduate Student of National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

The article proposes to introduce in the legislation of Ukraine the principle of political neutrality of prosecutors when they perform the functions of the prosecutor's office and analyze the content of this principle. Attention is focused on the fact that this principle is the principle of the activity of the prosecutor's office, and not the principle of its organization. It is justified that in accordance with this principle prosecutors should be politically neutral when exercising the functions of the prosecutor's office, they do not have the right to interfere in the political life of the state, to use their powers to achieve political results. According to the results of the study, proposals are made to improve the legislation.

Key words: prosecutor's office, prosecutor, principle, principle of organization, principle of activity, political neutrality.

REZUMAT

Articolul propune introducerea în legislația Ucrainei a principiului neutralității politice a procurorilor atunci când aceștia îndeplinesc funcțiile procuraturii și analizează conținutul acestui principiu. Atenția se concentrează asupra faptului că acest principiu este principiul activității procuraturii, și nu principiul organizării sale. Se justifică faptul că, în conformitate cu acest principiu, procurorii trebuie să fie neutri din punct de vedere politic în exercitarea funcțiilor procuraturii, nu au dreptul să intervină în viața politică a statului, să-și folosească puterile pentru a obține rezultate politice. Potrivit rezultatelor studiului, se fac propuneri de îmbunătățire a legislației.

Cuvinte cheie: procuratura, procuror, principiu, principiu de organizare, principiu de activitate, neutralitate politică.

Постановка проблемы. В законодательстве и правовой науке выделяется принцип политической нейтральности прокуратуры как принцип деятельности прокуратуры, однако его содержание определяется через вопросы организации прокуратуры. В связи с этим возникают вопросы правильного понимания принципа, содержанием которого была бы политическая нейтральность прокуратуры и прокуроров и соответственно правильного названия этого принципа.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы, в настоящее время практически нет работ, в которых бы с точки зрения действующего законода-

тельства исследовался принцип, содержанием которого была бы политическая нейтральность прокуратуры и прокуроров.

Состояние исследования. Отдельные особенности принципа прокуратуры, содержанием которого была бы политическая нейтральность прокуратуры и прокуроров, изучали Д. Добровольский, Л. Европина, М. Косюта, А. Медведько, М. Мычко, Н. Процив и другие, труды которых и послужили научной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.

Целью и задачей статьи является определение и анализ принципа политической нейтральности проку-

ров при осуществлении ими функций прокуратуры, формулирование предложений по усовершенствованию законодательства.

Изложение основного материала. Часть 1 ст. 3 Закона Украины «О прокуратуре» одним из принципов деятельности прокуратуры предусматривает принцип политической нейтральности прокуратуры.

Слово «нейтральный» («нейтральность» является существительным к «нейтральный») обозначает того, который не принадлежит, не касается ни одной из сторон, стран и т. д., не присоединяется к одной из сторон (в борьбе, дискуссии, споре и т. д.), а сохраняет



нейтралитет [1, с. 326–327]. В связи с этим общее понимание принципа политической нейтральности прокуратуры как принципа деятельности обозначает то, что прокуратура в своей деятельности не должна преследовать политические цели, вмешиваться в политику, не должна поддерживать одну из политических сторон общества, не должна присоединяться к одной из сторон в политической борьбе, дискуссии, споре, а должна сохранять нейтралитет.

По мнению Л. Европиной, политическая нейтральность прокуратуры как специальный принцип обозначает то, что прокурор не может принадлежать к политической партии, участвовать в политических акциях, митингах, забастовках. Нарушение этого принципа влечет за собой невозможность пребывания лица на прокурорской должности и вероятное его увольнение [2, с. 82]. Между тем, считаем, что такое понимание принципа политической нейтральности прокуратуры в науке является достаточно упрощенным. Такой подход свидетельствует о восприятии принципа политической нейтральности как принципа организации прокуратуры, что является ошибочным. Организация прокуратуры как политически нейтрального института не нужна без обеспечения политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры. При этом основой здесь является собственно эта функциональная составляющая политической нейтральности прокуроров, а организационная политическая нейтральность прокуратуры как института является более производной и должна восприниматься как гарантия существования функциональной нейтральности. Следовательно, более приемлемым, на наш взгляд, является введение в законодательство и рассмотрение в науке принципа с соответствующим названием «принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры» как принципа деятельности прокуратуры. При этом содержанием этого принципа является политическая нейтральность прокуроров в их деятельности, а вопросы организации прокуратуры как политически нейтрального института фактически являются лишь гарантией существования политической нейтральности прокурора.

В связи с этим следует указать на недостатки законодательства. Закон «О прокуратуре», по нашему мнению, определяет принцип политической нейтральности прокуратуры больше как принцип деятельности, однако по своему содержанию больше рассматривает его как принцип организации прокуратуры. Это выводится с того, что субъектом политической нейтральности Закон считает прокуратуру, а не прокуроров, хотя вряд ли законодатель, предусматривая принцип политической нейтральности прокуратуры, имел в виду что-то другое, а не идею политической нейтральности прокуроров. В связи с этим, на наш взгляд, п. 6 ч. 1 ст. 3 Закона «О прокуратуре» необходимо было бы изложить в такой редакции: «6) политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры».

Более основательное понимание содержания принципа политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры как принципа деятельности прокуратуры, в отличие от Закона «О прокуратуре», содержит Кодекс профессиональной этики и поведения работников прокуратуры [3]. Так, ч. 3 ст. 7 Кодекса предусматривает, что работник прокуратуры обязан выполнять свои служебные полномочия политически беспристрастно и нейтрально, не использовать их в интересах политических партий или отдельных политиков, общественных объединений (ч. 1 ст. 19 Кодекса).

Анализируя принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры, необходимо отметить, что несмотря на то, что возглавляющие прокуратуру Украины прокуроры являются представителями политических сил (так, например, в прессе небезосновательно действующего Генерального прокурора Ю. Луценка считают представителем политической партии «Блок Петра Порошенко «Солидарность», а его первого заместителя Д. Сторожука – представителем политической партии «Народный фронт»), объективно достаточно сложно привести прямые доказательства политической заинтересованности прокуроров, участия их в политической жизни страны через выполнение ими своих полномочий. Однако, как показывает практика,

случаи вероятного участия прокуроров в тех или иных политических акциях дают возможность обществу говорить о приверженности прокурора той или иной политической силе.

Так, например, решением члена квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуроров А. Ковальчука от 05.12.2017 г. было открыто дисциплинарное производство в отношении первого заместителя Генерального прокурора Д. Сторожука. Как усматривается из дисциплинарной жалобы, Д. Сторожук вроде бы грубо нарушил правила прокурорской этики, когда принял участие в съезде политической партии «Народный фронт». Согласно кодексу профессиональной этики и поведения, прокурор не может принимать участие в политических акциях и публично демонстрировать свои политические убеждения [4].

Более опасными для общества в случае их наличия (и более латентными, на наш взгляд) являются злоупотребления прокурорами своими полномочиями, направленными на политические преследования за, например, оппозиционную деятельность. Такие обвинения в Украине звучали на протяжении всего существования прокуратуры независимой Украины. Учитывая особенности украинской политики и фактическое отсутствие в Украине политиков, в жизни которых не было бы «темных пятен» и не было бы оснований для их очевидного правосудного преследования, политический характер приобретает даже так называемое «выборочное правосудие», когда одних политиков (оппозиционных или неудобных для власти) преследуют, а других, которые являются удобными, за те же действия не трогают. Предотвратить возникновение таких случаев и последующих обвинений в адрес прокуратуры, надуманных или реальных, можно только реально воплотив в жизнь принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры.

Признавая принцип политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры как принцип деятельности, нельзя не преуменьшать значение его гарантий, имеющих организационную составляющую, в частности, политически



нейтральной процедуры назначения прокуроров на должности.

Анализируя особенности практики в Украине при назначении на прокурорские и судебские должности, В. Маляренко в 2008 г. отмечал, что в Украине до сих пор сохраняется представление о прокуратуре как рабе, который должен обеспечить защиту интересов определенных политических сил, находящихся у власти. При этом с изменением политических сил во властных структурах обязательно идут попытки изменить прокурора, поставить во главе прокуратуры «своего» человека. А это значит, что идут попытки через «своего» Генерального прокурора иметь «своих» прокуроров в областях, городах и районах, «свою» законность и конституционность [5, с. 8]. К сожалению, приходится констатировать, что такая практика действительно существовала не только до 2008 г., но и существует до сих пор. Действительно, доказательством такого влияния политики на прокуратуру была постоянная смена Генерального прокурора Украины, которая зачастую происходила в связи со сменой власти в стране, несмотря на то, что срок его полномочий еще не заканчивался.

С расширением независимости прокурора при осуществлении им прокурорской деятельности и с внедрением конкурсных основ при назначении прокуроров на должности по результатам реформирования прокуратуры, очевидно, должны быть нивелированы возможности политиков лоббировать своих кандидатов на административные должности в прокуратуре. В результате реформирования прокуратуры такое политическое влияние уменьшено в связи с созданием Квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуратуры и передачей ей отдельных полномочий по назначению прокуроров на должности. Между тем, попытки реализации политического интереса еще существуют в назначении на должность самого Генерального прокурора. Попутно следует отметить, что в аспекте содержания принципа политической нейтральности особого внимания требует исследование именно процедуры назначения и увольнения Генерального прокурора и особенностей его деятельности, что объясняется

тем правовым положением, которое он занимает.

Так, согласно ст. 131-1 Конституции Украины и ч. ч. 1, 2 ст. 40 Закона «О прокуратуре», прокуратуру в Украине возглавляет Генеральный прокурор, которого назначает на должность и освобождает от должности с согласия Верховной Рады Украины Президент Украины. Срок полномочий Генерального прокурора составляет шесть лет. Одно и то же лицо не может занимать должность Генерального прокурора два срока подряд.

История с изменением требований к должности Генерального прокурора и назначением действующего на сегодня Генерального прокурора Ю. Луценко из числа народных депутатов Украины, главы крупнейшей фракции в парламенте, наталкивает на мысль о существовании в процедуре назначения Генерального прокурора политической составляющей. И это неудивительно, учитывая то, что субъектами назначения являются собственно субъекты политики – Президент Украины и Верховная Рада Украины. Обусловленным политическими договоренностями кажется и назначение первым заместителем Генерального прокурора тоже действующего на то время народного депутата – представителя коалиционной фракции в парламенте Д. Сторожука. В связи с этим, на наш взгляд, нужно согласиться с мнением Н. Процив, что особое внимание следует уделить вопросам политической нейтральности прокуроров высшего уровня, в частности Генерального прокурора [6, с. 253].

Рассматривая высказанную выше политическую составляющую в назначении действующих Генерального прокурора и его первого заместителя как более чем предположение, считаем, что существующий порядок назначения Генерального прокурора не может обеспечить его политическую нейтральность в деятельности. На наш взгляд, с целью обеспечения политической нейтральности в деятельности прокуратуры целесообразно отойти от назначения Генерального прокурора Президентом и участия в этом процессе Верховной Рады Украины.

В науке были высказаны различные мнения по улучшению процедуры назначения Генерального прокурора. Так, например, М. Косюта предложил пред-

усмотреть согласование внесения представления о назначении на должность Генпрокурора с Высшим советом юстиции [7, с. 17]. По мнению А. Медведько, необходимо обеспечить прозрачность процесса согласования соответствующей кандидатуры в Администрации Президента с обсуждением альтернативных кандидатур, окончательно определять кандидатуру с учетом мнения Высшего совета юстиции, установить двухнедельный срок внесения представления по этому поводу в парламент после прекращения полномочий предыдущего прокурора [8, с. 122].

На наш взгляд, в целом можно было бы согласиться с включением в процесс назначения Генерального прокурора такого неполитического органа, которым был в свое время Высший совет юстиции (сейчас – Высший совет правосудия). Однако считаем, что это окончательно не решит проблему существования политической составляющей в процессе назначения Генерального прокурора. Более целесообразным было бы на сегодня передать эти полномочия Квалификационно-дисциплинарной комиссии прокуроров или даже предусмотреть эти полномочия за Всеукраинской конференцией прокуроров как высшим органом прокурорского самоуправления. Указанное полностью бы нивелировало влияние политической составляющей на назначение Генерального прокурора и, как следствие, на его деятельность.

Организационные гарантии принципа политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры содержатся и в ряде других положений законодательства, устанавливающих те или иные ограничения на политическую деятельность прокуроров.

Так, действующий Закон «О прокуратуре» предусматривает, что прокурор не может принадлежать к политической партии, участвовать в политических акциях, митингах, забастовках (ч. 3 ст. 18 Закона); прокуроры не могут быть членами политических партий (ст. 6 Закона «О политических партиях в Украине»); пребывание в должности прокурора несовместимо с пребыванием в должности в любом органе государственной власти, другом государственном органе, органах местного самоуправления и с представительским мандатом на го-



сударственных выборных должностях (ч. 1 ст. 18 Закона «О прокуратуре»); на прокурора распространяются ограничения относительно совместительства и совмещения с другими видами деятельности, определенные Законом «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» (ч. 2 ст. 18 Закона «О прокуратуре»). Указанные организационные гарантии принципа политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры в целом способствуют тому, что прокуратура (а фактически прокуроры как субъекты осуществления прокурорской деятельности) является политически нейтральной в своей деятельности. Однако необходимо признать, что некоторые из приведенных положений выглядят неубедительно в аспекте обеспечения политической нейтральности прокурора.

Так, анализируя положения ст. 18 Закона «О прокуратуре» относительно установления запрета прокурора на принадлежность к политической партии, его участие в политических акциях, митингах, забастовках, Д. Добровольский вполне обоснованно отмечает, что будучи активным членом какой-либо политической партии или блока, прекращение лицом членства непосредственно накануне назначения его на должность Генерального прокурора ставит целью в большей степени выполнение формальных требований закона, чем обеспечение реального политического нейтралитета руководителя прокурорской системы. Следовательно, целесообразно было бы, как это предлагает Д. Добровольский, устранить этот недостаток внесением изменений в Закон и установить определенный срок аполитичности кандидата на должность Генерального прокурора перед его назначением на должность [9, с. 123]. Считаем необходимым согласиться с таким предложением или вообще выбирать Генерального прокурора из числа действующих сотрудников прокуратуры, что также предотвратит его политическую предвзятость.

Выводы. Принципом политической нейтральности прокуроров при осуществлении ими функций прокуратуры является такой принцип деятельности прокуратуры, согласно которому прокуроры при осуществлении

функций прокуратуры должны быть политически нейтральными, не вправе вмешиваться в политическую жизнь государства, не вправе использовать свои полномочия в интересах политических партий или отдельных политиков, общественных объединений и т. п., влиять на проведение или не проведение политических мероприятий, митингов, забастовок, использовать свои полномочия с целью достижения политических результатов.

Список использованной литературы:

1. Словник української мови: в 11 т. / редкол.: І. Білодід (голова) та ін.; Акад. наук УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. Т. 5. Київ: Наук. думка, 1974. 840 с.
2. Євровіна Л. Засади прокурорської діяльності: загальна характеристика. Науковий часопис Національної академії прокуратури України. 2016. №3. С. 74–85.
3. Кодекс професійної етики та поведінки працівників прокуратури, схвалений Всеукраїнською конференцією працівників прокуратури 28.11.2012 р. URL: http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=182040.
4. Першого заступника генпрокурора перевірять через політику. URL: <https://www.vectornews.net/news/society/46451-pershogo-zastupnika-genprokurora-perevryat-cherez-poltiku.html>.
5. Малярєнко В. Слово судді про прокурора і прокуратуру. Вісник Національної академії прокуратури України. 2008. № 2. С. 7–15.
6. Проців Н. Принцип політичної нейтральності в діяльності органів прокуратури. Юридичний науковий електронний журнал. 2015. № 2. С. 252–254.
7. Косюта М. Перспективи реформування законодавства про прокуратуру. Вісник прокуратури. 2007. № 7. С. 12–17.
8. Медведько О. Організаційно-управлінські функції і повноваження Генерального прокурора України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10; Національний університет «Одеська юридична академія». О., 2010. 215 с.
9. Добровольський Д. Незалежність як засада організації та діяльності органів прокуратури: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Одеса, 2017. 195 с.

9. Добровольський Д. Незалежність як засада організації та діяльності органів прокуратури: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Одеса, 2017. 195 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дьячков Дмитрий Сергеевич – аспирант Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dyachkov Dmitry Sergeevich – Graduate Student of National University “Odessa Law Academy”

ds.dyachkov@gmail.com



УДК 35.088.6

ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ДЛЯ УКРАИНЫ

Надежда ЖИДЕНКО,

аспирант кафедры публичного управления и публичной службы
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ систем профессионального обучения государственных служащих таких государств – членов Европейского Союза, как Великобритания, Франция и Польша. Описаны основные цели для реформирования сферы профессионального обучения государственных служащих. Акцентировано внимание на необходимости использования опыта членов ЕС для эффективного реформирования кадровых процессов, которые происходят в Украине. Выделены важнейшие условия достижения эффективности программ профессионального обучения государственных служащих Украины.

Ключевые слова: профессиональное обучение, профессиональное развитие, подготовка, переподготовка, государственный служащий, государства – члены ЕС.

THE EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES IN THE SPHERE OF VOCATIONAL TRAINING OF CIVIL SERVANTS FOR UKRAINE

Nadiia ZHYDENKO,

Postgraduate Student at the Department of Public Administration and Public Service Chair,
National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes systems of professional training of civil servants of such European Union member states as Great Britain, France and Poland. Describes main goals for reforming the sphere of vocational training of civil servants. Highlights the need to use the experience of the EU members to effectively reform the personnel processes taking place in Ukraine. Identifies the most important conditions for achieving the effectiveness of vocational training programs for civil servants of Ukraine.

Key words: vocational training, professional development, training, retraining, civil servant, EU member states.

REZUMAT

Articolul analizează sistemele de pregătire profesională a funcționarilor publici din statele membre ale Uniunii Europene precum Marea Britanie, Franța și Polonia. Sunt descrise principalele obiective ale reformei sferei de formare profesională a funcționarilor publici. Atenția se concentrează asupra necesității de a utiliza experiența membrilor UE pentru a reforma eficient procesele de personal care au loc în Ucraina. Cele mai importante condiții pentru realizarea eficienței programelor de formare profesională pentru funcționarii publici din Ucraina sunt evidențiate.

Cuvinte cheie: formare profesională, dezvoltare profesională, formare, recalificare, funcționar public, state membre ale UE.

Постановка проблемы. Только высокопрофессиональные кадры способны обеспечить динамичное социально-экономическое развитие страны, ее конкурентоспособность на международной арене и эффективность государственного управления в целом. Не секрет, что способствовать этому призвана отечественная система подготовки кадров для органов государственной власти и местного самоуправления. Стоит отметить, что на современном этапе эта система должна сосредоточить свои усилия, прежде всего, на формировании качественно новой парадигмы профессионального обучения. Именно ее сле-

дует рассматривать как инструмент достижения высокой функциональной способности человеческого потенциала страны.

В Украине, к сожалению, пока несовершенна система повышения квалификации и обучения государственных служащих, поскольку она основывается, прежде всего, на подготовке исключительно университетского типа, что соответственно позволяет слушателям овладеть только глубокими теоретическими знаниями, но не практическими. Таким образом, система обучения государственных служащих мало ориентирована на выработку именно практических навыков и уме-

ний, которые являются чрезвычайно необходимыми.

Актуальность темы исследования. Профессиональное обучение государственных служащих в Украине не совсем соответствует установленным нормам и стандартам. Стоит отметить, что управленцы требуют профессионального обучения соответствующего уровня. Такое нормирование профессионального обучения государственных служащих – это, прежде всего, составляющая непрерывного процесса получения образования по накоплению и совершенствованию профессиональных знаний, умений и навыков государственного служащего для осуществ-



вления его профессиональной деятельности.

На современном этапе движущий мотив для нормализации профессионального обучения управленцев – это заложенный Законом Украины «О государственной службе» № 889-VIII от 10 декабря 2015 г., переход от карьерной системы государственной службы на систему должностей. Иначе говоря, речь идет о конкурсном отборе на должность государственного служащего с учетом продемонстрированной им компетентности.

Состояние исследования. Сегодня проблема профессионального обучения персонала достаточно активно исследуется. Профессиональное обучение и развитие персонала в странах Европейского Союза исследовали такие украинские ученые: Л. Пуховская, А. Ворначев, С. Леу [8], М. Осийчук [7] и другие, а также зарубежные ученые (С. Борковская [3], Д. Боссарт, К. Демке [4], А. Кузнецов [6]).

Целью и задачей статьи является изучение опыта государств – членов Европейского Союза в сфере профессионального обучения государственных служащих и выделение важнейших условий достижения эффективности программ профессионального обучения государственных служащих для Украины на основе опыта стран ЕС.

Изложение основного материала. Сегодня в Украине на профессиональное обучение персонала выделяется около 1% от фонда заработной платы. В странах ЕС периодичность повышения квалификации работников составляет около пяти лет, в Японии – от одного до полутора лет. За счет финансовых ресурсов предприятий системой профессионального обучения ежегодно охватывается 11,5% учетного количества штатных работников. В общем средние затраты предприятий на повышение уровня квалификации работников во Франции составляют 3% фонда заработной платы и продолжают дальше расти [10].

К примеру, в Великобритании расходы на профессиональное обучение работников составляют 3,6% от ВВП. При этом особое значение придается развитию у работников таких трудовых навыков, как способность к коммуникации, умение строить отношения с клиентами, умение работать в коллективе и

решать проблемы, а также грамотность, общие навыки в области информации и технологий, которых не хватает многим лицам, занятым поиском работы, а это и является препятствием для набора персонала или служит причиной снижения потенциальной производительности учреджений [9].

Непосредственная связь результатов обучения с продвижением по службе в Великобритании составляет устойчивую мотивацию к непрерывному профессиональному росту государственных служащих и приумножению эффективности их деятельности. Учитывая это, для украинской практики управления профессиональным развитием кадров государственной службы на примере Великобритании была бы полезной разработка четких индикаторов и критериев оценки компетентности государственных служащих и обеспечения постоянной связи результатов обучения и продвижения по службе.

Критерии и индикаторы оценки компетентности государственных служащих было бы рационально внедрить в систему контроля над качеством выполняемой работы. Это позволит более четко интерпретировать обязанности государственных служащих и обусловить необходимость непрерывного повышения уровня их профессионализма.

Исследование опыта Великобритании свидетельствует о необходимости:

- наличия корпуса высших государственных служащих и специально разработанных учебных программ для них;

- развития компетенций, необходимых для успешного сотрудничества с европейскими институтами, коллегами из государств – членов ЕС, зарубежными партнерами, международными организациями;

- использования компетентностного подхода при внедрении новых учебных программ для государственных служащих.

Д. Боссарт, К. Деммке считают, что во всех странах Центральной и Восточной Европы существует насущная необходимость в создании профессиональной системы подготовки должностных лиц, которая способствовала процессу модернизации и адаптации органов управления к условиям европейской интеграции [5].

Следовательно, проведение реформы государственного управления и формирования государственного служащего, способного работать на высоком профессиональном уровне и одновременно быстро реагировать на потребности, запросы и вызовы общества, действовать добросовестно, порядочно, объективно, честно и беспристрастно, концентрировать внимание на качественном и эффективном предоставлении государственных услуг, должно стать одной из ключевых задач в последовательном построении всеобщего благосостояния государства.

Необходимо отметить, что успех развития и модернизации государственного управления, кроме соответствующих целей и задач, определенных в этой сфере политическим руководством, требует мощного лидерства на уровне высшего корпуса государственной службы [5], так как лидерство – сердцевина любого надлежащего демократического управления и фактор совершенствования способности и эффективности управленческой деятельности органов власти, основанная, прежде всего, на образцах творчества, стратегического мышления и доверия.

Весьма полезным для Украины также является и опыт Франции, где государственная служба имеет свою внутреннюю структуру, то есть функционально организована с определенными закономерностями и принципами деятельности, с высокоэффективным человеческим капиталом. Уровень квалификации персонала государственной службы – различных органов и их подразделений – определяет оптимальность ее функционирования. Собственно, деятельность системы государственной службы Франции обеспечивается существованием ряда подсистем, основными из которых являются отбор, подготовка и карьерное продвижение государственных служащих. Государственная служба Франции построена на основе карьерного развития, которое гарантирует государственным служащим занятость на протяжении всей их профессиональной жизни [7, с. 257].

Из указанного выше можно заметить, что во Франции закрытая система служебной карьеры полностью регламентирована. Ее суть заключается в том, что правовой статус чиновника



учитывает специфику государства, поэтому государственная служба регулируется нормами административного права и права государственной службы. Такая система ориентирована на то, что государственный служащий, поступив на службу, уже не уйдет из нее к пенсии, постепенно продвигаясь по служебной лестнице.

К тому же во Франции существует институт так называемых «политических» чиновников. Они пользуются всеми привилегиями чиновников, но в целом не связаны с иерархической системой административно-государственного управления, поскольку с самого начала поставлены над ней. Они представляют собой своего рода определенную политическую «надстройку» над формально нейтральным чиновничеством. На самом деле политические чиновники играют роль эталонов, с которыми сверяют свою деятельность все чиновники.

К политическим назначенцам относятся должности директоров и членов министерских кабинетов, директоров административных департаментов, генеральных комиссаров, генеральных секретарей департаментов. Назначение всех этих лиц проводится по решению правительства или заинтересованного министра. Эти лица уходят в отставку вместе с правительством. Кроме того, государственная служба Франции относится к наиболее стабильным и организованным в мире, поэтому является определенным эталоном организации и реализации государственно-служебных отношений Украины.

Выпускники Национальной школы публичного администрирования в Польше автоматически получают статус государственного служащего, что является отличным от реализации профессионального потенциала государственных служащих в Украине.

Достаточно показательно для Украины то, что цели реформирования системы профессионального обучения Польши включали следующие особенности:

1) краткосрочные цели:

– обучение с целью достижения соответствия вызовам, которые возникли в результате изменений в экономической и социальной среде управления, издания новых законов и уставов (государственные закупки, финансовый менеджмент);

– обучение с целью повышения производительности работы сотрудников сферы государственного управления путем предоставления им общих навыков (иностранные языки, компьютерная грамотность и т. п.);

2) долгосрочные цели:

– подготовка государственных служащих к процессу европейской интеграции;

– повышение уровня рационализации в работе государственного служащего;

– повышение эффективности функционирования государственного управления;

– повышение экономической эффективности функционирования государственного управления;

– развитие навыков менеджера среди руководящих кадров [2].

Из указанного выше можно сделать вывод, что цели реформирования системы профессионального обучения Польши охватывали два основополагающих критерия профессионального потенциала – развитие знаний и практических качеств. Для развития непосредственно личностных качеств предполагается развитие менеджерской компетентности.

В целом система профессионального обучения Польши состоит из следующих компонентов:

1) централизованное профессиональное обучение. Оно разрабатывается на том же уровне, на котором оно организовано, для целевой группы государственных служащих; используется для предоставления знаний и улучшения навыков, которые отмечены как приоритетные для государственных служащих (обучение навыкам работы в команде, координация деятельности на рабочем месте и в рамках всей институции, распространение стандартов работы учреждения) [3].

При разработке плана централизованного профессионального обучения определяются направления профессиональной подготовки, типы тренингов и рекомендации для организаторов профессионального обучения государственных служащих Польши;

2) общее профессиональное обучение:

– цель – повышение уровня знаний и умений государственных служащих, которые необходимы для того, чтобы они правильно выполняли свои задачи;

– охватывает темы, общие для государственного управления, с особым акцентом на информационные технологии, иностранные языки, административное право, обеспечение государственных закупок, общие вопросы европейской интеграции, вопросы защиты конфиденциальной информации и персональных данных, стандарты, лежащие в основе эффективной работы организации и надлежащего предоставления услуг гражданам;

3) профессиональное обучение в соответствии с индивидуальной программой профессионального развития государственного служащего, которое доступно через участие государственных служащих Польши в централизованных, общих и специализированных тренингах;

4) школа стратегического управления для генеральных директоров – специализированные курсы, которые ставят целью расширение знаний и умений участников такого типа обучения и обмен опытом;

5) специализированное профессиональное обучение, которое помогает расширить и обновить знания и навыки государственных служащих в областях, которые соответствуют их служебным обязанностям. Целевыми слушателями являются, в частности, члены корпуса государственной службы, которые работают на должностях специалистов [3].

В целом варианты подготовки государственных служащих тоже различаются – как в Украине, так и среди стран ЕС.

1. «Естественный». В Украине этот подход работает неформальным образом: человек попадает на рабочее место и учится правилам поведения на практике должностных конфликтов и неудач на государственных должностях; в более организованном виде этот подход реализуется в рамках британской Civil Service Fast Stream – двухлетней государственной программы оплачиваемых стажировок на реальных рабочих местах со структурированной поддержкой.

Главная проблема подхода заключается в том, что новые управленцы перенимают взгляды, стиль и поведенческие модели, которые уже сформировались в пределах аппарата. Именно поэтому успех государственного управления по-



падает в зависимость от отдельных лиц, которые владеют или не владеют личным уровнем свободы, знаний и острым критическим взглядом.

2. Конструктивистский. Делает ставку на структурированную целенаправленную подготовку профессиональных управленцев; суть его заключается в искусственном выделении (конструировании) объекта «общество» и организации обучения вокруг практических ситуаций работы с ним. Школы государственного управления, которые используют этот подход (французская ENA и польская NSPA), опираются на фундамент в виде философских и этических принципов, стоящих за практикой государственного управления; французская ENA пошла путем обучения стандартным алгоритмам, которые, как правило, зафиксированы в нормативно-правовой базе.

Проблема конструктивистского подхода, используемого школами государственного управления, заключается в неспособности их выпускников подходить к управлению творчески и инновационно. Дело в том, что обучение методам практики оправдывается только для исполнителей, рядовых госслужащих. Управленцам же необходимо уметь подходить к практике принятия важных решений, отталкиваясь от рамочных принципов.

Что касается содержания программ обучения в европейских странах, то в отличие от Украины они (как в рамках подготовки будущих, так и в случае повышения квалификации действующих управленцев), как правило, формируются с учетом должностных квалификационных профилей – так называемого набора ключевых компетенций. Компетенции же используют как основу для определения индивидуальных потребностей в обучении и важный критерий для принятия решений о должностном росте государственного служащего [1].

Отличается также и формат профессионального обучения государственных служащих Украины и стран ЕС. В силу необходимости обеспечения интенсивности обучения и улучшения восприятия информации, в последнее время в Европе оправдала себя практика проведения таких занятий по краткосрочным программам, однако с полным отрывом от выполнения

служебных обязанностей [6]. Учебный процесс проводится по возможности удаленно от места основной работы государственного служащего, таким образом, чтобы его контакты с коллегами и подчиненными по текущим вопросам и проблемам были сведены к минимуму, чего нельзя наблюдать в Украине на современном этапе.

Выводы. Таким образом, изучение опыта стран – членов ЕС явно свидетельствует о том, что важными условиями достижения эффективности программ профессионального обучения государственных служащих являются такие:

- максимальная адаптация учебных программ к конкретным потребностям;
- широкое использование интерактивных методов обучения;
- приглашение опытных специалистов-практиков и известных гостей для проведения семинаров/круглых столов;
- гибкость в организации системы обучения, что позволяет оперативно реагировать на новые потребности и вызовы;
- комплектование групп для обучения преимущественно из служащих, замещающих должности с аналогичным набором функциональных обязанностей и степенью ответственности;
- обеспечение широких возможностей для обмена опытом между участниками семинаров, что является одним из важных источников получения новых знаний и навыков;
- обучение в малых группах на расстоянии от места основной работы, чтобы контакты с подчиненными и коллегами по текущим служебным вопросам были сведены к минимуму.

Зарубежный опыт является доказательством того, что для модернизации государственной службы власти необходимо содействовать развитию соответствующего высокого уровня профессионализма работников и иметь в резерве высококвалифицированных и компетентных государственных служащих. Это связано, прежде всего, как с внешними, так и с внутренними вызовами современного мира, которые побуждают государственную власть не только видеть, но и воплощать перспективы дальнейшего развития подхода к подготовке нового высококвалифицированного поколения государственных служащих, владеть необходимыми

способностями для результативного и качественного решения актуальных проблем.

Список использованной литературы:

1. Managing Senior Management: Senior Civil Service Reform in OECD Member Countries. Background Note.
2. OECD (1997), “Country Profiles of Civil Service Training Systems”. SIGMA Papers, No. 12, OECD Publishing. Pp. 140–156. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5kml6g5hxl6-en>.
3. Borkowska S., Urbaniak B. The civil service training system in Poland. University of Łódź. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/nispacee/unpan023465.pdf>.
4. Боссарт Д., Деммке К. Державна служба у країнах – кандидатах до вступу до ЄС: нові тенденції та вплив інтеграційного процесу; пер. с англ. О. Шаленко. К.: Миллениум, 2004. 128 с.
5. Концепція формування та розвитку вищого корпусу державної служби (проект). Школа вищого корпусу державної служби. URL: <http://www.school.gov.ua/uk/zagalne/konceptiya-formuvannya-ta-rozvitku-vischogokorpusu-derzhavnoyi-sluzhbi>.
6. Кузнецов О. О моделях и особенностях дополнительного профессионального образования государственных служащих. Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2009. № 6. URL: <http://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2009/6/>.
7. Осійчук М. Модернізація державного управління і розвиток персоналу (французький досвід). Збірник наукових праць «Ефективність державного управління». № 27. Львів: ЛПРИГУ НАГУ, 2011. С. 253–263.
8. Пуховська Л., Ворначов А., Леу С. Професійний розвиток персоналу підприємств у країнах Європейського Союзу: посібник; за наук. ред. Л. Пуховської. Київ: ІПТО НАПНУ. 2015. 176 с.
9. Профессиональные навыки, способствующие росту производительности, занятости и развитию. Международная конференция труда, 97-я сессия. Женева: МОТ. 2008. 182 с.
10. Юрик Я., Близнак В. Якість робочої сили як ключовий фактор



інноваційного розвитку України. Економіка і прогнозування. 2014. № 1. С. 67–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жиденко Надежда Анатольевна – аспирант кафедры публичного управления и публичной службы Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhydenko Nadiia Anatoliivna – postgraduate, Public Administration and Civil Service Chair, National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

n.zhydenko@gmail.com

УДК 342.7

ПРАВА РЕБЕНКА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Юлия ЗАВГОРОДНЯ,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье во взаимосвязи цивилизационного и исторического аспектов рассматриваются права ребенка. Анализируются международные документы в этой сфере. Акцентируется внимание на том, что источником прав ребенка, как и прав человека, в цивилизационном аспекте является западная культура. Исторически именно в этой культуре происходило «наполнение» прав человека и прав ребенка содержанием, которое они сейчас имеют. Права ребенка только в XX веке в международных договорах получили те же признаки, которые имеют права человека.

Ключевые слова: Декларация о правах ребенка, западная культура, права ребенка, права человека, Конвенция о правах ребенка.

RIGHTS OF THE CHILD: CIVILIZATION AND HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Yuliya ZAVGORODNIA,

Candidate of Science in Law, Senior Lecturer of the Theory and History of State and Law Department of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the rights of the child interactively with the civilization and historical aspects. International instruments within this field are analyzed. Attention is paid to that that the source of the rights of the child as human rights in civilization aspect is western culture. Historically exactly within this culture “filling” of human rights and rights of the child with the content they have now took place. Only in the XX century rights of the child have received the same signs as human rights within international instruments.

Key words: Declaration of the Rights of the Child, western culture, rights of the child, human rights, Convention of children’s rights.

REZUMAT

Articolul se referă la drepturile copilului în relația dintre aspectele civilizaționale și cele istorice. Analiza documentelor internaționale în acest domeniu. Atenția se concentrează asupra faptului că sursa drepturilor copilului, precum și drepturile omului, în aspect civilizator, este cultura occidentală. Din punct de vedere istoric, în această cultură a fost “umplerea” drepturilor omului și a drepturilor copilului cu conținutul pe care îl dețin acum. Drepturile copilului numai în secolul al XX-lea în tratatele internaționale au primit aceleași semne care au drepturi ale omului.

Cuvinte cheie: Declarația privind drepturile copilului, cultura occidentală, drepturile copilului, drepturile omului, Convenția privind drepturile copilului.

Постановка проблемы. Мировые процессы глобализации, которые интенсифицировались во второй половине XX века, привели к определенному сближению национальных правовых систем, активизировали компаративные исследования. В правовой оборот государств постсоветского пространства вошли такие термины, как «гендерное равенство», «толерантность», «верховенство права», «абсолютные

права», «естественные права», «естественное право», «права людей с ограниченными возможностями», «права ребенка» и многие другие. На сегодняшний день в отечественной правовой науке явления, обозначаемые названными выше терминами, перманентно находятся в центре внимания ученых. Им посвящено значительное количество диссертаций, как кандидатских, так и докторских. Однако менее иссле-



дованными являются права ребенка, что, по нашему мнению, обусловлено как историческими, так и цивилизационными факторами, которые требуют детального изучения.

Актуальность темы исследования прав ребенка обуславливают и реалии общественной жизни. Так, по словам Уполномоченного Президента Украины по правам ребенка Н. Кулебы, «12% детей пострадали от агрессии на Востоке; 27% детей страдают от жестокости и насилия; больше 100 000 детей вынуждены жить не в семье, а в интернатном учреждении; 154 000 детей с инвалидностью лишены возможности полноценной жизни в социуме; по исследованиям, каждый третий ребенок живет за чертой бедности» [1].

Еще более широкую статистику приводит С. Закирова: «За 25 лет независимости страны с 1991 г. детское население уменьшилось почти в два раза и сегодня составляет 7,6 млн детей. <...> Каждый второй ребенок живет с одним из родителей, обычно это мама. С рождением каждого второго ребенка в семье 80% семей попадают за черту бедности. Мы в первых рейтингах по детской смертности. Украина сейчас занимает 186 место в мире по показателю рождаемости и 13 место в мире – по показателю вымирания нации. Каждый 50-й ребенок живет в спецучреждении по типу интерната. Почти 106 тыс. детей, или 1,5% всего детского населения страны, воспитываются в интернатах, но только 8% из них являются сиротами – остальные 92% имеют родителей» [2].

Целью и задачей статьи является исследование цивилизационных и историко-правовых аспектов прав ребенка.

Изложение основного материала. Комплексность проблемы прав ребенка предполагает использование метода научного познания. Учитывая социокультурный характер прав ребенка, необходимо применить аксиологический и диалектический методы. Первый позволил определить культурологические предопределенности возникновения прав ребенка в пределах, прежде всего, западной цивилизации. Диалектический метод сделал возможным исследовать развитие понимания прав ребенка в контексте развития прав человека, а также подтвердить вывод о

генезисе прав ребенка (как и прав человека в целом) в пределах западного мира. И только в XX веке права человека (как и права ребенка) приобретают статус универсальных (но не по содержанию). Использование логических методов анализа и синтеза позволило выделять определенные аспекты прав ребенка, обобщать положения и делать выводы. Статистический метод использован для анализа статистических данных в сфере обеспечения прав ребенка.

Предмет исследования предопределил использование международных договоров в сфере прав человека и ребенка, среди которых Женевская декларация прав ребенка, Декларация прав ребенка, Конвенция о правах ребенка, а также научных статей и материалов парламентских слушаний.

Как известно, права человека – явление западной правовой цивилизации. Для Востока имманентным является коллективизм. Само название «права человека» указывает на субъекта владения – человека (конкретного индивида), то есть это всегда определенные возможности, которые ограничивают сферу вмешательства и адресуются другим – людям, их объединениям, в том числе и государству. Поэтому вопрос наличия «коллективных прав» остается дискуссионным (даже так называемое право на коллективные петиции является по своей сути индивидуальным, хотя реализуется одновременно несколькими/многими людьми: «Если я не поставлю свою подпись под обращением, за меня это не сделает кто-то другой»). Хотя определенные исключения и можно назвать: речь идет о правах третьего поколения, например, о праве наций на самоопределение или о праве народа на восстание. Отметим, что это скорее исключение, чем правило, к тому же исключение, подтверждающее правило. Ведь это разнопорядковые явления. Так, последние никоим образом не отрицают прав человека на жизнь, свободу, свободу выражения мнения и др., поскольку признают каждого как социальную ценность, предусматривают достоинство каждого человека. Между тем превалирование коллективных ценностей отрицает это, человек лишается свободы передвижения, свободы выражения собственных взглядов, личной неприкосновенности и т. д.

Поэтому права человека как явление цивилизационное являются достоянием западной культуры.

Что касается Украины, то к цивилизационному фактору добавляется исторический. Так, выбрав курс на евроинтеграцию, провозгласив европейские ценности (человек как основная ценность, верховенство права, правовое государство, гражданское общество), казалось бы, должно быть соответствующее понимание и прав человека (как средства ограничения произвола государства, как требование к государству, ведь именно государство, а не другой человек выступает субъектом нарушения прав человека; в этом проявляется вертикальность прав человека). Однако и сегодня данная категория рассматривается преимущественно так, как она интерпретировалась в Советском Союзе: «Права человека – это гарантированная законом мера возможности...».

К примеру, Д. Ковинько определяет права человека как правовые возможности (степень свободы) лица, способные обеспечить его развитие в конкретно-исторических условиях, которые закреплены как международные стандарты, гарантированные законами государства как неотчуждаемые, всеобщие и равные для всех людей, объективно определяются уровнем развития человечества и могут обеспечиваться и защищаться государством в объеме международных стандартов [3, с. 48].

Подобным образом понимает права человека и академик О. Скакун: «Права человека – это гарантированная законом мера свободы (возможности) лица, которая в соответствии с достигнутым уровнем эволюции человечества в состоянии обеспечить его существование и развитие и закреплена в виде международного стандарта как общая и равная для всех людей» [4, с. 218].

Как «формально определенные, юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами, как официальную меру возможного поведения человека в государственно-организованном обществе» интерпретирует указанное понятие ведущий российский ученый М. Марченко [5, с. 368].

Как правильно отмечает А. Кучук, при принятии Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. за ее принятие проголосовало 48 государств, но



были и государства, которые воздержались. Выступая по поводу принятия указанного документа, А. Вышинский отметил: «Нас нельзя сбить с нашей позиции демагогическими криками и всхлипываниями о том, что нельзя, мол, ограничивать человеческую свободу, права человека. Нет, можно, если эта свобода используется во вред общественному благу, интересам народа» [6, с. 236]. И сегодня очень трудно «преломить» этот исторический фактор, ведь фактически все юристы получают образование в этом «советском» контексте (а к этому пониманию прав человека добавляется еще и преподавание нормативистского подхода к пониманию права, когда последнее интерпретируется как результат деятельности государства).

Отметим, учитывая исторический фактор, что ни в Российской империи, ни в Советском Союзе почти не шла речь о правах ребенка (опять же, учитывая и цивилизационный фактор), ведь в основу прав ложились такие категории, как «общество», «коллектив», «власть советов» и другие. Ребенок рассматривался как часть или семьи, или коллектива (государства). Особенно четко это прослеживается в Советском Союзе, когда с самого детства человек попадал под контроль власти (вспомним сборы октябрят, пионеров, комсомольцев; партийные собрания по четвергам с конспектами; субботники, митинги, художественную самодеятельность в домах культуры и многое другое – все делалось, чтобы ребенка «вырвать» из семьи, при этом заняв и родителей) для формирования необходимого для этой власти сознания.

Освещая отдельные аспекты феминизма, Ю. Колесник отмечает: «В 1935 г., на фоне надвигающейся войны, было прекращено производство контрацептивов. А в 1936 – снова криминализован аборт. Советскому Союзу были нужны солдаты, и женщина, рожаящая в то время в среднем одного ребенка, государство не устраивала. Кроме того, 1 октября 1941 г. был установлен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан» [7]. Приведенные слова касаются не только отношения к женщине, но указывают и на отношение к детям. Кстати, первые международные документы в области прав ребенка рассматривали ребенка не как социальную

ценность, а прежде всего как человеческий организм, требующий особого ухода.

На это указывает и отношение значительной части украинцев к ювенальной юстиции. «Одной из основных проблем, возникающих на пути практического внедрения в Украине ювенальной юстиции и восстановительного правосудия, является негативное отношение к самому институту ювенальной юстиции со стороны общественности, ряда ученых, церкви и других институтов», – отмечает С. Закирова [2].

Показательны в этом аспекте слова епископа Украинской правоверной греко-католической церкви (УПГКЦ) Владыки Тимофея, пресс-секретаря Синода: «Ювенальная юстиция скрывает в себе три основные вещи, которые будут иметь юридическую силу. Первой является насильственное изъятие у родителей детей и лишение родительских прав. Второй – дискриминация прав и обязанностей родителей воспитывать своих детей согласно моральным и христианским ценностям. И третьей – подрыв отношений между ребенком и родителями, которые якобы и являются врагами ребенка» [8].

Подобное видение ребенка было присуще и западной цивилизации (но в аспекте безмерной власти родителей). Например, довольно известным является решение Европейского суда по правам человека по делу «А. против Соединенного Королевства» (A. v. The United Kingdom), принятое 19 февраля 1998 г. Десятилетний юноша обратился в Европейский суд по правам человека с жалобой, что Соединенное Королевство не защитило его со стороны отчима от обращения, которое унижает достоинство, а это является нарушением ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это поведение отчима состояло в периодическом применении к заявителю «умеренного телесного наказания» (так как он был «тяжелым ребенком»), что разрешалось законодательством [9].

Акцентируем внимание на том, что это решение было принято в конце XX века. К этому времени, несмотря на признание прав человека, подписание ряда международных договоров в сфере обеспечения прав человека, законодательство Англии позволяло телесное наказание ребенка. Более того,

английские суды принимали решения не в пользу истца (несмотря на то, что в этом государстве действует судебный прецедент, право делится на право общее и право справедливости, на то, что концепция верховенства права является английской и была разработана еще в XIX веке).

Понятно, что Европейский суд по правам человека отметил, что наличие такого законодательства не соответствует принципу верховенства права, так как не обеспечивает ребенку действенные меры сдерживания. Объединенное королевство не выполнило позитивное обязательство, предусмотренное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод: «Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического и психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке» [10].

В Каирской декларации о правах человека в исламе от 5 августа 1990 г. провозглашается: «С момента рождения каждый ребенок имеет право на получение со стороны родителей, общества и государства надлежащего ухода, воспитания, а также материальной, физической и моральной поддержки. Мать и плод должны быть окружены особой заботой» (п. «А» ст. 7) [11].

26 ноября 1924 г. в Женеве была принята Декларация прав ребёнка, которая закрепляла 5 принципов, связанных с особым положением ребенка (ввиду его физической и умственной незрелости) и касающихся средств, необходимых для нормального физического и духовного развития; атмосферы любви и защиты от всех форм эксплуатации; воспитания в духе того, что его лучшие качества должны служить на пользу другим людям; обязанностей накормить ребенка, оказать помощь больному ребёнку; обеспечения приюта и поддержки сироте и бездомному ребёнку; помощи в тяжёлое время испытаний.

Во Всеобщей декларации прав человека речь идет не столько о правах



ребенка, сколько о его социальной защите. «Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой», – говорится в ч. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека.

Только принцип 1 Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1959 г., четко провозгласил, что «ребенку должны принадлежать все указанные в настоящей Декларации права. Эти права должны признаваться за всеми детьми без всяких исключений и без различия или дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, касающегося самого ребенка или его семьи» [12].

Едва ли не первым шагом к «уравнению в правах ребенка и человека» стала непосредственно Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., в ст. 4 которой провозглашается: «Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в настоящей Конвенции. По экономическим, социальным и культурным правам Государства-участники принимают такие меры в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов и при необходимости в рамках международного сотрудничества» [13]. Это предписание позволяет сделать вывод об утверждении доктрины относительно интерпретации прав человека как прав гражданских (личных) и политических, ведь вопрос отнесения социальных, экономических и культурных прав до сих пор остается нерешенным. Не существует единого подхода в рамках западной культуры к идентификации последних именно как прав человека.

Выводы. Таким образом, источником прав ребенка, как и прав человека, в цивилизационном аспекте является западная культура. Исторически именно в этой культуре происходило «наполнение» прав человека и прав ребенка содержанием, которое они сейчас имеют. Права ребенка только в XX веке

в международных договорах получили те же признаки, которые имеют права человека. В пределах Советского Союза, хотя и употреблялся термин «права человека», под ним понимали, прежде всего, социальное обеспечение, льготы и т. п., а не личные и политические возможности.

Список использованной литературы.

1. Парламентські слухання «Права дитини в Україні: забезпечення, дотримання, захист» (12 жовтня 2016 р.). URL: http://static.rada.gov.ua/zakon/new/par_sl/sl1210116.htm.

2. Закірова С. Ювенальна юстиція в Україні: проблеми, перспективи. URL: http://nbuviap.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=2734:yuvnalna-yustitsiya-v-ukrajini&catid=8&Itemid=350.

3. Ковінько Д. Поняття та зміст конституційного забезпечення прав людини і громадянина в Україні. Юридичний вісник. 2011. № 2(19). С. 47–51.

4. Скакун О. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс): підручник. Харків: Еспада, 2006. 776 с.

5. Теория государства и права. Часть 1. Теория государства: учебник / под ред. М. Марченко. М.: «Зерцало-М», 2011. 516 с.

6. Кучук А. Теоретичні основи правового поліцентризму: моногр. Дніпро: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ; Ліра ЛТД, 2017. 312 с.

7. Колесник Ю. Право имею, но не люблю: Об отношении украинских женщин к феминизму. URL: <http://thedevochki.com/2018/01/23/pravo-imeyu-no-ne-lyublyu-ob-otnoshenii-ukrainskih-zhenshhin-k-feminizmu/>.

8. Ювенальна юстиція: два погляди – ЗА і ПРОТИ. URL: <http://4vlada.com/rivne/11688>.

9. Case of A v. the United Kingdom, Application no.3455/05, Council of Europe: European Court of Human Rights, 19 February 2009. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-91403>.

10. Конвенція про права дитини від 20 листопада 1989 р. Зібрання чинних міжнародних договорів України. 1990. № 1.

11. Каирская декларация о правах человека в исламе. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_882.

12. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_384.

13. Конвенція про права дитини від 20 листопада 1989 р. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завгородняя Юлия Степановна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zavgorodnia Yuliya Stepanovna – Candidate of Science in Law, Senior Lecturer of the Theory and History of State and Law Department of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

dnep-2015@i.ua



УДК 346.93

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наталья ИВАНЮТА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры права и публичного администрирования
Мариупольского государственного университета

АННОТАЦИЯ

Актуализуется необходимость изучения отдельных аспектов информатизации хозяйственного судопроизводства как неотъемлемого элемента эффективности судебной защиты прав и законных интересов физических, юридических лиц и государства. Обозначаются факторы, влияющие на динамику информатизации в хозяйственно-процессуальной сфере: глобализация правовых систем, информатизация сферы хозяйствования, финансовое обеспечение и общественный запрос на упрощение доступа к судебной системе. Рассматриваются узкий и широкий подходы к определению «Электронный суд». Представляются материалы относительно регистрации и пользования системой «Электронный суд» через официальный сайт судебной власти. Предлагается понятие системы «Электронный суд» с учетом процессуальных реалий. Рассматриваются преимущества и недостатки внедрения такой системы в национальное правосудие в рамках судебной реформы как объективного, так и субъективного характера.

Ключевые слова: информатизация, хозяйственное судопроизводство, электронный суд, электронное управление, судебная реформа.

INDIVIDUAL ASPECTS OF COMPUTERIZATION IN COMMERCIAL PROCEEDINGS

Nataliya IVANYUTA,

Ph.D. in Law, Associate Professor Head
of Department of Law and Public Administration of Mariupol State University

SUMMARY

Updates the need to study individual aspects of computerization of commercial proceedings as an integral element of the effectiveness of judicial protection of the rights and legitimate interests of individuals, legal entities and the state. Factors influencing the dynamics of computerization in the commercial and procedural sphere are identified: globalization legal systems, computerization of the sphere of management, financial support and public request for simplification of access to the judicial system. A narrow and broad approach to the definition of "Electronic Court" is considered. Materials are presented regarding the registration and use of the "Electronic Court" system through the official website of the Judicial Authority. The concept of the "Electronic Court" system is proposed taking into account the procedural realities. The advantages and disadvantages of introducing such a system into national justice are considered in the framework of judicial reform, both objective and subjective.

Key words: computerization, commercial proceeding, e-court, e-government, judicial reform.

REZUMAT

Necesitatea de a studia anumite aspecte ale informatizării procedurilor juridice economice ca element integrant al eficacității protecției judiciare a drepturilor și intereselor legitime ale persoanelor fizice, juridice și ale statului este actualizată. Se identifică factori care influențează dinamica informatizării în sfera economică și procedurală: globalizarea sistemelor juridice, informatizarea sferei managementului, securitatea financiară și cererea publică de simplificare a accesului la sistemul judiciar. Se ia în considerare o abordare îngustă și amplă a definiției "Curții electronice". Sunt prezentate materiale privind înregistrarea și utilizarea sistemului "Curții electronice" prin intermediul site-ului oficial al Autorității Judiciare. Se propune conceptul sistemului "Curții electronice", ținând seama de realitățile procedurale. Avantajele și dezavantajele introducerii unui astfel de sistem în justiția națională sunt considerate în cadrul reformei judiciare, atât obiective, cât și subiective.

Cuvinte cheie: informatizare, proceduri juridice economice, e-tribunal, e-guvernare, reforma judiciară.

Актуальность темы. Устоявшаяся тенденция глобализации правового пространства, аппроксимация правовых систем, интеграция и усложнение общественных отношений, идеологическое изменение концепции судебной защиты на основе справедливости обуславливают необходимость формирования новых национальных правовых подходов в понимании разрешения юридических споров.

В национальной судебной реформе новым подходом в разрешении хозяйственных споров на принципах оптимизации, оперативности хозяйственного судопроизводства выступает информатизация его организационных и функциональных элементов. Процесс информатизации в хозяйственной процессуальной сфере обуславливается различными факторами, что в свою очередь влияет на определение его направлений.

В контексте европейских и национальных процессов информатизации сферы правосудия урегулирование хозяйственно-процессуальных правоотношений с помощью новых технологий занимает важное место, а отдельные аспекты имеют ряд практических проблем.

Состояние исследования. Отдельные аспекты информатизации национального судопроизводства были



исследованы такими учеными как Н.И. Логинова [1], В.В. Белоус [2], В.А. Смирнова, М.М. Пархоменко [3], А.В. Бринцев [4].

Несмотря на вышеперечисленные научные исследования, актуальность и недостаточность изученности факторов влияния на динамику процессов информатизации в хозяйственном судопроизводстве, отдельных системных вопросов действия его инструментария являются предпосылками к тому, чтобы они стали объектом данной статьи и дальнейшего научного исследования.

Целью статьи является анализ отдельных аспектов информатизации в хозяйственном судопроизводстве.

Изложение основного материала. Первоочередными в национальной программе реформирования системы правосудия являются вопросы оптимизации судебного процесса, обеспечение оперативности рассмотрения хозяйственных дел и информационной грамотности участников хозяйственного судопроизводства. В юридической литературе отмечают, что современные технологии должны гарантировать соблюдение основных правовых принципов, целостность и подлинность документов, конфиденциальность данных и независимости судебной системы [1, с. 430]. Для этого необходимо внедрять в систему судопроизводства не только системы фиксации судебных решений, но и системы коммуникации участников судопроизводства, проведение дистанционного рассмотрения судебных дел, автоматизированные банки данных дел и судебных решений, информационно-поисковые системы, автоматизированные рабочие места судьи, помощника судьи и т.д. [2].

Распространение новейших технологий в судебном процессе началось в странах Европейского Союза и США, в результате чего были внедрены такие системы разрешения судебных споров как Электронный суд (E-court), Управления делами/Электронный Архив Дел (Case Management/Electronic Case Files), Открытый доступ к судебным отчетам (Public Access to Court Electronic Records), Скуре-конференция судебного заседания и т.д.

Существенное влияние на развитие информатизации судопроизводства оказывают интенсивные процессы

информатизации сферы хозяйствования. Значение информатизации для развития бизнеса сегодня раскрывают через необходимость иметь актуальную и своевременную маркетинговую информацию с целью минимизации рисков предпринимательской деятельности в мировом масштабе и рационализации бизнес-процессов; внедрение современных ИТ-систем в контексте интернационализации бизнеса как следствие преодоления барьеров в перемещении материальных, финансовых и информационных потоков, интеграции коммуникационных технологий, мультимедийных устройств, а также использование межорганизационных информационных систем (IOIS – Inter-Organizational Information System); развитие транснациональных корпораций (ТНК) [5, с.187]. Учитывая такие объективные факторы и с целью повышения качества и эффективности уровня государственного управления в сфере хозяйствования, удовлетворения интересов и потребностей физических и юридических лиц, повышения конкурентоспособности и стимулирования социально-экономического развития государства были приняты следующие законы Украины: «Об электронных документах и электронном документо-обороте», «Об электронной цифровой подписи», «О защите персональных данных», «Об административных услугах», «Об электронной коммерции», «Об электронных доверительных услугах» (вступит в силу 07.11.2018 г.).

В Концепции развития электронного управления в Украине [6] определены следующие пути и способы решения проблемы: модернизация публичных услуг и развитие взаимодействия власти, граждан и бизнеса с помощью информационно-коммуникационных технологий (развитие электронных услуг, развитие открытых данных, развитие электронных инструментов привлечения граждан, развитие электронной идентификации и доверительных услуг); модернизация государственного управления с помощью информационно-коммуникационных технологий (развитие электронного взаимодействия, развитие электронного документооборота, электронное управление базовыми отраслями и поддержка приоритетных реформ); управление развитием электронного управ-

ления (формирование базовой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры электронного правительства, повышение эффективности электронного управления). В настоящее время внедрены и действуют электронные услуги в сфере государственной регистрации физических лиц-предпринимателей и юридических лиц, строительства, земли и экологии.

17 января 2018 г. Кабинет Министров Украины одобрил Концепцию развития цифровой экономики и общества Украины на 2018-2020 гг. (далее – Концепция) и утвердил план мероприятий по ее реализации. Ключевыми идеями данной Концепции являются развитие цифровой инфраструктуры, цифровизация образовательных процессов и стимулирование цифровых преобразований в системе образования, медицине, экологии, безличной экономике, инфраструктуре, транспорте, общественной безопасности и т.д. Премьер-министр Украины Владимир Гройсман на встрече с руководителями крупнейших компаний страны (01.02.2018 г.) в порядке обсуждения содержания Концепции, главной целью развития цифровой экономики определил предоставление гражданам, бизнесу, промышленности и стране в целом, новых возможностей для быстрого, дешевого и качественного роста [7]. Поэтому распространение электронных форм на разрешение споров хозяйственными судами с участием субъектов хозяйствования является логичным и актуальным шагом.

Принципиально новым направлением информатизации хозяйственного судопроизводства является построение и введение в действие системы «Электронный суд» относительно подачи исковых заявлений, документов дела в электронном виде согласно Концепции электронного суда, которая была разработана в 2012 году государственным предприятием «Информационные судебные системы».

В юридической литературе и практике существуют различные подходы к определению понятия «Электронный суд». Одни авторы под понятием «Электронный суд» понимают автоматизацию процессов судебного делопроизводства и обеспечение полноценного распространения информации относительно судебного рассмотрения,



правовой информации, обобщения судебной практики, публикации этой информации для граждан, а также обеспечение соблюдения процессуальных сроков [3]. «Электронный суд» понимают также как возможность обмена процессуальными документами между судом и участниками процесса в электронном виде. Такой подход имеет узкий характер, который ориентирован на конкретные прикладные аспекты.

Более широкий подход применен в пояснительной записке к законопроекту № 6232 «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты». Одной из задач законопроекта обозначено поэтапное внедрение инструментов «Электронного правосудия». Такой шаг позволит обращаться в суд, платить судебный сбор, участвовать в рассмотрении дела, получать необходимую информацию и документы с помощью электронных средств, совершенствовать систему обеспечения непредвзятого распределения дел между судьями, в частности определение судьи и (или) состава коллегии судей на всех стадиях судебного производства [9]. При этом в п. 3.10 данного проекта информационные технологии терминологически отождествлены с понятием «Электронный суд».

Л.И. Рогач сущность «Электронного суда» раскрывает через критерий определения главной цели, которая заключается в упрощении доступа к правосудию (максимальное применение информационных технологий, возможности совершения всех процессуальных действий через средства электронной связи с соответствующими механизмами идентификации и безопасности), обеспечении быстрого и удобного доступа граждан к информации о движении дела, времени и месте его рассмотрения, обмена процессуальными документами между судом и участниками судебного процесса с применением электронной цифровой подписи, налаживании процесса оперативного обмена информацией в электронном виде между судебными учреждениями, участниками процесса, а также другими государственными структурами, возможности уплаты судебного сбора с использованием пла-

тежных систем через Интернет в режиме реального времени [10].

На еще один важный аспект системы «Электронного суда» обратили внимание участники семинара «Реализация проекта «Электронный суд» – алгоритм действий». Они подчеркнули, что введение проекта «Электронный суд» – это существенная и положительная новация, благодаря которой снизятся материальные и временные затраты на рассмотрение судебных дел. Действительно, финансовый аспект является важным фактором реформирования всех секторов государства. С другой стороны, для достижения в перспективе существенного уменьшения затрат, как со стороны государства, так и потребителей судебной услуги, сами реформы в части внедрения системы «Электронный суд» должны иметь достаточную финансовую поддержку.

Необходимо признать, что с 2014 года модель финансирования сферы правосудия претерпела существенные положительные изменения, подтверждением чего являются соответствующие разделы государственных бюджетов. Кроме того, реальную помощь в вопросах финансирования судебной реформы оказывают иностранные партнеры. Так, согласно Соглашению о финансировании программы «Поддержка реформ по развитию верховенства права в Украине (ПРАВО)», Европейская комиссия профинансирует ряд мероприятий по реформированию правовой системы в Украине, которая предусматривает предоставление 52,5 миллиона евро на поддержку судебной реформы. В частности, это касается и вопросов улучшения доступа к системе правосудия.

Интересной является мысль А.В. Брынцева относительно того, что реформирование судопроизводства вообще и реформирование процессуальных правил должно идти не от направления «встраивания» новых информационных технологий в существующие процессуальные нормы, а наоборот – в направлении нормативно-процессуального урегулирования принципиально новой электронной модели судебного процесса [4, с.26-27]. Можно diskutieren по вопросу относительно того, что должно быть первичным, а что – вторичным. В Украине указанные процессы характеризуются определенной

одновременностью, что соответствует объективным мировым процессам и национальным закономерностям.

Воспользоваться системой «Электронный суд» можно через официальный сайт судебной власти (<http://old.court.gov.ua/ecourt/>) и в Кабинете электронных сервисов. В информационном материале о работе «Электронного суда» указано, что для получения процессуальных документов в электронном виде нужно:

1. Зарегистрироваться в системе обмена электронными документами между судом и участниками судебного процесса (завести почтовый ящик электронного суда) на веб-портале судебной власти Украины по адресу mail.gov.ua.

2. Подать в суд заявление о получении процессуальных документов в электронном виде. Бланк такого заявления необходимо распечатать на веб-портале судебной власти Украины в вышеуказанном разделе. Процессуальные документы по соответствующему делу, выданные после даты подачи указанного заявления в суд, будут поступать в электронном виде на зарегистрированный электронный адрес участника судебного процесса в домене mail.gov.ua, указанном в заявлении [11].

При регистрации в системе, размещенной на веб-портале судебной власти Украины, пользователь обязательно заполняет форму регистрации с указанием следующей информации: наименование для юридических лиц или фамилия, имя, отчество для физических и физических лиц – предпринимателей; для юридических лиц – идентификационный код юридического лица, для физических и физических лиц – предпринимателей – идентификационный номер налогоплательщика – физического лица (в случае отсутствия идентификационного номера – серия и номер паспорта гражданина); адрес места нахождения или места жительства (с обязательным указанием почтового индекса); адрес личной электронной почты (e-mail) пользователя, который в дальнейшем будет использоваться администратором для информирования пользователя о пароле доступа к Системе (в случае его изменения или для напоминания пользователю пароль), а также сообщения о поступлении на электронный адрес информации по судебным делам; номера телефонов (факсов); информация о лице, которое



внесло данные (фамилия, имя, отчество, должность, номер телефона); дата и время заполнения, которые проставляются автоматически; согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных (для физических лиц).

В случае соответствия и полноты внесения пользователем информации в шаблон формы регистрации Системой автоматически генерируется адрес электронной почты пользователя в формате: идентификационный код юридического лица или идентификационный номер налогоплательщика – физического лица (в случае отсутствия идентификационного номера – серия и номер паспорта гражданина) «@mail.gov.ua». После автоматической генерации адреса электронной почты пользователь в отдельном поле отмечает пароль доступа к почтовому ящику, который в дальнейшем он может изменить [12, с. 51].

Обобщая вышесказанное, можно «Электронный суд» рассматривать как судебную платформу, санкционированную государством для осуществления электронных действий уполномоченными субъектами для улучшения судебных услуг в системе эффективности судебной защиты прав и интересов физических, юридических лиц и государства.

Преимущество «Электронного суда» состоит в том, что он предоставляет возможность для возбуждения производства по делу с помощью электронных средств, осуществления дальнейших процессуальных действий в рамках производства в системе электронного документооборота, получения сведений о ходе дела путем возможного доступа к судебной информационной системе, получения информации о результатах производства в электронной форме. Введение этой подсистемы обеспечивает:

а) непрерывность судебного процесса с использованием инновационных информационных технологий;

б) организацию всего цикла электронного документооборота не только в судах, но и во всех органах и учреждениях судебной системы [13, с.178].

Несмотря на значительную поддержку процессов внедрения электронных элементов в хозяйственное судопроизводство, ученые указывают на определенные минусы и предостережения в этом вопросе. Они заключаются в следующем: 1) отсутствие единой

унифицированной информационной платформы для общения участников процесса с судом и другими государственными органами; 2) отсутствие единых стандартов информационного контента, которым должны отвечать соответствующие судебные информационные ресурсы, электронные сервисы, и отсутствие стимулов по их улучшению; 3) отсутствие финансовых средств. Отсутствие надлежащего финансирования судебной системы в вопросах информатизации приводит к неспособности удовлетворения потребностей всех желающих в пользовании определенными сервисами вследствие недостаточности мощностей соответствующих программно-аппаратных комплексов и недостаточности специалистов для их обслуживания; 4) диссонанс информационных технологий и процессуальных правил [4, с. 20]; 5) риск потери юридически важной информации; 6) отсутствие компьютерной грамотности на уровне квалифицированных пользователей у судей и сотрудников аппарата судей; 7) недостаточность технического оснащения судей; 8) психологический аспект, так как большинство граждан предпочитает традиционное бумажное судопроизводство [14, с. 104].

Выводы

1. Процесс интенсификации информатизации в сфере хозяйственного судопроизводства можно оценивать по следующим основным факторам: а) глобализация информационного пространства и имплементация европейских стандартов электронного правосудия в национальную правовую систему; б) активизация финансирования проектов внедрения информационных технологий в сферу правосудия; в) процессы информатизации сферы хозяйствования; г) запрос и спрос общества на внедрение системы новейших современных технологий в вопросах обеспечения такой общей ценности, как защита прав и интересов на принципах доступности и оперативности.

2. Предлагается систему «Электронного суда» рассматривать как судебную платформу, санкционированную государством для осуществления электронных действий уполномоченными субъектами с целью улучшения судебных услуг в системе эффективности судебной защиты прав и интересов физических, юридических лиц и государства.

Список использованной литературы:

1. Логінова Н. І. Упровадження електронного правосуддя в систему судочинства / Н. І. Логінова // Актуальні проблеми держави і права: зб. наук. пр. / редкол.: С.В. Ківалов (голов. ред.), В.М. Дрьомін (заст. голов. ред.)

Ю.П. Аленін [та ін.]; МОН України; НУ ОЮА. – Одеса: Юрид. л-ра, 2014. – Вип. 72. – 429-435 с.

2. Білоус В.В. Інноваційні напрямки інформатизації судочинства / В.В. Білоус // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики: збірник наукових праць/редкол.: М.Л. Цимбал, В.Ю. Шепітько та ін. – Харків: Право, 2011. – Вип. 11. – 97-106 с.

3. Смірнова В.О., Пархоменко М.М. Проблеми впровадження «Електронного суду» в Україні / В.О. Смірнова, М.М. Пархоменко // Збірник наукових статей ДонНТУ. – 2012. [Електронний ресурс]. – Режим доступу:

<http://ea.dgtu.donetsk.ua:8080/bitstream/123456789/6124/1/Смірнова,%20Пархоменко.pdf>

4. Бринцев О.В. «Електронний суд» в Україні. Досвід та перспективи: монографія / О.В. Бринцев. – Х. : Право, 2016. – 72 с. – (Серія «Інноваційне суспільство і розвиток законодавства»)

5. Сорока М.В. Інформатизація як глобальний цивілізаційний тренд розвитку ТНК / М.В. Сорока. – 2011. – С. 187. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [188http://ena.lp.edu.ua/bitstream/ntb/16263/3/103_Soroka_187_188_Modern_Problems.pdf](http://ena.lp.edu.ua/bitstream/ntb/16263/3/103_Soroka_187_188_Modern_Problems.pdf)

6. Про схвалення Концепції розвитку електронного урядування в Україні: Розпорядження КМУ від 20 вересня 2017 р. № 649-р. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/250287124>

7. Прем'єр-міністр обговорив з бізнесом цифровий розвиток економіки України 01.02.2018. // Інформація з офіційного сайту Держагентства електронного урядування України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [phttp://dknii.gov.ua/content/premyer-ministr-obgovoryv-z-biznesom-cyfrovyuy-rozvytok-ekonomiky-ukrayiny](http://dknii.gov.ua/content/premyer-ministr-obgovoryv-z-biznesom-cyfrovyuy-rozvytok-ekonomiky-ukrayiny)

8. «Електронний суд: зарубіжний досвід та впровадження в Україні». Вінницький апеляційний адміністративний суд. – 15 серпня 2016. –



[Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.vaas.gov.ua/news/elektronnij-sud-zarubizhnij-dosvid-ta-vprovadzheniya-v-ukra%D1%97ni/>

9. Проект Закону «Про внесення змін до Господарського процесуального кодексу України, Цивільного процесуального кодексу України, Кодексу адміністративного судочинства України та інших законодавчих актів №6232 від 23.03.2017»: Пояснювальна записка від 23.03.2017. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=61415

10. Рогач Л. Топ-10 змін ГПК від судді Верховного Суду / Лариса Рогач // Юрліга. Аналітика правоприменення. – 07.12.17 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://jurliga.ligazakon.ua/news/2017/12/7/166877.htm>

11. Інформація щодо роботи «Електронного суду». Надсилання процесуальних документів електронною поштою учасникам судового процесу. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://court.gov.ua/emailec>

12. Ковтун М.А. Електронний суд: привичаймося до новацій / М.А. Ковтун // Вісник Національної асоціації адвокатів України. – 2015. – № 5. – 51 с.

13. Шамрай О.В. Електронний суд в українському судочинстві: нормативне врегулювання та перші практичні здобутки / О.В. Шамрай // Університетські наукові записки. – 2014. – № 3. – 174-184 с.

14. Кушакова-Костицька Н.В. Електронне правосуддя: українські реалії та зарубіжний досвід / Н.В. Кушакова-Костицька // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – № 1. – 2013. – 103-109 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванюта Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры права и публичного администрирования Мариупольского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanyuta Natalya V. – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of Department of Law and Public Administration of Mariupol State University

Natalaivanuta9@gmail.com

UDC 341.1

THE CONCEPTS OF LEGAL NATURE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Iuliya KAZMIRYK,

Postgraduate Student at the Comparative and European Law Department, Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The present article has been an attempt to study and analyze different concepts and approaches to legal nature of the Eurasian Economic Union. This paper also highlights competence of the Eurasian Economic Union as well supranationality phenomenon in the law of the EAEU.

Key words: Eurasian Economic Union, legal nature of the Eurasian Economic Union, international legal status of the Eurasian Economic Union, supranationality, competence of the Eurasian Economic Union.

КОНЦЕПЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Юлия КАЗЬМИРИК,

аспирант кафедры сравнительного и европейского права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены и проанализированы концепции и подходы к определению юридической природы Евразийского экономического союза. Освещены компетенция Евразийского экономического союза, а также вопрос наднациональности в праве Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, юридическая природа Евразийского экономического союза, наднациональность, компетенция Евразийского экономического союза.

REZUMAT

Articolul examinează și analizează conceptele și abordările privind definirea naturii juridice a Uniunii Economice Eurasiatice. Competența Uniunii Economice Eurasiatice, precum și problema supranaționalității în legea Uniunii Economice Eurasiatice sunt acoperite.

Cuvinte cheie: Uniunea Economică Eurasiatică, natura juridică a Uniunii Economice Eurasiatice, supranaționalitatea, competența Uniunii Economice Eurasiatice.

Introduction. Active development of regional economic integration is one of the features of modern international relations. As the result of intense formation and development of interstate integration relations we deal with unions of states, which are seem to have more complicated legal status and legal nature in comparison with ordinary international intergovernmental organizations. Such integration unions may have some peculiarities of their international legal status, which without doubt require a deep and comprehensive scientific legal research and analysis.

There is no uniform concept or opinion towards the legal nature

of integration organizations. Some international lawyers consider such economic unions to have a complicated legal status due to supranational competence. While the others suggest economic unions to have simply the status of international organization. In contrast to that some lawyers are confident that economic unions have much in common with federal states by legal nature.

International legal status of international organization may be described as the specified by norms of international law set of rights and obligations of the international



organization defining its international personality [1, p. 81]. The states-founders grant to the international organization certain international rights [2, p. 29]. The scope of international personality of international organization is defined by its constituent documents, articles of association [3, p. 317].

Theory of International law specifies general rights of international organizations such as the right to conclude agreements with states, international organizations, the right to cooperate with other subjects of international law, the right to recognition of states and governments as well as other rights [3, p. 318]. Specific rights and features of legal personality of the international organization are set by and arise from functions of this organization. Thus international personality of international organizations is called "functional legal personality" [3, p. 318].

The aim of the article. The present article has been an attempt to study and analyze different approaches to legal nature of the Eurasian Economic Union. This paper also highlights competence of the Eurasian Economic Union as well as supranationality phenomenon in the law of the EAEU. Different concepts of the international legal status of the Eurasian Economic Union have been highlighted and analyzed in this research.

Materials used. International legal status of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as "the EAEU", "Union") has been recently discussed by lawyers. The research on this issue was conducted mainly by Russian scientists, such as: K.A. Bekyashev, Ye.G. Moiseyev, A.Ya. Kapustin, B.K. Azanov, S.Yu. Kashkin, A.O. Chetverikov and others.

Key statements of the research. The EAEU was established by Treaty on the Eurasian Economic Union signed by Member States on the 29th of May 2014 [4]. EAEU was created to provide free movements of goods, services, capital and labour, perform coordinated, harmonized and single policy in the sectors determined by the Treaty on the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as "the Treaty") [4]. Article 1 of the Treaty clearly defines the EAEU as the international organization of regional

economic integration. The EAEU has international legal personality.

It should be noted, that the institutional mechanism of the EAEU consists of the following organs: Supreme Eurasian Economic Council, Eurasian Intergovernmental Council, Eurasian Economic Union and Court of the Eurasian Economic Union.

According to provisions of the Treaty, the EAEU shall function within competence and powers granted to it by Member States. The competence of EAEU can be defined as the scope of rights and authorities granted to Union by Member States under the Treaty to perform its functions and reach the aims it was established for by Member States. The competence of EAEU is limited by the provisions of the Treaty and international agreements concluded within the EAEU [4].

In our opinion, the EAEU has few types of competence. First of all, it should be noted, that in certain spheres strictly defined by the Treaty the EAEU has exclusive powers. This type of competence covers the spheres in which Member States delegate their powers to Eurasian Economic Commission as the permanent regulatory body of the EAEU on the basis of the Treaty. According to the Eurasian Economic Commission Regulation (Annex 1 to the Treaty) the Eurasian Economic Commission performs its functions in the following spheres: customs tariff and non-tariff regulations; assignment and distribution of import customs duties; establishment of trade regimes for third parties; competition policy; transport and transportation and other spheres [5]. There is also so-called shared competence or "shared responsibility" [6], where the member-states perform coordinated and harmonized policy in certain sectors of the economy [6]. Here member-states should cooperate on the basis of joint approaches approved by the organs of the EAEU. Legal harmonization may be also conducted on the basis of decisions of EAEU organs.

The competence of the EAEU may be also classified as the internal competence (performed within the EAEU relating to internal market, customs union etc) and the external competence (rights and authorities

of the EAEU to act as the subject of international relations).

The Treaty on the Eurasian Economic Union is the basis for legal analysis of the international legal personality of EAEU. According to provisions of Article 1, EAEU is the international organization of regional economic integration that has international legal personality [4].

Article 7 of the Treaty on EAEU defines the powers of the EAEU in the sphere of international relations [4]. The EAEU within its competence has the right to act and perform international activities aimed at solving issues, which are to be solved by the EAEU. To this aim the EAEU has the right to cooperate with states, international organizations and international integration unions and conclude agreements with them independently or together with Member States. Supreme Eurasian Economic Council shall adopt the decision defining the rules for such international cooperation [4].

So the EAEU has the right to perform international activities provided such actions and measures are performed within its competence and aimed at the solving issues, which are held before the EAEU [4].

The process of concluding of international agreements between the EAEU and third states is regulated by the international treaty within the EAEU. Negotiations and signing of such international agreements shall be held on the basis of decision of Supreme Eurasian Economic Council after all Member States have made all the necessary national internal procedures [4].

Some lawyers consider, that the EAEU is the international regional organization by its legal nature [7, p. 18]. They refer to provisions of Article 7 of the Treaty on the EAEU and explain that process of concluding international agreements with third parties is regulated by international treaty within the EAEU and on the basis of consent between Member States. Supreme Eurasian Economic Council has the right to decide on the concluding of the respective international agreement only after Member States give their consent by completing all the necessary national internal procedures [7, p. 15].



A.Ya. Kapustin considers that international legal personality of the EAEU is more complicated than the international legal personality of ordinary international intergovernmental organizations [8, p. 61]. In his opinion, the decisive feature of the EAEU is lawmaking competence – the powers and ability to create international legal norms, which in turn constitute a new integration legal order within the EAEU [8, p. 61]. A.Ya. Kapustin also support the idea – the EAEU has certain features, that bring the EAEU closer to supranational organizations [8, p. 62].

While analyzing the legal nature of the EAEU, it is important to consider, whether the supranationality phenomenon does exist in the law of the EAEU. In our opinion, it is highly important to study and analyze the scope of supranationality in the legal status of the EAEU. This research has also been an attempt to analyze, whether the EAEU and its organs possess any features of supranational status.

The supranationality is the comparatively new phenomenon in international law, which have been widely discussed in the context of economic integration and legal nature of economic unions. Commonly the supranationalism applies to situations, where member states of integration union delegate the certain part of their powers to a specially created organ, which is composed of the independent offices. The distinguishing feature is that such independent organ may adopt and pass the decisions, which are binding for member states of this organization. The appearance of the term “supranationalism” is connected with the establishment of European Coal and Steel Community [9].

There are different indications and criteria of supranationality in the theory of international law. Supranational organs should be composed of the independent international officers, who cannot hold any imperative mandates from their governments and should act independently. Decisions of supranational organs should be adopted by the majority and should have the direct effect in the territory of the member states [10, p. 139]. In the European Union law the

supranationalism means independence of organs from any influence from member states [11, p. 13]. The main criterion of supranationality remains the delegation by member states certain powers to the competence of international organization [9].

S.Yu. Kashkin and A.O. Chetverikov consider that supranationality may occur in different degree or extent in the integrational organizations, depending on the certain stage of integration [12, p. 92]. The authors suggest: there are several forms or stages of supranationality – from the simplest one to the highest form, where the supranationality occur to the utmost [12, p. 98].

According to S.Yu. Kashkin and A.O. Chetverikov the simplest form of supranationality appears, where the integrational union has the right to adopt and pass the decisions, which are binding upon Member States and do not require any further confirmations or ratification on behalf of Member States [12, p. 92]. It should be stated that the Eurasian Economic Commission within its competence has the right to adopt and pass the acts, which abide the Member States. Such acts constitute the part of the EAEU legislation and should be directly followed within the territory of the Member States [13]. It is necessary to remind, that Eurasian Economic Commission consists of Council of the Commission and Board of the Commission. The Council of the Commission may amend or reject the decisions of the Board of the Commission upon request of a Member State or member of the Council of the Commission [13].

The next important feature or sign of supranationality is the direct effect of integration legislation, which is obligatory not only for Member States, but also for their citizens [12, p. 92-93]. In this regard we agree and support the opinion of S.Yu. Kashkin, who considers the acts of Eurasian Economic Commission do have a direct effect since these acts are binding on Member States as well as for natural persons and legal entities [14]. For example, we can refer to the EAEU Technical regulation “On the safety of fish and products made of fish” adopted by decision of the Council of the Commission No 162,

dated 18 of October 2016 [15]. The above Regulation governs production and sale of fish and products made out of fish, sets the requirements for fish producers. For the purposes of this Regulation, the fish producer shall mean legal entity or individual registered as private entrepreneur (article 4 of the Regulation) [15]. Thus we may conclude, that technical regulations of the Eurasian Economic Commission are binding on legal entities and individuals and may have the direct effect in the territory of the EAEU.

In supranational organs the decisions should also be adopted by majority [12, p. 92]. In relation to Eurasian Economic Commission the decisions of the Council of the Commission are adopted by consensus, Decisions of Board of Commission are adopted by qualified majority or by consensus (article 18 of Treaty on EAEU).

One of the important features of supranationality is the requirement for organs of integrational union to be composed of independent officers, who act impartially and independently and should not receive any instructions from their governments [12, p. 96]. All bodies of the EAEU consist of representatives of the respective governments, head of states of the Member States. According the article 31 of the Eurasian Economic Commission Regulation, the Board of the Commission shall be composed of representatives of Member States on the basis of the principle of equal representation of Member States. Article 34 of the Regulation outlines the independence of Board members of the Commission and provides, that members of the Board of the Commission, while performing their duties, should act independently and should not receive or ask for any instructions from the state organs or state officers of the Member States. This provision has been often referred to when considering the supranational status of the Eurasian Economic Commission. But in our opinion, the independence of the Board of the Commission can be challenged due to the fact, that any Member State or member of the Council of the Commission may during fifteen days following the date of publication of decision of the Board of the



Commission raise the offer to amend or cancel this decision [13]. In such a case the Council of the Commission during ten calendar days should adopt the respective decision. In addition to that, any Member State, that does not agree with the respective decision of the Council of the Commission has the right to appeal the decision at Supreme Eurasian Economic Council or Eurasian Intergovernmental Council.

Departments of the Commission are composed of the officers and employees, who are nationals of the Member States and possess respective qualifications [13]. Thus only Departments of the Commission consist of officers and employees. The Board of the Commission, as well as the Council of the Commission, are composed of representatives of Member States.

Some researchers pay attention, that organs of the EAEU are not elected directly. While the direct election of members of organs should be considered as the sign of supranational status of the integration union [12, p. 96]. V.L. Tolstyh considers that supranationalism does not appear in the functioning of the Eurasian Economic Commission or appears not significantly [16].

Professor Ye. Abdrasulov suggests to distinguish the terms “supranational functions” and “supranational organs” [17]. The researcher considers, that certain supranational functions, which are transferred to the organs of the EAEU by Member States, do not automatically lead to existence of supranational organs. Member States may agree to delegate to organs certain supranational powers and functions [17].

The attention should be paid to Article 38 of the Treaty on the EAEU, specifying, that Member States should perform coordination in the sphere of trade of services with third states. However, the coordination does not mean supranational competence of the EAEU in this sphere [4].

Authors of book “The Law of the Eurasian Economic Union” K.A. Bekyashev and Ye.G. Moiseyev consider that the EAEU being a public intergovernmental organization and secondary subject of International law possesses so-called “functional supranationality” [18, p 34], when Member States voluntarily limit their

powers (competence) in a technical sphere in favour of the EAEU.

K.A. Bekyashev considers, that functional supranationality appears, when Member-states voluntarily limit their rights in the technical sphere [19].

In their work “The Basics of Integration Law” S.Yu. Kashkin and A.O. Chetverikov explain, that integration organizations with features of supranationality are the specific subjects of international law [12, p. 90-91]. P.P. Myslivskiy considers the EAEU to be the supranational organization by its legal nature [20].

We agree with the position of R.V. Shmakov, who considers that the EAEU does possess some features of supranationality due to ability to adopt binding decisions in some spheres, where the Member States have delegated their powers to the EAEU organs. But in the opinion of R.V. Shmakov, this does not fully correspond to the concept of supranationality [21].

K.A. Bekyashev and Ye.G. Moiseyev think, that the EAEU possess “functional supranationality” [18], when Member States voluntarily limit their powers in the technical sphere.

B.K. Azanov holds a different point of view and explains and considers the EAEU as “soft confederation”, confederation state [22].

Conclusions. The issues of legal nature of the EAEU has been discussed by international lawyers. In our opinion, on the basis of the conducted research and analysis of materials, one can outline the following main approaches defining the legal nature and status of the EAEU. They are: 1). The EAEU has the particular legal nature with certain features of supranationality. 2). The EAEU is the international intergovernmental organization in the ordinary meaning of this term. 3). Concept of confederative legal nature of the EAEU.

Based on the analyzed sources and materials the majority of lawyers consider, that the international legal personality of the EAEU is more complicated, than the legal personality of ordinary international organizations with some features or signs of supranationality. Some researches outline the “functional supranationality” of the EAEU.

On the other hand, there are those, who follow the position that the EAEU is the international regional organization and has the respective legal status of the secondary subject of international law.

There are also some works that study and analyze the confederative nature of the EAEU. This concept lacks strong arguments to apply the term confederative nature in relation to the EAEU.

In our opinion, the EAEU may be considered as the international organization, that theoretically has some features of supranationality, which however do not fully reflect the concept of supranationality, existing in the international law.

References:

1. Шпакович, О.М. Вплив актів міжнародних організацій на внутрішній правопорядок держав-членів: теорія і практика: монографія / О.М. Шпакович. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. – 415 с.
2. Шибаева Е.А. Право международных организаций: Вопросы теории. – М.: Междунар. отношения, 1986.
3. Буткевич, В.Г. Міжнародне право. Основи теорії: підруч. [для студ. вищих навч. закладів, що навч. за спец. «Міжнародне право», «Міжнародні відносини»] / В.Г. Буткевич, В.В. Мицик, О.В. Задорожній; за ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – 608 с.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
5. Положение о Евразийской экономической комиссии, Приложение №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/37128e4a45c86a476c1efe2d4fc8f8b6642442b7/
6. Евразийский экономический союз: в интересах бизнеса и граждан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/.pdf
7. Айдарбаев С.Ж., Сапаргали А.С. Правовой статус Евразийско-



го экономического союза // KazNU Bulletin. International relations and international law series. No1 (69). 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/5/5>

8. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права №11 – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jrnnorma.ru/articles/article-1459.pdf?1495080963>

9. Шпакович О.М. Співвідношення наднаціональності міжнародних організацій та суверенітету їхніх держав-членів // «Віче», № 20, жовтень 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veche.kiev.ua/journal/4408/>

10. Шпакович О.М. Наднациональность в праве международных организаций / О. М. Шпакович // Вестник международных организаций. 2012. №2 (37). – 133-143 с.

11. Муравйов В.І. Вступ до права Європейського союзу: підручник / В.І. Муравйов. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2007. – 303 с.

12. Основы интеграционного права: учебное пособие / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. – Москва: Проспект, 2014. – 224 с.

13. Положение о Евразийской экономической комиссии, Приложение №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861dbacfa6a0c6678b972dald07d0/#dst101304

14. Интеграционное право: учебник / под. ред. С.Ю. Кашкина. – Москва: Проспект, 2017. – 745 с.

15. Решение Совета Евразийской экономической комиссии № 162 от 18 октября 2016 года «О техническом регламенте Евразийского экономического союза «О безопасности рыбы и рыбной продукции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru/01413258/cncd_20032017_162

16. Толстых В.Л. Проблемы евразийской интеграции // Евразий-

ский юридический журнал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7279:2015-04-23-05-47-53&catid=99:2010-06-02-08-56-30

17. Абдрасулов Е.Б. К вопросу о формировании правовой базы Евразийского экономического союза и наднациональном характере его органов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4669381-k-voprosu-о-formirovani-pravovojj-bazy.html>

18. Право Евразийского экономического союза: учебное пособие / отв. ред. Е.Г. Моисеев. – Москва: Проспект, 2016. – 160 с.

19. Бекяшев К.А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6870:2015-01-12-09-19-56&catid=99:2010-06-02-08-56-30

20. Мысливский П.П. Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения спора. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: спец. 12.00.10 «Международное право; европейское право» / П.П. Мысливский. – М., 2015. – 212 с.

21. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7907:-lr-&catid=99:2010-06-02-08-56-30

22. Азанов Б.К. Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский юридический журнал. 2014 №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?catid=99%3A2010-06-02-08-56-30&id=6530%3A-i-ii-&option=com_content&view=article&limitstart=2

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazmiryk Yuliya Ivanovna – Postgraduate Student at the Comparative and European Law Department, Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казмирик Юлия Ивановна – аспирант кафедры сравнительного и европейского права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

yulia.kazmiryk@gmail.com



UDC 343.13

THE COMPARATIVE ASPECT OF THE CONDUCTING OF THE SECRET INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE STRUGGLE AGAINST CORRUPTION

Alla KOVAL,
Candidate of Juridical Sciences,
Head of the Department of Constitutional and Administrative Law
Petro Mohyla Black Sea State University

SUMMARY

In the article the research of the secret investigative (search) actions in the struggle against corruption is carried out. The international experience of the struggle against corruption, corruption indicators in the Russian Federation, Latvia, Lithuania, Poland, Estonia, as well as the practice of the law bodies is analysed. The analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Moldova, the countries of Western Europe (Italy, France, Germany, Great Britain), as well as the United States, is carried out. The measures of change of the criminal procedural legislation of Ukraine are given, the secret investigative (search) actions that contribute to the investigation of corruption crimes are analyzed. The analysis of recent research and publications on the subject is determined. The analysis of the law rules of the Criminal Procedure Code of Ukraine is carried out. It was installed, that the Criminal Procedure Code of Ukraine provides for a number of secret investigative (search) actions, that contribute to the investigation of corruption crimes (Chapter 21). It is said, that the new secret investigative (search) action – monitoring of bank accounts (the article 269-1 of the Code of Criminal Procedure of Ukraine) is of particular interest. It is concluded, that the countries of Europe, including Ukraine, are actively fighting corruption phenomena, but unfortunately, in Ukraine this activity takes place in difficult conditions of political and economic crisis and faces with various obstacles. The reforms that are carried out are not so effective. These circumstances require from scientists and practitioners to consolidate efforts aimed at studying the international experience of combating corruption and the purposeful implementation of its results in the legislative work of the parliament.

Key words: corruption, corruption crimes, secret investigative (search) actions, detectives, the National Anti-Corruption Bureau.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Алла КОВАЛЬ,
кандидат юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и административного права и процесса
Черноморского национального университета имени Петра Могилы

АННОТАЦИЯ

Дана характеристика изменениям уголовно-процессуального законодательства Украины, проанализированы негласные следственные (розыскные) действия, способствующие расследованию коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, негласные следственные действия, детективы, Национальное антикоррупционное бюро.

REZUMAT

Se dau caracteristicile schimbărilor în legislația procesuală penală din Ucraina, se analizează acțiunile de investigație (investigative) nescrise care facilitează investigarea crimelor de corupție.

Cuvinte cheie: corupție, infracțiuni de corupție, acțiuni de investigație secrete, detectivi, Biroul Național Anticorupție.

Issue. Today the modern democratic society is characterized by the development of science, technology, IT-technology. Unfortunately, corruption is on the way to the implementing of the economic development programs. This negative phenomenon poisons both the system of state bodies and the structure of private business. According to a research, that was conducted by the international audit and consulting company “Ernst & Young”, Ukraine ranked 7th place in the anti-corruption rating, Russia – 18th, Latvia ranked 19th place,

Lithuania – 21, Poland – 23, Estonia – 32 [1]. These indicators show that measures to counteract this negative phenomenon are extremely inefficient, and require the state authorities to take cardinal actions, that are aimed at overcoming of it. So the secret investigative (search) actions take a special place in the struggle against corruption.

Analysis of recent research and publications. The problems of the institute of the proceedings of the secret investigative (search) actions were explored by many Ukrainian scientists:

Y.P. Alenin, R.S. Belkin, V.D. Bernas, S.V. Bobotov, V.V. Gevko, A.Y. Dubinsky, V.S. Zelenetsky, L.M. Loboyko, Y.D. Lukyanchikov, K.B. Kalinovsky, M.A. Pogoretsky, I.V. Servetsky, V.M. Stratonov, B.A. Filimonov, S.A. Shaypher, V.P. Shibiko, N. Henkel, S. Roksin, K. Peters, E. Schluchter and others.

Unsolved problem. However, the separate issues of the conducting of the secret investigative actions in the struggle against corruption require further research for new approaches to detecting,



preventing, disclosing and investigating the criminal offenses.

The aim of the article is to determine the international experience of the implementation of the secret investigative (search) actions in the struggle against corruption.

Main body. In this regard, Ukrainian lawmakers have taken decisive measures, that are primarily aimed at changes in the criminal procedure legislation. First, special bodies – detectives and internal control units of the National Anti-Corruption Bureau have been made to investigate criminal proceedings for crimes, that are related to corruption as a pre-trial investigation body (the article 38 of the Criminal Procedure Code of Ukraine). Secondly, according to the rules of their jurisdiction their competence includes the investigation of such crimes: assignment, embezzlement of property or possession of it by abuse of an official position; the unlawful seizure of the property of an enterprise, institution or organization; legalization (laundering) of proceeds from crime; misappropriation of the budgetary funds, implementation of budget expenditures or provision of the loans from the budget without fixed budget assignments or with the exceeding of them; the adoption of the normative legal acts, that decrease budget receipts or increasing budget expenditures contrary to the law; abuse of power or official position; the declaring of the inaccurate information; acceptance of a proposal, a promise or receipt of an improper benefit by an official; illegal enrichment; abuse of influence, etc. (part 5 of the article 216 of the Code of Criminal Procedure of Ukraine) [2]. It is noteworthy, that the circle of subjects of these crimes, according to the rules of the jurisdiction, is limited by the officials of the highest ranks and categories, deputies, judges, prosecutors, officers of law enforcement agencies and armed forces, and others. Also detectives of the National Anti-Corruption Bureau have the right to investigate the proceedings, if the amount of the crime subject or the harm, that was caused by it is more than five hundred minimum wages. That is, these cases represent a special importance and have a great public resonance due to the legal status of the person, who committed it and of the amount of damage to the state. Thirdly, the prosecutor of the Specialized

Anti-corruption Prosecutor's Office is called to conduct procedural supervision and supervision of the implementation of the pre-trial investigation [3]. It should be noted that the prosecutor is appointed by open tender by the members of the commission, that consist of representatives of the Council of Prosecutors of Ukraine and persons, who are identified by the Verkhovna Rada of Ukraine (the article 81 of the Law of Ukraine "About the Prosecutor's Office"). It is worth to believe, that such a selection procedure will help to appoint the most professional and highly moral candidates.

And, finally, the Criminal Procedure Code of Ukraine provides for a number of secret investigative (search) actions (here in after – the SISA), that contribute to the investigation of corruption crimes (Chapter 21). The new secret investigative (search) action – monitoring of bank accounts (the article 269-1 of the Code of Criminal Procedure of Ukraine) is of particular interest. If there is a reasonable suspicion, that a person carries out criminal acts using a bank account or for the purpose of locating or identifying property, that is the subject of confiscation or special confiscation in some criminal proceedings, that are referred to the jurisdiction of the National Anti-Corruption Bureau of Ukraine, the prosecutor may apply to the investigating judge to make a decision of the monitoring of bank accounts. According to this resolution the bank is obliged to provide the National Anti-Corruption Bureau of Ukraine in the current regime with information on one or several bank accounts. The information about transactions, that are made on bank accounts must be reported to the National Anti-Corruption Bureau of Ukraine before the relevant operation is performed, and in case of impossibility – immediately after its implementation. This SISA should be distinguished from state financial monitoring, which is a set of measures, that are carried out by state financial monitoring entities and aimed at performance of the requirements of legislation in the field of preventing and combating money laundering, financing of terrorism and the proliferation of weapons of mass destruction [4]. The latter is widely distributed in European countries and is carried out by financial intelligence authorities.

The main problem of the conducting of the mentioned monitoring in Ukraine is the high cost of the procedure itself. The additional costs arise due to the fact, that for monitoring of assets and transfer of results to the competent authority the technical equipment is necessary. The cost of the monitoring procedure also increases the necessity for additional staff. In addition, the cases of information leakage from employees to interested persons are not uncommon. Unfortunately, the practice of the monitoring of the bank accounts as SISA has not yet been worked out, therefore, problems, that may arise in the course of their conduct, are yet to be encountered. It is interesting, that in Moldova such events are conducted in accordance with the law on special investigative actions [5].

The study of the practice of the law enforcement agencies and criminal procedure legislation of Western Europe shows, that in these countries since the early 90 in the last century special actions began to be applied, that make it possible to obtain information about crimes, including corruption. Subsequently, this information was considered as the evidence in the consideration of a criminal case in court. For example, the Law of the Italian Republic "About Making of the Urgent Amendments to the Code of Criminal Procedure and Measures to Combat Mafia Crime" allows law enforcement agencies to take a different measures (public and private) to obtain information about criminal activity, using technical means of control and information recording and use results in criminal procedural proving [6].

In Germany criminal procedural and operational-search activities are not delimited. All secret and not secret actions of authorized persons are carried out with the purpose of revealing and detection of the crimes, in the order that is determined by the Criminal Procedure Code of the FRG. Inquiry is carried out by the prosecutor, and the police conduct operative search activity. For the most part the police have the right to use the operational search measures, that are determined by the Criminal Procedure law of Germany by the judicial decisions. The activity of the police is related to the search for information carriers, that after their procedural consolidation – legalization – can become evidence in the case [7].



The grounds and procedural order of the conduction of the secret investigative (search) actions are governed by §§ 100a-110a of the Criminal Procedure law of Germany. When a prosecutor carries out an inquiry he (she) has the right to disclose and review correspondence and also to listen and record telephone conversations. Control over telecommunication means is provided for in §100a of the Criminal Procedure law of Germany in the presence of suspicion of the committing a crime, that is based on a factual data, and only in the cases of serious crimes is determined in the law (such as a threat to peace, treason, a threat to a law state, crimes against public order, war crimes, money forgers, murder, robbery, extortion, etc). In addition, this investigative (search) action may be used to establish the circumstances of the commission of a crime or to establish the location of the suspect person, if it is difficult to do it in other ways. Listening and recording of the telephone conversations in accordance with § 100b of the Criminal Procedure law of Germany may be conducted only with the permission of a judge, and in an urgent situation – with the permission of the prosecutor with subsequent judicial confirmation within three days [8].

The Criminal Procedure law of Germany also regulates “measures, that are taken without a person’s knowledge”. These measures include, in accordance with § 100c: photographing and video shooting of a person, using other special technical means for observing and establishing the circumstances of the case. These measures are carried out only by a court decision, for the reasons, that are determined by the Criminal Procedure law of Germany. After completion, the prosecutor’s office reports to the highest instances of justice about the nature, extent, duration and results of the measures taken, as well as the fact, that the participants informed about the implicit actions. After completing of these measures the prosecutor has to report in writing to the organs of justice of the higher authority about cause, scope, duration and results of the measures, that were taken, and also about the fact of the notification of the participants about the secret investigative (search) actions. The federal government annually reports to the Bundestag on the basis of the reports from the land governments about the conducting of the investigative (search)

actions actions [8]. In our opinion, such procedure of the report strengthens the control over the lawfulness of these measures and increases the responsibility of the police and the prosecutor’s office in investigating of the crimes.

The Criminal Procedure Law of the Republic of Lithuania provides for the procedure of “secret pre-trial investigation” and the using of technical means of the recording information in the course of the production of individual investigative actions [9]. The investigation of crimes in the USA and the UK provides for the using of secret means of obtaining information, such as the control of telecommunications, oral conversations, visual observation, the using of confidential cooperation, etc [10].

Interestingly, that one third of all evidence, that are used by the French court to disclose a person’s fault in committing of an offense is obtained precisely through actions taken in an secret manner [11]. In each of these countries the main condition of the conducting of secret actions is the existence of strong grounds and judicial control over their conduct.

Conclusions. Thus, the countries of Europe, including Ukraine, are actively fighting corruption phenomena. Unfortunately, in Ukraine, this activity takes place in difficult conditions of political and economic crisis and faces with various obstacles. The reforms, that are carried out, are not so effective, and for the most part remain “on paper”. These circumstances require from scientists and practitioners to consolidate efforts aimed at studying the international experience of combating corruption and the purposeful implementation of its results in the legislative work of the parliament.

References:

1. Official site of Ernst& Young [Electronic resource] – Mode of access to the resource: <http://www.ey.com/>.
2. Criminal Procedure Code of Ukraine // VVR of Ukraine. – 2013. – №. 9-10, №. 11-12, №. 13. – Art. 88.
3. The Law of Ukraine “About the Prosecutor’s Office” of 14.10.2014 [Electronic resource] – Mode of access to the resource: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1697-18>.
4. The Law of Ukraine “About Prevention and Counteraction to

Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, Financing of Terrorism and Financing of the Spread of Weapons of Mass Destruction” of 14.10.2014

[Electronic resource] – Mode of access to the resource: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1702-18>.

5. The Law of the Republic of Moldova “About Special Search Activity” of 29.03.2012 [Electronic resource] – Mode of access to the resource: <http://lex.justice.md/ru/343452/>.

6. Legislation of Italy in the fight against organized crime // Legality – 1993. – №. 11. – P. 34-39.

7. Filimonov B. A. Fundamentals of the German Criminal Procedure / B.A. Filimonov – Moscow: Moscow State University, 1994. – P. 104.

8. Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany [Electronic resource]. – 1950. – Resource access mode: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/stpo/gesamt.pdf>.

9. Pogoretsky M.A. The using of materials of operative-search activity in the criminal process of the republics of Latvia and Moldova / MA Pogoretsky // Bulletin of the Prosecutor’s Office. – 2007. – № 9. – P. 122-128.

10. Listening of the telephones in international law and the legislation of eleven European countries / cost. E.E. Zakharov. – H.: Folio, 1999. – P.152.

11. Kavalieris A.K. About one aspect of the integration of criminalistic and operational-search activity / A.K. Kavalieris // Role and importance of the activity of Professor Belkin R.S. in the formation and development of modern criminalistics: Proceedings of the international scientific-practical conference.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koval Alla Anatoliivna – candidate of juridical sciences, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law Petro Mohyla Black Sea State University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваль Алла Анатольевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и административного права и процесса Черноморского национального университета имени Петра Могилы

Lutsenkoalla@ukr.net



УДК 345.57

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВНЕСЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЛОГОВЫЙ КОДЕКС УКРАИНЫ ЗА 2017 ГОД

Вита КОНОНЕЦ,

кандидат юридических наук, майор полиции,
доцент кафедры административного права, процесса и административной деятельности
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Совершенствование налогового законодательства должно основываться исключительно на научно выверенных и достоверных позициях. Поэтому вопросы дальнейшего развития норм Налогового кодекса Украины, безусловно, целесообразны. В статье исследованы вопросы актуальности внесенных изменений в Налоговое законодательство, вступивших в силу в 2017 году, осуществлен их анализ и сделаны выводы по поводу эффективности указанных дополнений. Акцентируется внимание на необходимости создания эффективного налогового законодательства, а также реформирования структурных органов государственной фискальной службы Украины.

Ключевые слова: реформирование, налоговая система, налоги, налогообложение, Налоговый кодекс Украины, инвестиции.

ANALYSIS OF THE ISSUE OF STATUTORY CHANGES TO THE TAX CODE OF UKRAINE FOR 2017

Vita KONONETS,

Candidate of Juridical Sciences, Major Police, Associate Professor of the Department
Administrative Law, Process and Administrative Activity of Dnipropetrovsk
State University of the Internal Affairs

The scientific paper is devoted to the need to study the issue of violation of tax law and financial responsibility, that is relevant and regularly is emphasized by people of the legal profession. The question of actuality made alteration, that collected an action in 2017 to the Tax law is investigational in the article, their analysis is carried out and drawn conclusion concerning efficiency of the indicated additions. Attention is accented on the necessity of creation of effective tax law and also reformation of structural organs of government fiscal service of Ukraine.

Key words: reformation, tax system, taxes, taxations, Internal revenue code of Ukraine, investment.

REZUMAT

Îmbunătățirea legislației fiscale ar trebui să se bazeze exclusiv pe poziții verificate științific și credibile. Prin urmare, aspectele legate de dezvoltarea în continuare a normelor din Codul Fiscal din Ucraina sunt cu siguranță expeditiv. Articolul examinează relevanța modificărilor aduse legislației fiscale care a intrat în vigoare în 2017, le-a analizat și a făcut concluzii cu privire la eficacitatea acestor adăugiri. Atenția se concentrează asupra necesității de a crea o legislație fiscală eficientă, precum și de a reforma organele structurale ale serviciului fiscal de stat al Ucrainei.

Cuvinte cheie: reforma, sistemul fiscal, impozitele, impozitarea, Codul Fiscal al Ucrainei, investiții.

Актуальность темы. Реформирование структурных органов государственной фискальной службы Украины является приоритетным направлением деятельности государства с целью повышения экономического развития и обеспечения общественного благополучия ее граждан. С этой целью в 2017 году Верховной Радой Украины в Налоговый кодекс Украины [1] был внесен ряд изменений, которые в свою очередь направлены на устранение противоречий норм, которые уже существуют в налоговом законодательстве, и регулирование других вопросов налогового законодательства.

Анализ последних публикаций, в которых начато решение данной проблемы. Ключевые изменения в системе налогового законодательства были предметом исследования в разные годы таких ученых, как О. Круковская, Е.С. Гордиенко, А.С. Чужикова, М.П. Кучерявенко, И.Е. Криницкого, И.А. Гончаренко, А. В. Гончарова, Т.А. Гусева, Е.С. Ефремова, А.В. Каплиева, В.А. Мачехина, А.А. Николаева, А.В. Роздайбида и др.

Вместе с тем, анализ дополнений в Налоговый кодекс Украины в 2017 году, прогнозирование последствий и эффективности указанных изменений в

научной среде остаются нераскрытыми и актуальными.

Целью этой статьи является анализ дополнений в Налоговый кодекс Украины (далее – НКУ) в 2017 году, прогнозирование последствий внесенных изменений, а также определение их роли в повышении функционирования налоговой системы в целом.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

– проанализировать дополнение в Налоговый кодекс Украины;

– определить положительные аспекты и направления реализации реформирования в исследуемых сферах.



Изложение основного материала исследования. С целью улучшения экономического положения общества, а также с целью развития и внедрения изменений в законодательство происходит поэтапное реформирование налогового законодательства Украины и адаптация к нормам Европейского Союза, вектор развития которого в последние годы выбрала Украина.

За период 2016–2017 годов в НКУ был внесен ряд изменений по налогообложению различных сфер хозяйствования. Что является предметом нашего исследования в части раскрытия особенностей налогообложения определенных видов хозяйствования? Мы акцентировали внимание на следующих законах:

– Закон «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины относительно защиты прав отечественного сельскохозяйственного товаропроизводителя» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) №1988-VIII от 23.03.2017, №17, ст. 214 [4];

– Закон «О внесении изменений в раздел XX «Переходные положения» Налогового кодекса Украины относительно поддержки самолетостроительной отрасли» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) № 1795-VIII от 20.12.2016, № 4, ст. 44 [2];

– Закон «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины относительно налогообложения наследства» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) №1910-VIII от 23.02.2017, №14, ст. 158 [3].

Вступил в силу ЗУ «О внесении изменений в раздел XX «Переходные положения» Налогового кодекса Украины относительно поддержки самолетостроительной отрасли» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) №1795-VIII от 20.12.2016, № 4, ст. 44 [2].

Что касается внесенных изменений, то можно сказать, что указанные изменения являются не единичными и принимались ВРУ вместе с другими дополнениями, например в Таможенный кодекс Украины [10], а также ЗУ «О развитии самолетостроительной промышленности» [11] по поддержке самолетостроительной отрасли». Указанными поправками в НКУ субъектам самолетостроения, которые попадают под действие норм статьи 2 Закона Украины «О развитии самолетостроительной промышленности», налоговые льготы предоставляются для налаживания полномасштабного серийного производства современных отечественных самолетов и улучшения

финансового состояния с учетом среднего срока разработки, подготовки и оснащения серийного производства новых самолетов.

Поправки предусматривают, что временно, до 1 января 2025 года, освобождаются от уплаты налога на добавленную стоимость по операциям ввоза на таможенную территорию Украины в таможенном режиме импорта товары (кроме подакцизных), которые используются для нужд самолетостроительной промышленности, и поставка на таможенную территорию Украины результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых для нужд самолетостроительной промышленности. Также на указанный срок освобождаются от налогообложения прибыли и уплаты земельного налога субъекты самолетостроения, осуществляющие разработку и/или изготовление конечных комплектующих к летательным аппаратам и двигателей к ним (кроме земельных участков, на которых расположены объекты социального, торгового, сельскохозяйственного назначения и непромышленного строительства) [11].

Итак, анализируя блок изменений, касающихся поддержки самолетостроительной отрасли, можно сделать вывод, что их принятие может стать толчком для увеличения конкурентоспособности отечественной отрасли самолетостроения, а высвободившиеся средства (суммы налога, не уплачиваемые в бюджет и остающиеся в распоряжении налогоплательщика) могут быть использованы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по самолетостроению, создание или переоснащение материально-технической базы, увеличение объема производства, внедрение новейших технологий.

Последующими поправками, которые подлежат анализу, является ЗУ «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины относительно защиты прав отечественного сельскохозяйственного товаропроизводителя» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) №1988-VIII от 23.03.2017, № 17, ст. 214 [4]. Так, указанным законодательным актом сельскохозяйственным товаропроизводителям до 2017 года применяли специальный режим налогообложения налогом на добавленную стоимость:

– в период до 31.12.2017 года увеличены значения суммы налога на до-

бавленную стоимость, на которую плательщик может зарегистрировать налоговые накладные в Едином реестре налоговых накладных на сумму средств, которые были перечислены ими в январе 2017 года с текущих счетов на специальные сельскохозяйственные счета, в размере не более суммы, задекларированной к уплате на специальные сельскохозяйственные счета в декларации по налогу на добавленную стоимость за декабрь 2016 года;

– в пределах суммы такого увеличения предоставлено право налогоплательщику подать в орган государственной фискальной службы заявление о перечислении таких средств со счета в системе электронного администрирования налога на добавленную стоимость такого налогоплательщика на его текущий счет в соответствии с пунктом 2001.6 статьи 2001 Налогового кодекса Украины.

Также в 2017 году вступил в действие Закон Украины «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины относительно налогообложения наследства» (Ведомости Верховной Рады (ВВР) № 1910-VIII от 23.02.2017, № 14, ст. 158 [3], которым освобождается от налогообложения налогом на доходы физических лиц стоимость наследства, которую от наследодателя получают члены его семьи второй степени родства: родные братья и сестры, бабушка, дедушка и внуки. К этому времени НКУ предусматривалось освобождение от налогообложения членов семьи наследодателя только первой линии родства. Наследники первой и второй ступеней также освобождаются от необходимости проведения оценки унаследованных объектов наследства для целей налогообложения. При этом для всех остальных наследников налог остается в размере 5 процентов. В то же время указанными поправками установлено, что при наследовании любых объектов наследия, облагаемых по нулевой ставке, оценочная стоимость таких объектов в целях налогообложения не определяется. Также проводится оценка объектов, подаренных плательщику налога, которые облагаются налогом на доходы физических лиц по нулевой ставке. Вместе с тем, доходы в виде дара, начисленные (выплаченные, предоставленные) налогоплательщику юридическим лицом или физическим лицом-предпринимателем, облагаются налогом на общих основаниях, предусмотренных НКУ



для налогообложения дополнительного блага, то есть по ставке 18 процентов.

Анализируя внесенные изменения относительно налогообложения наследства, прежде всего, положительным выделяется включение в освобождение от налогообложения родственников второй линии родства, а освобождение от необходимости проведения оценки унаследованных объектов наследия облегчит процесс принятия наследства для населения.

Подводя итог поправок в НКУ, которые вступили в действие в 2017 году, коротко можно выделить следующие их направления действия:

- создание благоприятных условий и поддержки отечественной самолетостроительной отрасли;

- дополнение норм относительно налогообложения наследства (освобождение от налогообложения родственников второй линии родства, освобождение от необходимости проведения оценки унаследованных объектов наследства);

- дополнение норм по защите прав отечественного сельскохозяйственного товаропроизводителя.

Проанализировав последние изменения в Налоговом кодексе Украины, можно сказать, что одним из шагов повышения интереса инвесторов к нашей стране является создание благоприятных условий и предоставления им гарантий.

Так, одним из благоприятных условий является именно внесение изменений в НКУ в части освобождения от налога на доходы нерезидента в вышеупомянутых случаях, что является, с одной стороны, позитивным для развития экономического положения страны в целом и увеличения ее привлекательности с точки зрения инвестиций, с другой стороны, указанная поправка будет иметь эффект только со временем, после прихода именно этих нерезидентов в нашу страну, что в свою очередь зависит от многих экономико-политических условий.

Учитывая вышеизложенное автор хочет подчеркнуть, что орган Государственной фискальной службы является основным субъектом, который осуществляет контроль за соблюдением налогового законодательства, своевременностью уплаты в бюджеты государственных целевых фондов налогов и сборов, установленных законодательством.

Список использованной литературы:

1. Податковий кодекс України [Електронний ресурс] // Голос України, офіційне видання від 04.12.2010 № 229, / № 229-230 / . – 212. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>.

2. ЗУ «Про внесення змін до розділу XX «Перехідні положення» Податкового кодексу України щодо підтримки літакобудівної галузі» [Електронний ресурс] // Голос України, офіційне видання від 31.12.2016 № 251. – 2012. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1795-19/paran2#n2>

3. ЗУ «Про внесення змін до Податкового кодексу України щодо оподаткування спадщини» [Електронний ресурс] // Голос України офіційне видання від 24.03.2017 № 54. – 2302. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1910-19/paran2#n2>

4. ЗУ «Провнесення змін до Податкового кодексу України щодо захисту прав вітчизняного сільськогосподарського товаровиробника» [Електронний ресурс] // Голос України офіційне видання від 14.04.2017 № 69. – 2303. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1988-19/paran2#n2>

5. ЗУ «Про внесення змін до Податкового кодексу України щодо уточнення деяких положень та усунення суперечностей, що виникли при прийнятті Закону України «Про внесення змін до Податкового кодексу України щодо покращення інвестиційного клімату в Україні» [Електронний ресурс] // Голос України, офіційне видання від 14.04.2017 № 69. – 2303. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1989-19/paran2#n2>

6. ЗУ «Про внесення змін до підрозділу 10 розділу XX «Перехідні положення» Податкового кодексу України щодо незастосування штрафних санкцій за несвоєчасну реєстрацію податкових та акцизних накладних внаслідок несанкціонованого втручання в роботу комп'ютерних мереж платників податків» [Електронний ресурс] // Голос України офіційне видання від 25.07.2017 № 135. – 1307. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2143-19/paran2#n2>

7. ЗУ «Про внесення змін до Податкового кодексу України щодо оподаткування доходів нерезидентів – інвесторів у цінні папери» [Електронний ресурс] // Голос України офіційне видання від 09.09.2017 № 166. – 709. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2146-19/paran2#n2>

8. Митний кодекс України [Електронний ресурс] // Голос України офіційне видання від 21.04.2012 / № 73-74 / . – 1303. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4495-17>

9. Сайт Президента України [Електронний ресурс] // Офіційне інтернет-представництво – Режим доступу до ресурсу: <http://www.president.gov.ua>

10. ЗУ «Про державне регулювання виробництва і обігу спирту етилового, коньячного і плодового, алкогольних напоїв та тютюнових виробів» [Електронний ресурс] // Відомості Верховної Ради України, офіційне видання від 14.11.1995 1995 р., № 46, стаття 345. – 1912. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/481/95-%D0%B2%D1%80>

11. ЗУ «Про розвиток літакобудівної промисловості» [Електронний ресурс] // Урядовий кур'єр, офіційне видання від 15.08.2001 № 146. – 1207. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2660-14>

12. Сайт Президента України [Електронний ресурс] // Офіційне інтернет-представництво – Режим доступу до ресурсу: <http://www.president.gov.ua>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононец Вита Петровна – кандидат юридических наук, майор полиции, доцент кафедры административного права, процесса и административной деятельности Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kononets Vita Petrovna – Candidate of Juridical Sciences, Major Police, Associate Professor of the Department Administrative Law, Process and Administrative Activity of Dnipropetrovsk State University of the Internal Affairs

conference@i.ua



УДК 343

СОЗАВИСИМОСТЬ НАРКОМАНИИ. МЕТОДЫ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ НАРКОТИЗМА

Татьяна КОРНЯКОВА,

заслуженный юрист Украины, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой административного и уголовного права
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

Ирина МОДЕНКО,

аспирант, заместитель декана юридического факультета по учебной части,
преподаватель кафедры административного и уголовного права
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

АННОТАЦИЯ

В статье поднимаются вопросы положения наркоманов в обществе. Наркомания – это болезнь, от которой страдает не только наркозависимый, но и его ближайшее окружение (созависимые), а также социум в целом. Психоактивные вещества создают краткосрочные иллюзии, возможно, то, чего человеку не хватает в обычной жизни. Анализируется состояние больных, факторы, способствующие распространению наркомании, на основании чего выведена модель отношения к наркозависимым. Построена модель метода изолирования. Описаны пути отстранения/излечения от наркомании, действия, ведущие к избавлению от наркомании со стороны социума, в частности созависимых. Построена модель поведения матерей наркозависимых.

Ключевые слова: метод игнорирования, моделирование, модель метода изолирования, созависимые, факторы наркотизма, психоактивные вещества, ломка, внутреннее отрицание.

THE MODEL OF VICTORY OVER THE DRUG IN SOCIETY

Tatiana KORNYAKOVA,

Honored Lawyer of Ukraine, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Head of Administrative and Criminal Law of the
Oles Honchar Dnipro National University

Iryna MODENKO,

Graduate Student, Deputy Dean of the Faculty of Law for Studies,
Teacher of the Department of Administrative and Criminal Law of the
Oles Honchar Dnipro National University

SUMMARY

The article raises questions of the situation of drug addicts in society. Addiction is a disease, that affects not only the drug addict, but also his immediate environment (co-dependent), as well as the society as a whole. Psychoactive substances create short-term illusions, perhaps something, that a person lacks in ordinary life. The state of patients is analyzed, the factors contributing to the spread of drug addiction, on the basis of which the model of the relationship to the drug addicts is derived. A model of the isolation method is constructed. Described ways of removal/cure for drug addiction, actions leading to getting rid of addicts from the society, in particular co-dependent. The model of the behavior of the mothers of drug addicts is modeled.

Key words: method of ignoring, modeling, model of isolation method, co-dependent, factors of narcotism, psychoactive substances, breaking, internal negation.

REZUMAT

Articolul ridică întrebări privind situația dependenților de droguri în societate. Dependența este o boală care afectează nu numai dependenții de droguri, ci și mediul imediat (co-dependent), precum și societatea în ansamblu. Substanțele psihoactive creează iluzii pe termen scurt, poate ceva ce o persoană nu are în viața obișnuită. Se analizează starea pacienților, factorii care contribuie la răspândirea dependenței de droguri, pe baza căruia derivă modelul relației cu dependenții de droguri. Se construiește un model al metodei de izolare. S-au descris modalități de eliminare / vindecare a dependenței de droguri, acțiuni care au condus la eliminarea dependenților de la societate, în special co-dependenți. Modelul comportamentului mamei dependenților de droguri este modelat.

Cuvinte cheie: metoda de ignorare, modelare, model de metodă de izolare, co-dependenți, factori de narcotism, substanțe psihoactive, rupere, negare internă.

Постановка проблемы. Учитывая впечатляющие масштабы поглощения молодежи наркотиками, которые неуклонно распространяются, задаются вопросами: «Да кто такой нар-

коман? Каков его психологический портрет?» В представлении общества – это потерянный человек. В целом такого рода восприятие проблемы себя оправдывает.

Актуальность темы исследования. Как правило, эти люди – распространители инфекционных заболеваний со стеклянными глазами, бледными лицами, набухшими руками,



поколотым телом. Они лживы, хамовиты, а иногда и вовсе агрессивны. Им присуще слабое мышление, полностью отсутствует логика поведения, наблюдается равнодушие ко всему. У большинства из них отсутствуют родители или воспитанием занимается кто-то один. Как правило, эта привязанность начинается с подросткового возраста, из-за чего их называют сложными подростками. Вместе с тем и в полноценных семьях иногда появляются наркоманы. Возникает вопрос, а каким может быть отношение к наркоманам со стороны нормальных членов общества? В свое время печально известный нацистский идеолог Геринг внедрял в жизнь идеологию о необходимости физического уничтожения наркомана. Со временем, к сожалению, их количество в мире значительно увеличилось.

Состояние исследования. Наркомания – это, прежде всего, болезнь, последствия которой роковые, однако, несмотря на это, редко встретишь человека, который никогда не употреблял наркотики, ещё реже – с устойчивыми убеждениями в недопустимости их употребления. В настоящее время, это практически миф [2; 42]. На данный момент наркотизм ставит под угрозу само будущее нации. И поэтому общество должно отработать «свою модель отношения к наркозависимым». Моделирование является процессом замещения объекта, который изучается с целью получения информации о наиболее существенных характеристиках объекта с помощью созданной модели [1; 4]. В частности, можно смоделировать метод игнорирования, но это спровоцирует своеобразное поощрение дальнейшего распространения психоактивных веществ. Или построить модель метода изолирования. Однако понятно, что всех изолировать невозможно. К сожалению, наркозависимость – болезнь молодых. По статистике они почти не доживают до 27-летнего возраста. То есть, необходимо серьезно отработать модель отношения общества к наркоманам.

Целью и задачей статьи является разработка действий, ведущих к избавлению от наркомании, со стороны социума, в частности созависимых, модель победы над наркотизмом общества.

Изложение основного материала. Какое поведение присуще наркоману? Во-первых, неуравновешенное настроение. Иногда плачет, иногда просит прощения, иногда обвиняет, требует денежных средств. Иногда пропадает из дома на несколько дней, иногда похищает из дома ценные вещи. А каким образом вести себя близким и родным наркоманов: родителям, братьям, сестрам? Общество воспринимает их отчаянными или страдающими. Нам необходимо понимать, что родителям страшно потерять своего родного ребенка. Вместе с тем, сами наркоманы, как констатируют наркологи, никоим образом не переживают об утрате близких родственников и даже лично себя. Спасая своего наркозависимого ребёнка, родители жертвуют психическим и материальным благополучием, здоровьем, временем и имиджем. При этом наркомана не волнует такая трогательная забота родственников, не воспринимаются жертвы ради него. Они реально больные и мы относиться к ним, как к больным. Наркозависимость – крайне опасная и особенная болезнь. Она может иметь серьезные последствия как для наркомана лично, так и по отношению к обществу в целом.

Возвращаясь к поведению наркомана, констатируем, что внешне он ведет себя крайне независимо, можно даже сказать нагло, игнорируя все общественные нормы. Вместе с тем, будучи связанным с такими же, как и он, больными, он уязвим и, как правило, пытается выполнять все их требования. И именно его вызывающее поведение и является одним из главных симптомов болезни. По различным данным социологов, в Украине насчитывается сотни тысяч наркозависимых. При этом родители и другие близкие родственники являются созависимыми. Но человеку, который не чувствует себя больным, невозможно помочь вылечиться. И в этой ситуации близким людям необходимо понять, что не нужно портить свою личную жизнь бесполезными переживаниями и борьбой «за освобождение» из наркотического плена, необходимо найти силу воли и поверить в то, что это невозможно. Можно сравнить наркомана с тонущим в воде,

которого можно спасти только тогда, когда он сам оттолкнется от илистого дна, то есть только по его желанию. Если он сам заблаговременно, будучи в состоянии здорового ума, пожелает спастись, помочь ему возможно. Для этого необходимо оказаться на этом дне. Для одних – это отсутствие денег, для других – потеря родных, развод, лишение родительских прав или потеря жилья.

Наркомания, как и терроризм, – проблема всемирная и решать ее было бы целесообразно вместе всем мировым сообществом. Однако в силу определенных обстоятельств эта проблема не выходит в мире на первый план. Поэтому украинскому обществу необходимо бороться с ней пока в одиночестве. Наркомания не привередлива, а болезнь, она приходит сама, не спрашивая разрешения. При этом наркозависимые могут ее избежать, но они по собственной воле выбирают свой путь. Будущий наркоман сам для себя принимает такое решение. Оно его личное. Факторы наркотизма только могут способствовать такому решению. Главным фактором, безусловно, является возраст, как мы уже называли подростковый, как правило, именно в нём начинаются заболевания подобного рода. Данные, полученные по результатам исследования ЮНИСЕФ и Украинского института социальных исследований имени Александра Яременко, подтвердили факт, что привлечение к употреблению наркотиков происходит в молодом возрасте: средний возраст приобщения к употреблению наркотиков инъекционным путем происходит в 19,9 лет [3; 33]. От каждой болезни существуют свои методы лечения. Безусловно, врачи готовы предоставить ему свою помощь, в частности, это химическая терапия, применение химических веществ. Лечение крайне сложное, однако, чем скорее его начинают, тем больше шансов на положительный результат. Наркомания – это преступность, распространение венерических заболеваний, ВИЧ-инфицирование. К тому же, пребывая в детородном возрасте, они производят на свет младенцев в большинстве случаев уже больных. То есть, способствуя лечению наркоманов, мы тем самым защищаем



будущее наших детей, нашего общества. Необходимо поддерживать тех наркозависимых, которые желают излечиться. Как и каждому больному, наркоману необходимо предоставить шанс для лечения. Конечно, весомой бы была государственная поддержка, в первую очередь путём принятия и финансирования соответствующих государственных программ. Финансовой поддержки по лечению наркозависимых требуют не только наркозависимые, а и сам медицинский процесс лечения. На сегодняшний день такая поддержка со стороны государства практически отсутствует.

Что объединяет наркоманов? Слабохарактерность, страх перед жизненными трудностями и легкомысленное мышление, неспособность прогнозировать ситуацию. Наркотики – это жестокое испытание, пройдя которое лишь незначительное количество людей остаётся в живых.

Что такое психоактивные вещества? Каков их химический состав? Как они влияют на психическое состояние и самое главное, каковы последствия этого влияния? Впервые, они делают невозможным жизненную реакцию радоваться малому, мелочам. Человек полностью перестаёт чувствовать близкое окружение, радоваться ему. Он не воспринимает мастерство, живопись, художественные и музыкальные произведения, даже любовь близких людей. Последние перестают восприниматься как необходимость. Все эмоции наркоманов связаны с наркотиками. Наркоман, чувствуя кайф, пытается увеличить дозу и это бесповоротный путь к смерти. Сколько таких смертей от употребления психотропных веществ? Десятки, сотни, тысячи? Ежедневно, ежемесячно, ежегодно. Это наши дети, наше будущее. Наркоману характерно чувствовать постоянную вину, но не всегда перед кем-то определённым, просто через абстрактное восприятие. Идём за дозой чувствуем вину, но продолжаем идти. Понимаем, что ведем себя неправильно, однако продолжаем вести себя так же и в дальнейшем. То есть, зависимость и созависимость идут рядом, они взаимосвязаны. Созависимый человек – это тот, кто полностью поглощен тем, чтобы управлять поведением другого

человека, и совершенно не заботится об удовлетворении своих собственных жизненно важных потребностей [4; 2].

Для того, чтобы созависимые не делали неправильных шагов в борьбе за своих подопечных, дадим им несколько советов. В частности, созависимые близкие родственники должны научиться эмоциональной независимости, заниматься собой. Выздоровление начинающего наркомана может начаться с того момента, когда у матери откроются на него глаза. Безусловно, каждый созависимый чувствует вину, застенчивость и страх. Из этого складывается внутреннее отрицание болезни ребенка.

Да, быть матерью наркомана ужасно. Полностью разрушается своя личная жизнь, да и вообще, о ней забывается. Вместе с тем, мать своей виной создает благоприятные условия для развития болезни, так как, чувствуя её чувство вины за ненадлежащее воспитание ребенка, наркоман начинает манипулировать. Да, он несчастный ребенок, которому чего-то не хватило в детстве, и теперь он «заполняет упущенное», и пока мать не примет для себя жесткое решение, что это не она воспитала наркомана, не из-за неё он начал употреблять наркотики и не из-за нее он бросит их употреблять.

Для такой модели поведения матери необходимо вспомнить, что она не одинока в этом мире. У неё есть ее конституционные права о вызове при необходимости полиции, не впускать в свое жильё в состоянии наркотического опьянения и после 23.00. К тому же, матери необходимо связаться с другими матерями наркоманов, настроить соответственно их поведение и не оставаться наедине со своей бедой. Ведя себя таким образом, мать своим поведением не будет способствовать ребенку в получении очередной дозы наркотиков. Когда негде будет взять деньги, процесс употребления затормозится. Необходимо помнить, что содействие никогда не улучшало ситуацию, а только наоборот ее ухудшало. Наркоман только и ждет, когда мать возьмет за него ответственность, отдаст его долги, прикроет за пропущенные занятия, поможет с больничным и прочее.

Наркомания – это бесконечная погоня за удовольствиями. Кто по собственному желанию откажется от них? Человек начинает задумываться только тогда, когда он лишается определенных условий и возможностей. Близкие убирают руку помощи, которой они неосознанно поддерживали развитие болезни. К огромному сожалению, в мире не создано таблеток от наркомании. Эта проблема всемирная и имеет глубокие корни. Вследствие неё потеряно огромное количество людей, разрушено большое количество судеб.

Ученые обнаружили около двадцати измененных генов, которые есть у людей, которые могут помочь избавиться от страсти к злоупотреблению наркотиками. В частности, низкий уровень эндогенных опиатов – веществ, которые в организме отвечают за удовольствие и естественное обезболивание. Такая генетика присуща, прежде всего, детям маргиналов. В дальнейшем на таких детей влияет общая эмоциональная ситуация: неблагоприятное окружение, неблагоприятные условия проживания и другое.

Наркомания – это заболевание чувств, ума, тела. Безусловно, медики отработали свои программы реабилитации, в них предусмотрен определенный курс лечения, предлагается строительство для больших городов «новой жизни», в которой нет города тех страстей, за которые заплачено так много. Иногда это стационарное лечение, иногда дневное. Но и при этом лечении важно отношение близких окружающих, созависимых. Они должны измениться вместе с больным. Им необходимо избавиться от старых стереотипов: упреков за прошлое, давать деньги, отдавать долги, покрывать оплошности. Необходимо запретить общаться с теми наркозависимыми, которые не желают исправиться и наоборот – общаться с теми, кто борется за новую жизнь. Но необходимо помнить, что наркотики имеют свойство «выжидать».

А что делать с теми, кто не желает покидать этот ложный путь? Они создают ужасные условия для жизни близких людей. Иногда последние только и ждут, чтобы наркоман оказался за решеткой и там как



можно дольше оставался. В таких случаях важным должно быть внутреннее настроение, уверенность родителей в том, что они смогут дать отпор наркоману, не позволят ему испортить свою жизнь. Наркоманы очень сильно чувствуют неуверенность родителей и начинают над ними издеваться.

По заключению специалистов созависимые своей беспомощностью и неуверенностью способствуют произволу наркозависимых. Более 70 процентов случаев возвратов к употреблению наркотиков возникает именно из-за созависимых. То есть, родители должны в первую очередь позаботиться о себе. Видя в матери красивую уверенную в себе женщину, в отце сильного волевого человека, наркоман начнет их уважать и меняться. Врачи химическим лечением могут вылечить тело, однако наркомания – это еще и болезнь души. Наркозависимость возникает тогда, когда для неё имеется почва, и мы выше об этом уже говорили. Родители не смогут все решать за детей, когда-то их нужно отпускать. Они должны почувствовать ответственность за свою жизнь. Спасение души можно найти только внутри себя! Главное, чтобы созависимые не брали на себя ответственность за лечение души. И здесь очень важно лечить свои души вместе с больным, меняться. Сохраниться, усилить себя внутренне, и тогда больной ребенок увидит эти изменения в близких. Созависимые постоянно боятся потерять, но вследствие этого не могут помочь. Каждый человек должен жить своей личной, только ему присущей жизнью, по своим правилам и привычкам, а не проживать чужую.

Наркоман общается с родственными ему душами, такими же наркозависимыми, у него своя жизнь, и очень важно не быть в неё втянутыми. Близким необходимо пройти путь от жалости к твердости, жесткости. Научитесь психологически отстраняться от них. Наркоманы всегда были и будут эгоистичными, даже если и встали на путь выздоровления, который, кстати, может длиться не один год. Безусловно, на этом пути главным является победа наркомана над собой! Есть предложение на рекламных баннерах на всех

трассах, площадях, улицах Украины написать: «Скажите наркоманам – НЕТ!» То есть нам всем необходимо способствовать, чтобы они победили кризис «в своих головах». Наркотики уничтожают как нашу украинскую, так и другие нации. Как их искоренить из нашей жизни и вообще предупредить их проникновение? Их употребление, безусловно, необходимо предупреждать как на государственном уровне, так и с помощью близких людей, если государство, общество и отдельные граждане будут заниматься этой проблемой, то, безусловно, возможно снижение уровня ее распространения.

Наркомания – это несчастье, как для общества, так и для отдельных семей. Сколько людей нашего государства охвачены этим несчастьем! Разговаривая с сегодняшними подростками, слышишь, что почти на каждой дискотеке, в ночных клубах процветает распространение наркотиков. Хотелось, чтобы правоохранительные органы, как прежде, проводили ночные рейды с целью недопущения таких правонарушений, но, к сожалению, дети и их родители остаются наедине с этой проблемой. Тогда делаем вывод – не пускать детей в эти места или контролировать их заблаговременное возвращение домой. «Спасение утопающих – дело самих утопающих», к тому же родителям необходимо все сделать, чтобы ребенок максимально был охвачен внешкольным воспитанием. Большинство родителей сразу начнут жаловаться, что сегодня все стоит значительных средств, а их не хватает. Согласимся, к сожалению, это так. Теперь только вспоминаем свое детство, когда мы практически бесплатно учились танцевать, ходили в бассейн, на легкую атлетику, в музыкальные школы. Но и сегодня родителям вопросы занятости детей необходимо решать, ведь «болезнь легче предупредить, нежели потом лечить».

Мы говорили о том, что предлагают врачи, а теперь скажем о том, что предлагают криминологи. Чем большее напряжение получает человек, тем больше потом его физическое расслабление. Наркотики расслабляют на короткий срок, после чего возвращают человека в еще более напряженное

состояние. Однако после физических нагрузок расслабление остается надолго. Например, если выходной день провести на природе с семьей: плавать, бегать на лыжах, даже поработать на огороде, физический подъем остаётся на всю неделю. Люди, которые занимаются спортом, меньше страдают различными заболеваниями, а наркоманами вообще становятся очень редко. У взрослого человека эмоциональные подходы подвергаются определенной логике, которая ограничена запретами общества. У подростка наоборот, мозг недоразвитый и его заставляют работать и развиваться преподаватели и качественный состав учащихся в учебном заведении. Затем подростки взрослеют (9-11-ые классы) и переходный период заканчивается. Мы видим перед собой уже взрослого человека. В этом процессе становления крайне важно, чтобы ведущую роль играли как преподаватели в школе, так и качественный состав класса. В нем должны доминировать положительные лидеры, которые склонны к обучению, спорту, тактичному обращению с девушками и вообще к прагматичному отношению к будущему. Раньше дети, более слабыми по своим возможностям, поступали в профессионально-технические училища, там они получали рабочую специальность, для обучения – жилье в общежитиях за государственные средства, а по окончании по государственному заказу шли на гарантированные им рабочие места. В средней школе оставались дети, которые уже стремились учиться в высших учебных заведениях, имели большую склонность к учебе. То есть, детей заранее разделяли с их интересами, таких детей легче было контролировать и государству, и родителям.

На сегодняшний день появилась новая развитая спортивная инфраструктура, появилась возможность путешествовать с родителями за границу, изучать иностранные языки. Вместе с тем, далеко не все родители могут себе позволить такие расходы. К тому же многие родители, не имея работы дома, выехали за границу и бросили детей на произвол. Что делать таким детям? Так и появляется свободное время, которое заполняется наркотиками.



Выводы. Развитие цивилизации заключается в том, что она уходит от диких законов естественного существования. Появляются новые законодательные, культурные системы, запрещающие и отторгающие звериную породу человека. Человек является существом активным, вносит свою личность в свою ячейку существования. И каждый вносит то, что присуще лично ему с момента рождения. В этих ячейках свои нормы и правила поведения. Есть и ячейки наркозависимых, от влияния которых ребенка необходимо оберегать, отделять всеми возможными способами, чтобы те, кто потенциально становится наркоманом не смог свободно влиять на других детей.

Важным для нормального развития ребенку является и положение в семье. Иногда ребенка ругают за низкую успеваемость, из-за чего он боится идти домой, ищет себе таких же неудачных товарищей. Не нужно этого делать. Ребенок не должен бояться родителей, уходить из семьи, близкие люди должны стать реально самыми дорогими в мире, на которых всегда возможно положиться и поделиться самыми сокровенными мыслями, тогда ребенок всегда будет вами контролироваться. Ребенка не нужно изолировать от современных реалий, а наоборот, нужно вместе с ним научиться с ними жить. С одной стороны, ребенок должен воспринимать все проявления окружающей среды, а с другой, оставаться независимым от них, не попасть под чье-то негативное влияние. Государство сегодня предлагает новую идеологию индивидуализма, максимализма, принципов выживания, и это необходимо использовать для своего ребенка. В нём нужно воспитать независимость, самостоятельность, желание довести себя к самостоятельной жизни. И здесь, как говорят у нас в Украине, «все будет ко двору»: личный пример поведения, спорт, литература, искусство, общение, традиции, привычки и прочее, что характерно для этой семье.

Наркотики ждут. Обделенный, возмущенный, одинокий, раздраженный, отчаянный ребенок подвергается влиянию, и по совету знакомых

только один раз, чтобы успокоиться или получить удовольствие, пробует, а дальше начинается бег по кругу. Безусловно, родителям виднее, как воспитывать своего ребенка. Но нужно понимать: только родители смогут первыми обнаружить надвигающуюся беду. Наркотики ждут ...

Список использованной литературы:

1. Корнякова Т.В., Соколенко О.Л., Юзіков Г.С. Віктимологічне моделювання у системі заходів забезпечення кримінологічної безпеки суспільства: Монографія/ За заг. ред. проф. Т.В. Корнякової. – Д.: ЛІРА, 2016. – 220 с.

2. Корнякова Т.В., Моденко І.М. Правова свідомість – крок до знищення наркотичної злочинності. Право та інноваційне суспільство: електрон. наук. вид. 2017. № 2 (9). URL: <http://apir.org.ua/wp-content/uploads/2017/12/KornyakovaModenko9.pdf>. – 41-44 с.

3. Аналіз факторів, що спричиняють початок вживання наркотичних речовин ін'єкційним шляхом: аналіт. звіт / ЮНІСЕФ, Укр. ін.-т соц. дослідж. ім. О. Яременка. – К.: ВПК “ОБНОВА”, 2010. С. 52. URL: <https://www.unicef.org/ukraine/ukr/Analiz-Faktoriv-vjivannia-narkotikiv.pdf>.

4. Москаленко В.Д. Созависимость: характеристики и практика преодоления. С. 34. URL: <http://www.centervp.ru/upload/files/literature/12.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнякова Татьяна Всеволодовна – заслуженный юрист Украины, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного и уголовного права Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара;

Моденко Ирина Николаевна – аспирант, заместитель декана юридического факультета по учебной части, преподаватель кафедры административного и уголовного права Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kornyakova Tatiana Vsevolodovna – Honored Lawyer of Ukraine, Doctor of Juridical Sciences, Professor, head of administrative and criminal law Oles Honchar Dnipro National University

tvkorniakova@gmail.com

Modenko Iryna Nykolayevna – Graduate Student, Deputy Dean of the Faculty of Law for Studies, Teacher of the Department of Administrative and Criminal Law of the Oles Honchar Dnipro National University

iramodenko@gmail.com



УДК 35.352

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ САМОДОСТАТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРОМАД В УКРАИНЕ

Андрей КРИПАК,

аспирант кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы эффективной реализации публичной политики построения самодостаточных территориальных громад с осуществлением децентрализации полномочий, реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине. Осуществлен анализ нормативно-правового обеспечения создания самодостаточных громад с целью решения многих проблем формирования реальной модели местного самоуправления в Украине, которая должна осуществляться в рамках единой публичной политики в этой области. Определены приоритеты со стороны органов публичной власти по выработке основных критериев построения самодостаточных территориальных громад.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, самодостаточная территориальная громада, публичная политика, объединенная территориальная громада, децентрализация, местное развитие.

LEGAL SUPPORT OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC POLICY FOR THE FORMATION OF SELF-SUSTAINING TERRITORIAL GROMADES IN UKRAINE

Andrey KRIPAK,

Postgraduate Student at the Department of Regional Management,
Local Government and City Management
National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

SUMMARY

The article discussed the issues of effective implementation of the public policy of building self-sufficient territorial gromades with the implementation of decentralization of powers, the reform of local self-government and the territorial organization of power in Ukraine. It is analyzed the regulatory and legal support for the creation of self-sufficient gromades to solve many problems and to form a real model of local self-government in Ukraine, which should be carried out within the framework of a single public policy in this field. Priorities were determined by the public authorities to develop the basic principles for building self-sufficient territorial gromades.

Key words: local self-government, self-sufficient territorial gromades, public policy, united territorial gromades, decentralization, local development.

REZUMAT

Lucrarea se ocupă cu punerea în aplicare eficientă a politicilor publice de construcție a comunităților teritoriale autosuficiente, împreună cu punerea în aplicare a descentralizării, reforma a autonomiei locale și organizarea teritorială a puterii în Ucraina. Analiza cadrului de reglementare a creării unor comunități autosuficiente, în scopul de a rezolva multe dintre problemele de formare a unui model real al autonomiei locale în Ucraina, care ar trebui efectuată în cadrul unei politici publice unificate în acest domeniu. Prioritățile sunt determinate de autoritățile publice privind elaborarea criteriilor de bază pentru construirea comunităților teritoriale autosuficiente.

Cuvinte cheie: organisme de autogovernare locală, comunitate teritorială autonomă, politică publică, comunitate teritorială unită, descentralizare, dezvoltare locală.

Постановка проблемы. Сегодня большинство территориальных громад в Украине демонстрируют заинтересованность в формировании качественной, эффективной и действующей публичной политики, пытаясь самостоятельно решать вопросы местного значения. Как следствие, ощущается необходимость в корректной, взвешенной и научно обоснованной публичной политике построения самодостаточных территориальных громад. В частности, ощущается острая потребность

в осознании самим обществом бесперспективности политики промедления разработки и внедрения стратегических решений, которые должны стать основой этой долгосрочной публичной политики, включая цели и задачи и определяя направления построения самодостаточных территориальных громад.

Анализ последних научных исследований и публикаций. Указанная проблематика находится в поле зрения многих ученых. В частности, теоретиче-

ские вопросы реформирования местного самоуправления в Украине и зарубежных странах освещены в работах И. Козюры, В. Колтун, Ю. Куца, О. Лазора, О. Лебединской, А. Лелеченко, В. Мамоновой, А. Ткачука, М. Орзиха и др. Различные проблемы развития местного самоуправления и территориальных громад как субъектов его осуществления рассматривали О. Батанов, С. Возный, И. Дробот, Я. Жовнирчик, А. Ибрагимов, В. Куйбида, А. Мочков и др. При этом в современных условиях и с учетом высокой



степени активности органов публичной власти и территориальных громад проблемы реформирования системы органов местного самоуправления, формирования самодостаточных территориальных громад, а также качественной, эффективной и действующей публичной политики приобретают особую значимость.

Целью и задачей исследования предлагаемой публикации является анализ правового обеспечения реализации публичной политики по формированию самодостаточных территориальных громад в Украине.

Изложение основного материала. Реформа местного самоуправления в Украине является долгожданным ответом на запрос общества, требующего выработки новой управленческой

идеологии, направленной на обновление административной культуры, формирование готовности управленческого персонала к принятию решений в условиях растущей свободы действий и повышения личной ответственности с ориентацией на служение гражданам. Реформа предусматривает создание новой модели территориальной организации власти, децентрализацию полномочий и ответственности, развитие системы местного самоуправления и формирование самодостаточных территориальных громад в контексте реализации и совершенствования публичной политики. Этому предшествовало принятие целого ряда законодательных и нормативно-правовых актов (табл. 1):

Однако, не смотря на то, что на сегодняшний день более 200 законов регулируют деятельность системы органов местного самоуправления в Украине, их главным недостатком является отсутствие единой линии стратегии и фрагментарность публичной политики по развитию этого института и построения самодостаточных территориальных громад. К числу недостатков можно отнести и тот факт, что сейчас в Украине нет самостоятельного единого органа государственной власти, который содействовал бы развитию местного самоуправления и формированию самодостаточных территориальных громад. На данный момент вопросы местного самоуправления, которые охватывают и отдельные аспекты построения

Таблица 1

**Законодательные или нормативно-правовые акты
направленные на создание самодостаточных территориальных громад в Украине**

Законы	Последствия их принятия
Ратификация Верховной Радой Украины Европейской хартии местного самоуправления (1985 г.) [1]	требует, чтобы принцип местного самоуправления был признан в законодательстве страны
Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» [8]	ускорил процесс реформирования местного самоуправления и построения самодостаточных громад, поскольку его положения носят демократический характер, обеспечивают право граждан на участие в управлении и направлены на удовлетворение их запросов
Указы Президента Украины: «О Концепции государственной региональной политики» [7] «О государственной поддержке развития местного самоуправления в Украине» [4]	направлены на решение проблем по формированию реальной модели местного самоуправления, а также оптимизации территориальной организации власти путем укрупнения сельских территориальных громад с целью обеспечения организационно-правовой, кадровой и финансово-экономической состоятельности органов местного самоуправления при выполнении возложенных на них полномочий в рамках единой публичной политики в этой области
Проект Декларации «Об основных принципах государственной политики Украины относительно развития местного самоуправления» (2008)	принят с целью содействия развитию местного самоуправления и территориальных громад, обеспечения формирования и реализации публичной политики в сфере местного самоуправления, а также путем оптимальной и умеренной децентрализации и децентрализации, перераспределения компетенций между территориальными органами публичной власти во избежание их дублирования и упрощения системы управления
Проект рамочного документа «Основные стратегические направления реформирования местного самоуправления в Украине» (по состоянию на 2012 г.) [12]	предписывает проведение реформы местного самоуправления путем: – законодательного обеспечения условий для развития территориальных громад как жизнеспособных конкурентоспособных социально-экономических систем; – предоставления местному самоуправлению четко определенного уровня государственной поддержки, которая обеспечит его функционирование как надежного и крепкого фундамента народовластия, весомого фактора экономического и социального развития страны
Проект Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины (в контексте децентрализации) от 26 июня 2014 г. [13]	обеспечивает правовую основу для принятия дальнейших законодательных актов или внесения изменений в уже существующие, необходимые для реализации реформы местного самоуправления и построения самодостаточных территориальных громад в Украине
Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Методики формирования самодостаточных территориальных громад» (2015 г.) [6]	определяет механизм, условия, а также порядок разработки и принятия Перспективного плана формирования самодостаточных территориальных громад Автономной Республики Крым и других областей Украины



ния самодостаточных территориальных громад, занимаются два министерства, два консультативных совета, ряд комитетов при Верховной Раде Украины и другие государственные органы. Следует отметить, что в течение всего периода становления местного самоуправления в Украине, участниками муниципально-го движения неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания единого общенационального органа, который представлял бы и защищал интересы органов местного самоуправления всех уровней [2].

Таким образом, принятие указанных выше законов и нормативно-правовых актов, а также их дальнейшая реализация стали серьезным толчком в решении вопроса реформирования местного самоуправления и построения самодостаточных громад.

Вместе с тем, реформа местного самоуправления не будет успешна без совершенствования административно-территориального устройства государства. В связи с этим Кабинетом Министров Украины была одобрена Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине (2014 г.). Целью Концепции является: определение направлений, механизмов и сроков формирования эффективного местного самоуправления и территориальной организации власти для создания и поддержания полноценной жизненной среды для граждан; предоставление высококачественных и доступных публичных услуг; становление институтов прямого народовластия; удовлетворение интересов граждан во всех сферах жизнедеятельности на соответствующей территории; согласование интересов государства и территориальных громад [10].

А поскольку существующая система органов местного самоуправления, с учетом современного административно-территориального устройства Украины, не позволяет сформировать самодостаточные громады Верховной Радой Украины были приняты законы Украины «О сотрудничестве территориальных громад» [9] и «О добровольном объединении территориальных громад» [5].

Данные законы определили организационно-правовые основы сотрудничества территориальных громад, принципы, формы, механизмы, а также стимулирование, финансирование,

контроль, урегулирование отношений, возникающих в процессе добровольного объединения территориальных громад сел, поселков, городов, и саму архитектуру такого объединения. Как результат, создание мощных, самостоятельных и самодостаточных территориальных громад является важной частью процесса децентрализации. На сегодняшний день в Украине продолжает осуществляться организационная и методическая поддержка процесса объединения громад, которая происходит на основании вышеуказанного Закона.

Что даст объединение громад?

Во-первых: 1) улучшится управление громадой. Объединенная территориальная громада будет иметь компетентный совет и квалифицированный исполком, потому что, чем больше будет населения и территории, тем будет больше кандидатов на должность главы и депутатов местного совета, и будет из кого выбирать наиболее достойных; 2) штатная структура будет более эффективной с точки зрения целесообразности должностей.

Во-вторых, благодаря новой бюджетной политике объединенная территориальная громада получает дополнительные финансовые ресурсы для развития инфраструктуры – дорог, освещения, водоснабжения, водоотведения, утилизации бытовых отходов и т. п.

В-третьих, более эффективное управление, наличие планов развития, прозрачность решений сделают объединенные территориальные громады привлекательными для инвесторов, обеспечат экономическое развитие и новые рабочие места [14].

При этом особое внимание следует обратить на административно-территориальное устройство страны. Следует различать два этапа формирования нового административно-территориального устройства – создание Перспективного плана формирования самодостаточных объединенных территориальных громад (обязательного для выполнения органами исполнительной власти на уровне областных государственных администраций, который утверждается областными советами) и добровольное объединение территориальных громад (где бюджетные и инфраструктурные преимущества получают только новые громады, руководство которых проявило активность

при реализации их добровольного объединения).

Показательным является факт, что процесс добровольного объединения территориальных громад может идти параллельно и независимо от создания Перспективных планов формирования самодостаточных территориальных громад. Однако только те объединения, которые полностью вписываются в установленную Перспективным планом матрицу, получают дополнительные полномочия и ресурсы, которые сейчас есть в городах областного уровня и районах.

Отсюда возникает вопрос: так какую громаду мы можем назвать самодостаточной? И ответ очевиден – самодостаточной является та громада, которая «в результате добровольного объединения способна самостоятельно или через органы местного самоуправления обеспечить надлежащий уровень предоставления услуг, в частности в сфере образования, культуры, здравоохранения, социальной защиты, жилищно-коммунального хозяйства, с учетом кадровых ресурсов, финансового обеспечения и развития инфраструктуры соответствующей административно-территориальной единицы» [6].

По данным мониторинга [3], по состоянию на 24 декабря

2017 года в Украине создано 692 объединенные территориальные громады. В общем уже объединились 3247 местных советов – почти треть от общего количества сельских, поселковых, городских советов, которые функционировали до начала процесса объединения. В объединенных громадах проживает уже около 6 млн человек. Средняя численность жителей объединенных территориальных громад – 8760 человек.

В целом уже 15 районов полностью «накрыты» объединенными громадами.

В 111 районах в объединенные территориальные громады входит большая часть территорий. 199 районов, а это почти половина от общего количества, имеют в своем составе хотя бы одну объединенную территориальную громаду. На сегодняшний день пятерка областей-лидеров в формировании объединенных территориальных громад представлена Житомирской, Хмельницкой, Черниговской, Днепропетровской, Донецкой областями.

Поскольку процесс укрупнения административно-территориальных единиц



базового уровня влияет на трансформацию территориального устройства и субрегионального уровня, то это требует реформирования системы органов публичной власти и на районном уровне. В районах, где объединенные территориальные громады образованы в пределах всей территории, происходит дублирование полномочий органов местного самоуправления объединенных территориальных громад, районных советов и районных государственных администраций. Там одновременно функционируют районная государственная администрация и районный совет с соответствующими расходами на их содержание, а также исполнительные органы объединенных территориальных громад с определенными законодательством полномочиями и финансированием. Соответствующие районные советы, как правило, принимают решения о денежной оценке земли и перераспределении трансфертов из госбюджета. Районные администрации же лишены подавляющего большинства полномочий, которые по закону выполняются исполнительными органами советов объединенных территориальных громад.

Такое положение приводит к дублированию полномочий районных советов и районных государственных администраций с органами местного самоуправления объединенных территориальных громад, чрезмерным расходам на содержание аппаратов районных государственных администраций, снижению качества предоставляемых услуг в связи с уменьшением финансирования районных бюджетов в части образовательной и медицинской субвенций.

Как результат – дуализм власти на уровне местного самоуправления негативно влияет на процессы распределения коммунального имущества между объединенными территориальными громадами и районами, затрудняет юрисдикцию органов исполнительной власти на территории объединенных территориальных громад, созданных в рамках различных районов.

А поскольку в соответствии с Конституцией Украины, создание, ликвидация, а также установление и изменение границ районов является полномочиями Верховной Рады, то сегодня, предлагается четыре варианта ее дальнейших действий.

Первый – изменить административно-территориальное устройство район-

ного уровня в пределах всей страны или территории отдельных областей.

Второй – ликвидировать отдельные районы, в которых все территориальные громады объединились.

Третий – законодательно урегулировать и досрочно прекратить полномочия райсоветов в районах, где все громады объединились в одну объединенную территориальную громаду.

Четвертый – создать новый район путем объединения в один территорий двух и более смежных районов (согласно проекту Закона Украины «О порядке образования, ликвидации районов, установления и изменения их границ» № 6636 от 22 июня 2017 года).

Выводы. В целом реформы административно-территориального устройства и управления административно-территориальными единицами различного иерархического уровня должны быть согласованными, учитывать стратегические векторы развития страны. Как результат, изменение административно-территориального устройства государства способствует эффективности использования бюджетных средств, сокращению аппарата чиновников и т. п. При этом добровольное объединение территориальных громад является важным и действенным инструментом, способствующим формированию самодостаточных территориальных громад, внедрению реформы децентрализации в Украине, повышению эффективности услуг и качества жизни населения.

Таким образом, сегодня в период активного реформирования местного самоуправления и административно-территориального устройства принят ряд нормативно-правовых актов, одобрена Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине и утвержден план мероприятий по реализации этой Концепции, разработаны соответствующие изменения в Налоговый и Бюджетный кодексы Украины, а также Методика формирования самодостаточных территориальных громад, механизмы реализации соответствующих законодательных актов по этому вопросу. Все эти мероприятия требуют взвешенной публичной политики, формирования нового поколения местных политиков и служащих органов местного самоуправления, которые готовы работать в принципиально новых условиях, требующих новых

знаний, умений и навыков. Это вызвано, прежде всего, изменением статуса территориальных громад и тех перспективных задач, которые стоят перед органами публичной власти.

Список использованной литературы:

1. Європейська Хартія місцевого самоврядування від 15 жовтня 1985 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_036.

2. Ібрагімова А.А. Характеристика нормативно-правової бази державної політики у сфері побудови спроможних територіальних громад в Україні / А.А. Ібрагімова // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://official.chdu.edu.ua/article/download/60118/55879>

3. Моніторинг процесу децентралізації влади та реформування місцевого самоврядування станом на 8 грудня 2017 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://decentralization.gov.ua/news/7823>

4. Про державну підтримку розвитку місцевого самоврядування в Україні: Указ Президента України від 30 серпня 2001 р. № 749/2001 // Управління сучасним містом. – 2001. – № 7-9(3). – Ст. 48-153.

5. Про добровільне об'єднання територіальних громад: Закон України від 01.01.2018 № 157-19 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/157-19>

6. Про затвердження Методики формування спроможних територіальних громад: Постанова Кабінету Міністрів України від 02.09.2017 № 214-2015-п [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/214-2015-%D0%BF>

7. Про Концепцію державної регіональної політики: Указ Президента України від 25 травня 2001 р. № 341/2001 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/341/2001?nreg=341%2F2001&find=1&text=%E3%F0%EЕ%EC%E0%E4&x=-842&y=-11202>

8. Про місцеве самоврядування: Закон України від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 24. – Ст. 170.



9. Про співробітництво територіальних громад: Закон України від 17 червня 2014 р. № 1508-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 34. – Ст. 1167.

10. Про схвалення Концепції реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 1 квітня 2014 р. № 333-р [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-%D1%80>

11. Проект Закону України «Про місцеве самоврядування в Україні» (нова редакція) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://rozvytok.in.ua/news/1519-prezentovano-novu-redaktsiiu-proektu-zakonu-ukrainy-promistseve-samovriaduvannya> (станом на 1 серпня 2014 р.).

12. Проект рамкового документа «Основні стратегічні напрями реформування місцевого самоврядування в Україні» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://municipal.gov.ua/upload/ust/files/Proekt_Ramk_dok_Osn_Strat_naprami_18_04_2012.doc

13. Роз'яснення щодо змін до Конституції України на реалізацію Реформи місцевого самоврядування та курсу Уряду на децентралізацію влади в Україні [Електронний ресурс] / Офіційний сайт Міністерства юстиції України. – Режим доступу: http://ddr.minjust.gov.ua/uk/781a4e345c88ad369dc5ca4a9fe63730/proekt_zmin_do_konstytuciyi_ukrayiny_shchodo_decentralizaciyi_vlady_ta_koncepciya_reformuvannya_miscevogo_samovryaduvannya_ta_terytorialnoyi_organizaciyi_vlady_v_ukrayini/.

14. Horizon 2020 – the Framework Programme, for Research and innovation European Commission, URL [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ec.europa.eu/research/csri/index_en.cfm.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крипак Андрей Петрович – аспирант кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления городом Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kripak Andrey Petrovych – Postgraduate Student at the Department of Regional Management, Local Government and City Management National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

lelechangell@ukr.net

УДК 351.74(477)

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ К ОРГАНАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Андрей КУБАЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД и экономической безопасности
Одесского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается уровень общественного доверия и поддержки граждан к работе органов Национальной полиции, а также степень удовлетворенности их деятельностью. Автор указывает причины снижения уровня доверия к органам полиции. На основе статистической информации и результатов социологических опросов выявлены основные факторы, влияющие на доверие к органам Национальной полиции Украины. Установлено, что высокое доверие к органам полиции способствует взаимодействию населения с правоохранительными органами и общественными формированиями в противодействии преступности.

Ключевые слова: органы полиции, система правоохранительных органов, реформа системы органов полиции, оценка эффективности деятельности органов полиции, доверие к органам полиции.

TRUSTFUL ATTITUDE TO THE NATIONAL POLICE AS A MAIN FACTOR OF THE EFFECTIVENESS IN ENFORCEMENT SYSTEM LAW

Andrey KUBAIENKO,

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor at Department of Administrative
Activity and Economic Security of Odessa State University of Internal Affairs

SUMMARY

In the article considered the level of the public trust and support from citizen side to the National Police work and degree of satisfaction with their activities as well. Author in the article indicates the reasons for reducing the trust level to the police. On the basis of statistical information and results of sociological surveys were identified the main factors influencing trust to the National Police of Ukraine. It has been established, that high trust to police is forces promotes the interaction of the population with enforcement law and civic groups in combating crime.

Key words: police agencies, law enforcement system, reform of the police, assessment of the effectiveness of the police, credibility of the police.

REZUMAT

Articolul ia în considerare nivelul încrederii și sprijinului cetățenilor față de activitatea organelor Poliției Naționale, precum și gradul de satisfacție față de activitățile lor. Autorul indică motivele scăderii nivelului de încredere în poliție. Pe baza informațiilor statistice și a rezultatelor studiilor sociologice, principalii factori care au influențat credibilitatea organelor Poliției Naționale a Ucrainei au fost dezvoltăți. S-a stabilit că o înaltă încredere în forțele de poliție facilitează interacțiunea populației cu agențiile de aplicare a legii și organizațiile publice în combaterea criminalității.

Cuvinte cheie: poliția, aplicarea legii, reforma sistemului de poliție, evaluarea eficacității poliției, încrederea în poliție.

Постановка проблемы. Актуальность изучения общественного мнения о деятельности органов полиции, уровня доверия к ним, обусловлена необходимостью укрепления авторитета правоохранительной системы у



населения, повышения степени субъективной защищенности граждан от преступных посягательств, раскрытия объективных и субъективных факторов, влияющих на имидж сотрудников правоохранительных структур, разработки направлений ее изменения в положительном направлении. Положительное общественное мнение влияет на результативность деятельности полицейских, так как в значительной степени формирует атмосферу сотрудничества граждан с полицией, способствует профилактике и раскрытию преступлений. Высокий уровень преступности, неуважительное отношение к закону, частые случаи его нарушения, агрессия, общение в оскорбительной форме – именно эти проблемы в функционировании системы МВД Украины стали причиной падения уровня общественного доверия к ней и негативных оценок ее деятельности.

В рамках реформы в 2015 году был принят Закон Украины «О Национальной полиции», согласно которому новыми принципами функционирования полиции стали открытость и прозрачность (ст. 9) и взаимодействие с населением на принципах партнерства (ст. 11) [1]. В качестве основного критерия оценки работы полиции новый Закон провозгласил уровень доверия населения, в связи с чем наиболее актуальной является проблема улучшения отношения к органам полиции, в первую очередь путем формирования положительного имиджа. Формирование имиджа является сложным процессом, в ходе которого следует принимать во внимание различные факторы. В первую очередь имидж полиции строится на внутренних факторах, в частности, личных качествах, которые присущи полицейскому, на качествах, которые он приобрел в процессе обучения в высшем учебном заведении, и, как следствие, на результате его работы. В то же время на имидж полиции влияет информационное пространство. Упрощенно эту модель можно представить себе и по-другому: имидж сотрудника полиции формируется за счет двунаправленных, встречных векторов: с одной стороны, это усилия по формированию положительного имиджа, предпринимаемые

со стороны МВД, а с другой стороны, это влияние общественного мнения на процесс и результат формирования имиджа. Ведь мнение о полиции формируется у граждан на основе информации о ее деятельности в целом, а также о работе и поведении отдельных ее сотрудников. Источниками информации в данном случае могут выступать личные контакты населения с полицией, рассказы родственников, знакомых, слухи, публикации в СМИ. Вопросы формирования положительного имиджа полиции являются предметом многочисленных исследований и дискуссий как до начала осуществления реформы, так и в процессе ее проведения. Следует отметить, что ученые по-разному рассматривают пути формирования положительного имиджа полиции. Именно поэтому в отечественной научной литературе существует несколько базовых направлений исследования и решения данной задачи. Одни ученые настаивают на необходимости изменения принципов подготовки полицейских, другие считают, что необходимо развивать эффективное сотрудничество системы правоохранительных органов и СМИ. Кроме указанного, существует мнение, что необходимо заимствовать опыт зарубежных стран по использованию интернет-пространства для распространения информации о деятельности полиции, именно этот ресурс в первую очередь использует молодежь.

Важным направлением в повышении имиджа полиции является введение партнерской модели взаимоотношений между полицией и обществом, а также сотрудничество полиции с институтами гражданского общества, повышение у населения степени доверия к полиции. Наличие различных направлений исследований свидетельствует, что формирование положительного имиджа полиции – проблема сложная, решать которую можно только с использованием комплексного подхода.

Эффективная работа правоохранительной системы является одной из основ успешного решения возникающих в обществе проблем. Доверие к органам полиции является важной характеристикой общественных отношений, ключевым социокультурным

явлением, которое в значительной степени определяет эффективность государственной политики по формированию гражданского общества, развитию демократии и социально-экономического развития страны в целом. Вместе с тем результаты социологических исследований, проведенных в последние годы, отражают критически низкие уровни доверия граждан практически ко всем правоохранительным органам. Задача восстановления доверия к органам полиции приобретает особое значение в современных условиях затянувшегося политического кризиса и побуждает к развитию социального диалога в органах государственной власти.

Состояние исследования. Проблемы определения уровня доверия населения и изучение общественного мнения о деятельности органов полиции исследовали в своих работах В.В. Андреева, А.А. Бова, И.Д. Кузнечик, Д.П. Калайнов, К.С. Колесник, А.В. Климовская, В.И. Московец, А.С. Проневич, Ю.А. Свеженцева и др.

Цель статьи заключается в исследовании современных тенденций развития доверия населения к органам Национальной полиции как ключевого фактора эффективности правоохранительной системы.

Изложение основного материала. Сегодня все чаще в литературе и СМИ феномен доверия общества к правоохранительным органам сводится к пониманию данной категории преимущественно с точки зрения формирования имиджа сотрудников полиции. В юридической деятельности отношения субъектов характеризуются особыми свойствами, оформленными правом. Поэтому феномен доверия в правоохранительной деятельности может приобретать самостоятельное значение, получая признание как ценности рядом с ценностью права и не совпадать по своему объему с доверием как общественным явлением. Точно так же, как идея совершенной правовой системы или правопорядка не может полностью совпадать с социальным идеалом. В то же время феномен доверия в актах правоприменения, в правоохранительной деятельности обуславливает тенденцию



к расширению своей исходной сущности, открывая новые социальные свойства. Очевидно, что для граждан доверие к правоохранительным органам не может строиться на абстрактной идее справедливости, не может ограничиваться только признанием ценности их деятельности, а сопровождается переживанием чувства благодарности, симпатии и дружеской поддержки. Тем самым иррациональная сущность доверия наполняется смыслом, жизненным содержанием, становится предметной только в конкретных поступках субъектов правоохранительной деятельности. Это обстоятельство указывает на зависимость феномена доверия от характера системы общественных связей и исторических условий развития страны.

В странах Европы и США уже сложились основные модели правоохранительной деятельности, а значит, и модели доверия общества к органам полиции. Так, европейская модель доверия функционирует в условиях социальной терпимости, американская – обращена к принципам и ценностям социальной идентичности личности. Существует и восточная модель доверия к органам правопорядка, в которой прослеживается система религиозных ограничений и табу [2, с. 12]. В Украине сегодня происходит процесс реформирования правоохранительной системы, не сложилась окончательно модель отношений полиции и гражданского общества и, как следствие, не существует единой модели доверия. По сути, в сегодняшних условиях в контексте постклассической парадигмы юридической науки не сформирован окончательно запрос на интегративную категорию «доверие».

Как правило, доверие определяется в документах и профессиональных кодексах как морально-этическая модель поведения полицейского, единая для всех стран Евросоюза (Европейский кодекс полицейской этики). Основным критерием компетентности полицейского считается эффективное общение с населением. Это прагматическая модель доверия, потому что акцент делается на доверии населения как «основополагающем критерии оценки деятельности

правоохранительных органов» [3]. Однако параметры нового социального порядка и безопасности, связанные с логикой сетевых взаимодействий, возникающих сегодня в государстве, кардинально отличаются от того, что имеет место в странах с развитой демократией и экономикой. Механическое перенесение опыта таких стран может привести не только к нарушениям принципа справедливости и толерантности, негативно повлиять на традиции, ментальность населения, но и создать напряженность в межконфессиональных и этнических отношениях [4, с. 25].

Очевидно, что сегодня на первое место выходит множественность проявлений человека, становится невозможно мыслить рамками замкнутых изолированных систем. Кардинальным образом меняется сам подход к интерпретации человеческого бытия, которое теперь понимается как одновременно ментальное и физическое, индивидуальное и социальное, свободное и детерминированное. Общество меняется, меняется и смысловая концепция доверия, при этом сама общественная система способствует формированию прямых и косвенных институтов, инструментов, механизмов и методов формирования различных типов доверия к органам правопорядка, в т.ч. и в результате действий самой личности.

Н.М. Василец, учитывая мнение Д. Гамбетты, исследуя доверие граждан к сотрудникам органов внутренних дел, рассматривает опыт сотрудничества граждан с полицией как один из факторов формирования доверия [5, с. 78]. Автор отмечает, что доверие является результатом положительного и плодотворного сотрудничества ее субъектов. Эффективное сотрудничество как взаимодействие нескольких субъектов направлено на достижение общей цели, повышает уровень доверия между ними и делает его естественным. Опираясь на положения, которые автор определяет относительно условий создания и существования отношений доверия, можно утверждать, что для возникновения и существования доверия граждан к сотрудникам органов внутренних дел, кроме положительных оценок гражданами полиции как объекта доверия,

необходима уверенность субъекта доверия, то есть самих граждан, в надежности указанных оценок и ответственное постоянство поведения объекта доверия (работников органов внутренних дел). Это важно подчеркнуть в случаях, когда мы ожидаем срочного изменения уровня доверия граждан к полиции сразу после применения определенных мер, направленных на ее реформирование. Итак, для формирования и упрочения доверия требуется определенное время, то есть доверию присуща определенная инерционность относительно текущей социальной ситуации.

Теоретические основы исследования доверия к правоохранительным органам, непосредственно к полиции, опираются на концептуальные подходы и могут иметь разные уровни рассмотрения проблемы. Основными факторами, которые влияют на доверие к полиции со стороны общества и рассматриваются как основа формирования доверия являются следующие: демографические, контекстные и систематические.

При использовании первого фактора исследователи опираются на демографические характеристики респондентов, такие как возраст, пол, место проживания, тип населенного пункта и некоторые другие, также могут приниматься во внимание индивидуальные характеристики людей, включенных в испытываемое поле – удовлетворенность жизнью в целом, политическая ориентация. В этом случае используются параметры работы полиции, статистические данные по преступности, деятельности правоохранительных органов. Второй тип факторов (контекстный) предполагает раскрытие социального контекста, в котором формируется доверие к полиции. Например, можно интересоваться различиями в степени доверия к полиции, определенной этнической принадлежностью, рассматривать концепции соседства или других факторов, определяющих локальные правила жизни сообщества в районе проживания. С этим фактором можно связывать также влияние доверия уровня уголовной статистики, средств массовой информации и других способов коммуникации, неравенства доходов, личного



опыта привлечения в криминальные ситуации. Таким образом, в случае использования в анализе контекстного фактора фокусируются на социальных условиях жизни в исследуемом сообществе, регионе, стране.

Систематический фактор предусматривает несколько вариантов логики использования, но главным отличием от предыдущих является раскрытие понимания полицией ее миссии в контексте восприятия обществом как необходимой и справедливой, что требует общественного консенсуса по поводу восприятия и пропорциональности мер принуждения, применяемых полицией в процессе своей деятельности [6, с. 57].

Доверие к правоохранительным органам является результатом субъективно-объективного восприятия населением, результатом оценки их деятельности. Содержанием доверия людей является способность правоохранительных органов эффективно осуществлять возложенные на них функции.

Доверие можно рассматривать как своего рода эмоциональный фон эффективного взаимодействия правоохранительных органов и населения. Доверие к правоохранительным органам является положительным отношением индивидов и различных социальных групп, характеризуется в эмоциональном и интеллектуальном аспекте убежденностью в высокой степени предсказуемости поведения и действий. Объективной предпосылкой предоставления доверия населением правоохранительным органам является удовлетворенность их деятельностью [7, с. 227].

Достижение благоприятного контекста взаимодействия правоохранительных органов и общественности во многом связано с уровнем положительных отношений, одобрением, пониманием, доверием и поддержкой деятельности правоохранительных органов.

В основе объективных факторов роста доверия к правоохранительным органам лежит улучшение состояния криминальной обстановки, результативность правоохранительной деятельности, обеспечение закрепленных в Конституции Украины норм [8].

Лидерами общественного недоверия среди различных институтов Украины остаются суды и прокуратура, тогда как больше всего люди доверяют волонтерам.

Об этом свидетельствуют данные социологического опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива и Центром Разумкова 11-16 мая 2016. По указанным данным особое внимание акцентировано на показателях доверия к обновленной полиции. Национальной полиции преимущественно доверяют 34,1%, полностью – 5,6%. Совсем и преимущественно не доверяют – соответственно 19,5% и 24,7%. Таким образом, недоверие к органам Национальной полиции преобладает над доверием лишь на 4,5%. [9]

В 2017 году по данным МВД в Украине увеличился уровень доверия к службам Министерства внутренних дел. Об этом заявил глава МВД Арсен Аваков во время заседания коллегии МВД Украины по итогам 2017 года. Так, он сообщил данные об уровне доверия к службам МВД, ссылаясь на данные социологического опроса, проведенного в октябре 2017, Национальной гвардии – 52,6%, Государственной службе по чрезвычайным ситуациям – 50,5%, Государственной пограничной службе – 46,4%, Национальной полиции в целом – 39,3%, Патрульной полиции в частности – 40,9%. [10]

Снижение уровня доверия к правоохранительным органам формирует в обществе атмосферу страха, неуверенности в будущем, ощущение незащищенности. И наоборот, уважение и доверие к правоохранительным органам граждан, является неременным условием эффективного государства, признаком социально-политического благополучия.

Уровень доверия населения к правоохранительным органам можно рассматривать как своеобразный барометр эффективности функционирования органов и институтов государства. Отсутствие доверия к полиции негативно сказывается на желании населения сотрудничать с ней. Тем самым затрудняет охрану общественного порядка, предотвращение и раскрытие преступлений.

Исследования, проведенные в США, ЕС и Украине показали, что отношение к правоохранительным органам коррелирует со значительным набором субъективных и объективных факторов, связанных с эмоционально-чувственным и рациональным уровнем общественного сознания.

Полиция воспринимается населением как партнер и надежный защитник простых граждан в повседневной жизни, пользуется большим доверием, чем полиция, имеющая имидж карающего органа.

Качество государственных институтов (открытость власти, ее способность поддерживать высококачественные общественные блага, подотчетность населению, верховенство закона, масштаб коррупции и т. п.) оказывает прямое и косвенное влияние на отношение населения к полиции.

Трудно представить себе некоррупционную и эффективную полицию в коррумпированном и неэффективном государстве. Все болезни государства – неэффективность, коррупция, возможность произвола по отношению к рядовым гражданам немедленно приписываются и правоохранительным органам. Преобразование правоохранительных органов в послушный инструмент вертикали власти, непрозрачность и отчужденность от местного населения будут подрывать доверие и стимулировать негативное отношение.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что уровень доверия зависит не только от объективных характеристик безопасности и взаимодействия с полицией, но и от широкого социально-политического и ценностного контекста, в котором это взаимодействие происходит. Без доверия и сотрудничества со стороны граждан полиция во многих случаях оказывается бессильной и беспомощной в решении поставленных перед ней задач.

Одним из решающих факторов уровня доверия является качество государственных институтов. В коррумпированной стране, где не уважается закон, где органы государственной власти забюрократизированы – уровень доверия населения к правоох-



ранительным органам не может быть высоким.

Профилактика преступлений и правонарушений, поддержание безопасной социальной среды должны стать одними из основных приоритетов в работе полиции. Именно такой подход будет соответствовать росту доверия населения к правоохранительным органам в современных условиях.

Таким образом, благодаря профессионально выполняющим работу полицейским, общественное доверие, поддержка и доброе отношение граждан к сотрудникам правоохранительных органов возвращается, о чем свидетельствует постоянное проведение мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества. Возможно, со временем Национальная полиция действительно станет образцовым правоохранительным органом, в котором все без исключения работники будут неуклонно придерживаться положений Конституции и законов Украины, профессионально выполнять свои служебные обязанности в соответствии с требованиями нормативно-правовых актов на основе принципа верховенства права и главное – уважать и защищать права и свободы граждан, жизнь, здоровье и безопасность которых признаются наивысшей социальной ценностью в государстве.

Список использованной литературы:

1. О Национальной полиции: Закон Украины от 02.07.2015 № 580-VIII // Ведомости Верховной Рады. – 2015. – № 40-41. – Ст.379

2. Лошицкий М.В. Об опыте полицейской деятельности США, Великобритании и Канады / М.В. Лошицкий // Актуальные проблемы административного права и административного процесса в Украине: материалы Всеукр. научно-практической. конф. (Днепропетровск, 29 май. 2015). – Днепропетровск: Днепропетровский. гос. ун-т внутр. дел, 2015. – 11-14 с.

3. Оценка деятельности полиции в Англии и Уэльсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://publicverdict.ru/topics/ref_research/9735.html

4. Калайнов Д.П. Полиция стран ЕС и использования ее опыта в административной деятельности органов внутренних дел Украины: теория и практика: Автореф. дис. д-ра юрид. наук: спец. 12.00.07 «Административное право и процесс; финансовое право, информационное право»/ Калайнов Дмитрий Петрович; Киев. нац. ун-т им. Т. Шевченко. – М., 2010. – 40 с.

5. Василец Н. М. Доверие к ОВД как важный элемент в современном обществе / Н. М. Василец // Психолого-педагогические условия развития образовательного пространства государства: тезисы докладов и сообщений участников Междунар. научно-практической. конф., 22 ноября 2013. – Львов: Львовский государственный университет внутренних дел, 2013. – 78-80 с.

6. Бова А. Факторы доверия населения к полиции / А. Бова // «SOCIOПРОСТІР: міждисциплінарний електронний збірник наукових праць з соціології та соціальної роботи». – 2016. – № 5. – 55-61 с.

7. Проневич А. С. Доверие населения как критерий оценки эффективности деятельности правоохранительных органов / А. С. Проневич // Форум права. – 2015. – № 4. – 225-231 с.

8. Конституция Украины [Электронный ресурс]: Закон Украины от 28.06.1996 г. 254к / 96-ВР с измен., Внес. Законами Украины и Решениями Конституционного Суда: по состоянию на 30.09.2016, 1401-19. – Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua>.

9. За год полиция резко нарастила доверие. Лидеры недоверия – прокуратура и суды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novynarnia.com/2016/05/25/sotsopituvannya-za-rik-politsiyarizko-narostila-doviru-lideri-nedoviri-prokuratura-y-sudi/>

10. Результат успешной работы системы МВД – уровень общественного доверия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mvs.gov.ua/ua/news/11869_Arsen_Avakov_Rezultat_vdaloi_roboti_sistemi_MVS_riven_suspilnoi_doviri_FOTO_VIDEO_.htm

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кубаенко Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД и экономической безопасности Одесского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kubaienko Andrey Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at Department of Administrative Activity and Economic Security of Odessa State University of Internal Affairs

kav1312@ukr.net



УДК 347.77

ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ

Олег КУЗЬМИЧ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры судопроизводства

Юридического института

Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу специфики отношений собственности, в частности анализа их субъектного состава на предмет участия в таких правоотношениях третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений. Анализируя особенность таких правоотношений, автор исследует юридическую природу правовых связей, охватываемых субъективным правом собственности, состоящих при участии уполномоченных лиц и всех тех, на кого в силу специфики права собственности как одного из видов вещных прав, возлагаются обязанности пассивного характера. Сделан вывод о том, что отношения, которые охватываются правом собственности в силу своей специфики, не предусматривают правовых связей с участием третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений. Кроме того, речь идет о необходимости отделения таких лиц, на которых в пределах исследуемого вида правоотношений возлагаются обязанности субъективного характера, от других лиц как участников гражданских отношений.

Ключевые слова: гражданские правоотношения; право собственности; третье лицо, другое лицо, уполномоченное лицо, вещные права.

LEGAL PROVISIONS IN RELATION OF PARTICIPATION OF THIRD PERSONS IN RELATIONS OF PROPERTY

Oleg KUZMICH,

Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor,

Assistant Professor of the Judicature Chair of Law Institute of

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

SUMMARY

The article is sanctified to the analysis of specific of relations of property, in particular to the analysis of them subject composition for the purpose of participating in such legal relationships of the third persons as independent subjects of civil legal relationships. Analysing the specific of such legal relationships an author investigates legal nature of legal bonds, that is embraced by the equitable right of property, that consist of participation of the authorized persons and all those on that, in force of specific of the right of ownership as one of types of material rights, the duties of passive character are laid. Drawn conclusion, that relations that is embraced by the right of ownership in force of the specific do not envisage legal bonds with participation of the third persons, as independent subjects of civil legal relationships. In addition, speech goes also about a necessity dissociations of all other persons, on that within the limits of the investigated type of legal relationships the duties of subjective character are laid, from other persons as participants of civil relations.

Key words: civil legal relationships, right of ownership, third person, other person, authorized person, material rights.

REZUMAT

Acest articol analizează specificul relațiilor de proprietate, în special, analiza compoziției subiect pentru participarea la astfel de relații juridice ale unor terțe părți ca subiecte independente ale relațiilor civile. Analiza caracteristică a acestor relații autorul analizează natura juridică a raporturilor juridice care fac obiectul dreptului subiectiv de proprietate, care constă cu participarea persoanelor autorizate, și toți cei care, din cauza drepturilor de proprietate specifice ca unul dintre tipurile de drepturi de proprietate, având în vedere responsabilitatea naturii pasive. Concluzia este făcută cu privire la faptul că relațiile sunt acoperite de dreptul de proprietate prin însăși natura lor, nu oferă raporturile juridice cu terțe părți ca subiecte independente ale relațiilor civile. În plus, o cerere de separare a unor astfel de persoane, care sunt în cadrul relațiilor specii investigate având în vedere responsabilitatea de natură subiectivă, de la alte persoane ca participanți la relațiile civile (art. 2 din Codul civil al Ucrainei).

Cuvinte cheie: relație juridică civilă; dreptul de proprietate; persoana terță, altă persoană, persoană autorizată, drepturi de proprietate.

Постановка проблемы. Отношения собственности, как и вещные правоотношения вообще, неоднократно находились в центре внимания ученых, подтверждением чего служат труды таких авторов, как Н.С. Кузнецова, С.С. Алексеев, Г.Г. Харченко, А.С. Яворская, С.И. Шимон, Я.М. Шевченко и др. В тоже время,

что касается вопросов субъектного состава данных правоотношений в части участия в таких правоотношениях третьих лиц как их самостоятельных субъектов, то этим вопросам не уделяли должного внимания в юридической литературе, что и обусловило актуальность тематики этого научного исследования.

Целью статьи является анализ специфики отношений собственности как разновидности вещных правоотношений, а именно их субъектного состава на предмет участия в таких правоотношениях третьих лиц как их самостоятельных субъектов.

Методы и использованные материалы. Природа вещных право-



отношений в науке гражданского права является одной из самых дискуссионных, однако, учитывая проблематику этой работы, основное внимание будет сфокусировано непосредственно на их субъектном составе, как в гражданском законодательстве, так и в доктринальных исследованиях, о чем свидетельствует их анализ. При определении субъектного состава таких правоотношений наблюдается использование разного понятийного аппарата, например, по отношению к терминам «третьи лица» и «другие лица». Это является предпосылкой для постановки вопроса по поводу того, насколько специфика таких правоотношений допускает существование третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений. Как отметил в свое время Ю. К. Толстой, в субъектный состав правоотношений собственности входят все третьи лица, обязанности которых в данном правоотношении сводятся к пассивному содержанию. Правоотношения собственности строятся как всеобъемлющее отношение того, что осуществление права собственности происходит, прежде всего, вследствие собственных действий уполномоченного лица. Возможность осуществления таких действий юридически в полном объеме обеспечивается пассивным содержанием всех третьих лиц [7, с. 84]. Аналогичный подход наблюдается и в современных научных исследованиях [9].

В юридической литературе к признакам, которые характерны для третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений, как правило, относят следующие: лица, которые являются субъектами гражданских правоотношений; обладают субъективными правами и (или) обязанностями, что будет зависеть от особенности правоотношений, которыми будет определяться их участие; участвуют в гражданских правоотношениях от собственного имени или наименования, и, следовательно, должным образом идентифицированы; обладая субъективными правами и (или) обязанностями могут в той или иной степени влиять на динамику (движение) соответствующего правоотношения [4, с. 108-110].

Однако, прежде чем перейти к анализу субъектного состава таких правоотношений, следует выяснить их юридическую природу. Вообще под вещными правами в научной литературе принято понимать права, обеспечивающие удовлетворение интересов лиц путем непосредственного воздействия на вещь, которая находится у лица. Характерными для таких прав являются следующие признаки: 1) вещным правам присуще право следования. Носитель вещного права сохраняет его и тогда, когда вещь переходит к новому владельцу. Например, передача имущества в залог не ведет к прекращению права собственности на это имущество, а собственник вправе истребовать имущество из чужого незаконного владения; 2) объектом вещного права является вещь; 3) вещное право имеет бессрочный характер; 4) вещные права пользуются абсолютной защитой [11, с. 6].

Вещное право, пишет В.М. Плячко, придает лицу юридическое господство над вещью, но это владение может быть разного уровня и состава, проявляясь в самых разнообразных действиях субъекта над вещью, вследствие чего и вещные права не являются одинаковыми [6, с. 6].

Разновидностями права, которое является общепринятым в науке гражданского права, есть право собственности на имущество и вещные права на чужое имущество или ограниченные вещные права. При этом, безусловно, превалирующим вещным правом остается право собственности на имущество, хотя есть и другие соображения по этому поводу, в частности, как отмечает К.Э. Шахназарян, система вещного права в соответствии с современной наукой состоит из трех элементов: права собственности, права владения и права на чужое имущество и т.п. [9, с. 13-14].

Так, С.С. Алексеев с правовой точки зрения собственность рассматривает в качестве вещного права, то есть права, которым определяется связь человека с вещью, другими предметами и благами. Именно таким пониманием и таким путем, то есть путем «человек – вещь», как считает автор, достигается и «полно-

та власти», «абсолютность и исключительность власти», что необходимо для самого понимания, практического бытия и функционирования собственности [1, с. 38].

В объективном смысле право собственности, или институт права собственности, пишет В.В. Луць, составляет определенная совокупность правовых норм и других социальных регуляторов (обычаев, морали, религиозных норм и т.д.), которые регулируют отношения собственности, то есть закрепляют принадлежность материальных благ отдельным субъектам, устанавливают основания и условия возникновения и прекращения права собственности у этих субъектов, определяют содержание этого права и условия его защиты. Правом собственности в субъективном смысле является «право лица на вещь (имущество), которое оно осуществляет в соответствии с законом по своей воле, независимо от воли других лиц» (ч. 1 ст. 316 Гражданского кодекса Украины). Это субъективное право лица, как подчеркивает дальше В.В. Луць, существует в конкретных правоотношениях собственности [5, с. 78]. При этом автор отмечает, что право собственности – наиболее емкое по содержанию из всех субъективных имущественных прав. Собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом, он может совершать в отношении своего имущества любые действия, использовать его для осуществления предпринимательской или иной деятельности, не запрещенной законом (ст.ст. 317, 319, 320 ГК Украины) [5, с. 78].

Как следует из изложенного, право собственности в силу своей специфики опосредует правовые связи двух порядков, в частности в пределах одного – это правовая связь с соответствующим имуществом, а в пределах другого – правовые связи с неопределенным кругом лиц, на которых возлагаются обязанности пассивного характера. Правовые связи первого порядка представляют собой особенности осуществления права собственности на имущество, в той или иной степени охватываемых соответствующими правомочиями,



которыми традиционно являются право владения, пользования и распоряжения имуществом. Именно в силу неординарности таких правовых связей особенностью субъективного права собственности на имущество по сравнению с обязательственным правом требования является то, что лицо, будучи собственником имущества, самостоятельно имеет возможность совершать те или иные действия в отношении своего имущества с учетом общих ограничений, предусмотренных в нормах гражданского права. Возможность совершения подобных действий собственниками имущества и послужила основанием для выделения отдельных правомочий, которые охватываются содержанием субъективного права собственности, а именно: владение, пользование и распоряжение имуществом. Как отмечала по этому поводу Я.М. Шевченко, правомочия, составляющие содержание права собственности, это – владение, пользование и распоряжение. Также они определены и в украинском гражданском законодательстве (ст. 317 ГК Украины). Содержание каждого из правомочий связано непосредственно с объектом права собственности, принадлежащей определенному субъекту, и именно особенности этого субъекта влияют на характер каждого из правомочий и на характер их связи с объектом. Поэтому сущность права собственности, как отмечает автор, связана с экономической категорией присвоения, находит свое выражение в определении возможностей каждого из субъектов в своем поведении реализовать эти правомочия. Хотя закон отмечает, что все субъекты права собственности равны перед законом (ст. 318 ГК Украины), принадлежность материальных благ определенным субъектам не является идентичной [10, с. 21].

В общем, говоря о триаде правомочий, которые охватываются содержанием субъективного права собственности на имущество, следует заметить, что это действия, которые в зависимости от способа их осуществления в отношении имущества, получают свою оценку как владение, пользование и распоряжение им. В то же время, на современном

этапе в научно-правовой литературе обращается особое внимание на то, что содержание субъективного права собственности на имущество уже не может исчерпываться только упомянутыми ранее правомочиями – такое право по своему содержанию является более широким, в частности, его содержанием охватывается и такая правовая категория как управление имуществом. Это как бы вторичная правомочность, которая не находится в одном ряду с уже упомянутой триадой правомочий, то есть это производная правомочность, охватываемая содержанием субъективного права собственности на вещь [1, с. 62].

Что касается правовых связей иного порядка, вытекающих из отношений собственности, то в силу их исключительности ими описывается возложение обязанностей пассивного характера на неопределенный круг лиц, в связи с чем последних следует также признавать субъектами подобных правоотношений. Неопределенность, как нам кажется, это и есть способ идентификации таких лиц по отношению к уполномоченному лицу как собственника соответствующего имущества. Поэтому признание лиц, являющихся носителями обязанностей пассивного характера в качестве субъектов права собственности, как и вещных в общем, не противоречит ни содержательной нагрузке понятия субъекта гражданских правоотношений, ни юридической природе отношений собственности.

Итак, как следует из изложенного, а также правовых норм, которые регулируют отношения собственности последними, с одной стороны, предполагается правовая связь владельца имущества непосредственно с самим имуществом, а с другой стороны – правовая связь владельца имущества с неопределенным кругом лиц, на которых возлагаются обязанности пассивного характера. Правовые связи владельца имущества с соответствующим имуществом опосредуются через известную триаду правомочий, хотя содержание таких правовых связей, о чем уже говорилось, может определяться и по другому, а именно как собственнический интерес [8, с. 141], владельческое господ-

ство над вещью [6, с. 6], управление [1, с. 62] и тому подобное. В последнем случае, субъектами таких правовых связей выступают с одной стороны, уполномоченные лица, то есть лица, обладающие соответствующим правом собственности на имущество как вещным правом субъективного характера, а с другой – все остальные лица, на которые возлагаются обязанности пассивного характера. В последнем случае, это неопределенное количество лиц, в связи с чем, такие отношения называют еще абсолютными.

Тем не менее, ответ на вопрос по поводу того, опосредуется такими правоотношениями участие третьих лиц в качестве самостоятельных субъектов гражданских правоотношений, дают правовые связи, о которых говорится в пределах отношений собственности со всеми другими лицами, а также, исходя из понимания третьих лиц как субъектов гражданского правоотношения, необходимо сделать вывод, что особенность рассматриваемого вида правоотношений, которыми выражается право собственности на имущество в качестве одного из видов вещных прав, участие третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений, исключает.

В юридической литературе обычно лиц, на которых, в анализируемых нами правоотношениях, возлагаются обязанности пассивного характера, называют «третьими» или «другими лицами». Однако, учитывая, что такие лица выступают субъектами вещных правоотношений вообще, как это позволяет специфика таких правоотношений, и являются идентифицированными, обладают субъективными обязанностями пассивного характера, поэтому их целесообразнее именовать не просто другими лицами, а «всеми другими лицами», что по своей содержательной нагрузке диаметрально противоположно по отношению к уполномоченным лицам как субъектам вещных правоотношений и будет согласовываться с абсолютным характером данных правоотношений.

Сделанные выводы касаются и правоотношений, которыми охватывается право общей собственности,



в частности, как предусмотрено ч. 1 ст. 355 ГК Украины, имущество, находящееся в собственности двух или более лиц (совладельцев), принадлежит им по праву общей собственности (общее имущество) (ч. 2 ст. 355 ГК Украины).

Таким образом, субъектами отношений собственности, как и вещественных вообще, есть уполномоченные лица и все остальные, на которых возложены пассивные обязанности. Что касается последних, то такими субъектами могут стать каждый из участников гражданских отношений, о которых говорится в ст. 2 ГК Украины, для чего наступления отдельных юридических фактов не нужно (безусловно, кроме тех, которыми определяется возникновение самих прав), а в данном случае права собственности. Как отметил в свое время Н.Л. Дювернуа, лицо может и не знать, что выступает субъектом тех или иных гражданских правоотношений, однако это никоим образом не влияет на возможность такого лица выступать субъектом данных правоотношений [2, с. 24]. Это означает, что физическими лицами в качестве пассивных субъектов вещных правоотношений они становятся непосредственно с момента рождения; как и юридическими лицами с момента их создания, если речь идет о вещных правоотношениях, существовавших на момент рождения или создания физических и юридических лиц соответственно. В противном случае для получения упомянутыми лицами статуса всех других необходимо для возникновения самих вещных правоотношений, прежде всего, наличие отношений собственности. В этом случае не следует путать всех других лиц как субъектов вещных правоотношений с другими лицами как участниками гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины). Как отмечено в юридической литературе, к возникновению соответствующих правовых связей с гражданским правоотношением, которое взято за основу, тот или иной участник гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины) будет другим лицом. Одновременно после возникновения подобных правовых связей такой участник гражданских отношений приобрета-

ет признаки субъекта конкретного гражданского правоотношения, в частности, речевого или обязательственного, в последнем случае, или в качестве стороны, или третьего лица, что будет зависеть от специфики самого правоотношения. Кроме того, другое лицо, как участник гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), не может находиться в таких правовых связях с гражданским правоотношением, так как правовая категория находится за его пределами; поэтому о других лицах следует говорить именно как об участниках гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), а не о субъектах гражданских правоотношений. В этом случае такое возможно исключительно в рамках вещных правоотношений при наличии условий, о которых упоминалось. Для признания того или иного участника гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины) в качестве другого лица достаточно наличия у него гражданской правосубъектности [3, с. 132–134].

В то же время, что касается отношений собственности как и вещных в целом, то в данном случае, речь идет о правоотношениях, которые уже возникли, а, следовательно, тот или иной участник гражданских отношений, о которых говорится в положениях ст. 2 ГК Украины, с момента наступления юридических фактов, которыми регулируется возникновение аналогичных правоотношений, становится их субъектом, то есть перестает быть только участником гражданских отношений. В данном случае, это уже субъект гражданского правоотношения, а именно вещевое, обладающее обязанностью субъективного характера, которому соответствует субъективное право уполномоченного лица в таких правоотношениях. Поэтому в отношениях собственности все другие лица – это лица, являющиеся субъектами гражданского правоотношения вещевое характера, то есть правоотношения, которые уже возникли, в то время как другое лицо в качестве участника гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), это лицо, которое не находится в одной правовой связи с гражданским правоотношением в целом. Следова-

тельно, говоря об отношениях собственности, в частности, учитывая их абсолютный характер, понятие другое лицо, как участник гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), имеет только научный характер, так как в силу своей смысловой нагрузки это понятие находится за пределами гражданского правоотношения как правовой категории, и поэтому имеющей непосредственное отношение к гражданским правоотношениям относительного характера.

В то же время, что привлекает к себе внимание, между лицами, на которые возложены обязанности пассивного характера в отношениях собственности, и другими лицами как участниками гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), можно увидеть немало общих черт, в частности, и в первом и во втором случаях никаких ограничений в плане их правосубъектности нет.

Кроме этого, в этих случаях приобретение статуса или другого лица как участника гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), или всех других лиц как субъектов вещных правоотношений, в частности отношений собственности, является таковым, что не зависит от воли самих участников гражданских отношений, поскольку в каждом из этих случаев приобретения соответствующих статусов определяется юридическими фактами, наступление которых не зависит от воли самих участников гражданских отношений.

Если в обязательственных правоотношениях по соображениям защиты интересов третьих лиц законодатель в ст. 511 ГК Украины ограничил возможность возложения обязанностей на такие лица при отсутствии их согласия, то в случае с отношениями собственности ситуация несколько иная, а именно, с их возникновением на неопределенный круг лиц возлагаются обязанности пассивного характера. В связи с чем, в отношении подобных правоотношений складывается ситуация, когда физическое лицо с момента его рождения, а юридическое – создания, становятся уже лицами, на которых возложены пассивные обязанности, поэтому не может не возникнуть вопрос: насколько такие теоретически и законодатель-



но определенные доктринальные конструкции учитывают интересы не прямых собственников соответствующего имущества. Однако, как нам представляется, доктринально и законодательно определенные концепции, заложенные в основу отношений собственности, как и вещных в целом, с точки зрения возложения пассивных обязанностей на неопределенный круг лиц без согласия последних, не являются таковыми, что некоторым образом в негативном контексте могут повлиять на интересы таких лиц, а как раз наоборот есть способом, в котором интересы владельцев и не владельцев имущества являются сбалансированными. Кроме того, в отличие от обязательственных правоотношений, по которым интересы уполномоченных лиц реализуются не только через осуществление ими таких прав, но также из-за совершения соответствующих действий или воздержания от их совершения со стороны обязанных лиц, в рамках отношений собственности как и вещевых в общем, наоборот, интересы уполномоченных лиц реализуются путем совершения уже именно ими действий в отношении такого имущества, в результате чего на все другие лица возлагаются обязанности пассивного характера.

Выводы. Итак, как следует из изложенного, отношения, охватывающиеся правом собственности в силу своей специфики, не предусматривают правовых связей с участием третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданских правоотношений. Аналогичный вывод касается и отношений, образующихся в связи с общей собственностью. Что касается другого лица, как участника гражданских отношений (ст. 2 ГК Украины), то последнее по отношению собственности к вещным правоотношениям в целом, является исключительно научной категорией и обусловлено абсолютным характером упомянутых правоотношений; в связи с чем таких лиц необходимо отделять от всех других лиц, на которых в пределах рассматриваемых правоотношений возлагаются обязанности пассивного характера как субъектов таких правоотношений.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории / С.С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 240 с.

2. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Учение о лице. / Н.Л. Дювернуа // Часопис цивілістики. Науково-практичний журнал. – Випуск 12. – 2012. – 23-36 с.

3. Кузьмич О.Я. Інша особа як учасник цивільних відносин / О.Я. Кузьмич // Актуальні проблеми вдосконалення чинного законодавства України [текст]: Збірник наукових статей. Випуск 43. – Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2017. – 124-134 с.

4. Кузьмич О. Я. Участь третіх осіб у договірних зобов'язаннях / О.Я. Кузьмич // Актуальні проблеми вдосконалення чинного законодавства України [текст]: Збірник наукових статей. Випуск 42. – Івано-Франківськ ДВНЗ «Прикарпатський національний університет», 2016. – 102-110 с.

5. Луць В.В. Строки і терміни у цивільному праві: монографія / В.В. Луць. – К.: Юрінком Інтер, 2013. – 320 с.

6. Пляцко У.М. Обмеження речових прав: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 «Цивільне право та цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право» / У.М. Пляцко. – К., 2014. – 17 с.

7. Толстой Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 88 с.

8. Харченко Г.Г. Речові права: монографія / Г. Г. Харченко. – К.: Юрінком Інтер, 2015. – 432 с.

9. Шахназарян К.Е. Захист прав на чужі речі за законодавством України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 «Цивільне право та цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право» / К. Е. Шахназарян. – Одеса, 2017. – 20 с.

10. Шевченко Я.М. Право приватної власності в Україні: проблеми і перспективи / Я.М. Шевченко // Українське комерційне право. – № 5. – 2004. – 19-25 с.

11. Яворська О.С. Правове регулювання відносин власності за цивільним законодавством України: навчальний посібник. – К.: Атіка, 2008. – 256 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьмич Олег Ярославович – кандидат юридических наук, доцент кафедры судопроизводства Юридического института Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuzmich Oleg Yaroslavovich – Doctor of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Judicature Chair of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

Olespas@rambler.ru



УДК 336.2

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТЧЕТНОСТИ ПО ТРАНСФЕРТНОМУ ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛНЕНИЯ УКРАИНОЙ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ПЛАНУ ДЕЙСТВИЙ BEPS

Никита ЛАРИОНОВ,

аспирант кафедры финансового права и фискального администрирования
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ шага 13 Плана действий BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) в контексте реформирования системы отчетности по трансфертному ценообразованию в Украине. Анализируется текущее состояние, а именно выведение мультинациональными корпорациями налогооблагаемой прибыли за пределы Украины. Обосновывается необходимость имплементации в законодательство Украины правил о трехуровневой системе отчетности по трансфертному ценообразованию с целью присоединения Украины к глобальной системе обмена отчетами по трансфертному ценообразованию с целью эффективного выполнения налоговыми органами фискальной функции. Анализируется опыт иностранных государств по имплементации требований шага 13 Плана действий BEPS.

Ключевые слова: трансфертное ценообразование, План действий BEPS, шаг 13, ОЭСР, отчетность по трансфертному ценообразованию, страновой отчет

IMPROVEMENT OF TRANSFER PRICING REPORTING SYSTEM IN UKRAINE FOR THE PURPOSES OF FULFILLMENT BY UKRAINE OF OBLIGATIONS UNDER BEPS ACTION PLAN

Nykyta LARIONOV,

PhD student of Department of Financial Law and Fiscal administration
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article analyzes the Action 13 of the BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) Action Plan for the purposes of reforming the transfer pricing reporting system in Ukraine. The article analyzes the current state, namely, the deduction by multinational corporations of taxable profits outside Ukraine. The article contains substantiation of necessity of rules on the three-tier transfer pricing reporting system implementation with the aim of Ukraine joining the global system for the exchange of transfer pricing reports with the purpose of effective performance by the tax authorities of the fiscal function. The experience of foreign countries on implementing the requirements of Action 13 of the BEPS Action Plan is analyzed.

Key words: transfer pricing, BEPS Action plan, OECD, Action 13, transfer pricing reporting, Country-by-Country reporting.

REZUMAT

Articolul analizează etapa 13 din Planul de acțiune BEPS în contextul reformării sistemului de raportare a prețurilor de transfer din Ucraina. Se analizează starea actuală, și anume deducerea de către societățile multinaționale a profiturilor impozabile în afara Ucrainei. Necesitatea punerii în aplicare a legislației Ucrainei dreptul sistemului pe trei niveluri de rapoarte de stabilire a prețurilor de transfer în vederea aderării Ucrainei la sistemul de raportare la nivel mondial de schimb privind prețurile de transfer în scopul punerii în aplicare efectivă a autorităților fiscale funcției fiscale. Se analizează experiența statelor străine privind implementarea cerințelor din Etapa 13 a Planului de acțiune BEPS.

Cuvinte cheie: prețuri de transfer, Planul de acțiune BEPS, Etapa 13, OCDE, raportarea prețurilor de transfer, raportul de țară.

Постановка проблемы. Согласно отчету Конференции ООН по торговле и развитию, 80% объемов мировой торговли приходится на цепочки создания добавленной стоимости, которые контролируют несколько десятков транснациональных корпораций [1]. Совершая операции, субъекты таких корпораций, как правило, руководствуются не условиями, сложившимися на мировом рынке, в частности уровнем цен, а общими

интересами группы, направленными на получение максимальной прибыли. Не в последнюю очередь за счет уменьшения налоговой нагрузки. Увеличение количества «внутригрупповых» транзакций непосредственно влияет и на количество информации, которую необходимо проанализировать налоговым органам Украины. В то же время, существующая в Украине система отчетности по трансфертному ценообразованию не по-

зволяет налоговым органам эффективно выполнять свою фискальную функцию, заключающуюся во взимании налогов.

Актуальность темы исследования. 01.01.2017 года Украина присоединилась к Программе расширенного сотрудничества в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и обязалась имплементировать минимальные стандарты Плана BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), среди которых



шаг 13 – документация по трансфертному ценообразованию и страновой отчет, подразумевающий реформирование существующей в Украине системы отчетности по трансфертному ценообразованию. Однако в Украине по состоянию на февраль 2018 года не зарегистрировано законопроектов, предполагающих имплементацию в законодательство требований шага 13 Плана BEPS, что, по нашему мнению, является серьезной недоработкой законодателя, и в случае дальнейших промедлений может иметь существенные негативные последствия для доходной части государственного бюджета.

Состояние исследования. Вопросам правового регулирования трансфертного ценообразования уделяли внимание такие отечественные и зарубежные ученые, как К.А. Непесов, М.О. Мишин, Н.Х. Вафина, Р.В. Джох, А.В. Гарбинская-Руденко, Л.В. Товкун, П.А. Селезень, М.Маркхема, Д.деКаролиз, Дж. Озборн. Однако перспективы и последствия имплементации Украиной правил Плана BEPS, а именно шага 13, пока не нашли надлежащего анализа в отечественной науке.

Целью и задачей статьи является теоретическое и практическое обоснование необходимости внедрения в законодательство Украины предусмотренных шагом 13 Плана BEPS правил о трехуровневой системе отчетности по трансфертному ценообразованию.

Изложение основного материала. Трансфертное ценообразование, то есть ценообразование в так называемых контролируемых операциях, в Украине достаточно жестко регулируется. Так, налогоплательщики, совершающие контролируемые операции, обязаны ежегодно составлять и подавать в налоговые органы отчеты о контролируемых операциях, готовить и подавать по запросу налоговых органов документацию по трансфертному ценообразованию. Налоговые органы, в свою очередь, уполномочены совершать мониторинг соответствия условий контролируемых операций принципу «вытянутой руки», проводить проверки по вопросам соблюдения налогоплательщиками принципа «вытянутой руки», опрашивать должностных лиц налогоплательщика, прочее. Но, несмотря на этот довольно обширный инструментарий для контроля за трансфертным ценообразованием, проблема

манипулирования ценами в контролируемых операциях и, как следствие, вывод прибыли из-под налогообложения, остается насущной проблемой во многих странах с высоким уровнем налоговой нагрузки, к которым можно отнести и Украину.

В 2013 году в рамках ОЭСР был разработан План действий BEPS, предлагающий 15 конкретных действий (шагов) для борьбы с «вредными» налоговыми практиками по искусственному перенесению налогооблагаемой прибыли в «низконалоговые» юрисдикции за счет использования пробелов и/или несогласованности в налоговом законодательстве разных стран. Бесспорно, государства обладают суверенитетом в пределах своей налоговой юрисдикции, то есть обладают правом самостоятельно формировать свое внутреннее налоговое законодательство, но в то же время, ориентация законодателя исключительно на внутреннюю налоговую систему и принятие нормативно-правовых актов без соответствующего анализа принципов налогообложения в других странах часто приводит к так называемому двойному «неналогообложению» прибыли определенных субъектов хозяйствования. План BEPS является ответом государств «Большой двадцатки» на эту актуальную проблему. Серьезное внимание в плане BEPS уделено вопросам финансово-правового регулирования трансфертного ценообразования в целом, и отчетности по трансфертному ценообразованию в частности.

Так, налоговые органы Украины, с целью мониторинга рисков трансфертного ценообразования, а именно манипулирования ценами в рамках контролируемых операций, кроме отчета о контролируемых операциях, имеют полномочия запрашивать у налогоплательщиков дополнительные документы по трансфертному ценообразованию с целью анализа интересующих аспектов контролируемых операций и подтверждения соответствия их условий принципу «вытянутой руки». Именно с целью упрощения этих процессов, как для фискальных органов, так и для налогоплательщиков, стандартизации системы отчетности по трансфертному ценообразованию на глобальном уровне, а также обеспечения налоговым органам доступа к информации о контролируемых операциях налогоплательщиков в разрезе разных юрис-

дикций и был разработан шаг 13 Плана BEPS. Практическое воплощение Украинской шага 13 Плана BEPS подразумевает кардинальное реформирование системы налоговой отчетности по трансфертному ценообразованию и переход от одноуровневой к трехуровневой системе такой отчетности. На первом уровне системы находится так называемый мастер-файл (Master-file), включающий общее описание деятельности группы компаний, а также общее описание подходов группы по применению вопросов трансфертного ценообразования. В частности, мастер-файл должен отражать: (i) организационную структуру группы; (ii) общее описание бизнес-процессов; (iii) общее описание нематериальных активов в распоряжении группы; (iv) описание внутригрупповых финансовых операций; (v) финансовое и налоговое состояние группы [2, с. 4]. На втором уровне системы находится локальный отчет о контролируемых операциях (local file), составляющийся и подающийся предприятием-членом группы в соответствии с национальным законодательством государства регистрации и содержащий информацию о контролируемых операциях, совершенных конкретным предприятием. Третьей составляющей системы является отчет в разрезе страны или страновой отчет (Country-by-Country reporting), содержащий совокупную информацию о всех налоговых юрисдикциях, в которых зарегистрированы члены группы, глобальном распределении доходов, уплаченных налогах, некоторых показателях ведения экономической деятельности корпораций, используемых материальных активах и прочее.

Краеугольным камнем шага 13 Плана BEPS является именно страновой отчет. Страновой отчет обязаны подавать мультинациональные группы компаний, годовая консолидированная выручка которых составляет не менее 750 млн евро (или эквивалентная сумма в местной валюте) в периоде, предшествующем отчетному. Согласно общему правилу страновой отчет готовится и подается головной компанией группы в стране ее регистрации с последующим предоставлением другим национальным налоговым администрациям в рамках механизмов обмена информацией. Так, в соответствии со статьями 4 и 6 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25.01.1988 года,



участницей которой является Украина, стороны осуществляют обмен любой информацией, которая может быть уместной для целей налогообложения, в том числе автоматическим при наличии общего согласия. Руководствуясь указанными нормами Конвенции, по состоянию на 19.12.2017 года уже 68 государств подписали Многостороннее соглашение компетентных органов об обмене страновыми отчетами (Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of CbC Reports) [3]. Также по состоянию на декабрь 2017 года уже существует более 1400 оформленных двусторонних соглашений об обмене страновыми отчетами [4]. Таким образом, внедрение в законодательство Украины положений о подаче мультинациональными корпорациями странового отчета и присоединение Украины к глобальной системе обмена такими отчетами обеспечит налоговые органы эффективным инструментом мониторинга рисков трансфертного ценообразования за счет возможности получить доступ к страновому отчету практически любой мультинациональной корпорации, даже если такой не подавался в Украине. В свою очередь, доступ к такому отчету даст налоговым органам возможность сравнить показатели украинского участника такой мультинациональной корпорации с показателями сестринских компаний и определить, имело ли место манипулирование ценами в контролируемых операциях.

По данным ОЭСР, по состоянию на декабрь 2017 года 63 страны уже имплементировали в свое национальное законодательство требования плана BEPS о подаче странового отчета в целях трансфертного ценообразования, и число таких стран постоянно растет [5]. Так, в США правила о подаче странового действуют с июня 2016 года. Зарегистрированные на территории США предприятия, являющиеся материнскими компаниями мультинациональных корпораций с доходами более 850 млн долларов США, за предыдущий отчетный период подают в налоговые органы специально разработанную форму № 8975 и дополнительную таблицу к ней. Форма № 8975 содержит общую информацию о материнской компании, ее экономической деятельности, дополнительно предприятие может сообщить об общей структуре бизнеса и операций в пределах мультинациональной корпорации, а также о подходах,

применяемых при определении цены в контролируемых операциях. В дополнительной таблице, в свою очередь, указываются данные в разрезе каждого субъекта, входящего в корпорацию, в частности информацию о капитале, доходах и расходах, данные о размере обязательств по налогу на прибыль, уплаченных в каждой юрисдикции, о количестве работников, об используемых активах [6]. В Индии общие положения о подаче налогоплательщиками мастер-файла и странового отчета были введены в законодательство страны в 2016 году с принятием Акта о финансах. Несмотря на это, полностью указанные нормы заработали лишь с 31.10.2017 года, после утверждения налоговой службой Индии правил подачи обновленной отчетности по трансфертному ценообразованию. Так, требования о предоставлении странового отчета применяются к мультинациональным группам компаний с доходами более 55 млрд индийских рупий (около 846 млн долларов США) за предыдущий отчетный период, материнские компании которых являются резидентами страны. В определенных случаях предусмотрено обязательство подавать страновой отчет также для мультинациональных корпораций, материнские компании которых не являются резидентами Индии [7]. 27.11.2017 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний». Закон устанавливает обязанность для российских налогоплательщиков, входящих в состав «международных групп компаний», консолидированная выручка которых за предыдущий год составляет 50 млрд рублей и более, готовить следующие формы отчетности для целей трансфертного ценообразования: 1) уведомление об участии в «международной группе компаний»; 2) мастер-файл; 3) локальный отчет; 4) страновой отчет; 5) документацию по трансфертному ценообразованию. Страновой отчет в обязательном порядке подается в случае, если материнская компания/уполномоченный субъект группы является резидентом Российской Федерации. В том случае, если материнская компания/уполномоченный субъект группы не является резидентом Россий-

ской Федерации, налоговые органы могут запросить страновой отчет [8].

Выводы. Реализация шага 13 BEPS предусматривает унификацию структуры отчетности по трансфертному ценообразованию, а также упрощение обмена информацией между налоговыми органами разных стран с целью пресечения практики оседания налогооблагаемой прибыли в низконалоговых юрисдикциях, что является особенно актуальным для Украины. Украине необходимо внести изменения в соответствующие положения статьи 39 Налогового кодекса, имплементировав предлагаемые Планом BEPS правила о трехуровневой системе отчетности по трансфертному ценообразованию. Опыт развитых иностранных государств, которые уже имплементировали в свое национальное законодательство требования шага 13 Плана BEPS, может быть применен компетентными органами Украины при разработке соответствующих законодательных актов. Присоединение Украины к глобальной системе обмена страновыми отчетами обеспечит налоговым органам доступ к необходимой подтвержденной информации о действующих на территории Украины мультинациональных группах, а именно: о географии деятельности, размере доходов, прибыли, уплаченных налогах, используемых активах и прочее. Имплементация Украиной требований шага 13 Плана BEPS позволит налоговым органам совершать эффективную оценку рисков нарушения предприятием группы законодательства о трансфертном ценообразовании и необходимости и целесообразности инициирования проведения проверки по вопросам соблюдения принципа «вытянутой руки». Дальнейшее промедление с разработкой и принятием соответствующего закона может иметь серьезные последствия для доходной части государственного бюджета в связи с дальнейшим выведением мультинациональными корпорациями налогооблагаемой прибыли с Украины.

Список использованной литературы:

1. 80% of trade takes place in 'value chains' linked to transnational corporations, UNCTAD report says. – Режим доступа: <http://unctad.org/en/pages/PressRelease.aspx?OriginalVersionID=113>



2. Action 13: Guidance on the Implementation of Transfer Pricing Documentation and Country-by-Country Reporting. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/ctp/beps-action-13-guidance-implementation-tp-documentation-cbc-reporting.pdf>

3. Signatories of the multilateral competent authority agreement on the exchange of Country-by-Country reports (CbC MCAA) and signing dates. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/CbC-MCAA-Signatories.pdf>

4. Activated exchange relationships for Country-by-Country reporting. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/country-by-country-exchange-relationships.htm>

5. Country-Specific Information on Country-by-Country Reporting Implementation. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/country-specific-information-on-country-by-country-reporting-implementation.htm>

6. Country-by-Country Reporting. A Rule by the Internal Revenue Service on 06/30/2016. – Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2016/06/30/2016-15482/country-by-country-reporting>

7. Indian IRS notifies final rules on Country-by-Country reporting and Master File. – Режим доступа: <https://www.ibfd.org/sites/ibfd.org/files/content/pdf/Taxsutra-Indian-IRS-notifies-final-rules-on-country-by-country-reporting-and-Master-File.pdf>

8. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний». – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/94/5152484510601047.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Никита Олегович – аспирант кафедры финансового права и фискального администрирования Национальной академии внутренних дел;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larionov Nykyta Olegovych – PhD student of Department of Financial Law and Fiscal administration of National Academy of Internal Affairs

larionov1102@gmail.com

УДК 342.96.21

КОМПЕНСАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Алена МИКОЛЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается содержание компенсационной функции административно-деликтного права, а также ее соотношение с правовосстановительной функцией. Анализируются нормы законодательства Украины об административной ответственности, в которых закреплены основания и порядок реализации компенсационной функции. Акцентируется внимание, что компенсационная функция направлена исключительно на возмещение причиненного лицу имущественного, физического или морального вреда.

Ключевые слова: функция права, административно-деликтное право, компенсационная функция, функции административно-деликтного права.

COMPENSATION FUNCTION OF ADMINISTRATIVE-TORTABLE LAW

Olena MIKOLENKO,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
Odessa I.I. Mechnikov National University

SUMMARY

The article reveals the content of the compensatory function of administrative-tort law, as well as its relationship with the right-restoration function. The norms of the legislation of Ukraine on administrative responsibility are analyzed, which establish the grounds and procedure for the implementation of the compensatory function. Attention is paid to the fact, that the compensation function is directed solely at reimbursement of property, physical or moral harm, caused to a person.

Key words: function of law, administrative-tort law, compensation function, functions of administrative-tort law.

REZUMAT

Articolul dezvoltă conținutul funcției compensatorii a dreptului administrativ-cort, precum și relația sa cu funcția de restaurare a dreptului. Se analizează normele legislației Ucrainei privind responsabilitatea administrativă, care stabilesc temeiurile și procedura de implementare a funcției compensatorii. Se acordă atenție faptului că funcția de despăgubire este îndreptată exclusiv asupra rambursării proprietății, a daunelor fizice sau morale cauzate unei persoane.

Cuvinte cheie: funcția de lege, legea administrativă-cort, funcția de compensare, funcțiile dreptului administrativ-cort.

Постановка проблемы. Считается, что компенсационная функция реализуется только в рамках гражданского и процессуального гражданского права, так как именно эти отрасли раскрывают понятие имущественного, физического и морального вреда, а также предусматривают основания и порядок его возмещения. В рамках административного права о компенсационной функции иногда говорят при характеристике системы мер админи-

стративного принуждения, в рамках которой выделяют самостоятельную группу мер – меры административно-восстановительного характера [1, с. 13-14; 2, с. 189]. Вместе с тем, административно-деликтное право Украины представляет симбиоз материальных и процессуальных норм, анализ которых позволяет говорить о существовании компенсационной функции и в рамках административно-деликтного права. К тому же эту функцию очень



часто отождествляют с компенсационной функцией административно-деликтного права.

Актуальность темы исследования. Рассмотрение содержания компенсационной функции административно-деликтного права будет способствовать разрешению теоретических проблем науки административного права в сфере административной ответственности, а также совершенствованию административно-деликтного законодательства Украины.

Состояние исследования. Функции права и функции административного права довольно подробно освещались в работах В.Б. Аверьянова, О.Ф. Андрийко, Д.Н. Бахраха, Ю.П. Битяка, И.П. Голосниченка, Ю.М. Козлова, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, Ю.В. Пирожковой, Т.М. Радько, Ю.М. Старилова и других ученых. Вместе с тем, в науке административного права комплексно на монографическом или диссертационном уровне компенсационная функция административно-деликтного права еще не исследовалась.

Целью и задачей статьи является уточнение содержания компенсационной функции административно-деликтного права Украины, а также анализ соответствующих норм законодательства с целью их усовершенствования.

Изложение основного материала. Прежде чем начать анализ исследований по функциям административно-деликтного права, обратим внимание на то, что многие ученые не разграничивают между собой компенсационную и правосстановительную функции права.

Например, Н.И. Матузов и А.В. Малько, акцентируя внимание на том, что каждый элемент системы права (отрасль права, правовой институт и норма права) может внутри системы реализовывать свои специфические функции, выделяют среди функций норм гражданского, трудового и экологического права компенсационную функцию. Однако авторы не раскрывают содержание данной функции, а также не проводят сравнительную характеристику правосстановительной и компенсационной функций [3, с. 161].

Интересную и аргументированную систему функций современного административного права Украины предложила в своих работах Ю.П. Пирожкова [4, с. 186]. Она выделяет в данной систе-

ме базовые внутренние функции административного права (регулятивная, охранительная и процедурная) и внешние, так называемые общесоциальные функции (экономическая, политическая и социально-культурная). При этом отмечается, что компенсационная функция не является доминирующей среди составляющих охранительной функции административного права. В основном эта функция проявляется в административно-деликтных отношениях и обеспечивается в результате реализации правосстановительных санкций. Действующий Кодекс Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП), по мнению Ю. П. Пирожковой, направлен не столько на наказание лица, сколько на предупреждение правонарушений, воспитание личности и компенсацию за совершенное противоправное деяние в виде административного проступка. На основании этого делается вывод, что компенсационная составляющая охранной функции заключается в восстановлении нарушенного в результате противоправного деяния права или восстановлении такого состояния правопорядка, которое существовало до совершения нарушения [4, с. 233].

Полностью соглашаясь с тем, что компенсационная и правосстановительная функции не являются доминирующими в современном административном праве, не можем согласиться с Ю.П. Пирожковой в том, что она не разграничивает между собой компенсационную и правосстановительную функции, отождествляя их как по содержанию, так и по механизму реализации.

В юридической литературе представлены многочисленные точки зрения, в которых проводится четкое разграничение между компенсационной и правосстановительной функциями отрасли [5, с. 13-18; 6, с. 11; 7, с. 57; 8, с. 76-77]. Например, авторы академического курса по теории государства и права под редакцией М.Н. Марченко отмечают, что компенсационная функция права тесно связана с восстановительной. В юридической литературе по этой причине их часто отождествляют. Однако они не тождественные функции. Различия между ними состоят, прежде всего, в формах, методах и правовых последствиях. Важную роль в их разграничении играют также правовые основания применения мер восстановительного и компенса-

ционного характера, хотя, отмечают авторы академического курса, и восстановительные, и компенсационные меры могут иметь одно и то же правовое основание [9, с. 64-64].

Следует полностью согласиться с данным утверждением, так как действующее законодательство Украины дает основание разграничивать компенсационную и правосстановительную функции права в зависимости от правовых оснований, форм, методов и правовых последствий их реализации.

Правосстановительная функция направлена на восстановление правового положения субъекта права, то есть лицо вновь становится обладателем тех прав, которых оно было лишено, ему возвращается его имущество, он восстанавливается на работе, реабилитируется его имя в обществе, восстанавливается нарушенный публичный порядок и т.д. Компенсационная же функция направлена исключительно на возмещение причиненного лицу имущественного, физического или морального вреда. Причем правовым основанием возмещения такого вреда, как правило, является противоправное поведение, которое и повлекло за собой наступление вредных последствий.

Как проявляет себя компенсационная функция в рамках административно-деликтного права?

В КУоАП закреплены нормы, которые напрямую связаны с реализацией компенсационной функции административно-деликтного права. Рассмотрим их более подробно.

1. В КУоАП содержатся нормы, которые устанавливают основания и механизм возмещения в рамках производства по делам об административных правонарушениях имущественного вреда, который был причинен в результате совершения административного правонарушения. Так, ст. 40 КУоАП закрепляет, что если в результате совершения административного правонарушения причинен имущественный ущерб гражданину, предприятию, учреждению или организации, то административная комиссия, исполнительный орган сельского, поселкового, городского советов при решении вопроса о наложении взыскания за административное правонарушение вправе одновременно решить вопрос о возмещении виновным имущественного ущерба, если его сумма не превышает двух тысяч



гривен, а судья районного, районного в городе, городского или горрайонного суда – независимо от размера ущерба. Если же ущерб причинен несовершеннолетним, который достиг шестнадцати лет и имеет самостоятельный заработок, а сумма ущерба не превышает одного необлагаемого минимума доходов граждан, судья имеет право возложить на несовершеннолетнего возмещение причиненного ущерба или обязать своим трудом устранить его. В свою очередь статьи 329 и 330 КУоАП закрепляют особенности исполнения постановления о наложении административного взыскания в части возмещения причиненного имущественного вреда.

Вопросы возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, являются малоисследованными. Можно выделить две комплексные научные работы, которые были посвящены данной тематике. Это диссертационные исследования О.И. Миколенко «Проблемы возмещения вреда, причиненного административным правонарушением» (2000 г.) [10] и М. Р. Сиротяка «Защита прав потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях» (2007 г.) [11]. Ученые утверждают, что возмещение вреда в рамках производства по делам об административных правонарушениях имеет административно-правовую, а не гражданско-правовую природу.

Например, А.И. Миколенко отмечает, что до сих пор не решен вопрос о правовой природе вреда, возникающего в результате совершения административного правонарушения. По его мнению, этот факт объясняется тем, что представители административного права относили все вопросы причинения и возмещения вреда к предмету гражданского либо гражданского процессуального права, а представители гражданско-правовых наук никогда не интересовались правовой природой как самого вреда, причиненного административным правонарушением, так и механизмом его возмещения. Поэтому так и получилось, что законодательство закрепило в КУоАП механизм возмещения имущественного вреда в порядке производства по делам об административных правонарушениях, но юридическая наука не дала этим нормам должной оценки [10, с. 202-203].

А.И. Миколенко утверждает, что правовая природа имущественного вре-

да, причиненного административным правонарушением, остается административно-правовой, а, следовательно, причинение такого вреда порождает административно-правовые отношения, связанные как с привлечением лица к административной ответственности, так и с вопросом о возмещении причиненного проступком имущественного вреда [10, с. 204].

Более обстоятельно подошел к решению этой теоретической проблемы в своих работах М.Р. Сиротяк. Он предложил критерии, позволяющие утверждать, что возмещение вреда в рамках производства по делам об административных правонарушениях имеет административно-правовую природу: во-первых, инициатива возмещения причиненного вреда исходит не от потерпевшего, а от органов административной юрисдикции (ст. 40 КУоАП); во-вторых, имущественный вред возникает в результате совершения административного проступка, механизм его возмещения регулируется нормами административно-процессуального права и реализуется в рамках производства по делам об административных правонарушениях [11, с. 130-131]. На этом М.Р. Сиротяк не останавливается и предлагает изменить правовую природу возмещения имущественного вреда в рамках производства по делам об административных правонарушениях с административно-правовой на гражданско-правовую. Такое изменение правовой природы, по мнению М.Р. Сиротяка, возможно, если в ст. 40 КУоАП закрепить, что инициатива по возмещению причиненного имущественного ущерба должна исходить от потерпевшего в виде подачи гражданского иска в порядке производства по делам об административных правонарушениях [11, с. 145].

Изложенные выше вопросы являются актуальными и для раскрытия содержания компенсационной функции административно-деликтного права. Если признать тот факт, что возмещение имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях по своей правовой природе относится к гражданскому и гражданскому процессуальному отраслям права, то отпадает необходимость дальнейшего рассмотрения особенностей реализации компенсационной функции административно-деликтного права. Такая функция

будет присуща исключительно гражданскому и гражданскому процессуальному праву.

Если же признать, что возмещение имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях по своей правовой природе относится к административному праву, то в обязательном порядке возникает необходимость рассмотрения компенсационной функции административно-деликтного права.

Сегодня можно выделить несколько аргументов, свидетельствующих в пользу административно-правовой природы механизма возмещения имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Первый аргумент заключается в том, что механизм возмещения имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением, закрепляется административно-процессуальными нормами и реализуется в рамках административного производства. Этот аргумент не является определяющим, так как Уголовный процессуальный кодекс Украины тоже регулирует порядок возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, предусматривая возможность подачи потерпевшим гражданского иска (ст. 61 УПК Украины). Институт гражданского иска остается по своей правовой природе гражданско-правовым независимо от желаний представителей уголовного процессуального и гражданско-правовой институтов в виде исключения реализуется в рамках уголовного судопроизводства. Получается, что институт гражданского процессуального права реализуется, во-первых, при помощи норм уголовного процессуального права и, во-вторых, в рамках уголовного судопроизводства. Когда же речь идет о возмещении имущественного вреда в рамках производства по делам об административных правонарушениях, то не получается единодушно заявить о его гражданско-правовой природе. Если в результате совершения административного правонарушения причиняется вред имущественного характера, то его возмещение возможно по двум процедурам, предусмотренным в законодательстве Украины: 1) в порядке гражданского судопроизводства (для этого необходимо дожидаться обвинительного постановления по делу об административном



правонарушении); 2) в порядке производства по делам об административных правонарушениях (в данном случае вопрос о возмещении имущественного вреда разрешается одновременно с решением вопроса о наложении на виновного административного взыскания). Но в рамках производства по делам об административных правонарушениях ни о каком гражданском иске речь не идет, да и вообще, потерпевший лишен инициативы в вопросе возмещения имущественного вреда в административном производстве.

Второй аргумент, свидетельствующий об административно-правовой природе механизма возмещения имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях, заключается в том, что инициатива решения вопроса о возмещении имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях принадлежит исключительно органу административной юрисдикции, который рассматривает дело по существу. По нашему мнению, этот критерий является ключевым, так как орган административной юрисдикции в вопросах возмещения имущественного вреда реализует свою административно-процессуальную компетенцию не по требованию (обращению) потерпевшего, а по собственному усмотрению, но, не выходя за рамки требований действующего законодательства.

Поэтому считаем, что статьи 40, 329 и 330 КУоАП, закрепляя основания и порядок возмещения имущественного вреда, причиненного административным правонарушением, одновременно раскрывают особенности реализации компенсационной функции административно-деликтного права.

2. В материальной части КУоАП содержатся нормы, которые носят компенсационный характер. Так п. 2 ч. 1 ст. 34 КУоАП среди обстоятельств, смягчающих ответственность за административное правонарушение, предусматривает такое обстоятельство, как предотвращение виновным вредных последствий правонарушения, добровольное возмещение ущерба или устранение причиненного вреда.

Добровольное возмещение ущерба может осуществляться различными способами. Например, нарушитель компенсирует причиненный ущерб выпла-

той денег, своим имуществом, личным трудом. Причиненный вред устраняется не только возмещением материального ущерба, но и с помощью действий морального характера, например, извинением в устной или письменной формах. При этом следует иметь в виду, что добровольное возмещение ущерба и устранение причиненного вреда могут быть полными и частичными, что необходимо учитывать органу административной юрисдикции при наложении административного взыскания [12, с. 94]. Компенсационная направленность п. 2 ч. 1 ст. 34 КУоАП проявляется в том, что законодатель предусматривает для лица, причинившему в результате совершения административного правонарушения материальный вред, возможность добровольного (до момента рассмотрения дела по существу) возмещения ущерба или устранения причиненного вреда. Данный факт учитывается органом административной юрисдикции при непосредственном рассмотрении дела и может быть признан обстоятельством, смягчающим административную ответственность.

Выводы. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что:

во-первых, компенсационная функция права тесно связана с правосоставительной, поэтому их часто в юридической литературе отождествляют. Данные функции отраслей права не тождественны, а критериями их разграничения являются: правовые основания их применения, формы и методы их реализации, а также наступившие в результате их применения правовые последствия;

во-вторых, компенсационная функция направлена исключительно на возмещение причиненного лицу имущественного, физического или морального вреда, тогда как правосоставительная функция направлена на восстановление правового положения субъекта права, то есть субъект права вновь становится обладателем тех прав, которых он был лишен, ему возвращается его имущество, он восстанавливается на работе, реабилитируется его имя перед обществом и т.д.;

в-третьих, если рассматривать административно-деликтное право как целостную систему, которая воздействует на определенную группу общественных отношений, то среди его функций следует выделять компенсационную функцию. Особенности реализации данной

функции отображены в следующих положениях КУоАП:

– статьи 40, 329 и 330 КУоАП закрепляют основания и порядок возмещения имущественного вреда, причиненного административным правонарушением. При этом вопрос о правовой природе механизма возмещения имущественного ущерба в рамках производства по делам об административных правонарушениях остается дискуссионным в юридической литературе;

– п. 2 ч. 1 ст. 34 КУоАП закрепляет для лица, причинившему материальный вред в результате совершения административного правонарушения, возможность добровольного (до момента рассмотрения дела по существу) возмещения ущерба или устранения причиненного им вреда.

Список использованной литературы:

1. Миколенко А.И. Административный процесс и административная ответственность в Украине: учебное пособие / А.И. Миколенко. – издание 2-е, дополненное. – Х. : Одиссей, 2006. – 352 с.
2. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – М. : Изд-во БЕК, 1996. – 368 с.
3. Теория государства и права: курс лекций / М. И. Байтин, В.В. Борисов, Ф.А. Григорьев, И. М. Зайцев [и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.
4. Пирожкова Ю.В. Теорія функцій адміністративного права: дис. докт. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / Ю.В. Пирожкова; Запорізький національний університет. – Запоріжжя, 2017. – 543 с.
5. Куксин И.Н. Теоретические основы классификации функций права / И. Н. Куксин, П.А. Матвеев // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – 13–18 с.
6. Гафурова Г.Д. Предупредительные начала российского уголовного права: дис. канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Г. Д. Гафурова; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2004. – 165 с.
7. Ояця А.С. Динаміка охоронної функції кримінального пра-



ва / А. С. Ояця // Актуальні проблеми держави і права: збірник наукових праць / за ред. С. В. Ківалова. – 2009. – Вип. 47. – 55-58 с.

8. Феллов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: основы общей теории / П.А. Феллов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 280 с.

9. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том. 2 / В. В. Борисов, Н.В. Витрук, Н.Л. Гранат, В.П. Казимирчук [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. – 528 с.

10. Миколенко О.І. Проблеми відшкодування шкоди, заподіяної адміністративним правопорушенням: дис. канд. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право; банківське право» / О.І. Миколенко ; Харківський університет внутрішніх справ. – Х., 2000. – 198 с.

11. Сиротяк М.Р. Захист прав потерпілого в провадженні в справах про адміністративні правопорушення: дис. канд. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / М.Р. Сиротяк; Національна юридична академія імені Ярослава Мудрого. – 2006. – 203 с.

12. Кодекс України про адміністративні правопорушення: науково-практичний коментар / А.С. Васильєв, В.М. Гарашук, С.В. Додін, О.І. Миколенко [та ін.]; за заг. ред. А.С. Васильєва, О.І. Миколенка. – Х. : ТОВ «Одісей», 2010. – 1024 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миколенко Алена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mykolenko Alena Nykolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Odessa I. I. Mechnikov National University

mikolenkoalena@gmail.com

УДК 417.311:129:409.35:34

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ольга МИНЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры теории государства и права
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья освещает герменевтику как синтез науки и искусства, как философско-правовую базу юридико-лингвистических исследований. Раскрыто значение философской и юридической герменевтики для юридической лингвистики. Акцентируется внимание на том, что искусство толкования является одной из важнейших характеристик юридической деятельности.

Ключевые слова: герменевтика, философская герменевтика, юридическая герменевтика, юридическая лингвистика, толкование, понимание.

HERMENEUTICS AS THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL BASIS OF LEGAL LINGUISTICS

Olga MINCHENKO,

Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral Candidate of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article is devoted to the study of hermeneutics as a synthesis of science and art, as a philosophical and legal basis of legal-linguistic research. The significance of philosophical and legal hermeneutics for legal linguistics is revealed. The focus is on the fact, that the art of interpretation is one of the most important characteristics of legal activity.

Key words: hermeneutics, philosophical hermeneutics, legal hermeneutics, legal linguistics, interpretation, understanding.

REZUMAT

Articolul este dedicat reflectării hermeneutice ca sinteză a științei și artei, ca bază filosofică și juridică pentru cercetarea juridică și lingvistică. Se dezvăluie importanța hermeneuticii filosofice și a hermeneuticii juridice pentru lingvistică juridică. Atenția se concentrează asupra faptului că arta interpretării este una dintre cele mai importante caracteristici ale activității legale.

Cuvinte cheie: hermeneutică, hermeneutică filosofică, hermeneutică juridică, lingvistică juridică, interpretare, înțelegere.

Вопросы юридической лингвистики выходят за привычные пределы теории государства и права, в частности в контексте толкования юридических норм и юридической техники, и требуют рассмотрения с позиций соотношения права и языка, что требует выяснения философско-правовой основы такого исследования.

Следует заметить, что в пределах нормативизма важная роль отводится познанию дескриптивного текста как форме права, в связи с чем применение положений герменевтики является достаточно важным условием

выяснения содержания права и, соответственно, основой исследования юридической лингвистики. Поэтому целью статьи является выяснение роли герменевтики как философско-правовой основы исследований, касающихся соотношения языка и права. Для достижения цели предусматривается решение следующих задач: 1) охарактеризовать содержание термина «герменевтика» с использованием многообразия методологий современного правоведения; 2) на примерах анализа текстов нормативно-правовых актов осуществить демонстрацию применения ме-



тогда герменевтики уполномоченными субъектами, где последняя выполняет роль философско-правовой базы.

Методологической основой предлагаемой статьи определен метод системного анализа, метод сравнения и герменевтический, благодаря которым стало возможным постичь содержание правовых текстов, осуществить их определенные обобщения. Степень разработанности проблемы. Осмыслению философских основ герменевтики как отдельного учения посвящены труды Э. Бетти, В. Дильтея, Г. Гадамера, М. Хайдеггера, М. Каган, П. Рикёра, Ф. Шлейермахера и других. Исторический анализ развития герменевтических идей с позиции соответствующих подходов осуществляли А. Потенция (филологический), Л. Маркова (теологический), П. Рикер (психоаналитический), Г. Альберт (исторический), В. Мейзерский (средневековая интерпретация), Т. Дудаш (правовой). Большой вклад в состояние современного развития теории герменевтики в Украине сделали И. Василенко, П. Иванишин, А. Мережко, А. Юркевич.

Изложение основного материала.

Как известно, происхождение термина «герменевтика» связывают с древнегреческим мифом о Гермесе – посланце богов, который передавал повеления последних (богов) людям и должен был их (послания) интерпретировать. Соответственно, герменевтика рассматривается как направление философии, в рамках которого рассматриваются вопросы интерпретации и понимания текста. Следовательно, философская герменевтика очень важна для понимания тех сфер, которые являются информативно-насыщенными и которые трудно понять. «Искусство правильного понимания речи другого, особенно написанного», – так определил еще в XIX в. герменевтику Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер [1, с. 75]. «Ведь пока мы с тобою относительно него согласны в одном только имени, а то, что мы называем этим именем, быть может, каждый из нас про себя понимает по-своему, меж тем как всегда и во всем должно скорее с помощью объяснения соглашаться относительно самой вещи, чем соглашаться об одном только имени без объяснения», – замечал Платон в диалоге «Софист» [2, с. 333].

Учитывая многообразие соображений выбранного срока, заметим, что нет смысла тратить усилия исследователей на поиски единого универсального понятия, учитывая невозможность запретить плюрализм современной методологии. Еще в 1969 году Р. Палмер в контексте генезиса и развития герменевтики выделил шесть групп дефиниций понятия. Герменевтика рассматривается:

- герменевтика как библейская экзегеза;
- герменевтика как философская методология;
- герменевтика как наука о лингвистическом понимании;
- герменевтика как методологическое основание гуманитарных наук;
- герменевтика как феноменология бытия и экзистенциального понимания;
- герменевтика как различные системы толкования символов [3, с. 33].

Отечественной юриспруденцией герменевтика рассматривается преимущественно как средство выяснения содержания юридической нормы. Например, судья И. Косцова отмечает, что «Любой юрист-профессионал, работающий в законодательных или исполнительных органах, часто занимается толкованием норм права и фактов, которые обуславливают их применения. Установлено, что признание профессионализма юриста зависит от герменевтического толкования, умения выбрать и реализовать с множественности смыслов нормы права то, что заложил законодатель» [4, с. 153]. Заметим, что приведенные положения позволяют сделать вывод, во-первых, об отождествлении автором права и закона, на сегодняшний день такой подход не соответствует уровню развития отечественной юридической науки, признаёт плюрализм подходов к пониманию права и разграничивает право и закон; во-вторых, узкое понимание философской герменевтики, ведь толкованием права исключительно как текста занимаются юристы, например, в семье общего или мусульманского права. Однако такое понимание герменевтики является несколько ограниченным.

Философская герменевтика имеет гораздо большее отношение к пониманию права в других школах, в частности, социологической, психологиче-

ской, естественно-правовой и др. Значимость положений философской герменевтики для познания права в этом контексте довольно метко выразил А. Михайлов, отметив, что философская герменевтика положила в основу своих суждений две составляющие:

1) аксиому об антропогенном объекте гуманитаристики из учения И. Канта;

2) тезис о конституировании объекта через сознание человека, которому имманентная свобода воли, в результате чего пришел к выводу, что целевая установка познавательной деятельности, принятая в научном позитивизме, не может быть принята в социально-гуманитарном исследовании. Ведь объекты социально-гуманитарных дисциплин не стремятся отдалиться от субъекта исследования, потому что сам субъект неизбежно включен в объект исследования [5].

Важными в аспекте нашего исследования являются слова одного из основателей философской герменевтики Х.-Г. Гадамера, который издал в 1960 году труд «Истина и метод. Основы философской герменевтики». Именно эта вторая часть названия работы вызвала дискуссию о существовании не только философской герменевтики, а «герменевтики общей», что стало фактором «размытия» содержания рассматриваемого термина. Понимание содержания термина основывается не на попытках поставить себя на место другого или проявить к нему непосредственное участие [6, с. 11]. Понять то, что нам говорит другой человек, значит прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела и вовсе не означает поставить себя на его место и воспроизвести его переживания. Как указывают специалисты, в подтверждение высказываний Х.-Г. Гадамера, постижение смысла того или иного термина (понятия) всегда включает аппликацию, сложившуюся благодаря вербальному образу, созданному другим лицом. И следует признать, что по своей форме этот процесс в большей мере является речевым (не отрицая психологических и мыслительных процессов), а попытка овладеть пониманием как искусством заставляет обратиться нас к средствам грамматики и риторики. Итак, речь, по мнению известного философа, является той средой, в



которой происходит взаимопонимание по поводу того или иного вопроса [7, с. 412-413]. Чтобы понять текст (юридический документ), интерпретатор (субъект права) в каждой конкретной ситуации должен связывать его с национальной правовой культурой, с субъективным видением проблематики прав человека в конкретной правовой системе или конкретном государстве, с особенностями исторического периода, менталитетом общества и прочим.

Вполне логично, что нормативное предписание закона или подзаконного правового акта не может предсказать всё многообразие реальных жизненных ситуаций, а потому содержит только абстрактную модель функционирования общественных отношений. Поэтому закон всегда является абстрактным, а субъективное право – всегда конкретным. Суть проблематики, выбранной для осмысления в данной статье, сводится к тому, что конкретизация содержания правовой нормы происходит различными способами и путями, в том числе и за счет толкования текста, когда герменевтический метод выполняет свою познавательную функцию в полном объёме. Иногда представители общетеоретического правоведения утверждают о наполнении содержания нормы фактическим поведением субъектов правоотношений, что можно взять за основу для дальнейших дискуссий, учитывая лишь факт, что в таком случае происходит сочетание фактического и юридического содержания нормы права. Но даже в этих обстоятельствах невозможно обойтись без герменевтики, без специальной интерпретации текста, которым формализовано абстракцию, чтобы потом, после определения всех элементов поведения субъекта, осуществить аппликацию или сравнение юридической и фактической модели. Важным инструментом наполнения содержанием абстрактной модели правовой нормы является разъяснения и решения судебных инстанций, которые также выстраиваются с использованием герменевтического метода.

Возьмем для примера судебную практику использования одного термина (понятия) представителями различных правовых институтов, различных правовых культур и правовых систем. Так, анализ отечественного законода-

тельства позволяет определить, что согласно ст. 379 Гражданского кодекса Украины «Жильем физического лица является жилой дом, квартира, другое жилое помещение, предназначенные и пригодные для постоянного или временного проживания в них» [8]. Кроме того, к жилищу приравниваются также те его части, в которых может храниться имущество (балкон, веранда, кладовая и т.д.), за исключением хозяйственных помещений, не связанных непосредственно с жильем (гараж, сарай и т.д.) [9].

Однако, к сожалению, несколько иной подход содержится в постановлении, принятом несколько лет назад, с учетом сложившейся к тому времени практики правоохранительной деятельности оперативных подразделений. В частности, абзацем 2 п. 11 этого Постановления предусмотрено, что с учетом ст. 17 Закона Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека», «жилище» в пункте 1 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4.XI. 1950) охватывает не только жилье физических лиц. Оно может распространяться на офисные помещения, принадлежащие физическим лицам, а также офисы юридических лиц, их филиалов и другие помещения [10].

Аналогичное толкование текста нашло свое подтверждение в деле Нимитц против Германии (Niemietz v. Germany), при решении вопросов законности вмешательства в жилье. Европейский суд по правам человека отметил, что термин «жилье» («Home» в английском тексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод) в некоторых государствах-участниках, а именно в Федеративной Республике Германии, охватывает и служебные помещения. Более того, такое толкование полностью созвучно французскому варианту текста, потому что слово «domicile» имеет даже более широкое значение, чем «home», и может распространяться на деловой офис типа адвокатского. Не всегда можно провести четкое разграничение также и потому, что осуществлять деятельность, которую можно отнести к профессиональной или деловой, можно с таким же успехом и со своего места жительства, и, наоборот, можно заниматься дела-

ми, которые не относятся к профессиональной сфере, в офисе или коммерческих служебных помещениях. Узкое толкование слов «home» и «domicile» может привести к такой же опасности неравенства, как и узкое понимание «личной жизни» [11].

Так, например, в деле общества Колас Эст и др. против Франции (Societe Colas Est and Others v. France) Европейский суд по правам человека распространил толкование термина «жилище» на складские помещения юридических лиц, указав, что Конвенция является живым инструментом, который должен толковаться с учетом современных условий.

В контексте избранных примеров официального толкования правовых текстов еще раз хочется подчеркнуть роль герменевтики, которая в аналогичных ситуациях выполняет роль фило-софско-правовой основы юридической лингвистики, благодаря чему представляется возможным достигать высокий уровень справедливого применения нормы в отношении конкретных лиц. Аналогичную роль в достижении справедливости может выполнять текст международного документа, толкование которого также основывается на принципах герменевтики. Опираясь на динамическую интерпретацию Конвенции, Суд считает, что наступило время признать, что при определенных обстоятельствах права, гарантированные статьей 8 Конвенции, могут толковаться как включающие право на уважение компании, филиала или другого коммерческого помещения [12].

Продолжим тезис Европейского суда по правам человека, поскольку он имеет непосредственное отношение к одному из аспектов юридической лингвистики, а именно – перевод правовых терминов национальной правовой системы одного государства на правовой язык другого государства. «Сначала Суд отмечает, что это дело отличается от упомянутого выше по делу Функе, Кремье и Мялихе (№1), поскольку заявители являются юридическими лицами, заявляют о нарушении их права на уважение своего «жилища» согласно статье 8 Конвенции [13]. Однако Суд отметил, что, как это было раньше, слово «место жительства» (во французской версии статьи 8) имеет более широкую коннотацию, чем слово «дом» и



может распространяться, например, на офис (см. Niemietz, цитируемое выше, ст. 34, § 30)» [14, с.382].

Исследуя защиту права на уважение жилища в практике Европейского суда по правам человека, А. Кваша пришла к выводу, что термин «жилье», использованный в ч.1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретируется достаточно широко (при этом ежегодно дополняется) и им охватывается, в частности:

1) жилое помещение, в котором проживает лицо (например, решение Европейского суда по делам человека по делам Бук против Германии (Buck v. Germany), Прокопович против России (Prokopovith v. Russia));

2) конкретное место жительства, с которым человек имел достаточно длительные связи, даже если заявитель не проживал в нем в течение длительного времени (например, решение Европейского суда по делам человека по делам Новоселецкий против Украины (Novoseletskiy v. Ukraine), Прокопович против России (Prokopovith v. Russia));

3) место, в котором проживало лицо и куда намеревалось вернуться (например, решение Европейского суда по делам человека по делу Гиллоу против Соединенного Королевства (Gillou v. The United Kingdom));

4) жилье физического лица, которое одновременно является офисом возглавляемой им компании (например, решение Европейского суда по делам человека по делу Чапелл против Соединенного Королевства (Chappell v. The United Kingdom));

5) помещения лица, связанные с его профессиональной деятельностью (деловой офис, например, адвоката, нотариуса и др.) (например, решение Европейского суда по делам человека дело Нимитц против Германии (Niemietz v. Germany), Пантелеенко против Украины (Panteleyenko v. Ukraine), Смирнов против России (Smirnov v. Russia);

6) официальный офис компании, ее филиалов или служебные помещения (например, решение Европейского суда по делам человека по делам Колас Эст против Франции (Stes Colas Est and others v. France), Ромен и Шмит против Люксембурга (Roemen and Schmit v. Luxembourg));

7) место, в котором лицо проживает, даже если оно оборудовано под

жилье с нарушением национального законодательства (например, крытая повозка (кибитка), в которой собиралась жить цыганка на земле, она приобрела для этой цели) (решение Европейского суда по делам человека по делу Бакли против Соединенного Королевства (Buckley v. the United Kingdom) [15, с. 69]. Таким образом, интерпретатор должен обязательно учитывать особенности правовой действительности, социокультурные факторы и тому подобное.

Немецкий правовед Артур Кауфман в целом рассматривает герменевтику как философию юридического языка в ее практическом применении. Сферой применения герменевтики он считает деятельность судьи, который является рупором действительного, а не книжного права. Именно судья осуществляет сопоставление языковых выражений правовой нормы и юридического содержания конфликта, что регулирует данная норма.

Герменевтика выступает как методологический инструментарий, с помощью которого мы можем не только интерпретировать и понимать текст, но и узнать автора текста – законодателя, общество, его историю. Герменевтический способ понимания основан на проникновении не только во внешне выраженный (объективный), но и в субъективный мир, когда толкование осуществляется с учётом позиций интерпретатора и индивидуальных особенностей языка автора.

Выводы. Таким образом, герменевтика как искусство проникновения одного сознания в другое, как искусство толкования и понимания (осознания), даже не имея единого понятия, предусматривает возможность целостного осмысления правового текста. Основными понятиями философской герменевтики являются «слово», «диалог», а герменевтический опыт основывается на стремлении одного собеседника понять другого. Юридическая герменевтика, как исходная из философской, является неотъемлемой частью юридических исследований, осуществление которых в современном информационно-правовом пространстве невозможно без оперирования текстовыми документами нормативного или доктринального характера, в которых право находит формализованное выражение.

Список использованной литературы:

1. Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher: Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers hg. v. Manfred Frank, Frankfurt/M. 1977. – 75 p.

2. Платон. Софист // Сочинения в четырех томах. Т. 2. Под ред. А.Ф.Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 329-412 p.

3. Palmer R. E. Hermeneutics: Interpretation Theory in Schleiermacher, Dilthey, Heidegger, and Gadamer. Evanston: Northwestern University Press. 1969. – 304 p. – 33-45 p.

4. Косцова І.П. Герменевтичний метод тлумачення норм права: історична та юридична дивергенція. Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Юридичні науки. 2015. – № 827. – 153-158 с.

5. Михайлов А.М. Юридическая герменевтика и правовая идеология в романо-германской традиции. https://www.academia.edu/31599391/Юридическая_герменевтика_и_правовая_идеология_в_романо-германской_традиции

6. Die ontologische Hermeneutik Heidegger und Gadamer. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2011. – 222 p.

7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем., общ. ред. и вступ. статья Б.Н. Бессонова. Москва, «Прогресс», 1988. – 412-413 с.

8. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 року// Відомості Верховної Ради України. – 2003. – №№ 40-44. – Ст. 356.

9. Про судову практику у справах про злочини проти власності. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 6 листопада 2009 р. № 10. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0010700-09/card6#Public>

10. Про деякі питання застосування судами України законодавства при дачі дозволів на тимчасове обмеження окремих конституційних прав і свобод людини і громадянина під час здійснення оперативно-розшукової діяльності, дізнання і досудового



слідства. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 28 березня 2008 р. № 2. [http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/\(documents\)/60C6115C9EF459C0C2257AF4005219BA](http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents)/60C6115C9EF459C0C2257AF4005219BA).

11. Case of Niemietz v. Germany, Application no 72/1991/324/396, Council of Europe: European Court of Human Rights, 16 December 1992, available at: <http://www.refworld.org/docid/3f32560b4.html>.

12. Case of Société Colas Est and Others v. France, Application no 37971/97, Council of Europe: European Court of Human Rights, 16 April 2002, available at: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60431>

13. Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод від 4 листопада 1950 року // Урядовий кур'єр. – 2010. – №215.

14. Кваша О.О. Захист права на повагу до житла у практиці Європейського суду з прав людини / О.О. Кваша, Г.Ю. Рунов // Правова держава. – Випуск 18. – Київський інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2007. – 380-385 с.

15. Карвацька С.Б. Формування герменевтичної інтерпретації: історико-правові та лінгвістичні питання / С.Б. Карвацька // Актуальні проблеми держави і права: зб. наук. пр. – 2009. – Вип. 50. – 66–72 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минченко Ольга Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Национальной академии внутренних дел, докторант кафедры теории государства и права Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minchenko Olga Vasylivna – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law Department of National Academy of Internal Affairs, Doctoral Candidate of National Academy of Internal Affairs

olgaminchenko1004@gmail.com

УДК 340.11

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

Валерия МИШЕГЛИНА,

аспирант кафедры общетеоретической юриспруденции
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование юридических символов в контексте психологической школы права, анализируется взаимодействие юридических символов и интуитивного права в психологической теории Л.И. Петражицкого. Автор формирует понятие юридических символов с позиции научной категории «правопонимание»; делает вывод, что юридические символы формируют идеологический элемент и определяют уровень развития правовой деятельности.

Ключевые слова: символика, правовой символ, психологическая школа, юридический символ, интуитивное право, правосознание, нормативный факт.

THE ROLE OF JURIDICAL SYMBOLS IN THE CONTEXT OF THE PSYCHOLOGICAL OF LAW

Valeriya MISHEGLINA,

Postgraduate student of the Department of general theoretical jurisprudence
of National University «Odessa Law Academy»

SUMMARY

The article deals with the theoretical study of legal symbols in the context of the psychological school of law, the interaction of legal symbols and intuitive law in the psychological theory by L.I. Petrazhitzky. The author forms the concept of legal symbols from the position of the scientific category "legal understanding"; concludes that legal symbols form an ideological element and determine the level of development of legal activity.

Key words: symbolism, juridical symbol, legal symbol, psychological school of law, intuitive law, sense of justice, normative fact.

REZUMAT

Articolul se ocupă de studiul teoretic al simbolurilor juridice în contextul școlii de drept psihologic, se analizează interacțiunea simbolurilor juridice și a dreptului intuitiv în teoria psihologică a L.I. Petrazhitzky. Autorul formează conceptul de simboluri juridice din poziția categoriei științifice "înțelegere juridică"; concluzionează că simbolurile juridice constituie un element ideologic și determină nivelul de dezvoltare a activității legale.

Cuvinte cheie: simbolism, simbol legal, școală psihologică, simbol juridic, drept intuitiv, simț al justiției, fapt normativ.

Постановка проблемы. Современное развитие Украинского государства, стремление построить гражданское общество и правовое государство выдвигает на первый план, по нашему мнению, необходимость изучения именно психологической теории права. Юридическая символика рассматривается в научной литературе в связи с общим понятием символа и той ролью, которую символы играют в общественной жизни. При этом традиционно акцент делается на ценностно-установочных элементах профессиональной культуры

и правового менталитета. Авторы рассматривают установки юристов-практиков, работников различных правоохранительных структур, представителей юридической науки. Данная проблема чаще всего трансформируется в психологическую сферу и таким образом находит свое решение, что и обуславливает необходимость дальнейшего исследования юридической символики как правового феномена.

Актуальность темы исследования. Символическая огранка права, сложившаяся исторически, является



неотъемлемой частью правосознания, определенной правовой культуры, которая выполняет регулятивную, социальную, информационную, ориентирующую и охранительную функции. Согласно психологической теории права, Л. Петражицкий объясняет психологический механизм воздействия регулятивных систем – права, морали – на поведение людей; в рамках такого взаимодействия является необходимым общетеоретическое осмысление категории юридических символов. Их роль в современных условиях может и должна быть усилена в отношениях, так как это является одним из важных условий для построения правового государства и демократического гражданского общества.

Состояние исследования. Преимущественно исследование символов, в том числе правовых сосредоточено в рамках общеправовых, политико-социологических и правовых тенденций различной периодизации и достаточно широкой проблематики. Так, сущность и предназначение символа в философском его понимании изучены А. Бельм, Э. Кассирером, А.Ф. Лосевым, М.К. Мамардашвили, А.И. Пигалевым, А.М. Пятигорским, К.А. Свасьяном, К.Г. Юнгом и др.; политико-социологическая специфика символов отражена П.А. Баклановым, Т.Н. Быковой, К.С. Гаджиевым, А.Ю. Глушаковым, Н. Салминым, Ю.П. Теном, и др.; проблематика правовой символики легла в основу исследований А.В. Никитина, С.В. Санникова, В. Речицкого, П.Д. Шагинова, и др.

В контексте изучения проблемы правового воздействия в трудах Л.И. Петражицкого методологическую роль сыграли монографические исследования С.Н. Бледного и М.А. Волковой, в которых изучался комплекс теоретико-правовых проблем, связанных с механизмом реализации права. Большую эвристическую значимость в плане раскрытия психологического подхода к праву Л.И. Петражицкого имели и работы Э.В. Кузнецова, С.А. Пяткиной, исследующих его теорию в контексте бихевиористской психологии.

Цель статьи состоит в определении места и роли юридических символов в современном государстве в контексте психологической школы права. Достижение указанной цели предусматривает решение такой задачи, как определение

взаимодействия между интуитивным правом и юридическими символами.

Изложение основного материала. Исследование психологической теории права позволяет сделать вывод, что право целиком сводится к индивидуальной психике. К психологическому понятию права приходят представители разных направлений, поэтому о психологизме можно говорить как об одной из ведущих тенденций современной юриспруденции. Психологизм особенно интенсивно пронизывает позитивистскую юриспруденцию. Соответственно, благодаря своим теоретико-познавательным функциям психологическая теория способствует новой интерпретации права и судебного правотворчества, формированию образа права, расширению содержания и понятия права и др.

Научное и профессиональное правосознание существенно отличаются от повседневного спецификой восприятия правовой действительности. Профессор университета и сельский житель одну и ту же правовую реальность воспринимает, ощущает и интерпретирует абсолютно по-разному. Доминирование тех или иных структурных элементов правосознания: теоретической правовой онтологии – в правовом сознании ученых; практической правовой онтологии – в правосознании юристов; правовой психологии – в правосознании обывателей, в основном обусловлено все той же правовой реальностью, в которой находятся эти субъекты [1, с. 8].

Для понимания народного правосознания важными являются идеи Л.Петражицкого – одного из самых самобытных и неповторимых мыслителей в истории отечественной юриспруденции, философа, социолога. Свою психологическую теорию права Л.Петражицкий назвал эмотивной. При этом он акцентировал внимание на существовании интеллектуальных (высших, бланкетных) эмоций. В психологии это было новацией, поскольку такие эмоции, как волнение или переживание, обычно связывают с чувствами.

Л.Петражицкий выделял два вида реальности – физическую (материальную) и психическую. Поскольку невозможность отнесения права к физической реальности (например, частицы печатной краски, которой нанесен текст закона) достаточно очевидна, то не остается ничего другого, как при-

знать право особой психической реальностью. Право для Л. Петражицкого – не законодательные нормы, не правовые отношения, которые объективно складываются в обществе, тем более не какая-то «идея» в платоновском смысле, а исключительно индивидуальное психическое явление – психическое переживание, которое имеет особые признаки. Их отличие от других переживаний – в двустороннем характере, в двойной функции: с одной стороны, они воспринимаются как такие, которые авторитетно (императивно) возлагают на лицо какие-либо обязанности, а с другой – они авторитетно отдают другому, предписывают ему то, что требуют от нас. Такие эмоции он определял как императивно-атрибутивные, причем наличие атрибутивной составляющей и считал сутью права, что отличает его как специфическое явление от других, в частности, морали, которая имеет односторонний императивный характер.

Итак, психологическая теория признает правом конкретную психологическую реальность – правовые эмоции человека. Последние имеют императивно-атрибутивный характер и делятся на: 1) переживания позитивного права, которое установлено государством; 2) переживания интуитивного, особого права. Интуитивное право выступает регулятором поведения человека, поэтому рассматривается как реальное, эффективное право. Позитивным в этой теории, по одобрительному нами мнению профессоров М. Кельмана и А. Мурашина, является то, что теория обращает внимание на одну из важных сторон правовой системы – психологическую. И это соответствует действительности, поскольку невозможно готовить и издавать законы, не учитывая психологические особенности индивида. Недостатками этой теории, по его мнению, являются ее односторонний характер, отрыв от объективной реальности, невозможность в ее рамках структурировать право, отличить его от других социально-регулятивных явлений [2, с. 196].

Разделение на интуитивное и позитивное право в теории Л.Петражицкого напоминает деление на позитивное и естественное право. Интуитивное право является своего рода лабораторией всего права и критерием оценки и эффективности, действительности позитивного права.



Критерием такого разделения является наличие представления о нормативных фактах в правовой эмоции. Позитивное право связано с правовыми эмоциями, в которых присутствует представление о нормативном факте, а интуитивное право – с эмоциями без представления о нормативных фактах (эмоции без опоры на конкретный нормативный факт: закон, устное наставление отца, собственное твердое решение и др.).

Л. И. Петражицкий считает, что интуитивное право есть справедливость. Переживание справедливости по форме тому, что приписывается правовым эмоциям, именно императивно-атрибутивные переживания (например, «долг справедливости велит», «по справедливости имеет право» и др.). Справедливость не закреплена в нормативных фактах, она есть чистая эмоция. Таким образом, интуитивное право становится тем основанием, которое так необходимо естественному праву. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого обнаруживает существенную связь в правовых эмоциях человека, которая может быть в общем виде названа «чувством справедливости» [3, с. 90].

При разделении права на позитивное и интуитивное и исследуя категорию справедливости, можно прийти к выводу, что здесь наблюдаем интуитивно-правовой феномен. Согласно данному подходу правовые обычаи, нормативно-правовые акты, имеющие форму закона, критикуются с точки зрения справедливости как некой высшей меры. Одни признаются как отвечающие требованиям категории справедливости, другие отрицаются, так как не отвечают требованиям справедливости, и как следствие этому – справедливость означает интуитивно-правовые нормы.

Рассмотрим взаимодействие интуитивного права и юридических символов. Нам представляется, что интуитивное право, выступая регулятором правового поведения личности, путем внедрения в сознание личности устойчивых, социально-типичных черт формирует позитивные свойства правового поведения. Интуитивное право – своего рода психологическая оценка поведения индивида, базирующаяся на понимании справедливости. Значение такого права и осознания необходимости и значимости исполнения обуславливает степень регулирования правового поведения че-

ловека. В результате реальное поведение может совпасть с интуитивными представлениями, придавая им современную трактовку [4, с. 32].

Поскольку интуитивное право не закреплено нормами, то оно и не объективно, а индивидуально, так как каждый по-своему переживает правовые эмоции. Зависит это переживание от индивидуальных особенностей и обстоятельств жизни каждого человека, его характера, воспитания, образования, социального положения, профессиональных занятий и т.д. Вследствие индивидуальности и незакрепленности в нормативных актах, интуитивное право легко вписывается в конкретные условия конкретного случая. Следует отметить, что, несмотря на то, что юридические символы являются активным элементом системы правового регулирования общественных отношений, они не могут учесть все особенности ситуации. Поскольку юридические символы в большинстве своем закреплены на законодательном уровне. Интуитивное право является более переживаемым в эмоциональном плане. В таких областях, как семейные отношения, дружба, чаще решения принимаются с позиции интуитивного права. Сферы государственного управления, в свою очередь, регулируются позитивным правом, в том числе и с помощью юридических символов. С формальностями, которые не интересуют интуитивное право, работает позитивное право. Итак, юридические символы, позитивное право и право интуитивное взаимодействуют, поэтому должны действовать одновременно и согласованно.

Специфической формой выражения правовых велений являются правовые символы, которые производны от символов общесоциальных и представляют собой чаще всего правовое опосредование знаковых коди-фицированных регуляторов общественных отношений, исторически сложившихся на уровне обычаев и традиций [5, с. 71]. Правовые символы в правовой системе современного государства выступают эффективным средством правовой коммуникации – процесса передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду. Правовые символы как наглядные средства экономии правового воздействия способствуют снятию информационного (прежде всего, текстового) перегруза [6, с. 4-5]. В силу своей образности они

укореняются в сознании граждан даже на подсознательном уровне, что, в свою очередь, способствует преодолению отчуждения между государством и обществом, повышению легитимности и преемственности государственной власти.

Мир правовых символов – это своеобразная дополнительная информация о правовом регулировании в том смысле, что она не может заменить основную, выражающуюся в нормах законодательства. Ее назначение состоит в том, чтобы привлечь внимание субъектов, предупредить их о правовых последствиях, констатировать юридическую значимость действий. В правосознании каждого индивида ярким примером символа правосудия и судебного процесса являются весы, один из первоначальных символов права, в которых отражались идеи добра и зла. Во время суда боги-судьи клали на правую чашу весов истину в виде, например, птичьего пера, а на другую – вину подсудимого. Если левая чаша перевешивала, считалось, что вина подсудимого доказана. Объяснения исследователей мифологии, почему правая чаша весов была «хорошей», а левая – «плохой», сводились в основном к космогоническим представлениям о небе как жилище богов и подземном мире-царстве мертвых и космических существ. Если перевешивала левая чаша, то правая чаша весов поднималась к небу, а левая, наоборот, опускалась в подземный мир. Образ весов используется в современном уголовном праве (например, «мера наказания»).

Принимая во внимание основные положения психологической теории права, можно определить место и роль юридических символов (в том числе, правовых и государственных символов), призванных обеспечить реализацию целей права и защиту. Кроме того, юридические символы являются своеобразным средством перевода социальных потребностей на язык права, а также конструирования норм, обязательных для обеспечения правопорядка в современном обществе.

Понятие «юридические символы» в широком смысле охватывает все символы, которые являются частью правовой культуры конкретного общества, интегрированные в его правовой системе. К ним относятся, символы, закреплённые законодательно, и те символы, которые подобного закрепления не имеют, но воспринимаются индивидами в качестве правовых символов, так как символи-



зируют в общественном правосознании определенные правовые ценности. В узком смысле, юридические символы – это закрепленные законодательством государства условные образы, знаки, которые являются ценностно-культурными образованиями, главным заданием которых является формирование образа права и государства, как на национальном, так и на международном уровне.

В нашем понимании, именно юридические символы являются своеобразным проявлением ценностной природы права. Интересным в этом контексте представляется эгологическая теория права аргентинского юриста, одного из самых известных латиноамериканских философов права XX века, профессора университетов Ла-Платы и Буенос-Айреса Карлоса Коссио. Подлинно научная теория должна строиться, по мнению Коссио, на основе «исторического понимания» права как специфического культурного явления. Это правопонимание должно включать в себя три момента: право «даётся в опыте», существует во времени и имеет ценностный аспект, определяющий поведение человека. Юридические оценки представляют всегда «интерсубъективное» (межличностное) двустороннее отношение, связанное с человеческим поведением. Моральные же оценки – «субъективны и односторонни». Для юриста важно поведение в его «интерсубъективной интерференции», т.е. перекрещивающееся с поведением других индивидов, накладывающееся на него таким образом, что препятствует осуществлению их свободы. Исходя из этого, Коссио формулирует центральную идею своей концепции: право – это поведение в его «интерсубъективной интерференции», а не норма. Это поведение есть не что иное, как «феноменализированная свобода» и всегда подлежит позитивной или негативной оценке. Право существует только тогда, когда оно является объектом юридического познания, а само поведение субъекта права «интегрировано» с мышлением о самом себе. Отсюда право «есть то, что оно есть только тогда, когда познается то, что оно есть», т.е. когда оно понимается и интерпретируется. Объединяя норму и поведение как динамический аспект права, Коссио утверждает, что «интерпретируется не закон, а человеческое поведение посредством закона, поскольку закон – это концептуально выражение, а интерпретация есть способ познания» [8, с. 39]

Право, по Коссио, – это элемент культуры, то есть факт, который относится к категории ценности. Право можно понимать только в пределах категорий, которые касаются ценностей. Следует отметить, что юридические символы воспринимаются в общественном правосознании как определенные правовые ценности, представляя собой знаковые кодифицированные регуляторы отношений конкретного общества, интегрированные в его определенную систему. Существование сферы права без юридических символов невозможно, как и другой сферы (например, политики), что и подтверждается насыщенной символикой территорий государства для организации правового регулирования. Так, с помощью юридических символов (герб, флаг, гимн, девиз, паспорт и т.д.) закрепляется юридически значимый смысл «правила поведения» в государстве. При этом каждый субъект (государство, организация, политическая партия, гражданин) обязан уважать и чтить существующую в государстве символику и чувства граждан. Итак, символ является основой для идентификации определенного сообщества и имеет общественный ценностно-правовой характер.

Рассматривая психологическую теорию права, можно сделать вывод о том, как формируются юридические символы с точки зрения данной теории. Право через юридические символы выражает психологические аспекты индивида, правовое сознание, в свою очередь, характеризуется повседневностью восприятия права. Поскольку эмоции присущи всем индивидам без исключения, а их формирование в сознании напрямую зависит от условий окружающей среды, в которой находится индивид, и основой его правовых рефлексий выступает правосознание социальной группы. При этом, социальная группа в этом ракурсе может выполнять двойную роль. Во-первых, сдерживающим фактором выражения правовых эмоций (предоставление внешней формы через юридически значимые действия), за счет коллективного влияния, а во-вторых, наоборот давать «коллективный толчок» к действию, которое порождает юридические последствия.

Выводы. Юридические символы оказывают эмоциональное, психологическое воздействие на субъект, передают «дух» права, донося до адресата правовой нормы элементы официальной государственной идеологии. Воздействие

права на человеческое сознание опосредовано символическое природой права, через призму многообразия юридических символов в сознании людей формируются такие ценности как авторитет, власть, сила, порядок, верность традициям и т.п.

Психологическая теория Л. И. Петражицкого оказала весомое влияние на формирование и восприятие юридических символов, поскольку именно они являются необходимым условием формирования у граждан уважительного отношения к праву и государству. Разделение права на позитивное – создаваемое государством, и интуитивное – содержащееся в психике человека, позволяет прийти к следующему выводу. Юридические символы как ценностно-культурные образования формируются в обществе в рамках взаимодействия позитивного права, нормативных фактов и интуитивного права. Нормативные факты при этом, определяют содержание и обуславливают обязательность этических, эстетических или правовых диспозиций, и обладают признаком субъективности, поскольку зависят от психики индивидов.

Таким образом, основная суть психологической теории состоит в том, что у человека существует психологическая потребность жить в рамках организованного сообщества, а также чувства коллективного взаимодействия. Психика человека, его импульсы и эмоции играют главную роль не только в приспособлении человека к изменчивым условиям, а и в формировании образа права и государства в сознании.

Нравственная природа юридических символов состоит в том, что с одной стороны символы не только регулируют общественные отношения, но и способствуют их совершенствованию, выработке духовных ценностей и требований, т.е. являются своеобразным «буфером» в отношениях между государством и членом гражданского общества. Культурная природа правовых символов, проявляется в том, что символы – это составная часть общечеловеческой и национальной культуры, своеобразный суррогат культуры правового общения на бытовом, повседневном уровне. Отказаться от использования языка символов в праве или полностью его заменить в сегодняшних условиях было бы нерационально и неразумно, ибо практическая польза символов очевидна. То есть юридические символы формируют идеологический элемент, уровень развития правовой деятельности



и уровень развития всей системы юридических актов правовой культуры. Правовая культура общества зависит от уровня развития правового сознания населения, от того, насколько глубоко освоены им такие правовые феномены, как ценность прав, свобод человека, ценность правовой процедуры при решении споров, поиска компромиссов.

Список использованной литературы

1. Атоян О.М. Идея интуитивного права в концепции Л.Петражицкого / О.М.Атоян // Юридичний вісник. Повітряне і космічне право. – 2010. – № 2. – 8-11 с.
2. Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: Підручник. – К.: Кондор, 2006. – 477 с.
3. Касаткин А.В. Интуитивное право как способ обоснования естественного права / А.В. Касаткин // Философия права и права человека: сборник научных статей. – Екатеринбург : Макс-Инфо, 2015. – 89-90 с.
4. Казарян, К.В. Роль теории интуитивного права Л. И. Петражицкого в разрешении социальных конфликтов / К. В. Казарян, Е. В. Тутинас // Юристъ - правовець. – 2015. – № – 30-34 с.
5. Вопленко, Н.Н. Правовая символика // Правоведение. – 1995. – № 4-5. – 71 – 73 с.
6. Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шарно Оксана Игоревна; [Место защиты: Саратов. гос. юрид. акад.]. - 2014. – 4-5 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мишеглина Валерия Николаевна – аспирант кафедры общетеоретической юриспруденции Национального университета «Одесская юридическая академия», помощник-консультант народного депутата Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Misheglina Valeriya Nikolaevna – Postgraduate student of the Department of General Theoretical Jurisprudence of National university «Odessa law academy»; Assistant-consultant of the People's Deputy of Ukraine

valeria.misheglina@gmail.com

УДК 351.88:342.95

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Анатолий НОВАК,

кандидат экономических наук,

докторант кафедры социальной и гуманитарной политики

Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена разработке концептуальных основ правового регулирования публично-управленческой деятельности в процессе формирования национальной антикоррупционной политики. Исследованы методологические основы и практические аспекты противодействия коррупционным проявлениям в системе публичной власти современной Украины. Основой национальной антикоррупционной политики определено совершенствование антикоррупционного законодательства, распространение общественного негативного отношения к коррупции, причин ее возникновения и распространения. Установлено, что эффективность национальной политики предотвращения и противодействия коррупции в Украине, кроме наличия соответствующей политической воли, требует надлежащего законодательного обеспечения, формирования действенной системы государственных органов, обеспечение надлежащей координации антикоррупционной политики, превентивных мер предупреждения коррупции, а также их преодоления.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, публичное управление, европейские ценности, коррупция, национальная антикоррупционная политика.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC-MANAGEMENT ACTIVITY IN THE SPHERE OF FORMATION OF NATIONAL ANTI-CORRUPTION POLICY

Anatoliy NOVAK,

National academy of public administration,
office under the President of Ukraine

SUMMARY

Article is devoted to the development of the theoretical and methodological substantiation of the ways of forming and implementing an effective anti-corruption policy of Ukraine on the basis of taking into account national peculiarities and best foreign experience. The methodological bases and practical aspects of counteracting corruption manifestations in the system of public authority of modern Ukraine are investigated. The process of formation and development of the national anti-corruption policy is characterized. The basis of the national anti-corruption policy is the improvement of anti-corruption legislation, the spread of public negative attitudes towards corruption, the causes of its emergence and spread. It is established, that the effectiveness of the national policy of preventing and combating corruption in Ukraine, in addition to the existence of the necessary political will, requires adequate legislative support, the formation of an effective system of state authorities, ensuring proper coordination of anti-corruption policy, preventive measures to prevent corruption and overcoming them.

Key words: administrative law regulation, corruption, European values, national anti-corruption policy, public administration.



REZUMAT

Articolul este dedicat dezvoltării bazelor conceptuale ale reglementării legale a activității de management public în procesul de formare a politicii naționale anticorupție. Se investighează bazele metodologice și aspectele practice ale contracarării manifestărilor corupției în sistemul de autoritate publică a Ucrainei moderne. Baza politicii naționale anticorupție este îmbunătățirea legislației anticorupție, răspândirea atitudinilor publice negative față de corupție, cauzele apariției și răspândirii acesteia. Sa constatat că eficacitatea politicilor naționale de prevenire și combatere a corupției în Ucraina, în afară de prezența voinței politice necesită sprijin legislativ adecvat, formarea unui sistem eficient de organele de stat, pentru a asigura o coordonare adecvată a politicilor anticorupție, măsuri preventive pentru prevenirea corupției și pentru a le depăși.

Cuvinte cheie: reglementare administrativă și juridică, administrație publică, valori europene, corupție, politică națională anticorupție.

Постановка проблемы. Процессы формирования системы публичного управления в Украине на основе европейских ценностей обусловили целесообразность исследований комплекса проблем, связанных с концептом «правовое государство». На данный момент коррупция стала для Украины основным препятствием для политической, экономической модернизации, угрожает национальной безопасности страны. Коррупционный фактор стал нормой и составной частью политической системы, экономических отношений, препятствием развития гражданского общества. Решение современных проблем противодействия коррупции находится в сфере административно-правового регулирования.

Актуальность темы исследования. Одним из приоритетов Стратегии устойчивого развития «Украина-2020» как программного документа развития государства выделено противодействие коррупции, при этом глава Украинского государства называет антикоррупционную реформу основой трансформации. Актуальность исследования в статье проблем правового обеспечения обусловлена обострением проблемы предотвращения и противодействия коррупции в Украине, увеличением разнообразия форм ее проявлений в процессе становления и развития системы специализированных органов государственной власти, влияния коррупции на все сферы жизнедеятельности общества. Неспособность государства гарантировать эффективность национальной антикоррупционной политики (НАП), внедрить эффективные административно-правовые механизмы противодействия коррупции подрывает основы суверенитета, деформирует систему государственного регулирования.

Состояние исследования. Решению различных аспектов проблемы совершенствования национального

антикоррупционного законодательства в части предотвращения и противодействия коррупции посвящены работы в сфере права Л. Багрия-Шахматова, И. Голосниченка, А. Дудорова, Д. Заброды, М. Мельника, Т. Минки, Д. Приймаченка, В. Сташиса, Г. Усатого, М. Хавронюка, В. Шакуна, С. Шалгуновой и других, а также ученых других специальностей В. Гвоздецкого, В. Гарашука, Н. Карпова, Ю. Кальниша, Е. Невмержицкого, С. Рогульского, Б. Романюка, В. Трепака и других. В сфере государственного управления значительный вклад в организационно-правовое обеспечение формирования основ антикоррупционной политики сделали В. Баштанник, С. Дубенко, М. Камлык, Н. Липовская, А. Мартыненко, М. Мельник, О. Петренко, А. Прохоренко, С. Серегин, В. Соловьев, С. Телешун, В. Трошинский и другие. Основные направления исследований проблемы административного регулирования противодействия коррупции следует разделить на несколько групп: совершенствование собственно административного законодательства в сфере противодействия коррупции; институциональные основы противодействия коррупции; регулирование взаимодействия государства и общества в борьбе с коррупцией; механизмы рационализации антикоррупционной политики.

Цель исследования в статье заключается в том, чтобы на основе комплексного анализа действующего национального законодательства, существующих антикоррупционных стандартов, достижений правовой науки и науки государственного управления, эффективных мировых практик разработать научно-теоретические положения и предоставить практические рекомендации, направленные на оптимизацию организационных и административно-правовых основ предотвращения и противодействия коррупции в системе государственной власти.

Изложение основного материала. Именно в контексте современной евроинтеграции Украины, развития Украины как правового и демократического государства, развития гражданского общества в Украине, явление коррупции является одной из главных проблем в Украине, масштабы которой позволяют определять коррупцию как угрозу национальной безопасности. В то же время, функционирование механизма борьбы и предотвращения коррупции должно обеспечивать высокий уровень реализации прав и свобод граждан в контексте права на эффективное управление (права человека третьего поколения), ведь состояние обеспечения соответствующих прав и свобод граждан является индикатором развития правового государства и гражданского общества в Украине. Современный тренд на трансформацию конституционных принципов формирования и реализации государственной политики, нашедших свое проявление в реформе механизмов территориального управления, формирования объединенных территориальных общин, реформирования судебной власти, реформы правоохранительной системы обусловили и потребность комплексного решения в контексте становления механизмов национальной антикоррупционной политики. При этом базовой проблемой правового регулирования публично-управленческой деятельности в сфере НАП выступило формирование институциональной основы такой политики, уровень взаимодействия государственных органов, функционально определенных формировать правовые механизмы реализации НАП.

Анализ сущности понятия «коррупция» в нормативно-правовых актах современных государств и разработках ученых свидетельствует о том, что независимо от типа правовой системы сформированы различные подходы к трактовке содержания коррупции как



собственно социального явления (что деформирует правовой контекст антикоррупционной политики). Исследователи пытаются рассмотреть коррупцию с позиций теоретико-методологических подходов, присущими именно тем наукам, которые они представляют. Чаще всего, особенно на уровне социальных групп, в социологическом контенте, коррупция фактически отождествляется с подкупом должностных лиц, детерминирована уголовно-правовым понятием «взяточничество». Вместе с тем, в научной среде в области права, публичного управления, политологии сформирована позиция отождествления коррупции с конкретным преступным проявлением, акцентируя внимание на том, что коррупция не ограничивается только служебными преступлениями, а характеризуется значительно более широким понятием.

16 октября 2014 года был принят Закон Украины «Об очищении власти», который определил правовые и организационные основы проведения очищения власти (люстрации) для защиты и утверждения демократических ценностей, верховенства права и прав человека в Украине. Как сказано в Законе, «Очищение власти (люстрация) – это установленный настоящим Законом или решением суда запрет отдельным физическим лицам занимать определенные должности (находиться на службе) (далее – должности) (кроме выборных должностей) в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Очистка власти (люстрация) осуществляется с целью недопущения к участию в управлении государственными делами лиц, которые своими решениями, действиями или бездействием осуществляли мероприятия (и/или способствовали их совершению), направленные на узурпацию власти предыдущим политическим режимом, подрыв основ национальной безопасности и обороны Украины или противоправное нарушение прав и свобод человека и основывается на принципах: верховенства права и законности; открытости, прозрачности и публичности; презумпции невиновности; индивидуальной ответственности; обеспечения права на защиту» [1]. В данной норме не указано на совершение коррупционных правонарушений, но, в сущности, речь идет

о формировании определенной базы современного административно-правового понимания коррупции (как минимум, ее результата).

Деформирующий характер коррупции в системе публичного управления обусловлен высоким уровнем ее латентности, масштабностью распространения и устойчивыми разрушительными последствиями как для общества в целом, так и для отдельных социальных подсистем [2]. При этом, выделяя социальные, политические, экономические, морально-психологические, правовые и международные последствия коррупции, М. Мельник указывает на характеристики коррупции [3]: общественная опасность коррупции, поскольку коррупция приводит к искажению сути административных, политических социально-экономических реформ; углубление социального неравенства граждан в контенте социального государства, и как следствие – увеличение социальной напряженности в обществе, нарушение принципа социальной справедливости. При этом современный общественный тренд на трактовку понятия «минимально допустимый уровень коррупции» выступил деформирующим фактором в процессе идентификации социальной дихотомии коррупции.

Выделяя политический аспект коррупции, М. Мельник указывает на особые последствия влияния коррупции, в частности, происходит деформация самой системы политической власти, снижение легитимности институтов власти как внутри государства и в контексте принципа суверенности, так и вне государства, фактически теряя субъектность в международном сообществе. Постепенно, как указывает ученый, деформируется сам принцип разделения властей [3], собственно разрушается система сдержек и противовесов. Поддерживая позицию М. Мельника, добавим, что деформируется и конституционное определение демократического, социального, правового государства, а административный контент реформ либо минимизируется, либо получает формальный характер. В полной мере это касается и реализации социально-экономических преобразований, поскольку существенно снижает роль производственных факторов в системе деятельности хозяй-

ствующих субъектов, образуются дихотомическая связь процессов «приватизация – монополизация», «дерегуляция – государственное регулирование» и т.д.

Анализ развития антикоррупционного законодательства в современный период в Украине свидетельствует о его неэффективности и несоответствии базовым категориям современного тренда на ужесточение противодействия коррупции, что говорит о недостаточности учета проблемы формирования уровня правовой культуры и правосознания граждан при разработке национальной антикоррупционной политики [4]. Высокий уровень коррупции в Украине сохраняется и в настоящее время, что негативно воспринимается обществом и требует решительных действий. Результаты исследования состояния коррупции в Украине, проведенного Национальным агентством по предупреждению коррупции (НАПК) в 2017 году по методике стандартного опроса, показали восприятия коррупции населением и представителями бизнес-среды на уровне соответственно 3,98 и 3,47 балла из пяти. При этом, как свидетельствуют данные Национального агентства, у 40% взрослого населения Украины коррупционный опыт отсутствует. Наиболее коррумпированными население считает сферу здравоохранения, образования, контакты с органами государственной власти и местного самоуправления и предоставления судебных услуг – фактически все те сферы, где с 2015 года происходит системное реформирование. Для бизнеса такими сферами являются предоставление услуг энергетическими компаниями, контакты с органами государственной власти и местного самоуправления, общественных закупок и предоставления судебных услуг. 34% опрошенных предпринимателей отказались отвечать о сути их коррупционного опыта в отношениях с правоохранительными органами [5].

На сегодняшний день в системе административно-правового регулирования деятельности органов власти по противодействию коррупции недостаточно уделяется внимание также исследованию проблем взаимовлияния проявлений процессов глобализации и интернационализации экономических субъектов, что в большей степени



касается стран с переходной экономикой [6]. Ведь именно с позиций административного регулирования деятельности органов власти целесообразно говорить о сути и содержании антикоррупционной политики. С формальных позиций следует указать, что глобализация в целом ускорила кризисные явления, спровоцировала рост влияния коррупционных факторов на публичное управление. Кроме того, при внедрении инновационных институциональных механизмов противодействия коррупции в контексте рекомендаций международных институтов необходимо опираться на существующие правовые механизмы в процессе реформ, а не формировать приоритеты НАП, исходя из целесообразности деятельности вновь создаваемых управленческих структур, либо уже функционирующих правоохранительных органов.

Именно исходя из сути самого процесса административно-правового регулирования государственной политики, следует отметить, что причины коррупции для каждой из стран могут отличаться, но главными среди них будут именно проблемы, обусловленные неэффективно сформированной и сильно централизованной системой государственного управления (в том числе и незавершенные реформы в такой системе, либо перманентный характер таких реформ), непрофессионализм высшего управленческого звена в системе государственного управления, слабое влияние институтов гражданского общества на решение проблем противодействия коррупции.

Выводы. Становление и развитие правового демократического государства требует адекватного реагирования органов государственной власти и всего общества на системные угрозы национальной безопасности. Распространение коррупции и проявление ее во всех сферах общественной жизни выступает одной из основных угроз и находит свое место в резонансных проблемах политической системы: в процессе утверждения демократических принципов политического режима, в сфере реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан, во взаимоотношениях власти и общества, взаимодействии различных государственных структур в сфере противодействия коррупции [7].

Национальная антикоррупционная политика с позиции административно-правового регулирования – это концептуальные положения политики национального государства в сфере предотвращения и противодействия коррупции, направленные на последовательную и системную деятельность государства, общества и граждан с целью недопущения (уменьшения) негативного влияния коррупции, а также ликвидацию причин и последствий, способствующих возникновению коррупции. Цель национальной антикоррупционной политики (административно-правовой концепт) – координация деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленная на минимизацию проявлений коррупции и ее влияния, развитие антикоррупционного сознания, утверждение законности, антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов. Также следует считать целью Национальной антикоррупционной политики достижение такого состояния системы публичного управления, когда коррупционная практика станет не только рискованным и неприбыльным действием, но также и социально неприемлемым.

С позиции административно-правового аспекта публичного управления определяющей целью антикоррупционной политики является предотвращение и противодействие коррупции путем реализации европейских принципов публичного администрирования в национальной практике. На первичном уровне публичного управления стоит привести правила, процедуры и регламенты организации служебной деятельности по предотвращению коррупции в соответствии с положениями законов Украины «О государственной службе», «О центральных органах исполнительной власти», «О местных государственных администрациях». Далее важно разработать комплекс специальных средств и способов противодействия коррупции, в частности: повышение прозрачности деятельности государственных органов, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание условий для развития экономики, обеспечения европейских социальных стандартов и благосостояния населения, снижение уровня коррупции в Украине и устранение причин

и условий, открытости и гласности при принятии управленческих решений и внедрении административных процедур и обнародовании их в средствах массовой информации.

Эффективность усилий по преодолению негативного социально-политического явления коррупции в значительной степени зависит от осуществления административно-правового регулирования процесса противодействия коррупции, и в этом контексте – проведения политической, а также государственно-правовой реформы и ее составляющих: административной, муниципальной и судебной реформ, реформы правоохранительной системы; четком административно-правовом определении полномочий и функций органов власти, их должностных лиц; внедрения демократических принципов управления общественными делами, создание условий для всестороннего развития структур гражданского общества, направленных на формирование действенного механизма общественного контроля за властными институтами.

Список использованной литературы:

1. Про очищення влади: Закон України від 16.09.2014 № 1682-УП // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 44. – Ст. 2041 (зі змінами).
2. Соловійов В. Запобігання і протидія корупції в державному управлінні України: монографія / В. Соловійов. – К. : Інститут законодавства Верховної Ради України, 2012. – 508 с.
3. Мельник М.І. Система антикорупційного законодавства України / М. Мельник // Вісник прокуратури. – 2002. – № 3. – 49-56 с.
4. Мельник М. Фактори корупції в Україні / М. Мельник // Право України. – 2002. – № 5. – 12-17 с.
5. Офіційний сайт Національного агентства запобігання корупції: <https://nazk.gov.ua>.
6. Баштанник В. В. Формування державної антикорупційної політики в умовах модернізації влади / В. В. Баштанник // Наук. розвідки з держ. та муніцип. упр. – К., 2012. – Вип. 1. – 25-34 с.
7. Стратегія комунікацій у сфері запобігання та протидії корупції:



Розпорядження Кабінету Міністрів України від 23 серпня 2017 р. № 576-р. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/576-2017-%D1%80>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новак Анатолий Николаевич – кандидат экономических наук, докторант кафедры социальной и гуманитарной политики Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Novak Anatoliy Nikolaevych – Candidate of Economic Sciences, Post Doctor, Department of social and human policy National academy of public administration, office under the President of Ukraine

dniprodepartment407@gmail.com

УДК 341.45:343.351

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КОНФИСКАЦИИ ДОХОДОВ (АКТИВОВ), ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Татьяна ПАВЛОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные международно-правовые документы, регламентирующие принципы, правовые механизмы возвращения доходов (активов), полученных преступным путем. Указывается, что процедура возврата доходов (активов), полученных коррупционным или иным преступным путем, предполагает применение целого ряда процессуальных и (материально-правовых) механизмов (мер), а именно отслеживание (розыск), замораживание, арест, изъятие, конфискация. Сделан вывод о том, что внутреннее законодательство государств по-разному определяет терминологию и процедуру осуществления возврата доходов (активов), полученных преступным путем, поэтому на сегодняшний день возникла необходимость адаптации национального законодательства государств с международными стандартами для эффективного международного сотрудничества в сфере возврата доходов (активов), полученных коррупционным или иным преступным путем.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, коррупция, иные виды преступной деятельности, доходы (активы), конфискация доходов, полученных преступным путем.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF FORFEITURE OF CRIMINALLY OBTAINED PROCEEDS (ASSETS)

Tetiana PAVLOVA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department of the
I. I. Mechnikov Odessa National University

SUMMARY

The article examines the basic international legal documents regulating principles, legal mechanisms of returning criminally obtained income (assets). It has been indicated, that the procedure of income (assets) return, whether criminally obtained or due to corrupt practices, assumes application of a set of procedural (substantive) mechanisms (measures), namely the tracking (detection), freezing, caption, seizure and forfeiture. A conclusion has been developed: the domestic legislation of states in many ways defines the terminology and procedure for returning the criminally obtained income (assets), thus today there arose a need to harmonize the national legislation of states to the international standards for effective international cooperation in the field of returning income (assets), whether criminally obtained or due to corrupt practices.

Key words: international legal regulation, corruption, other criminal activities, proceeds (assets), forfeiture of criminally obtained proceeds.

REZUMAT

Articolul examinează principalele documente juridice internaționale care reglementează principiile, mecanismele legale de returnare a veniturilor (bunurilor) obținute prin mijloace criminale. Aceasta indică faptul că procedura de returnare a veniturilor (active) derivate din corupție sau alte activități criminale implică utilizarea unui rând și mecanisme procedurale (de fond) (măsuri), și anume urmărirea (urmărire), înghețarea, sechestrarea, confiscarea, sechestrarea. Sa ajuns la concluzia că legislația internă a statelor au diferite definiții ale terminologiei și a returnării procedurii de venit (active), obținute prin mijloace penale, prin urmare, a fost necesară adaptarea legislației naționale a standardelor internaționale de cooperare internațională eficientă în domeniul returnării veniturilor pentru astăzi (active), primite prin corupție sau altă cale criminală.

Cuvinte cheie: reglementarea juridică internațională, corupția, alte tipuri de activități infracționale, venituri (active), confiscarea produselor de crimă.



Постановка проблемы. Основной задачей международного сообщества на сегодняшний день является борьба с коррупцией и иными незаконными деяниями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. По данным Организации Объединенных Наций (далее – ООН) ежегодно в разных странах за границу выводится от 1 до 1,6 трлн долл. США, полученных в результате преступной деятельности, коррупции и уклонения от уплаты налогов. Объем ресурсов, которые похищаются из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, составляет примерно 20-40 млрд долл. США в год, что эквивалентно 20-40% средств, выделяемых этим странам как официальная помощь [1, с. 10]. На сегодняшний день сумма возвращенных активов составляет лишь 5 млрд долл. США [2, с. 10]. Поэтому для многих государств сегодня актуальным является возвращение доходов (активов), полученных коррупционным или иным преступным путем.

Актуальность темы исследования. Для борьбы с коррупцией и иными видами преступной деятельности, которая связана с легализацией доходов (активов), полученных преступным путем, в законодательстве большинства стран применяется конфискация, которая является правовым механизмом возврата доходов (активов), полученных преступным путем. Для успешного возврата доходов, полученных коррупционным или иным преступным путем, на международном уровне принято ряд нормативно-правовых документов, являющихся правовой основой борьбы с преступными проявлениями указанного вида.

Состояние исследования. Исследованием отдельных аспектов международного опыта и основополагающих законодательных актов в сфере возврата активов, полученных преступным путем, занимались такие ученые, как Ж.-П. Брюн, Л. Грей, Т. Гринберг, О. Корзун, Д. Примаков, К. Скотт, М. Солянова, К. Стивенсон, И. Чернявский, М. Щигрева и другие. Однако большинство проблем, связанных с исследованием механизмов возврата доходов (акти-

вов), полученных преступным путем, последующей имплементацией международно-правовых норм в национальное законодательство, остаются нерешенными.

Целью и задачей статьи является рассмотрение основных международно-правовых документов, регламентирующих конфискацию доходов (активов), полученных преступным путем, которые являются правовым механизмом возврата доходов (активов), полученных преступным путем.

Изложение основного материала. Одним из действенных способов возврата доходов (активов), полученных преступным путем, является внедрение согласованных мер по борьбе с коррупцией и другими видами незаконной преступной деятельности, которые должны основываться на необходимой законодательной базе как на международном, так и национальном уровнях, а также международном сотрудничестве. Основным международно-правовым документом в указанной сфере является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (далее – Конвенция ООН против коррупции), ратифицирована Украиной 18 октября 2006 г. Конвенция ООН против коррупции состоит из следующих глав: глава I – общие положения; глава II – меры по предупреждению коррупции; глава III – криминализация и правоохранительная деятельность; глава IV – международное сотрудничество; глава V – меры по возвращению активов; глава VI – техническая помощь и обмен информацией; глава VII – механизмы осуществления; глава VIII – заключительные положения.

Возвращение активов признается основным принципом Конвенции ООН против коррупции, и государства-участники обязуются сотрудничать друг с другом и оказывать помощь в этом вопросе (ст. 51 Конвенции ООН против коррупции).

В соответствии со статьей 2 Конвенции ООН против коррупции, конфискация – это окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа [3]. Указанная конвенция является первым документом, содержа-

щим положения о конфискации вне уголовного производства. В ст. 43 Конвенции предусмотрено, что государства рассматривают возможность оказания друг другу содействия в расследовании и судопроизводстве гражданско-правовых и административных вопросов, связанных с коррупцией. Эта статья охватывает процедуру конфискации активов вне уголовного производства и учитывает проблему, которая возникла в прошлом, когда государства могли сотрудничать друг с другом и оказывать правовую помощь только по уголовным, а не по гражданским делам.

Законодательство большинства стран для возврата доходов (активов) от преступлений, а также изъятия орудий и средств их совершения, предусматривает следующие виды конфискации: конфискация в уголовном порядке; конфискация вне уголовного производства (гражданская конфискация), административная конфискация. Однако не все государства, ратифицировавшие Конвенцию ООН против коррупции, закрепили в своем внутреннем законодательстве конфискацию вне уголовного производства.

Применение конфискации позволяет, во-первых, пресечь незаконные действия и обогащение за счет преступления (доходы от преступной деятельности изымаются и направляются на компенсацию ущерба, причиненного потерпевшему, будь то государство или частное лицо), во-вторых, изъять орудия преступления и предотвратить их дальнейшее использование в криминальных целях.

В ст. 54 Конвенции ООН против коррупции предусмотрены механизмы изъятия имущества путем международного сотрудничества в вопросах конфискации. Так, каждое государство-участник: а) принимает такие меры, которые могут потребоваться, чтобы позволить своим компетентным органам выполнять постановления о конфискации, вынесенные судами другого государства-участника; б) принимает такие меры, которые могут потребоваться, чтобы позволить своим компетентным органам, в пределах их юрис-



дикции, выносить постановления о конфискации имущества иностранного происхождения путем вынесения судебного решения по делам о преступлениях об отмывании денежных средств или иными преступлениями, которые могут подпадать под юрисдикцию, или путем использования других процедур, разрешенных его внутренним законодательством; в) рассматривает вопрос о принятии таких мер, которые могут потребоваться, чтобы создать возможность для конфискации такого имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, если преступник не может быть подвергнут преследованию в связи со смертью, укрывательством или отсутствия или в других соответствующих случаях [3].

Механизмы конфискации доходов (активов), полученных преступным путем, разрабатываются на уровне национальных законодательств. Применение законов о конфискации связано с правовыми сложностями во многих государствах и международных судах. Эти сложности, прежде всего, связаны с необходимостью определения правовой природы конфискации и процедуры возвращения доходов. Так, в некоторых государствах конфискация предусмотрена как наказание, в других – как исправительная мера. Европейский суд по правам человека постановил, что в тех случаях, когда сумма ограничена полученной выгодой и не может быть заменена тюремным заключением, но может быть возмещена экономическими методами, конфискация доходов от преступлений носит характер исправительной меры [4].

Таким образом, конфискация может производиться через целый ряд механизмов: одни из них основаны на обвинительном приговоре в отношении контролирующего собственность лица, другие направлены против самой собственности ввиду ее преступного происхождения или использования, а третьи – против активов того или иного лица, независимо от их происхождения, так как они представляют собой доходы от преступной деятельности [5].

Особое внимание в Конвенции ООН против коррупции уделяется

хищению и отмыванию незаконно присвоенных государственных средств. Так, Конвенция обязывает государство, получившее запрос, вернуть конфискованное имущество запрашивающей стороне [3, ст. 57 п. 3 (а)]. Конвенция не только призывает каждого участника разработать внутреннее законодательство, обеспечивающее возврат похищенных государственных средств, но и предписывает в тех случаях, когда нельзя применить специальное правило, рассматривать в первоочередном порядке вопросы о возвращении конфискованного имущества запрашивающему государству, предыдущим законным собственникам или выплате компенсации потерпевшим от преступления [3, ст. 57 п. 3 (с)]. Согласно п. 4 ст. 57 Конвенции запрашиваемое государство может вычестить разумные расходы, понесенные в ходе расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства, которые привели к возвращению конфискованного имущества или распоряжению им [3].

С целью выполнения положений Конвенции и содействия решению проблемы хищения государственных средств в развивающихся странах, Всемирный банк совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности в сентябре 2007 года запустил Инициативу по возвращению похищенных активов (также известную как Инициатива StAR).

StAR рекомендует ратифицировать Конвенцию ООН против коррупции и поддержать принципы, сформулированные в указанной Конвенции, путем адаптации соответствующего внутреннего законодательства. Центральное место в программе уделяется проблеме возвращения похищенных активов, а именно устранению препятствий для возвращения незаконно присвоенного имущества в крупнейших финансовых центрах, созданию механизмов, облегчающих возвращение активов пострадавшим государствам, а также мерам, направленным против вывода активов и появления «безопасных зон» для коррупционеров.

Мировое сообщество отмечает, что Инициатива StAR поможет накапливать и распространять инфор-

мацию о принципах возвращения незаконно присвоенного имущества, а также принять меры, облегчающие эту процедуру. К тому же, Инициатива StAR будет способствовать созданию согласованных внутригосударственных механизмов участников для возвращения активов (например, эффективная процедура конфискации имущества, процедура реагирования на международный запрос о помощи или процедуру подачи такого запроса и т.д.).

Разработчики Инициативы StAR считают, что возвращение государству похищенных активов может дать положительные результаты при условии рационального расходования средств. Даже части денег может хватить на то, чтобы профинансировать важные программы и проекты по улучшению инфраструктуры. Например, 100 млн долл. США достаточно, чтобы провести полную вакцинацию 4 млн детей или построить систему водоснабжения для 250 тыс. домовладений [6, с. 32].

Основным документом Европейского Союза, регулирующим возвращение активов, является Конвенция об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем от 8 ноября 1990 г. (далее – Конвенция от 08.11.1990 г.), ратифицирована Украиной 17 декабря 1997 г. В ст. 1 этой Конвенции предусмотрено, что конфискация означает наказание или меру, назначенные судом после рассмотрения дела в отношении уголовного преступления или уголовных преступлений, результатом которого является окончательное лишение собственности [7].

Согласно Конвенции от 08.11.1990 г. государствам-участникам предлагается ввести специальные меры по расследованию и предварительные меры в виде замораживания или наложения ареста, с целью предотвращения любого использования, передачи или распоряжения собственностью, которая позже может быть предметом ходатайства о конфискации или которая может быть такой, что отвечает требованиям ходатайства изъятия активов; расширить полномочия судов и правоохранительных органов; применить



специальные методы расследования; ввести определение понятия «отмывание денежных средств»; четко определить причины возможного отказа во взаимопомощи; содержание и форму запросов о сотрудничестве и другие условия проведения возвращения активов, а также указывает на необходимость расширения взаимопомощи в проведении следствия [7].

Обновленная в 2005 году Конвенция Совета Европы об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем, и о финансировании терроризма отмечает необходимость введения национальных подразделений финансовой разведки, вводит описание мер по предотвращению отмывания денежных средств, раскрывает сущность запросов информации по банковским счетам, операциям, введения наблюдения за ними. Отдельно обращается внимание на обязанность государств осуществлять конфискацию по запросу других стран [8].

Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией от 27 сентября 1999 г. (ратифицирована Украиной 18 октября 2006 г.) указывает на необходимость внедрения мер, необходимых для привлечения к ответственности юридических лиц за совершение таких преступлений: дача взятки, злоупотребление влиянием, отмывание доходов, совершенных в их пользу какими-либо физическими лицами; определяет меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов, полученных от преступлений, связанных с коррупцией, вводит описание ситуаций активного и пассивного подкупа национальных публичных лиц, подкупа членов национальных государственных собраний, подкупа иностранных должностных лиц, членов иностранных органов, коррупцию в частном секторе и другие виды преступлений. Эта конвенция также устанавливает юрисдикцию государств относительно совершенных преступлений, устанавливает необходимость принятия государствами изменений о предоставлении полномочий для судов и правоохранительных органов отдавать распоряжение о предоставлении банковской, финансовой

или коммерческой документации [9].

Также заслуживает внимания принятая Европарламентом и Советом Европы 3 апреля 2014 г. директива по замораживанию и конфискации орудий преступлений и доходов, полученных преступным путем. В указанной Директиве говорится об упрощении и унификации процедур ареста и конфискации преступно нажитого имущества, о возврате активов, устанавливаются стандарты работы в данной области. Директива отражает тенденции в законодательной и правоприменительной сферах на европейском пространстве и позволяет определить вектор их дальнейшего развития [10].

В ст. 5 Директивы отмечается, что государства-участники должны принять необходимые меры для обеспечения конфискации в полном объеме или частично, имущества, принадлежащего лицу, осужденному за преступление, которое способно прямо или косвенно принести экономическую выгоду, когда у суда на основе обстоятельств дела имеются доказательства того, что стоимость имущества не соответствует законному доходу осужденного. Иными словами, суд не обязан доказывать причастность правонарушителя к деятельности, связанной с преступлением, но должен решить, что она в достаточной мере имеет к нему отношение.

Статья 6 Директивы предписывает государствам ввести законодательные нормы о конфискации имущества у третьих лиц, которым оно было передано с целью сокрытия от ареста и конфискации, включая приобретение на безвозмездной основе или по заниженной стоимости.

В соответствии со ст. 9 Директивы государствам необходимо создать правовые условия для возможности продолжения поиска похищенного имущества и после окончания расследования и судебного процесса – в отдельных случаях оперативные и следственные подразделения имеют право продолжить или начать заново розыск похищенных активов с целью их ареста и конфискации, уже после завершения расследования, напри-

мер, если в ходе следствия установлено не все имущество или после смерти обвиняемого [10].

Порядок замораживания имущества и доказательств на территории европейских и других государств определяется Рамочным решением 2003/577/ JHA о выполнении в Европейском Союзе постановлений по замораживанию имущества или доказательств. В документе отмечается, что все государства обязаны немедленно принимать поданные судебные постановления о замораживании и выполнять их, определяются сроки и основания для отказа или отсрочки в исполнении таких требований, способы обжалования и возмещения расходов [11]. Следует обратить внимание, что решение указывает на условия проведения замораживания имущества и доказательств на территории государства, в отношении которого вынесено судебное решение другой страны.

Конкретизирует этот документ Рамочное решение 2006/783/ JHA о применении принципа взаимного признания постановлений о конфискации, которое определяет имущество, подпадающее под конфискацию, доходы, орудия, перечисляет список преступлений, за которые может быть применена конфискация, и другие условия конфискации [12]. О конфискации также говорит Рамочное решение 2005/212/ JHA о конфискации доходов, орудий и собственности, связанных с преступной деятельностью, Рамочное решение 2001/500/ JHA об отмывании денег, идентификацию, отслеживание, замораживание, изъятие и конфискацию средств и доходов, полученных преступным путем и Рамочное решение 2007/845/ JHA о сотрудничестве ведомств стран Евросоюза по возвращению активов в вопросах отслеживания и идентификации доходов от преступлений и иного имущества, связанного с преступной деятельностью.

Выводы. Таким образом, процедура возврата доходов (активов), полученных коррупционным или иным преступным путем, предполагает применение целого ряда процессуальных и материально-правовых механизмов (мер), а именно отсле-



живание (розыск), замораживание, арест, изъятие, конфискацию доходов (активов). На международном уровне принято ряд нормативно-правовых документов, создающих правовую основу для возвращения доходов (активов), полученных преступным путем, однако внутреннее законодательство государств по-разному определяет терминологию и процедуру осуществления возврата указанных активов, поэтому на сегодняшний день возникла необходимость адаптации внутреннего законодательства государств с международными стандартами для эффективного международного сотрудничества в сфере возврата доходов (активов), полученных коррупционным или иным преступным путем.

Список использованной литературы:

1. Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative: Challenges, Opportunities, and Action Plan. – USA: Washington, theWorld Bank, UN Office on Drugs and Crime, 2007. – 47 p.

2. Брюн Ж.-П., Грей Л., Стивенсон К., Скотт К. Руководство по возврату активов для специалистов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/congress//background-information/Corruption._.Russian.pdf.

3. Конвенция ООН проти корупції [Электронный ресурс]: Конвенция ООН від 31.10.2003 р. – Режим доступа: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_c16.

4. Welch v. United Kingdom, №17440/90 (ECHR, 9 февраля 1995 г.); Philips v. United Kingdom, No. 41087/98 (ECHR, 5 июня 2001 г.); Butler v. United Kingdom, № 41661/98 (ECHR, 27 июня 2002 г.).

5. Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному производству (Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unodc.org/documents/crime-congress/12th-Crime-Congress/Docum.pdf>.

6. Greenberg T. Stolen Asset Recovery: A Good Practices Guide for Non-Conviction Based Asset Forfeiture / Theodore S. Greenberg, Linda

M. Samuel, Wingate Grant, Larissa Gray // Washington, D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank Group, 2009. – 284 p.

7. Конвенція про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом [Електронний ресурс] : Конвенція Ради Європи від 08.11.1990 р. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_029.

8. Конвенція Ради Європи про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом, та про фінансування тероризму [Електронний ресурс]: Конвенція Ради Європи від 16.04.2005 р. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/994_948.

9. Кримінальна конвенція про боротьбу з корупцією [Електронний ресурс]: Конвенція Ради Європи від 27.09.1999 р. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_10110.

10. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union // Official Journal of the European Union L 127/39, 29.4.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0042&qid=1514193580165&from=EN.>

11. Council Framework Decision 2003/577/JHA of 22 July 2003 on the execution in the European Union of orders freezing property or evidence // Official Journal of the European Union L 196/45, 2.8.2003 [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:196:0045:0055>.

12. Council Framework Decision 2006/783/JHA of 6 October 2006 on the application of the principle of mutual recognition to confiscation orders // Official Journal of the European Union L 328/59, 24.11.2006 [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006F0783&from=EN>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavlova Tetiana Aleksandrovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department in I. I. Mechnikov Odessa National University

pavlova.onu01@gmail.com



УДК 343.36 (477)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Лидия ПАЛЮХ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Львовского национального университета имени Ивана Франко

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано уголовное законодательство ряда европейских стран, принадлежащих к романо-германской правовой системе. В частности, рассмотрены вопросы о систематизации преступлений, посягающих на установленный порядок судопроизводства, исполнения судебных решений в Особенной части уголовных кодексов рассматриваемой группы зарубежных стран. В результате сравнения с положениями УК Украины сделан вывод о правильности подхода украинского законодателя, согласно которому статьи об ответственности за преступления против правосудия размещены в системе Особенной части УК Украины.

Ключевые слова: преступления против правосудия, уголовный кодекс, систематизация норм.

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST JUSTICE IN THE COUNTRIES OF ROMAN-GERMAN LEGAL FAMILY

Lidiya PALIUKH,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of
Criminal Law and Criminology Department Ivan Franko Lviv State University

SUMMARY

The article analyzes the criminal law of a number of European countries, belonging to the Roman-German legal system. In particular, the issue of systematization of offenses, that violate the established procedure of judicial proceedings, enforcement of judgments in special parts of the criminal codes of the group of foreign countries under consideration is considered. On the basis of comparison with the provisions of the Criminal Code of Ukraine, it was concluded, that the Ukrainian legislator's approach to placing articles on liability for crimes against justice in the system of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine was correct.

Key words: crimes against justice, criminal code, systematization of norms.

REZUMAT

Articolul analizează legislația penală a unui număr de țări europene aparținând sistemului juridic romano-german. În special, sunt avute în vedere problemele legate de sistematizarea infracțiunilor care încalcă procedura stabilită pentru procedurile judiciare, executarea hotărârilor judecătorești, în partea specială a codurilor penale din grupul de țări străine avute în vedere. Ca urmare a comparației cu prevederile Codului penal al Ucrainei, sa ajuns la o concluzie cu privire la corectitudinea abordării legiuitorului ucrainean, conform articolului privind responsabilitatea pentru infracțiunile împotriva justiției, plasat în sistemul părții speciale a Codului penal al Ucrainei.

Cuvinte cheie: infracțiuni împotriva justiției, cod penal, sistematizarea normelor.

Введение. Обеспечение надлежащего осуществления правосудия является условием существования любого демократического, развитого государства. Этим обусловлена актуальность исследований проблем уголовной ответственности за преступления против правосудия. Рассматривая указанные вопросы, представляется целесообразным обратиться к положениям уголовного законодательства зарубежных стран. Исследователи сравнительного права обоснованно отмечают, что в современных условиях эффективное развитие правовой системы любого го-

сударства невозможно без изучения и учета зарубежного опыта [1, с. 7].

Цель статьи. В связи с этим представляется важным изучить положения уголовного законодательства зарубежных стран об уголовной ответственности за преступления против правосудия, выделить определенные закономерности, касающиеся систематизации норм об ответственности за указанные преступления; сравнить с моделью систематизации норм об ответственности за аналогичные посягательства в Особенной части УК Украины, определить оптимальную, с

нашей точки зрения, модель систематизации.

Методы. Для достижения этой цели необходимо обратиться к положениям уголовного законодательства зарубежных стран, проанализировать его с применением сравнительно-правового метода исследования. Ученые определяют ряд основных требований к правильно-му и эффективному применению данного метода, среди которых: объекты, которые входят в предмет сравнительно-правового исследования, должны быть сопоставимы; нужно учитывать существенное отличие некоторых внешне



похожих явлений и процессов правовой действительности; при осуществлении сравнительного анализа необходимо иметь в виду специфику отдельных уголовно-правовых систем и их институтов, уникальность некоторых юридических терминов [2, с. 4-5].

Поскольку Украина принадлежит к романо-германской правовой семье, для сравнительно-правового исследования более всего подходит уголовное право европейских стран, принадлежащих к романо-германской (континентальной) правовой семье.

Основная часть. В уголовных кодексах многих европейских стран, в Особенной части, выделены отдельные разделы (главы), содержащие нормы об ответственности за преступления против правосудия. Эти разделы (главы) имеют разные названия: «Посягательства на осуществление правосудия» (глава 4 раздела третьего книги четвертой УК Франции [3]), «Преступления и проступки против правосудия» (раздел 17 УК Швейцарии) [4], «Преступные деяния против правосудия» (21 раздел УК Австрии) [5], «Преступления против судебной власти» (раздел XX УК Испании) [6], «Преступления против правосудия» (глава XXX УК Польши [7], глава III раздела восьмого УК Республики Болгария [8]).

В отдельных странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, разделы о преступлениях против правосудия состоят из глав, содержащих нормы об уголовной ответственности за отдельные группы преступлений против установленного порядка судопроизводства или исполнения судебных решений, выделенные законодателем, исходя из такого критерия как видовой объект преступления (УК Испании, УК Франции, УК Грузии). Так, в УК Испании выделен отдельный раздел XX «Преступления против судебной власти». Указанный раздел состоит из глав: глава I «О должностных преступлениях» (общим для составов преступлений в этой главе является то, что их субъектом являются судья или магистрат); глава II «О невыполнении обязанности препятствовать совершению преступлений и обязанности уголовного преследования», III «О сокрытии» (в статьях этой главы предусмотрена уголовная ответственность за различные фор-

мы заранее не обещанного содействия совершению преступления), глава IV «О незаконном осуществлении собственного права» (в главе предусмотрено уголовная ответственность лиц, которые для реализации своего права действуют незаконными методами, в том числе используют насилие, угрозы или применение силы), глава V «О ложном обвинении, ложном доносе и о симуляции преступлений» (содержит статьи об уголовной ответственности за различные формы заведомо ложного сообщения о совершении преступления); глава VI «О лжесвидетельстве» (содержит нормы об уголовной ответственности за различные формы дачи заведомо ложных показаний, заключений, фальсификацию доказательств в судопроизводстве), глава VIII «О нарушении приговора» (содержит нормы об уголовной ответственности за деяния, посягающие на установленный порядок исполнения судебных решений), глава IX «Преступления против юрисдикции Международного уголовного суда» (содержит статьи об ответственности за деяния, посягающие на порядок осуществления производства в Международном уголовном суде) [6]. Таким образом, в разделе XX УК Испании предусмотрена уголовная ответственность за посягательства на отношения судопроизводства на досудебных, судебных стадиях, а также отношения по исполнению судебных решений. Нормы об ответственности за указанные преступления сгруппированы в главы, исходя из так называемого видовой объект преступлений.

Подобный порядок систематизации норм об уголовной ответственности за преступления, посягающие на установленный законодательством порядок судопроизводства и исполнения судебных решений, осуществлен в УК Грузии, УК Франции. В частности, глава 4 раздела третьего книги четвертой УК Франции под названием «Посягательство на отправление правосудия» состоит из таких структурных частей: I. «Воспрепятствование вмешательству правосудия»; II. «Воспрепятствование осуществлению правосудия»; III. «Преступления против судебной власти». Часть третья содержит следующие структурные подразделения: § 1 «Насилие в отношении суда», § 2 «Побег», § 3 «Другие посягательство

на судебное решение в уголовном судопроизводстве» [3].

В УК Грузии статьи об ответственности за преступления против правосудия находятся в разделе «Преступления против судебной власти», которая состоит из глав, где соответствующие нормы сгруппированы законодателем по так называемому видовому объекту. В частности, в этом разделе содержатся следующие главы: глава XLI «Преступления против деятельности судебных органов», глава XLII «Преступления против процессуального порядка получения доказательств», глава XLIII «Преступления, направленные против своевременного предупреждения и раскрытия преступлений», глава XLIV «Преступления против исполнения судебных актов» [9].

В целом такой подход к систематизации норм об уголовной ответственности за преступления против правосудия – по признаку видовой объект, – представляется правильным ввиду того, что Особенная часть уголовного закона состоит из структурных подразделений (глав, разделов), исходя из объекта соответствующих составов преступлений. Однако эта модель систематизации подходит для Особенной части УК Украины лишь частично. Как известно, УК Украины состоит из разделов, в которых нормы об ответственности за преступления размещены по такому критерию, как родовый объект преступления. Такие критерии как видовой, непосредственный объекты преступления подходят в части размещения статей о преступлениях против правосудия в пределах раздела XVIII Особенной части УК Украины; следует отметить, что сегодня соответствующие статьи уголовного закона сгруппированы законодателем в пределах раздела XVIII, исходя из порядка их размещения в разделе. Исследователи обоснованно отмечают, что группировка статей, предусматривающих ответственность за преступления определенных видов, в пределах отдельных разделов Особенной части УК Украины, как правило, осуществляется с учетом общности признаков непосредственных объектов, на которые посягают указанные преступления [10, с. 21-22].

Также из проведенного анализа уголовного законодательства указан-



ных зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что, как и в разделе XVIII Особенной части УК Украины, в соответствующих разделах уголовных кодексов рассматриваемых стран размещены нормы о посягательствах с аналогичным объектом, которым являются отношения по осуществлению судопроизводства и исполнения судебных решений.

В разделе семнадцатом УК Швейцарии под названием «Преступления и проступки против правосудия», как и в разделе XVIII Особенной части УК Украины, размещены нормы о преступлениях, посягающих на порядок осуществления судопроизводства на досудебных и судебных стадиях (ст.ст. 303, 304, 305, 305bis, 305ter, 306, 307), а также группа норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на установленный порядок исполнения судебных решений (ст.ст. 310, 311) [4].

Однако в уголовных кодексах некоторых стран романо-германской правовой системы (семьи) отсутствуют отдельные главы (разделы), предусматривающие нормы об уголовно-правовой охране всего комплекса отношений в сфере судопроизводства и исполнения судебных решений. Указанные нормы размещены в других структурных разделах кодексов, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на иные группы общественных отношений или на общественные отношения по осуществлению государственной власти в целом – не только в сфере судопроизводства и исполнения судебных решений. В частности, это касается Уголовных кодексов ФРГ, Нидерландов.

Так, в Особенной части УК ФРГ установлению уголовной ответственности исключительно за деяния, посягающие на установленный порядок судопроизводства, посвящен раздел девятый под названием «Ложные показания и лжеприсяга», раздел десятый «Ложное обвинение», раздел двадцать первый «Укрывательство преступления и распоряжение имуществом, добытым преступным путем». В то же время часть норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на установленный порядок судопроизводства и исполнения судебных решений, предусмотрены в разде-

лах, содержащих нормы об уголовной ответственности за посягательство на иные группы общественных отношений, в частности, в разделе седьмом «Преступления против общественного порядка», разделе тридцатом «Преступления в связи с должностью в государственных органах» [11].

Также среди стран романо-германской правовой семьи, где в уголовном кодексе не выделен отдельный раздел о преступлениях против правосудия, является Уголовный кодекс Нидерландов. В структуре УК Нидерландов ряд преступлений, уголовных проступков, посягающих на установленный порядок судопроизводства, содержатся в разделах, где предусмотрена уголовная ответственность за посягательства на различные группы отношений. В то же время в УК Нидерландов выделен отдельный раздел IX «Лжесвидетельство», где содержатся нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательство исключительно на установленный порядок судопроизводства в части установленного порядка дачи показаний, – за различные формы дачи заведомо ложных показаний [12].

В уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран, в главах (разделах) о преступлениях против правосудия, предусмотрена уголовная ответственность за деяния, которые в УК Украины рассматриваются как преступления в сфере служебной деятельности (подкуп, злоупотребление властью, служебный подлог). Так, в частности, в главе 4 «Посягательства на осуществление правосудия» раздела третьего книги четвертой УК Франции выделен состав преступления о подкупе судей, членов Арбитражного суда, присяжных заседателей, эксперта, переводчика (ст. 434-9) [3]. В УК Испании, в разделе XX «Преступления против судебной власти», в главе IX «Преступления против юрисдикции Международного уголовного суда», наряду с другими преступлениями, посягающими на установленный порядок судопроизводства, содержатся нормы, которые в УК Украины отнесены к преступлениям в сфере служебной деятельности: вымогательство или получение неправомерной выгоды должностным лицом Международного уголовного суда (ч. 7 ст. 471bis). Кроме того, в УК Ис-

пани отдельные преступления, специальными субъектами которых являются судьи, содержатся в главе XX «Преступления против Конституции». В частности, в главе III настоящего раздела, которая называется «Преступления, посягающие на государственные органы и разделение властей», в ст. 507, предусмотрена уголовная ответственность судьи или члена суда за присвоение себе распорядительных полномочий или препятствование их выполнению лицом, наделенным соответствующими полномочиями. Таким образом, используя терминологию, применяемую в украинском уголовном законодательстве, в данной статье УК Испании речь идет о превышении судейской власти, служебных полномочий. В ст. 509 УК Испании предусмотрена уголовная ответственность судьи за принятие незаконного решения, которое не решает дело по существу. В ст. 508 УК Испании предусмотрена уголовная ответственность должностного лица или государственного служащего за присвоение судебных полномочий или препятствование исполнению судебного решения. В части второй этой статьи предусмотрена уголовная ответственность должностного лица, государственного служащего или военного за посягательство на независимость судей или членов суда, гарантированное Конституцией, в частности, направление им инструкции, приказа или требования, связанных с делами и действиями, которые им поручены [6]. Таким образом, фактически посягательство на установленный порядок судопроизводства (так называемые «посягательство извне», как их обозначают некоторые ученые), в этой главе относится к так называемым «общим служебным» преступлениям.

В УК ФРГ некоторые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок судопроизводства, исполнения судебных решений, размещены в разделе тридцатом «Преступления в связи с должностью в государственных органах» наряду с другими преступлениями в сфере служебной деятельности. В частности, в этом разделе предусмотрена уголовная ответственность за такие посягательства: вынесение неправомерного приговора или решения (ст. 339 УК ФРГ), при-



нуждение к даче показаний (ст. 343 УК ФРГ), умышленное или заведомое преследование невиновного (ст. 344 УК ФРГ), исполнение приговоров в отношении невиновных (ст. 345 УК ФРГ), нарушение служебной тайны и специальной обязанности сохранения тайны, если таким деянием создается угроза важным общественным интересам (ст. 353b УК ФРГ), незаконное разглашение сведений о судебных разбирательствах (ст. 353d УК ФРГ), незаконное разглашение сведений об административной, юрисдикционной процедуре или уголовном производстве о преступлениях, являющихся налоговыми правонарушениями (ч. 1 ст. 355 УК ФРГ), одновременное предоставление адвокатом консультаций и правовой помощи противоположным сторонам в одном процессе (ст. 356 УК ФРГ) [11].

В УК Швейцарии ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на установленный порядок судопроизводства и исполнения судебных решений, которые совершаются должностными лицами с использованием ими служебного положения при исполнении служебных полномочий, содержится в разделе девятнадцатом УК «Преступные деяния против служебных и профессиональных обязанностей» (допущение побега в случае, если чиновник помогает совершить побег арестованному, заключенному или допускает побег (ст. 319 УК Швейцарии), нарушение должностным лицом служебной тайны, которую оно должно хранить в связи со своим служебным положением (ст. 320 УК Швейцарии), адвокатом, защитником, которые обязаны хранить тайну (ст. 321 УК Швейцарии).

Выводы. С учетом изложенного выше можно констатировать, что в уголовном законодательстве ряда стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье, нормы об уголовной ответственности за посягательство на установленный порядок судопроизводства и исполнения судебных решений, размещены как в разделах (главах) уголовных кодексов о преступлениях, посягающих на отношения в сфере судопроизводства и (или) исполнения судебных решений (преступления против правосудия), так и в разделах (главах), где законодатель разместил статьи, предусматривающие ответ-

ственность за преступления с другим родовым объектом.

Учитывая проведенный анализ, представляется правильным подход к систематизации норм об уголовной ответственности за преступления против правосудия в системе Особенной части уголовного закона по признаку видового объекта. Однако эта модель подходит для УК Украины частично – для группировки по этому критерию статей о преступлениях против правосудия в пределах раздела XVIII Особенной части УК Украины, что сегодня присутствует в действующем УК Украины. При этом следует отметить, что эта задача усложняется в связи с тем, что одно и то же преступление посягает на несколько видовых объектов, которые можно выделить в пределах родового объекта преступлений против правосудия (например, преступление, предусмотренное ст. 384 УК Украины).

Следует также отметить, что, как и в разделе XVIII Особенной части УК Украины, в соответствующих структурных частях ряда уголовных кодексов рассматриваемых стран размещены нормы о посягательствах с аналогичным родовым объектом, которым являются отношения по осуществлению судопроизводства и исполнения судебных решений. Подход украинского законодателя в отношении объединения в одном разделе Особенной части УК Украины норм об ответственности за посягательство как на отношения по осуществлению судопроизводства, так и на отношения по исполнению судебных решений, представляется правильным, учитывая их тесную связь.

Список использованной литературы:

1. Порівняльне правознавство: підручник / С.П. Погребняк, Д.В. Лук'янов, І. О. Биля-Сабадаш та ін.; за заг. ред. О. В. Петришина. – Х.: Право, 2012. – 274 с.
2. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права /А.А. Малиновский. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 376 с.
3. Criminal Code of the French Republic / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

4. Swiss Criminal Code / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19370083/201501010000/311.0.pdf>

5. Criminal Code of the Republic of Austria / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

6. Criminal Code of the Kingdom of Spain/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legislationline.org

7. The Penal Code of Poland / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imolin.org/doc/amlid/Poland_Penal_Code1.pdf

8. Criminal Code of the Republic of Bulgaria / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/res/cld/document/criminal-code-of-the-republic-of-bulgaria_html/Bulgaria_Criminal_Code_2010.pdf

9. The Criminal Code of Georgia / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/res/cld/document/Criminal_Code_of_Georgia/Georgia_Criminal_Code_full.pdf

10. Кримінальне право України: Особлива частина: підручник для студентів юрид. вузів / Г.В. Андрусів, П.П. Андрушко, С.Я. Лихова [за ред. П.С. Матишевського, С.С. Яценка, П.П. Андрушка]. – К.: Юрінком Інтер, 1999. – 896 с.

11. Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, amended 2013) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

12. Criminal Code of the Kingdom of Netherlands (1881, amended 2012) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legislationline.org

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Палюх Лидия Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Львовского национального университета имени Ивана Франко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paliukh Lidiya Mykhailovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Ivan Franko Lviv State University

Palyukh_l@ukr.net



УДК 342.9:351.74

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Оксана ПАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности полиции Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Рассмотрено теоретико-методологическое определение принципов обеспечения публичной безопасности в Украине, которые являются исходными положениями формирования и функционирования системы публичной безопасности как элемента, который является частью национальной безопасности, норм и правил поведения граждан, государственных и общественных институтов в этой сфере. Исследовано этимологию таких определений как «принципы обеспечения», «публичная безопасность», и на их основе выделено определение «принципы обеспечения публичной безопасности». Акцентировано внимание на необходимости создания действенного механизма реализации организационно-правовых принципов обеспечения публичной безопасности в Украине. Анализ административно-правовых принципов обеспечения публичной безопасности позволил поделить их на социально-правовые и организационно-правовые.

Ключевые слова: принципы обеспечения, публичная безопасность, правопорядок, правоохранительные органы, администрирование.

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROVIDING OF PUBLIC SAFETY

Oksana PANOVA,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Assistant Professor at the Department of Police Administrative Activities of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on theoretical and methodological definition of principles is considered providing the public safety in Ukraine, which are initial positions of forming and functioning of the system of public safety as an element, which is part of national safety, norms and rules of conduct of citizens, state and public institutes in this sphere. It is investigational, etymology of such determinations as “principles of providing”, “public safety”, and on their basis determination is selected “principles of providing the public safety”. Attention is accented on the necessity of creation the effective mechanism of realization the organizational principles of providing the public safety for Ukraine. Analysis the administrative and legal principles of providing the public safety, allowed to divide them by social-legal and organizational-legal.

Key words: principles of providing, public safety, law and order, law enforcement authorities, administration.

REZUMAT

Considerat definiție teoretică și metodologică a principiului asigurării siguranței publice în Ucraina, care este poziția inițială de constituire și funcționare a securității publice ca un element care face parte din securitatea națională, norme și reguli de comportament a cetățenilor, guvern și instituții publice în acest domeniu. Investigăm etimologia definiției, cum ar fi „principiile de securitate”, „siguranța publică”, și se bazează pe ele pentru a sublinia anumite „principii de siguranță publică.” Acesta a subliniat necesitatea de a stabili un mecanism eficient pentru punerea în aplicare a principiilor de organizare și juridice pentru asigurarea siguranței publice în analiza Ucraina a principiilor administrative și juridice pentru a asigura siguranța publică, a permis să le împartă în socio-juridice, organizatorice și juridice.

Cuvinte cheie: principii de securitate, securitate publică, de aplicare a legii, de aplicare a legii, de administrare.

Постановка проблемы. Геополитическая ситуация как внутри страны, так и за ее пределами, требует постоянного укрепления основ национальной безопасности. Проведение в стране административно-правовой реформы предусматривает последующее укрепление законности и правопорядка во всех областях жизни украинского общества. В связи с этим серьезное значение приобретает обеспечение общественной безопасности как неотъемлемого элемента национальной

безопасности. Создание эффективной защиты жизненно важных интересов граждан, общества и государства, в целом, привело к необходимости рассмотрения основ функционирования всего механизма принципов обеспечения общественной безопасности.

Состояние исследования. Теоретико-правовое обоснование обеспечения публичной безопасности и правопорядка рассматривались рядом ученых-административистов всего постсоветского пространства. Так, основы пу-

бличной безопасности и правопорядка были рассмотрены в трудах А. М. Бандурки, И. П. Веремеенка, И. П. Голосниченка, В. К. Гижевского, В. Л. Грохольского, Е. В. Додина, В. К. Колпакова, А. Т. Комзюка, Ю. И. Римаренка, А. Н. Подоляки и других. Частично вопросы, касающиеся обеспечения публичной безопасности и порядка, отражены практическими сотрудниками правоохранительных органов в периодической прессе, в журналах и выступлениях в средствах массовой инфор-



мации. Однако проведенный анализ источников дает основания говорить лишь о поверхностном рассмотрении вопросов определения принципов административно-правового обеспечения публичной безопасности в Украине. Таким образом, изложенное и определяет актуальность данной статьи.

Целью статьи является определение особенностей и путей усовершенствования принципов обеспечения общественной безопасности в Украине. Для достижения поставленной цели планируется решить такие задачи: проанализировать природу принципов административно-правового обеспечения общественной безопасности в Украине, определить пути усовершенствования использования административно-правовых принципов в организации обеспечения публичной безопасности в Украине.

Изложение основного материала. С целью полного и объективного рассмотрения вопросов, связанных с административно-правовыми принципами обеспечения общественной безопасности, необходимо осуществить обзор этимологии определений «административно-правовые принципы» и «общественная безопасность».

В соответствии со словарями [7, с. 229; 5] дефиниция «принципы» (от лат. *principium* – начало, основа) – основное исходное положение любой научной системы, теории, науки, политического строя, правил и норм поведения, определенных видов деятельности.

Как отмечает А. А. Пухтецкая, слово «принцип» в европейских странах стало употребляться еще со времен средневековья, беря свой корень от древнефранцузского слова «*principe*» и латинского «*principium*», которые, в свою очередь, происходят от латинского «*princeps*», что значит лидер, император [15, с. 11]. Обобщив разные мысли относительно сущности принципа, которые изложены в зарубежных справочно-энциклопедических источниках, А. А. Пухтецкая выделяет такие характеристики: а) принцип как основополагающая правда (истина), закон, доктрина или предположение, которое объединяет принцип как общее правило или стандарт, и принцип как совокупность моральных и этических стандартов; б) принцип как предопределенная политика или способ

действия; в) принцип как основа или необходимая качественная составляющая или элемент, который определяет внутреннюю природу или отдельные характеристики поведения; г) принцип как правило или закон, который касается функционирования естественных феноменов или механических процессов [8, с. 21].

Соглашаясь с приведенным пониманием сущности принципов, полезным будет навести рассуждение А. М. Бандурки и А. Н. Литвинова, которые правильно обращают внимание на механистический срез представления о принципе как об основе строения, действия любого механизма. Такое его осмысление, отмечают ученые, наделяет нас осознанием того, что, осуществляя деятельность криминолога, необходимо знать ее внутреннее, имманентные качества, взаимосвязь элементов и другие свойственные ей особенности, которые имеют значение для правильного понимания ее сути. При исследовании любой деятельности по противодействию преступности, следует признать методологически правильное утверждение о наличии соответствующего механизма реализации целей и задач системы, а также о степени влияния на функционирование механизма принципов. При этом понятие руководящего положения, установки в системе деятельности, дает основание считать, что для субъектов, связанных с реализацией, чью деятельность они регламентируют, принципы являются приказом к действию [2, с. 91]. Н.А. Ярмиш акцентирует внимание на том, что принципы деятельности при таком видении выступают руководящими началами, то есть направляют субъектов за определенной матрицей, алгоритмом, блоки которых содержательно могут быть наиболее разнообразными, выражать направленность на выполнение неоднородных заданий [18, с. 125].

В.К. Колпаков во время рассмотрения принципов государственного управления обращает внимание на то, что принципы государственного управления – это его позитивные закономерности, которые познаны наукой и практикой, а также охарактеризованы (зафиксированы, закреплены) в соответствующих понятиях, что признаками принципа управления является: принадлежность к познанным позитив-

ным закономерностям; зафиксированность, закреплённость в общественном сознании, которое осуществляется в правовой форме, чаще всего в виде соответствующих юридических норм. В.К. Колпаков выделяет следующие принципы государственного управления: 1) социально-политические – демократизм, участие населения в управленческой деятельности государства; равноправие лиц разных национальностей; равенство всех перед законом; законность; гласность и учет общественного мнения; объективность; 2) организационные принципы построения аппарата государственного управления – отраслевой, функциональный, территориальный; 3) организационные принципы функционирования аппарата государственного управления – нормативность деятельности, единоначалие, коллегиальность, разделение управленческого труда; ответственность за принятые решения; оперативная самостоятельность. В.К. Колпаков социально-политические принципы определяет как самые общие принципы государственно-управленческой сферы, которые распространяются на все виды исполнительно-распорядительной деятельности и все функционирующие в государстве управленческие структуры [6, с. 21-22; 10, с. 74].

Что касается определения «общественная безопасность», то тут следует отметить, что категориальный аппарат определения «публичная безопасность» сегодня законодательно не определен, но анализ нормативно-правовых актов и разных точек зрения ученых позволяет утверждать об однородности понятий «общественная безопасность» и «публичная безопасность» [12, с. 136].

Однако следует отметить, что ученые также дают разное толкование понятию «общественная безопасность». Одни ученые определяют общественную безопасность как систему связей и отношений, которые складываются в соответствии с технико-юридическими нормами, при использовании объектов, которые представляют повышенную опасность для жизни и здоровья людей, имущества государственных и общественных организаций и граждан, при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями или другими чрезвычайными обстоятельствами



[13, с. 78]. Ученые указывают также, что общественной безопасностью является урегулированная система общественных отношений, которые обеспечивают предотвращение негативных проявлений стихийных сил природы (наводнений, землетрясений, эпидемий, пожаров и так далее), а также источников повышенной опасности [17, с. 5].

А.В. Басов и А.И. Парубов определяют, что содержание общественной безопасности вмещает в себя те общественные отношения, которые возникают во время реализации правовых и технических норм, которые направлены на обеспечение безопасности населения, а также связаны с предупреждением опасных угроз для жизни и здоровья людей [3]. В целом соглашаясь с учеными, хотим обратить внимание на то, что обеспечение общественной безопасности должно быть не только при реализации правовых или технических норм, а и при создании стабильных условий для потенциально опасной реализации таких норм [12, с. 135].

Таким образом, выше изложенное позволяет сделать вывод о том, что принципы административно-правового обеспечения публичной безопасности – это руководящие требования, которые предъявляются к общественным отношениям, которые возникают во время реализации субъектами обеспечения публичной безопасности возложенных на них полномочий в данной сфере, и призванные реализовать принципы обеспечения безопасности населения и государства в целом как элемента национальной безопасности Украины.

Ввиду того, что процесс формирования сферы обеспечения публичной безопасности в Украине еще не завершен, наиболее приемлемым подходом будет систематизация принципов отдельно правовых и отдельно организационных. Это будет способствовать совершенствованию правовой и организационной системы обеспечения публичной безопасности.

К правовым принципам обеспечения публичной безопасности целесообразно включить следующие: законность; приоритет норм международного права над национальным законодательством [9, с. 170].

Рассмотрим каждый из перечисленных правовых принципов:

– принцип законности в обеспечении публичной безопасности. Законность – это режим соответствия общественных отношений законам, подзаконным нормативно-правовым актам государства, который образуется в результате их неуклонного осуществления всеми субъектами права [16, с. 104]. В рамках публичной безопасности данный принцип находит свое закрепление в Конституции Украины, Кодексе Украины об административных правонарушениях, Законе Украины «О Национальной полиции» и еще в других законах и подзаконных нормативно-правовых актов;

– принцип приоритета норм международного права над национальным законодательством. Данный принцип приобрёл свою актуальность в связи с взятим Украиной вектором на вступление в ЕС. Все это ведет к тому, что в наше законодательство должны быть полностью имплементированы нормы ЕС, касающиеся основ обеспечения общественной безопасности.

К организационным принципам обеспечения публичной безопасности можно отнести следующие: объективность; научный подход к организации публичной безопасности; комплексный подход; непрерывность обеспечения публичной безопасности; персональная ответственность; совмещение общегосударственного и децентрализованного контроля [9, с. 172];

– принцип объективности обеспечения общественной безопасности. Социальные процессы в сфере безопасности протекают в соответствии с объективными законами развития общества. Поэтому от субъекта обеспечения безопасности необходимо осознание и умелое использование объективных закономерностей, учет реальных возможностей, фактического состояния безопасности. Эти требования и составляют суть принципа объективности [1, 218];

– принцип научного подхода к организации публичной безопасности. Выражается в употреблении научных методов сбора, анализа и синтеза информации о состоянии публичной безопасности и других сведений, необходимых для надлежащего обеспечения безопасности. Научность предусматривает тщательный анализ информации, выявление актуальных проблем, прогнози-

рование, программирование, перспективное планирование мероприятий по обеспечению безопасности, выработки оптимальных вариантов решения проблем, избрания наиболее эффективных путей, средств и способов реализации намеченных программ.

– принцип комплексного подхода – это эффективное использование сил, средств, способов и методов обеспечения публичной безопасности, для решения поставленных задач в зависимости от конкретной ситуации, которая складывается, и наличия факторов, которые ослабляют или усиливают угрозу [4];

– принцип непрерывности обеспечения публичной безопасности. Означает, что обеспечение сферы публичной безопасности должно осуществляться постоянно. Так, например, ст. 12 Закона Украины «О Национальной полиции» [14] говорит о том, что полиция обеспечивает непрерывное и круглосуточное выполнение своих задач, а одной из основных ее задач как раз и является оказание услуг в сфере обеспечения общественной безопасности;

– принцип персональной ответственности. Наиболее эффективное распределение задач по обеспечению общественной безопасности между органами государственной власти и иными субъектами обеспечения публичной безопасности, с определением степени ответственности за полноту и качество их выполнения;

– принцип совмещения общегосударственного и децентрализованного контроля. Децентрализацию и централизацию можно рассматривать как определенные действия относительно увеличения или уменьшения количества полномочий и ответственности органов власти ее структурных подразделений или должностных лиц, которые находятся на разных иерархических уровнях той или иной системы управления [11, с. 226]. Данный принцип при обеспечении общественной безопасности позволяет разграничить сферы влияния, тем самым абстрагироваться от дублирования полномочий и неясностей в конкретной ситуации.

Выводы. Таким образом, принципы административно-правового обеспечения публичной безопасности образуют систему, в которой они так или



інаше взаємозв'язані. Ефективність забезпечення публічної безпеки досягається використанням всієї системи принципів і кожного з них окремо. В той же час виділення того чи іншого принципу з системи дозволяє конкретно визначити роль кожного принципу, який об'єднує їх практичне використання.

Крім того, внаслідок провозглашеного євроінтеграційного курсу реформ особливе значення набуває європейське розуміння сутності принципів забезпечення публічної безпеки. Тому в наступних дослідженнях необхідно вивчити досвід європейських країн щодо принципів реалізації забезпечення публічної безпеки і конкретні приклади їх застосування в національній практиці.

Список использованной литературы:

1. Адміністративне право України: академ. курс: підруч. для студ. юрид. спец. ВНЗ/ НАН України; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького / Вадим Борисович Авер'янов (відп. ред.). – К.: Юридична думка, 2007. – Т. 1: Загальна частина. – 591 с.
2. Бандурка О.М. Протидія злочинності та профілактика злочинів: монографія/ О.М. Бандурка, О. М. Литвинов; МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. – Х.: ХНУВС, 2011. – 308 с.
3. Басов А.В. Забезпечення громадської безпеки: поняття та зміст / А.В. Басов. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://aplaw.knu.ua/index.php/arkhivnomeriv/2-2-2012/item/52-zabezpechennya-hromadskoyibezpeky-rupuattya-ta-zmist-basov-a-v>.
4. Бурцева К.А. Підвищення рівня інформаційної безпеки за допомогою організаційних заходів на комерційних підприємствах [Електронний варіант]. – Режим доступу: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/1673/6.pdf?sequence=1>
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінськ: ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.
6. Колпаков В.К. Адміністративне право України: підруч. / В. К. Колпаков. – К.: Юрінком Інтер, 1999. – 736 с.
7. Короткий тлумачний словник української мови / за ред. Д. Г. Гринчишина. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Рад. шк., 1988. – 320 с.
8. Криворучко І. В. Визначення поняття принципів адміністративної процедури в науці державного управління/ І.В. Криворучко //Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. Серія: Державне управління. – 2016. – № 1. – 20-25 с. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vnaddy_2016_1_5.
9. Олійник О.В. Принципи забезпечення інформаційної безпеки України/ О.В. Олійник// Науковий вісник Ужгородського національного університету: Серія: Право / гол. ред. Ю.М. Бисага. – Ужгород: Говерла, 2012. – Вип. 18. – 170-173 с.
10. Олійник О.В. Принципи забезпечення інформаційної безпеки України/ О.В. Олійник// Юридичний вісник – 2016 – № 4 (41). – 72-78 с.
11. Онупрієнко А.М. Принципи централізації та децентралізації в територіальній організації влади/ А.М. Онупрієнко//Форум права. – 2014. – № 4. – 224-227 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: file:///C:/Users/Sony/Downloads/FP_index.htm_2014_4_40.pdf
12. Панова О.О. Поняття, зміст та значення публічної безпеки та порядку/ О.О. Панова// Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Право» – 2016. – № 6, Т.2. – 133-136 с.
13. Попов Л.Л. Адміністративне право и административная деятельность органов внутренних дел/Л.Л. Попов, А.П. Коренев, В.А. Круглов. – М.: Акад. МВС СССР, 1990. – 223 с.
14. Про Національну поліцію: Закон України від 02.07.2015 № 580-VIII// Відомості Верховної Ради, 2015, № 40-41. – 379 с.
15. Пухтецька А. А. Європейські принципи адміністративного права: монографія / А. А. Пухтецька; за заг. ред. д-ра. юрид. наук, проф. В. Б. Авер'янова. – 2-ге вид., доопрац. і допов. – К.: Логос, 2014. – 237 с.
16. Рабинович М.П. Основи загальної теорії права та держави. – К., 1994. – 104 с.
17. Разаренов Ф.С. Организационно-правовые основы охраны обще-

ственного порядка и обеспечение безопасности на транспорте / Ф.С. Разаренов, А.С. Прудников. – М.: Высш. юрид. заоч. шк. МВД СССР, 1990. – 44 с.

18. Ярмаш Н. О. Принципи забезпечення громадської безпеки / Н.О. Ярмаш//Наше право. – 2015. – № 6. С. 124-129. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nashp_2015_6_21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панова Оксана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности полиции Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panova Oksana Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Police Administrative Activities of Kharkiv National University of Internal Affairs

Panova_oksana@ukr.net



УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АГРАРНОЙ НАУКИ УКРАИНЫ

Анна ПАХОМОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белоцерковского национального аграрного университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению основных административных аспектов развития аграрной науки в условиях реформирования агропромышленного комплекса. Проанализированы основные цели и задачи становления науки в аграрной сфере на современном этапе. Осуществляется анализ нормативных актов, концепций развития аграрной науки и образования с целью выведения основных этапов реформирования науки в аграрной сфере, определения позитивных и негативных моментов таких инициатив. Очерчены приоритетные пути развития науки в аграрном секторе Украины с целью дальнейшего привлечения инвестиций в инновационные процессы повышения эффективности аграрного производства.

Ключевые слова: аграрная наука, реформирование научного сектора, инновационное развитие, аграрно-промышленный комплекс, аграрная сфера.

LEGAL ASPECTS OF REFORMING THE AGRARIAN SCIENCE OF UKRAINE

Anna PAKHOMOVA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Department of Civil Law of the Bila Tserkva National Agrarian University

SUMMARY

The article is devoted to the definition of the main administrative aspects of the development of agrarian science in the conditions of reforming the agro-industrial complex. The main goals and tasks of the development of science in the agrarian sphere at the present stage are analyzed. The analysis of normative acts, concepts of development of agrarian science and education is carried out with the purpose of deducing the main stages of science reform in the agrarian sphere, determining the positive and negative aspects of such initiatives. Priority ways of development of science in the agrarian sector of Ukraine are outlined with the aim of further attracting investments in innovative processes to increase the efficiency of agricultural production.

Key words: agrarian science, reforming of the scientific sector, innovative development, agrarian and industrial complex, agrarian sphere.

REZUMAT

Articolul este dedicat definirii principalelor aspecte administrative ale dezvoltării științei agrare în condițiile reformării complexului agroindustrial. Se analizează obiectivele și sarcinile principale ale dezvoltării științei în sfera agrară în stadiul actual. Analiza actelor normative, a conceptelor de dezvoltare a științei agrare și a educației se realizează cu scopul de a deduce principalele etape ale reformei științifice în sfera agrară, determinând aspectele pozitive și negative ale unor astfel de inițiative. Căile prioritare de dezvoltare a științei în sectorul agrar din Ucraina sunt prezentate cu scopul de a atrage în continuare investiții în procese inovatoare pentru creșterea eficienței producției agricole.

Cuvinte cheie: știința agrară, reformarea sectorului științific, dezvoltarea inovativă, complexul agrar și industrial, sfera agrară.

Постановка проблемы. Сейчас происходит посткризисное переформатирование на мировой экономической арене. Появляются новые вызовы, на которые нужно реагировать, и новые возможности, которые нужно использовать. У Украины есть большой шанс, вовремя перегруппировав силы и средства, встроиться в новую волну глобального сельскохозяйственного производства и занять достойное место среди других стран.

На данном этапе реформирование агропромышленного комплекса Украины невозможно без научного обоснования приоритетных для страны направ-

лений развития отраслей сельского хозяйства.

Совершенствование организационной структуры аграрной науки в целом позволит оптимизировать расходы из государственного бюджета на научные исследования и обеспечит более высокий уровень эффективности их использования, позволит создавать научно-техническую продукцию для агропромышленного комплекса по отраслевому принципу и определит возможность эффективного трансфера по территориальному принципу.

Состояние исследования. Основопологающие идеи регулирования

научно-инновационных отношений, в том числе и в аграрной сфере, заложены в работах зарубежных ученых, таких как И. Шумпетера, П. Самуэльсона, Ф. Хайека, М. Поттера. Отдельные аспекты этой проблемы исследовались в трудах П.И. Гайдюка, М.З. Згуровского, П.Т. Саблука, В.В. Снитинского и других украинских правовиков.

Вместе с тем их исследования в большей части лишь косвенно касаются вопросов реформирования именно аграрной науки, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной сферы правовых отношений.



Целью и задачей статьи является анализ структуры административно-правового регулирования научной деятельности аграрной сферы и определение путей совершенствования определенных отношений.

Изложение основного материала. Отечественная аграрная наука уже долго находится в фазе стагнации. В советское время ее развитие постоянно стимулировалось различными видами помощи со стороны государства. Но за время независимости Украины наука постепенно и стабильно испытывала упадок. Чтобы сдвинуть ситуацию с мертвой точки, Национальной академией аграрных наук Украины было инициировано проведение новой реформы аграрной науки [1].

Трехсторонняя интеграция науки, образования и производства – это, по сути, ключевое направление развития экономики знаний, так как она позволяет эффективно решить задачу комплексного своевременного обеспечения инновационных процессов. Она выстраивается на принципах симбиоза, обоюдного развития, релевантности, функциональности, коммутации и совместимости [2, с. 12].

В условиях развития интеграционных процессов в сфере аграрного образования, науки и производства наибольшее распространение получили ассоциации и автономные некоммерческие организации (они представлены университетскими и академическими комплексами, научно-образовательными центрами, информационно-консультационными службами), государственные научные учреждения (представлены научно-исследовательскими институтами), общества с ограниченной ответственностью (представлены малыми инновационными предприятиями, агрофирмами), акционерные общества и кооперативы (представлены агрохолдингами, производственными сельскохозяйственными кооперативами, потребительскими закупочными, снабженческими, обслуживающими, кредитными кооперативами и др.). Многообразие организационных форм в сфере развития интеграционных процессов аграрного образования, науки и производства связаны с особенностями сельскохозяйственного производства, различным характером научных учреждений, внедряющих формирова-

ний, консультативных структур и их связи с сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Вступление в силу новых законов Украины «Об образовании» и «О научной и научно-технической деятельности» создало возможность изменить подходы к привлечению инвестиций в науку. Сегодня мы можем говорить о поисках новых действенных моделей государственно-частного партнерства, что позволит обеспечивать научные разработки с помощью различных источников финансирования.

Концепция реформирования и развития аграрного образования и науки в 2011 году определила, что современное состояние экономики страны требует создания новой системы инновационного развития агропромышленного сектора «аграрное образование – аграрная наука – аграрное производство» и углубления сотрудничества центральных и местных органов исполнительной власти в решении вопросов функционирования и развития аграрного образования и науки.

Целью реализации Концепции должна стать интеграция академической и университетской аграрной науки путем реформирования высших аграрных учебных заведений и научных учреждений Национальной академии аграрных наук с использованием их потенциала с целью создания с учетом природно-климатических зон региональных учебных научно-производственных комплексов как центров учебно-научного и кадрового обеспечения агропромышленного комплекса Украины [3].

Однако, к сожалению, процесс реформирования задерживается из-за хронического недофинансирования аграрной науки. А отсутствие общегосударственной стратегии инновационного развития привело к тому, что Национальную академию аграрных наук в очередной раз втягивают в дискуссии о необходимости паевания и приватизации значительной части ее земельного фонда.

Основным требованием современности является необходимость завершения реформирования аграрной науки, так, как это предписано Национальной академией аграрных наук (НААН) в государственной Концепции реформирования аграрной науки. Стра-

тегической целью реформирования аграрной науки является обеспечение оптимизации научного, земельного и имущественного потенциала НААН, усиление инновационности научного продукта ее научно-исследовательских учреждений, повышение эффективности деятельности экспериментальной базы.

Среди основных направлений реформирования можно выделить:

- оптимизация научной инфраструктуры в стране;
- совершенствование организационных форм деятельности научных учреждений;
- координация научных исследований отраслей АПК учеными научных центров НААН;
- улучшение системы финансирования из-за существенного роста конкурсной (грантовой) составляющей;
- введение критериев оценки научной деятельности всех уровней;
- совершенствование кадровой политики благодаря системе объективной аттестации и введения соответствующего стимулирования.

Реформу аграрной науки следует разбить на несколько этапов, среди которых первым должен стать антикризисный этап, призванный остановить катастрофическое падение в сфере аграрной науки. Для этого следует провести независимый аудит деятельности организаций НААН, отраслевых институтов Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, а также вузов, работающих в аграрной сфере.

Целесообразно разработать изменения в нормативно-правовую базу и предложения по системе экономических стимулов научной деятельности (финансово-кредитных, налоговых, страховых и т.д.).

Следующей целью антикризисных мер должно стать укрепление взаимодействия между аграрными академическими и образовательными учреждениями, усиление связей науки с общественными профессиональными организациями и бизнесом. Для этого уместным представляется:

- создание Межведомственного наблюдательного совета по формированию научной платформы по координации научных исследований в области АПК;



– содействие объединению ученых в общественные научные организации (научные общества, ассоциации, союзы) для развития соответствующих направлений науки, обмена опытом;

– расширение перечня дорадничских услуг учреждений Академии с использованием современных технологий (онлайн-консультации, моделирования и прогнозирования кризисных явлений в сфере АПК с использованием средств визуализации, демонстрационные видео-курсы и т.п.);

– разработка нормативных актов по установлению порядка лицензирования научно-исследовательских учреждений на проведение ими образовательной деятельности в сфере последиplomного образования, в частности повышение квалификации педагогических и научно-педагогических работников и специалистов АПК [3].

Создание эффективной системы внебюджетного финансирования научной деятельности, в том числе через активизацию участия ученых Академии в конкурсных проектах, а также разработка предложений нормативно-правовых актов, направленных на упрощение ведения государственно-частного партнерства, должно стать весомым вкладом в реальное реформирование аграрной науки.

Привлечению иностранных инвестиций в виде как денежного, так и интеллектуального капитала, должна служить интеграция украинской науки в мировое и, в частности, европейское исследовательское пространство. Это становится возможным через выполнение совместных международных проектов и повышения публикационной активности ученых-аграриев.

Второй этап реформирования должен направляться на обеспечение расширенного экономического воспроизведения, результатом которого станет постепенный переход от организации научных исследований за бюджетное финансирование к широкому использованию грантов и международных средств.

Последний этап определяется как период максимального инвестиционного роста. В это время должно произойти преобразование предприятий опытно-производственной базы Национальной академии аграрных наук Украины на структуры инновационного типа,

чтобы разрабатывать новые технологии, которые станут объектами права интеллектуальной собственности. Тем более, что методы такого преобразования уже прописаны в одобренном Законе Украины «О научной и научно-технической деятельности».

Указанные подходы были учтены при подготовке Единой комплексной стратегии развития сельского хозяйства и сельских территорий на 2015–2020 годы, над разработкой которой плодотворно работали специалисты Минагрополитики, международные эксперты и ученые НААН [4].

Несмотря на существование древних традиций и заслуженной репутации система аграрной науки в Украине нуждается в усовершенствовании, в частности из-за низкого уровня интеграции теоретических и прикладных исследований, отсутствия обратной связи между научными исследованиями, аграрным образованием, консультативными услугами и реальными потребностями фермеров и субъектов агробизнеса. В результате в большинстве случаев уровень разработок украинской аграрной науки значительно отстает от аналогичных разработок в развитых странах мира, научные исследования имеют незначительное финансирование из государственного бюджета при почти полном отсутствии финансирования со стороны бизнеса. Ученым в Украине сейчас не хватает квалификации для того, чтобы интегрироваться в мировое научное аграрное сообщество [5, с. 13].

Именно поэтому главной целью Стратегии стало повышение качества и эффективности аграрной науки путем реформирования и оптимизации государственных научно-исследовательских учреждений, исходя из потребностей сельскохозяйственных производителей, и с целью обеспечения создания ими инноваций мирового уровня.

Одним из приоритетных мероприятий определяется актуализация и обсуждение Концепции инновационной политики в сельском хозяйстве, а также реформирования аграрной науки на основе инновационной модели.

В рамках указанных мероприятий НААН совместно с Минагрополитики разработало Концепцию реформирования аграрной науки на основе инновационной модели. Целью Концепции

является создание необходимых организационных, правовых и финансовых предпосылок для формирования благоприятной научной институциональной среды аграрной науки и развития ее до уровня, который соответствовал бы мировым достижениям с сохранением имеющегося исследовательского потенциала, обновлением подходов и усилением эффективности аграрной науки и технологии.

В рамках Стратегии предложено определение оптимального варианта решения проблемы на основе сравнительного анализа возможных вариантов. Таким образом, реформирование аграрной науки может осуществляться по трем вариантам.

Первый – сохранение неэффективных подходов к системе управления и существующего уровня бюджетного финансирования аграрной науки не будет способствовать развитию науки и не удовлетворит потребность агропромышленного комплекса страны в научных знаниях и новых технологиях

Второй – существенное увеличение объемов бюджетного финансирования фундаментальных исследований, прикладных научных и научно-технических разработок не учитывает финансовые возможности государства и не изменит подходов к управлению и внедрения научных разработок в производство.

Третий – совершенствование системы управления аграрной наукой и подходов к формированию приоритетных направлений исследований и их финансирования, что будет способствовать повышению инновационного потенциала аграрной науки, перехода к финансированию научно-технических разработок преимущественно по результатам проведения открытых конкурсов инновационных проектов, улучшению взаимодействия между научными учреждениями и агробизнесом, другими заинтересованными сторонами.

Третий вариант считается оптимальным, поскольку обеспечит создание необходимых организационных, правовых и финансовых предпосылок для формирования благоприятной научной институциональной среды аграрной науки и развития ее до уровня, который бы соответствовал мировым достижениям с сохранением имеющегося исследовательского потенциала [6].



Выводы. Таким образом, сегодня необходимо продолжить и довести до конца реформирование аграрного образования и науки, в связи с этим нужно и в дальнейшем осуществлять оптимизацию количества аграрных вузов, интеграцию научных и образовательных учреждений, увеличение количества студентов, создание эффективной системы повышения квалификации кадров и повышения качества образования до европейского уровня.

Министерством аграрной политики и продовольствия Украины определены семь регионов, где будут созданы учебные научно-производственные комплексы – Донбасский, Слободской, Подольский, Прикарпатский, Южный, Таврический и Полесский. Как сообщил заместитель Министра аграрной политики и продовольствия Сень А.В., «при формировании такого распределения учитывались природный и ресурсный потенциалы регионов, площадь пашни, тип климата, численность населения, доля сельского населения, преобладающие отрасли сельского хозяйства, поголовье скота и т.д.».

Также установлено, что в рамках Концепции развития сельских территорий, которая сейчас разрабатывается министерством, на базе таких комплексов будет происходить обучение лидеров сельских территориальных общин, будут разрабатываться модели различных форм хозяйствования для сельскохозяйственных домохозяйств и предоставляться информационно-консультативные услуги сельскому населению [7].

Выполнение указанных программ, обеспечение агропромышленного комплекса страны конкурентоспособной научно-технической продукцией невозможно без осуществления перераспределения приоритетов финансирования научной сферы Национальной академией аграрных наук Украины. Основным путем должна стать концентрация финансовых ресурсов на прикладных и инновационных разработках ее научных учреждений, повышение технологического уровня экспериментальной базы опытных хозяйств и улучшение их материально-технического обеспечения за счет привлечения государственных и частных инвестиций.

Веление времени – повышение эффективности национальной инноваци-

онной системы путем экономического стимулирования и законодательно-нормативного обеспечения результативности функционирования инфраструктуры инновационной деятельности, в частности в области АПК. В этом направлении нуждается в совершенствовании существующая система внедрения в производство современных селекционных достижений НААН. Также необходимы разработки действенных механизмов государственного партнерства в научно-технической и инновационной сферах.

Список использованной литературы:

1. Назаренко А. Реформа аграрной науки: тотальное скорочення чи оптимізація? [Електронний ресурс] / Анна Назаренко // Пропозиція. – 2011. – Режим доступу: <http://propozitsiya.com/ua/reforma-agrarnoyi-nauki-totalneskorochennya-chi-optimizaciya>

2. Саакья М.К. Развитие интеграционных процессов в системе «агрообразование – агронаука – агропроизводство»: автореф. Дис. канд. экон. наук: спец. 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – АПК и сельское хозяйство) / М.К. Саакья. – Екатеринбург, 2011. – 34 с.

3. Про схвалення Концепції реформування і розвитку аграрної освіти та науки: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 6 квітня 2011 р. // Офіційний вісник України. – 2011. – № 26. – Ст. 1087.

4. Стратегія розвитку аграрного сектору економіки України (проект) [Електронний ресурс] / Міністерство аграрної політики та продовольства України // Програма від 2013. – Режим доступу: <http://minagro.gov.ua/node/7644>.

5. Присяжнюк М.В. Реформування аграрної науки – об'єктивні передумови та веління часу / М.В. Присяжнюк // Вісник аграрної науки. – 2011. – № 10. – 12-13 с.

6. Баян Ануш. Як реформувати аграрну науку [Електронний ресурс] / Ануш Баян // AgroPolit. – 2016. – Режим доступу: <http://www.kaletnik.com.ua/novini/43.html>

7. Калетнік Г.М. Про хід виконання програми реформування аграрної освіти та науки [Електронний ресурс] / Г.М.Калетнік // Аналітика. – Режим доступу: <http://www.kaletnik.com.ua/novini/43.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Александровна Пахомова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белоцерковского национального аграрного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna Alexandrovna Pakhomova – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law of the Bila Tserkva National Agrarian University

pakhomova_a@ukr.net



UDC 387.37.65

STATE ADMINISTRATION OF PROFESSIONAL GROWTH OF PEDAGOGICAL EMPLOYEES IN FOREIGN COUNTRIES: EXPERIENCE FOR UKRAINE

Milana PAKHOMOVA,

Candidate of the Chair of Humanitarian Disciplines
of the Donetsk State University of Administration

SUMMARY

The article analyzes the peculiarities of state administration of the professional growth of pedagogical workers in the United States, Great Britain, Germany and France, based on that elements of effective state management of professional development abroad are proposed that can be used during the reform of the Ukrainian education sphere.

Key words: state administration of professional growth of pedagogical employees, effective mechanisms of state administration, advanced training, attestation.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РОСТОМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ

Милана ПАХОМОВА,

соискатель кафедры гуманитарных дисциплин
Донецкого государственного университета управления

АННОТАЦИЯ

В статье осуществлен анализ особенностей государственного управления профессиональным ростом педагогических работников в США, Великобритании, Германии и Франции, на основе которого предложены элементы эффективного государственного управления профессиональным развитием за рубежом, которые могут использоваться во время реформирования украинской сферы образования.

Ключевые слова: государственное управление профессиональным ростом педагогических работников, эффективные механизмы государственного управления, повышение квалификации, аттестация.

REZUMAT

Articolul analizează caracteristicile de guvernare de dezvoltare profesională a cadrelor didactice din Statele Unite ale Americii, Marea Britanie, Germania și Franța, pe baza cărora elementele propuse ale bunei guvernări de dezvoltare profesională în străinătate, care pot fi utilizate în timpul reformei învățământului din Ucraina.

Cuvinte cheie: managementul statului de creștere profesională a lucrătorilor pedagogici, mecanisme eficiente ale administrației de stat, îmbunătățirea calificării, atestarea.

Presentation of the problem. For modern Ukraine the desire for change is inherent. The branch of education is one of the most important spheres, because it affects the consciousness of the new generation and the formation of intellectual potential of the nation. Therefore, the emphasis of the state and society on the quality of staffing in educational institutions is appropriate and timely. Most countries in Europe and the United States have already completed major educational reforms and have some experience, that can be adapted to the Ukrainian educational environment.

The topicality of the issue of improving mechanisms of public administration by the professional development of pedagogical employees is conditioned

by the adoption of the new Law of Ukraine "On Education", modernization changes in the educational sphere and the modern requirements of the state and society to the figure of the teacher as an "agent of change" in the Ukrainian educational environment. It attracted attention to the foreign experience of public administration by the professional development of pedagogical employees.

Purpose: to analyze the peculiarities of public administration by the professional development of pedagogical employees, as a result to determine which elements of foreign models of professional development can be adapted in Ukrainian realities.

Statement of basic materials. Changing the paradigm in teacher training

and further professional development led to the need to improve the processes associated with professional development and teacher's career. It is depicted in the Law of Ukraine "On Education" (2017), the Law of Ukraine "On Higher Education" (2014), the National Strategy for the Development of Education in Ukraine for the period up to 2021 (2013), the Branch Concept for the Development of Continuing Pedagogical Education (2013), the Strategy of Sustainable Development "Ukraine-2020" (2014), Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine "On Approval of the National Qualifications Framework" (2011), international documents: "Common European Principles and Approaches to Teacher Competencies and Qualifications"



(2005), Recommendations of the European Parliament and the Council Europe concerning the formation of key competencies of education throughout life (2006), "Improving the Quality of Pedagogical Education" (2007), "Improving Competences for the 21st Century: An Agenda for European Cooperation in School Education"(2008).

In accordance with the Law of Ukraine "On Education" of 2017, education is defined as a state priority, which ensures innovative, socio-economic and cultural development of society [1]. Thus, problem of professional competence of pedagogical employees is a matter of state importance.

Scientific researches of Mr. G. Atamanchuk, Mr. V. Bakumenko, Mr. A. Voloshchuk, Mr. A. Iordanov, Mr. V. Lugovy, Mr. V. Kremin, Mr. V. Oliynyk, Ms. N. Protasova, Mr. M. Romanenko, Mr. K. Romanenko, Mr. V. Shvidun and others are dedicated to issues of the state administration of professional development of pedagogical employees in Ukraine. Foreign professional development models were researched Mr. S. Sinenko, Mr. N. Mukan, Mr. T. Desiatov, Mr. N. Avshenyuk, Ms. L. Pukhovskaya and others. However, the amendment of legislation outlined new approaches to the research of this issue.

Undoubtedly, the new Law of Ukraine "On Education" No. 2145-VIII of September 5, 2017 stipulated significant changes in education, but also contributed to the emergence of issues in the professional development of teachers, which nowadays teachers or school chiefs have no clear answers to:

- the emergence of new types of education - informal, informational (Article 8 of part 1 of the Law of Ukraine "On Education") – and the lack of a tool for legitimizing the results of such education at the state level;

- determination of the necessity of professional standards (Article 39 of part III of the Law of Ukraine „On Education”), – in the absence of the State Professional Standard of the teacher;

- definition of adult education as a "component of life-long education, that aims at implementing the right of every adult to continuous education, taking into account his or her personal needs, priorities of social development and the needs of the economy" (paragraph 2 of

Article 10 of part II of the Law of Ukraine "On Education"), – in the absence of the law "On Education of Adults";

- the separation of specialized secondary education into a separate level of education (in accordance with paragraph 2 of Article 10 of Part II of the Law "On Education", paragraph 3 of Article 12 of the part II of the Law of Ukraine "On Education") – and the lack of qualification requirements and level of competence a teacher, who will work in this school, recognized by the state of subjects, who will prepare a specialist of this level;

- proclamation of the certification of pedagogical employees (Article 51 of part III of the Law of Ukraine "On Education") in the absence of tools for the implementation of this procedure, etc. [1].

European countries and the USA have already passed the stages, that take place in the Ukrainian educational environment, so we can draw attention to certain trends of public administration by professional development of education employees.

The issue of the quality of training of branch employees in American pedagogical institutions of education is controlled by the state, which is implemented in the requirement for graduates of the higher education to pass exam on professional compliance. Thus, obtaining a diploma of a pedagogical university in the USA is not an admission to work in educational institutions. A novice teacher receives a temporary license and works for several years under the guidance of an experienced colleague until he demonstrates an independent level of professional skills. Professional compliance is determined by testing of the knowledge of the state (English) language, mathematics (regardless of the chosen specialty) and creative work. While moving to another state, the competitor must pass tests again.

An American teacher who wants to receive higher salaries can apply to the National Board for Professional Teaching Standards, and if he successfully passes exams, he will receive a national license that will enable him to work in any US state [2].

In US normative documents, the concept of "postgraduate education of a teacher" is defined as "the professional growth of teachers, which is achieved as a result of obtaining extensive practical

experience and systematic study of teaching experience" [3].

The concept of "continuous professional development", instead of which the concept of "in-service training" and "on-the-job training" were used, is wider than the previous two and defines a fundamentally different approach, because the subject of education (training) is a mentor, and the subject of professional development is the teacher himself [4, p.291], that is, the essence of the process of raising skills of the teacher is radically changing, because the main task becomes not the transfer of knowledges, but the creation of conditions for self-development of the teacher. The degree of mastering the acquired knowledge and skills during a course of advanced training is determined by the state certification of teachers conducted by the Education Testing Service.

Annual Advanced Certification or Advanced Credentialing Program, which conducted by the US Department of Education, is part of the system of continuous professional development of teachers. The program is designed for the certification or attestation of teachers by the National Board for Professional Teaching Standards or other nationally recognized certification and attestation organizations. The aim of the program is to encourage and support teachers, who need higher-level certification within the framework of high-quality professional programs aimed at improving teaching and learning [5].

The standardization of education contributed to increasing the responsibility of the administration of educational institutions and pedagogical staff for the quality of educational services and enhancing the accountability of teachers to the public for results of their activities, which establishes the principles of democratization and the development of state-civil education management.

There is also the possibility of professional development and grant government programs for teachers. Therefore, the national nonprofit organization - New Leaders for New Schools – develops qualitatively new school leaders and elaborates policies and practices for effective leadership for school systems throughout the country. Their theory is that strong school principals ensure a powerful multiplier



effect, greatly improving the quality of teaching and improving the performance of school pupils. Their mission is to ensure the high success of all children, especially those living in poverty, through the development of qualitatively new school leaders and the promotion of policies and practices that enable strong leaders to succeed. Teachers, who are studying according to this program, teach teachers in their schools, have the opportunity to receive rewards for their activities. 90% of teachers, who studied under this program, are becoming school principals [6].

The common tendencies of influence on the professional development of teaching staff in Germany and Ukraine are administrative-territorial changes (the fall of the wall and the unification of the GDR and the FRG), the influence of political regimes (national-socialist ideas – in the fascist period, the ideology of Marxism-Leninism - during the republican system in East Germany).

The difference between German teachers and Ukrainian colleagues is, first, that German teachers are civil servants. In addition, the modern model of preparation of German teachers is not unique for all 16 federal lands. Each of them has its own structure of educational institutions, its peculiarities of a differentiated approach in the professional training of pedagogical staff, taking into account the state of general education in the country and having its own financing forms. In general, studying time at German pedagogical universities is longer than in Ukraine. Thus, the average length of study at universities is 14 semesters, and in branch institutes - more than nine. In Ukraine, students complete the university at the age of 22, in Germany – at 28.5 years [7, p. 15]. The age gap of 6.5 years, in most cases, indicates a higher level of readiness to perform professional duties by an adult.

In accordance with the Constitution of Germany, lands own the rule of law in the field of education. Therefore, the elaboration of legislation, the creation of educational systems and management of them, is mainly a sphere of competence and responsibility of individual lands. It also applies to the professional development of teachers.

The system of postgraduate pedagogical education in Germany is characterized by decentralization of

management, vertical administrative and organizational differentiation [8, p. 84], and in each of the 16 federal lands subjects of the federation, it is realized at the inter-national (federal), land (central improvement of qualification), local (local advanced training) and individual (personal advanced training) levels.

The system of public administration of education in France is characterized as centralized with a clear hierarchical structure, but with a wide range of local authorities, besides that, it is in the stage of reforming-transition to a decentralized model of management of the education system. The transition to a decentralized education management system in France is gradually and subject to adjustments in line with trends in the development of the world and, above all, the European educational environment. Reforms in the education system of France, proclaimed and enshrined in law almost 30 years ago, continue today [9, p. 233].

As in Germany, the teaching staff of France belong to the corps of civil servants. In addition, to become a teacher in France can only Frenchman.

The cost of salaries for teaching staff and the professional development of French teachers is carried out at the expense of the state. The fact that education in France is a priority in the state can be evidenced by the fact that in 2017 the French government spent about 70 billion euros on school education, about 41 billion euros on defense and 20 billion euros on national security [10].

The average salary of a teacher in 2017 is 2332 euros, which corresponds to the average salary level in the country, including bonuses (10%) – 2,241 euros. According to the Ministry of National Education, there are differences between men's wages (2664 euros) and women (2,371 euros), as well as between state-owned educational institutions (on average 2,511 euros) and private (about 2,188 euros), due to different levels of employment and the duration of the working day of teachers [11].

Postgraduate education in France is a personal affair of a teacher. The duration of all periods of advanced training in France for a budget or institution from the beginning of active professional life to the time of retirement should be one year (or 1200 hours, if the improvement of qualification is carried out without

interruption from performance of production or service duties) [12, p. 25-29]. Any activities within the framework of the professional development process for teachers are regulated by the Ministry of National Education of France and coordinated by the regional educational department.

In France, the information management mechanism of education is widely used. The Ministry of National Education through the “eduscol” service proposes a set of sites and specialized services for informing and supporting educational professionals, pedagogical, didactic and scientific tools for a progressive educational institution. In partnership with the National Education Inspectorate, these resources are elaborated by expert groups. Results of the work were the creation of almost 50 expert groups, where about 400 teachers work together under the auspices of the Directorate General for School Education in close cooperation with the General Inspector of National Education, which are presented on the Internet for the purpose of studying and using in educational institutions.

The Great Britain became one of the first states to embark on the implementation of the principles proclaimed by the Bologna Declaration. This is probably due to the rather rigid mechanisms of public administration education, especially in the field of professional development of pedagogical employees. Even in the 90 years of the twentieth century, the government initiated a check of the quality of staffing provision for educational institutions. This has given rise to significant changes. First, it concerned financial and motivational mechanisms of public administration education.

Funding for pedagogical universities in the UK depends on the number of graduates who worked at the school for at least 5 years. This not only demonstrates the degree of responsibility of pedagogical higher education to society and the state, it is a kind of challenge to the university for continuous improvement [13].

From the state budget, at least 5% of the total investment in the reform of the educational sphere are foreseen for the professional development of teachers. In addition, according to the Law on Education Reform, schools have the right to go out of custody of local



departments of education and, united in an association, to form their own budget. This allows schools themselves and without intermediaries in departments of education to conclude contracts with all providers of educational programs. Educational institutions pay up to 18 days of professional development per teacher per year if they wish to increase their qualification period, then they must pay for it from wages or apply for a grant to funds funded by professional associations, private donors, etc. The Teacher Training Commission on behalf of the government defines the winners of the right to receive education through grants. The government does not finance all training programs, but only those that meet national priorities [14, p. 89-91].

Attestation of teachers in the UK is mandatory every two years after the proposed previous cycle of two-year training. For teachers, who successfully pass the certification material incentives are foreseen. The essence of the attestation procedure in the UK is in assessing the level of professional development of the teacher, and not in determining the relevance of the position, as in Ukraine.

The Teacher Training Agency is occupied with professional development in the UK is.

The peculiarity of professional development in the UK is the target orientation for teacher training in the UK is its compliance with two standards – the academic standard of higher education and professional and the lack of a unified national system for assessing teacher training.

The so-called “system of training”, which includes various non-governmental organizations, local administrations, professional associations, publishing houses, who support and promote the development of pedagogical education in the country, in particular the improvement of pedagogical competence, should be regarded as a national heritage of English experience.

Conclusion. Taking into account abovementioned, we consider it appropriate to undertake the following measures in the field of public administration of professional development of teachers that are capable of positively influencing the quality of staffing of the education sector and used in the Ukrainian educational environment:

1. While forecasting expenditures for the maintenance of pedagogical institutes of higher education from the state budget, take into account the indicators on the employment of their graduates in their specialty.

2. To promote the creation of a teacher’s professional development system with the involvement of non-governmental organizations, professional associations, publishing houses, having ensured the control over the compliance of their activities with state policy in this field.

3. To ensure financial incentives for communities, where innovative educational programs are implemented and experimental work is carried out.

4. To accelerate the adoption of the Law “On the Education of Adults”.

5. To introduce government grant programs for Ukrainian pedagogical staff.

References:

1. Закон України «Про освіту» № 2145-VIII від 05.09.2017 р. - [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua>

2. Ткачук Т. Потрібна сертифікація освітян // Освітня політика. Портал громадських експертів. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://education-ua.org>

3. Glatthorn A. Teacher development / Glatthorn A. ; in: Anderson, L. (Ed.); International Encyclopedia of teaching and teacher education. – second edition. – London: Corwin Press, 1995.

4. Evaluating CPD: an Overview / Muijs D., Day C., Harris A., Lindsay G. // International Handbook on the Continuing Professional Development of Teachers / Ed. By C. Day, J. Sachs. – Glasgow : Open University Press, 2004. –291–309 p.

5. Advanced Certification or Advanced Credentialing, U.S. Department of Education / [On-line resource]/access mode: <http://www2.ed.gov/programs/credentialing/index.html?exp=0>

6. Edge J. Cooperative development: Professional development through cooperation with colleagues. – Harlow: Longman, 1991. – 24-28 p.

7. Козак Н.В. Дидактичні основи професійної підготовки майбутніх учителів у ФРН (II половина XVIII – кінець XX ст.): Автореф. дис... канд. пед. наук: К. – 2000. – 17 с.

8. Heimerer L., Lohrer K. Dezentralen regionale Lehrerfortbildung // Die Berufsbildung der Schule 48(2000)12. – 644-658 p.

9. Зигало О.А. Особливості децентралізованої системи управління сферою освіти: досвід Франції [Електронний ресурс] / О. А. Зигало // Актуальні проблеми державного управління. – 2010. – № 2. – 233-239 с. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/apdy_2010_2_32.

10. Répartition du budget de l'État en France en 2017, en fonction du poste de dépense (en millions d'euros) // Statista mode d'accès aux ressources électroniques. [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <https://fr.statista.com/statistiques/477617/repartition-budget-etat-selon-poste-depense-france/>

11. Salaire moyen en France en 2017: net, brut, par sexe, par CSP // JDN. Mis à jour le 09/11/17. [Ressource électronique]. – Mode d'accès: www.journaldunet.com/media/publishers/1205911-pourquoi-le-rachat-d-aufeminin-est-un-beau-coup-pour-tf1/

12. Maria Andritsou. La formation continue des professeurs de langues étrangères // Le français dans le monde. – 2005. – № 325. La formation continue des professeurs de langues étrangères // Le français dans le monde. – 2005. – № 325.

13. Орлова-Семенец І. Великобританія: нові вчителі для нового суспільства // [Електронний ресурс] / Освітня політика: портал громадських експертів. <http://education-ua.org/ua/porivnyalna-pedagogika/460-velikobritaniya-novi-vchiteli-dlya-novogo-suspilstva>

14. Hargreaves A., Shirley D. The Fourth Way: The Inspiring Future for Educational Change / A. Hargreaves, D. Shirley. – Corwin and SAGE Publishing, 2009 – 168 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pakhomova Milana Vladymyrovna – Candidate of the Chair of Humanitarian Disciplines of the Donetsk State University of Administration

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахомова Милана Владимировна – соискатель кафедры гуманитарных дисциплин Донецкого государственного университета управления

milanapakhomova5@gmail.com



УДК 94:[34215:328.12](477)

«ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ» ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ УКРАИНЫ

Игорь ПИДКОВА,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории Украины имени Михаила Грушевского
Львовского национального университета имени Ивана Франко

АННОТАЦИЯ

В статье на примере Украинской ССР исследуется политический процесс, известный под названием «парад суверенитетов». Рассмотрены предпосылки создания, процедура разработки и утверждения Декларации о государственном суверенитете Украины. Автор дает собственную интерпретацию роли различных политических сил в ходе принятия Декларации о суверенитете. Акцентировано особое значение парламентской некоммунистической оппозиции в отстаивании национальных приоритетов и демократических ценностей при утверждении этого исторического документа. Раскрыта структура и проанализированы основные принципы Декларации как программно-правового акта, который заложил основы для обретения Украиной статуса независимого государства.

Ключевые слова: «Парад суверенитетов», Декларация о государственном суверенитете Украины, Верховная Рада, парламент, оппозиция, Народная Рада.

«PARADE OF SOVEREIGNTY»: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF ADOPTION OF THE DECLARATION OF UKRAINIAN STATE SOVEREIGNTY

Ihor PIDKOVA,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of Contemporary History of Ukraine
named after Mikhail Grushevsky Ivan Franko Lviv State University

SUMMARY

In the article, based on the example of the Ukrainian SSR, a political process known as the "Parade of sovereignty" is explored. The procedure of the creation and adoption of the Declaration of State Sovereignty of Ukraine is considered. The author gives his own interpretation of the role of various political forces during the adoption of the Declaration. The importance of the parliamentary opposition in defending of national priorities and democratic values in the course of the adoption of this historical document is emphasized. The structure and the main principles of the Declaration were revealed. Legal act, which laid the foundations for the formation of Ukraine as an independent state, was analyzed.

Key words: "Parade of sovereignty", Declaration on State Sovereignty of Ukraine, Verkhovna Rada, Parliament, Opposition, Narodna Rada.

REZUMAT

Articolul, pe exemplul SSR ucrainean, examinează procesul politic cunoscut sub numele de "parada suveranităților". Considerat premisele pentru crearea, procedura de elaborare și aprobare a Declarației privind suveranitatea de stat a Ucrainei. Autorul interpretează propria interpretare a rolului diferitelor forțe politice în adoptarea Declarației de suveranitate. Importanța deosebită a opoziției parlamentare necomuniste în apărarea priorităților naționale și a valorilor democratice este accentuată în adoptarea acestui document istoric. Structura este dezvoltată, iar principalele principii ale Declarației sunt analizate ca un act juridic și juridic care a pus bazele pentru câștigarea statutului de stat independent de către Ucraina.

Cuvinte cheie: „Parada suveranităților”, Declarația privind suveranitatea de stat a Ucrainei, Rada Supremă, Parlamentul, opoziția, Rada populare.

Постановка проблемы. В 1990 г. в национально-государственных субъектах Советского Союза активизировался процесс законодательного повышения правового статуса союзных республик, который в политической лексике и исторической литературе получил название «парад суверенитетов». Этот термин, в одних случаях, с ироническим-снихождительным оттенком, употре-

блялся (и употребляется) с целью уменьшения значения общественных преобразований в субъектах советской федерации, в других используется для обозначения кардинальных трансформаций в СССР на региональном уровне, которые ознаменовали стремление национальных образований к большей самостоятельности вплоть до полной политической независимости.

Одним из важных проявлений этого процесса стало утверждение и реализация в национальных республиках деклараций и законов о государственном суверенитете.

К середине 1990 г. и высшее партийно-государственное руководство Украинской ССР, и украинские демократические круги поддерживали идею принятия базового документа, аналога



тех программных актов, которые уже утвердили большинство советских республик, и который сформировал бы политико-правовую основу республиканской власти.

Актуальность темы исследования. Отдельные вопросы принятия Декларации о государственном суверенитете, анализ ее основополагающих принципов и их значение для дальнейшего развития республиканского законодательства изучали ученые-правоведы В. Василенко, О. Мироненко, А. Корнеев, В. Гончаренко, а также некоторые другие авторы. Общую характеристику Декларации и ее роли в активизации национального движения в республике представили в своих работах историки О. Бойко, О. Гарань, В. Литвин, Г. Гончарук. Вместе с тем, указанные исследования затрагивают, как правило, или правовые аспекты проблемы, или касаются только исторической стороны вопроса принятия этого конститутивного документа, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости целостного анализа суверенизационного процесса в УССР, одним из важнейших этапов которого стало утверждение Декларации.

Целью статьи является комплексное историко-правовое исследование обстоятельств создания проекта Декларации, процедура принятия и анализ основных положений этого государственного акта, а также изучение влияния процесса утверждения документа на политическую жизнь республики и законодательную деятельность Верховной Рады Украины.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего, следует отметить дискуссионность вопроса о том, кому принадлежала идея разработки подобного документа. Существует мнение, что первоначальные импульсы касательно законодательного закрепления суверенных прав Украины были инициированы мартовским пленумом Коммунистической партии Украины (1990 г.). Сама же рабочая группа по подготовке проекта Декларации была сформирована Президиумом Верховной Рады предыдущего созыва, и в мае 1990 г., когда начал заседать новоизбранный парламент, работа над документом уже велась. Депутаты, члены демо-

кратической парламентской коалиции утверждали, что именно по их инициативе коллектив ученых-правоведов (Ф. Бурчак, П. Мартинено, Л. Юзьков, В. Василенко) с апреля 1990 г. осуществлял разработку концепции Декларации [1].

Впрочем участники дискуссии не учитывают, что идея утверждения суверенитета республики и главные принципы его реализации (экономическая самостоятельность УССР, республиканское гражданство, принятие новой Конституции) декларировались оппозиционными организациями (например, Народным движением Украины за перестройку – «Рух») задолго и до начала работы парламента нового созыва [2, с. 4]. Желание руководства КПУ принять участие в широком общественном обсуждении перспектив республиканского суверенитета, которое длилось уже несколько месяцев, было обусловлено не столько обеспокоенностью за обретение республикой реальных прав, сколько стремлением перехватить политическую инициативу в некоммунистической оппозиции, особенно накануне начала работы нового состава парламента.

Заслуживает внимания и версия, что активное участие аппарата ЦК КПУ в подготовке Декларации было инспирировано прямым указанием московского руководства [3]. Массовым принятием республиканских деклараций Кремль стремился нивелировать политическое значение актов о независимости и выходе из состава СССР Прибалтийских республик (март-май 1990 г.) и таким образом минимизировать влияние этих документов на национальные процессы в других регионах Союза, и создать политико-правовые предпосылки для реформирования союзного государства. Лидер «Руха» Иван Драч, анализируя мотивы активной работы партноменклатуры над текстом Декларации, отмечал: «Кому-то очень надо, чтобы все эти Декларации были приняты всеми республиками, и чтобы немедленно нас опять загнать, как тех свободных лошадей в конюшню, которая называется СССР» [4, с. 6].

О значении, которое партийное руководство придавало Декларации,

открыто говорил и сам первый секретарь ЦК Компартии Владимир Ивашко (с июня 1990 г. – Председатель Верховной Рады Украины): «У Этой Декларации единственная цель – изложить предложения Украины по новому Союзному договору». Следовательно, вероятнее всего, работа над Декларацией проводилась параллельно с участием и партийно-государственных органов, и оппозиционного парламентского блока «Народная Рада». При этом каждая сторона имела свои мотивы и преследовала свои цели при разработке документа, и по-своему понимала и интерпретировала понятие «республиканский суверенитет».

Рассмотрение вариантов текста Декларации в Верховной Раде началось 28 июня 1990 г. Всего в парламенте было представлено 12 проектов – официальный, девять от оппозиции, авторская редакция депутата-коммуниста Александра Коцюбы [5, с. 196-199] и проект компартийного парламентского большинства (группа «За Советскую суверенную Украину») [6, с. 424-434].

Анализ проекта группы партийно-бюрократической номенклатуры свидетельствовал, что коммунистическая верхушка рассчитывала сохранить статус Украины как «советской социалистической республики», не видела ее за пределами «обновленного СССР», пыталась сохранить в Украине зависимость от союзного Центра экономическую систему и всемерно подчеркивала, что Декларация является основой для подписания «нового Союзного договора».

Официальный проект Декларации, разработанный аппаратом Верховной Рады, хоть и был выдержан в менее консервативной тональности, чем предыдущий, но и он демонстрировал второстепенность восприятия правящей верхушкой республиканского суверенитета в сравнении с государственными прерогативами московского Центра. Предлагаемый проект предусматривал подписание нового Союзного договора и отстаивал концепцию своеобразного «квази суверенитета», при котором значительная часть республиканских полномочий передавалась союзным органам власти (оборона, денежная и финансо-



вая системы), а Украина рассматривалась исключительно как субъект «обновленной советской федерации» [7, с. 25]. С такой интерпретацией статуса Украины категорически не соглашались депутаты демократической коалиции в парламенте. Например, один из лидеров Народной Рады Владимир Пилипчук отмечал: «Они (коммунистическое большинство – Авт.) хотели маленького, ограниченного, полусерьезного суверенитета» [8, с. 59].

Депутаты от некоммунистического меньшинства внесли на рассмотрение сессии альтернативные варианты Декларации. Свои концепции становления Украины как суверенного государства предложили депутаты Михаил Косив, Степан Хмара, Сергей Семенец и Татьяна Яхеева (общий проект) и другие. Существовал также проект авторства лидера Украинской республиканской партии Левко Лукьяненко [9] и депутатской группы «Независимость» [10].

Члены демократического корпуса парламента рассматривали Декларацию как документ, который определит цели и сформулирует основные принципы построения будущей украинской государственности. Поэтому ключевыми нормами, которые, по замыслу оппозиции, должны составить основу документа, были: право украинской нации на самоопределение, верховенство власти народа Украины на своей территории, исключительное право республики на национальное богатство; экономическая самостоятельность Украины; введение гражданства Украины; формирование республиканских Вооруженных Сил и органов госбезопасности, принятие новой Конституции Украины.

Все рассмотренные на сессии проекты были обобщены в окончательном варианте законопроекта от Комиссии по вопросам государственного суверенитета. Предложенный на рассмотрение проект, с точки зрения большей части оппозиции, представлялся оптимальным вариантом в существующих политических условиях.

Для придания позитивной динамики процессу обсуждения Декларации Народная Рада использовала ряд ситуативных факторов, которые повлияли как на оперативность при-

нятия документа, так и на его конечное содержание. В частности, оппозиция использовала кратковременную растерянность в лагере большинства вследствие поспешной отставки В. Ивашко (без предупреждения и консультаций с депутатами принял предложение М. Горбачова занять пост заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС и уехал в Москву), заручилась поддержкой своих парламентских инициатив бастующими шахтёрами Донбасса и оказывала психологическое давление на парламентское большинство организацией массовых акций возле парламента. Так, лидер Народной Рады академик Игорь Юхновский, описывая события этих дней, вспоминал: «Под стенами Рады стояло море людей. Именно там происходил психологический переворот у тех, кто был против независимости, перелом в сторону национального осознания» [11].

В ситуации, когда напряжение в обществе достигло опасной черты, оппозиционные и провластные парламентарии сделали шаги навстречу друг другу, и обсуждение Декларации обрело более конструктивный характер. В этих условиях значительная группа депутатов консервативно-коммунистического большинства продемонстрировала осознание ими первенства государственных интересов и продемонстрировала готовность к принятию компромиссных решений.

Следует особо отметить, что именно обсуждение ключевых политико-правовых основ Декларации привело, если не к расколу, то, по крайней мере, проявило наличие двух групп в парламенте – апологетов линии на сохранение унитарной сущности СССР и приверженцев суверенного статуса Украины. Острая дискуссия вокруг национальных приоритетов в Декларации стала тем фактором, который стремительно ускорил политическую дифференциацию в рядах парламентского большинства, что и констатировал депутат Александр Емец: «Началась борьба между коммунистами, которые хотя и суверенитета Украины, и той частью, которая выступает за имперскую структуру» [12, л. 165].

Итоговый вариант Декларации о государственном суверенитете был

утверждён 16 июля 1990 г. конституционным большинством голосов депутатов парламента.

В структурном отношении Декларация состоит из преамбулы, десяти разделов и заключительной части. В преамбуле Декларации излагается понятие государственного суверенитета Украины как «верховенства, самостоятельности, полноты и неделимости власти республики, независимости и равноправия во внешних сношениях». В десяти последующих разделах Декларации заключаются идеи, которые определяют тенденции развития государственно-правовых процессов в республике.

Первый раздел Декларации («Самоопределение украинской нации») провозглашал Украину суверенным национальным государством в существующих границах на основе осуществления украинской нацией права на самоопределение. Декларация предостерегала, что какие-либо насильственные действия против национальной государственности со стороны политических партий или общественных организаций будут преследоваться по закону.

Основополагающим принципом конституционного строя Украинского государства провозглашено народовластие, исходя из чего народ признавался «единственным источником власти», и устанавливалось, что от его имени может выступать исключительно Верховная Рада Украины (см. Раздел «Народовластие»). Соответственно, раздел «Государственная власть» утверждал принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. В этом случае принцип разграничения власти обозначал не просто специализацию властных органов по функциям, а констатацию того факта, что в республике не могло быть органа, который мог бы монополизировать всю высшую власть. В этом же контексте высший надзор за исполнением законов должен был осуществлять Генеральный прокурор УССР, который избирался и был подотчетен только Верховной Раде.

В следующем разделе («Гражданство Украинской ССР») заявлялось о создании института гражданства Украины, но одновременно гаранти-



ровалось право на сохранение гражданства СССР. Провозглашалось, что Украина имеет своё гражданство, где «все граждане равны перед законом, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, политических взглядов, религиозных убеждений». Гражданам гарантировались права и свободы, предусмотренные как Конституцией УССР, так и нормами международного права.

Необычайно важными нормами Декларации были положения о территориальном верховенстве и неприкосновенности действующих границ Украины («Территориальное верховенство»). Только республиканские органы власти имели полномочия для определения административно-территориального устройства республики.

Декларация устанавливала основания экономической самостоятельности Украины, определяла исключительное право украинского народа на владение и использование национального богатства. Государство гарантировало защиту всех форм собственности на территории Украины, а решение вопросов общесоюзной собственности осуществлялось на договорной основе между республиками. В Декларации подчеркивалось намерение создать финансовую, банковскую, налоговую системы, формировать государственный бюджет, а при необходимости ввести собственную денежную единицу (см. VI. «Экономическая самостоятельность»).

В соответствии с Декларацией, государство брало на себя обязательство заботиться об экологической безопасности граждан и о генофонде народа. Раздел «Экологическая безопасность» декларировал создание Национальной комиссии по радиационной защите населения, что было необходимо в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Драматические последствия пятилетней давности вынудили Украину переосмыслить и пересмотреть условия деятельности на территории республики союзных министерств. В Декларации провозглашалось, что Украина оставляет за собой право запрета на строительство и функционирование предприятий и организаций,

которые несут угрозу экологической безопасности.

В разделе «Культурное развитие» основными направлениями государственной политики зафиксированы национальное возрождение украинского народа, его исторического сознания и традиций, функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни. Одновременно всем национальностям, проживающим на территории республики, гарантировалось право свободного национально-культурного развития.

В Декларации Верховная Рада сохраняла за Украиной право на создание собственных вооруженных сил и органов государственной безопасности. Важным для формирования позитивного международного имиджа Украины стало провозглашение обязательства соблюдать три неядерных принципа (не применять, не производить и не приобретать ядерное оружие), а также тезис о намерении официального Киева во внешней политике придерживаться нейтрального статуса и отказ от участия в военных блоках.

Основополагающими принципами Декларации в области международных отношений стало провозглашение Украины субъектом международного права, который «осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, принимает участие в деятельности международных организаций в объеме, необходимом для эффективного обеспечения национальных интересов Республики». Декларация демонстрировала приверженность Украины к общепризнанным нормам международного права и его приоритет над национальным законодательством, признавала преимущество общечеловеческих ценностей над классовыми, утверждала принцип равноправных отношений с другими участниками международного сообщества. С целью упрочения международного авторитета республики, подчеркивалось, что Украина «активно способствует укреплению мира и международной безопасности, непосредственно принимает участие в общеевропейском процессе и европейских структурах».

В переходных положениях Декларации обозначено, что отноше-

ния Украины с другими советскими республиками строятся на основе договоров, заключенных на принципах равноправия, взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела.

В тексте Декларации отсутствовало упоминание о статусе республики как субъекта обновленной советской федерации. Не было и прямого указания на участие республики в разработке нового Союзного договора, а только указывалось, что принципы Декларации используются для заключения Союзного договора (см. Заключительная часть) [13].

Текст рассматриваемого документа оказался более радикальным по сравнению с аналогичным документом российского парламента [14], принятие которого, не в последнюю очередь, побудило парламентское большинство поддержать требование Народной Рады о рассмотрении проекта Декларации. Ряд норм Декларации оказались действительно «революционными» и превзошли даже самые оптимистические ожидания оппозиции [15, с. 815].

Принятие Декларации стало хоть и очень важным, но только первым этапом на пути достижения Украиной реального суверенитета. Отчетливо осознавая, что и после принятия Декларации ключевые рычаги управления продолжают находиться в руках союзного Центра, Верховная Рада приступила к наполнению базисных основ Декларации практическим содержанием. С этой точки зрения законодательными актами особенного значения стали постановление о срочной военной службе граждан УССР на территории республики (30 июля 1990 г.), закон об экономической самостоятельности Украины (3 августа 1990 г.), изменения в Конституцию о верховенстве республиканского законодательства над союзным (31 октября 1990 г.) и другие.

Выводы. К середине 1990 г. парламенты большинства субъектов СССР приняли декларации о суверенитете – исторические документы, которые декларировали политико-правовые основы развития союзных республик как независимых государств. Новоизбранная Верховная Рада Украины под давлением демократического парламентского блока – Народной Рады,



приступила к разработке, а затем и к рассмотрению проекта Декларации о государственном суверенитете.

Работа над текстом документа шла синхронно с участием и власти и оппозиции, при этом каждая из сторон имела свои мотивы и преследовала свои цели при разработке документа. Народная Рада рассматривала Декларацию как акт, который сформулирует основные принципы построения будущей украинской государственности. Высшая же партийно-государственная номенклатура, которая беспрекословно следовала политике кремлевского Центра, трактовала будущую Декларацию как предпосылку к реформированию союзного государства на основе нового Союзного договора и удержание Украины в статусе союзной республики. В ходе принятия Декларации в среде компартийно-советского большинства сформировалось суверен-коммунистическое крыло, которое проявило готовность к компромиссным решениям при отстаивании государственных интересов республики.

Декларация явилась основанием для принятия ряда нормативно-правовых документов, которые развивали её положения и утверждали реальный суверенитет во всех сферах жизни республики. Этот исторический акт определил новые задачи перед украинским политиком, от успешного решения которого зависело становление Украины как независимого государства.

Список использованной литературы:

1. Засць І. Прийняття Декларації стало переломним моментом // І. Засць. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.jeunews.com.ua/articles/015/374
2. Програма Народного Руху України за перебудову // Літературна Україна. – 1989. – 28 вересня.
3. Виступ народного депутата УРСР С. Головатого // Перша сесія Верховної Ради Української РСР. – Бюлетень № 58. – 1990. – 28 с.; Скорик Лариса «Ми повинні мати свою невелику числом армію» / Літературна Україна. – 1990. – 13 вересня. – 5 с.

4. Драч І. Про незалежність, якої ще немає // Літературна Україна. – 1990. – 30 серпня 1990.

5. Декларація «Про народовладдя і суверенність України». Проект внесений народним депутатом УРСР О. Коцюбою // В кн.: Декларація про державний суверенітет України. Історія прийняття, документи, свідчення // Житомир: ПП «Рута», 2010. – 196-199 с.

6. «Декларація про державний суверенітет Української Радянської Соціалістичної Республіки». Проект внесений депутатською групою «За Радянську суверенну Україну» // В кн.: Декларація про державний суверенітет України... – 424-434 с.

7. Виступ народного депутата УРСР С. Гуценка // Перша сесія Верховної Ради Української РСР. – Бюлетень № 53. – 1990. – 25 с.

8. Пилипчук В. Шостий розділ Декларації // В кн.: Декларація про державний суверенітет України... – 59 с.

9. Семенко А. УГС/УРП в боротьбі за незалежність України (1988-1991 рр.) // Семенко А. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ualogos.kiev.ua/fulltext.htm?id=1034>.

10. «Декларація про державний суверенітет України». Проект внесений депутатською групою «Незалежність» // В кн.: Декларація про державний суверенітет України... – 200-201 с.

11. Скибньовська Г., «Україна Молода». 14.07.2001 // Скибньовська Г. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.brama.com/ua-cjnsulate/proclamation.html

12. Центральний державний архів громадських об'єднань України, Ф. 1, Оп. 32, Дело. 2905, Л. 165. Про пресконференцію ДемПУ, ПДВУ, СДПУ 16 травня 1991 р. Інформація ЦК КПУ від 17 травня 1991 р.

13. Декларація про державний суверенітет України: Прийнята Верховною Радою Української РСР 16 липня 1990 р. Офіційне видання. – Київ: Політвидав України, 1990. – 10 с.

14. Декларація о государственном суверенитете РСФСР // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ru.wikisource.org/wiki>.

15. Горинь Б. Реальний крок до суверенітету // В кн.: Декларація про державний суверенітет України... – 815 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пидкова Игорь Зиновьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории Украины имени Михаила Грушевского Львовского национального университета имени Ивана Франко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pidkova Ihor Zivovievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Contemporary History of Ukraine named after Mikhail Grushevsky Ivan Franko Lviv State University

ihorpidkova@gmail.com



УДК 343.353

THE OFFICIAL NEGLIGENCE: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATION OF UKRAINE, THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND THE REPUBLIC OF LATVIA

Svetlana RAK,

Postgraduate Student of Academician Stashis Scientific Research
Institute for the Study of Crime Problems
National Ukrainian Academy of Law Sciences
Assistant of the Criminal Law, Administrative Law and Procedure Department
Poltava Law Institute
Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

This article is dedicated to the questions of criminal liability for official negligence in the criminal legislation of such states as Ukraine, the Republic of Moldova and the Republic of Latvia. The author carries out the comparative and legal analysis of home and foreign legislation in the context of researching of problems. Specified on debatable questions that arise in the process of analysis each of elements of corpus delict official negligence. The author notes the features of criminal responsibility of official negligence. In the end of the article are specified the assumptions, that, in opinion of author, it is expedient to adopt as positive experience Ukrainian legislator.

Key words: official negligence, Ukraine, the Republic of Moldova, the Republic of Latvia.

СЛУЖЕБНАЯ ХАЛАТНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ УКРАИНСКОГО, МОЛДАВСКОГО И ЛАТВИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Светлана РАК,

аспирант

Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса
Национальной академии правовых наук Украины,
ассистент кафедры уголовного и административного права и процесса
Полтавского юридического института
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящается вопросам уголовной ответственности за служебную халатность в уголовном законодательстве таких стран, как Украина, Республика Молдова и Латвийская Республика. Автор осуществляет сравнительно-правовой анализ отечественного и иностранного законодательства в контексте исследуемой проблематики. Указывается на дискуссионные вопросы, которые возникают во время анализа каждого из элементов состава преступления служебная халатность. В процессе сравнения обращается внимание на особенности применения уголовной ответственности при совершении служебной халатности. В итоге указываются положения на которые, по мнению автора, целесообразно обратить внимание и перенять как положительный опыт украинскому законодателю.

Ключевые слова: служебная халатность, Украина, Республика Молдова, Латвийская Республика.

REZUMAT

Articolul este dedicat răspunderii penale pentru neglijența oficială în legislația penală a unor țări precum Ucraina, Republica Moldova și Republica Letonia. Autorul efectuează o analiză juridică comparativă a legislației interne și externe în contextul problemelor studiate. Ea evidențiază problemele de discuție care apar în timpul analizei fiecărui element al infracțiunii de neglijență oficială. În procesul de comparație, se acordă atenție specificului utilizării răspunderii penale în executarea neglijenței oficiale. Ca urmare, sunt indicate dispozițiile pe care, în opinia autorului, este indicat să le atrag atenția și să o adopte ca o experiență pozitivă legiuitorului ucrainean.

Cuvinte cheie: neglijență oficială, Ucraina, Republica Moldova, Republica Letonia.

Research problem and its significance. For the successful functioning of the state and its society in today's world it is necessary for the officials to fulfill their responsibilities. Today non-performance or improper performance of duties are regarded as one of the main reasons of the economic, political and social problems. The

result of such crime as official negligence according to the Criminal Code of Ukraine (further: CC) Article 367 is a disruption of the full functioning of the state and local government apparatus, legal persons in private and public law.

The relative incidence of such crimes also has indicated the need to

study official negligence. The legislative innovations of the last years were aimed at increasing the effectiveness of the usage of this rule of the CC. It should be noted, however, that they are not enough. Statistical analysis of the data published on the Ukraine General Prosecutor's Office website concerning crimes under



Article 367 of the CC of Ukraine recorded between 2014 and 2017 shows, that the number of committed crimes decreased, but still remains comparatively stable (the number of the recorded crimes in 2014 – 1463, in 2015 – 1426, in 2016 – 1404, in 2017 – 1239). However, this needs to take into consideration the latency of the crime of official negligence as the statistics are not always objective. In addition, we believe that light decrease in the number of crimes can be explained by the partial decriminalization of non-performance due to the entry into force of the Ukrainian Act “On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine to Implement the Action Plan for the European Union Liberalization of the Visa Regime for Ukraine” 13 May 2014 № 1261-VII (hereinafter – Law of Ukraine 13 May 2014).

Taking into account the successful law practice of foreign countries is essential for the full development of the legislative sphere of the state. In the context of a study on official negligence we will strive to conduct a comparative analysis of the legislation of Ukraine, the Republic of Moldova and the Republic of Latvia. All three countries emerged in the international arena as independent states the following dissolution of the Soviet Union in 1991. Ukraine and the Republic of Moldova joined the Commonwealth of Independent States. The legislation of these countries was developing in the post-Soviet area strongly influenced by the governing acts in most parts of their territories during a comparatively long time. The Republic of Latvia has taken another approach. In the drafting of its legislation the experience of Western European countries was used, such as the Federal Republic of Germany, Sweden, Denmark. Therefore, it has become urgent to consider differences and similarities in the defining of such a crime as official negligence in the criminal law of these countries.

Status of research. In Ukraine, to date, the offence of “official negligence” was considered in the context of a study of crimes in the sphere of professional duties and performance by such researchers as O.V. Krishevich, M.I. Melnyk, D.H. Mykhailenko, V.I. Tyutyuhin, A.V. Savchenko, M.I. Havronyuk. No comprehensive studies on the offence of “official negligence” are available. Among Russian researchers, who studied the offence being analysed in the article at the

PhD level, should be named I.H. Minakova, M.O. Tynyana, E.V. Tsaryova.

Thus, **the aim of our study** is to provide a comparative analysis on legislation of Ukraine, legislation of the Republic of Moldova and legislation of the Republic of Latvia in the context of analysis of such a crime as official negligence.

Results. The offence of “official negligence” in the CC of Ukraine is presented in Article 367 Chapter XVII “Neglect of official duty”. This article states that official negligence is “non-performance or improper performance of the official due to the careless approach to their duties” [1]. Such wording leads to the conclusion, that both action and omission can be the form of socially dangerous act in the analyzed crime. This is also attested to by the analyzed law practice between 2014 and 2017 (500 legal cases). In 81% of the cases the crime of official negligence was the result of non-performance (a person does not do their duties) and in 19% of cases – improper performance (a person does their duties in bad faith).

In the CC of the Republic of Moldova the offence of “official negligence” is presented in Chapter XV “Crimes committed by officials”. The provisions of Article 329 “non-performance or improper performance of duties” is similar to the definition of the official negligence in the CC of Ukraine [2]. It suggests that official negligence can occur both in the form of action and in the form of omission. Carelessness or negligent attitude to the duties are the necessary indicators.

As for the Republic of Latvia the offence of “official negligence” is presented in Chapter XIX “Criminal offences of an economic nature” (Article 197). In addition, Chapter XXIV of the CC “Criminal offences committed in state authority service” Article 319 defines the offence of the crime “Failure to act by a state official”. The analysis of the above-mentioned rules implies, that they complement each other. The reasons for this conclusion will be given in the process of our research.

The actus reus of the offence under Article 197 of the CC of the Republic of Latvia is expressed in the form of “careless performance of duties” [3]. From the wording of the provisions of the article we can state that socially dangerous act in negligence is only active action. Consequently, a person does not take their responsibilities seriously, fulfill them improperly.

The offence of “official negligence” in its legislative build-up is a crime with material scope. Socially dangerous consequences is an obligatory component of the actus reus of this offence. It is set out in the provisions of the relevant articles of the CC, which define the offence of “official negligence” of the analyzed states.

In Ukrainian as well as in Latvian legislation the consequences are substantial harm. The concept of “substantial harm” is estimated. Ukrainian criminologist M.I. Panov mentions, that the characteristic of the estimated concepts is that they always express the plurality of the phenomena, which have a common essential feature, typical for the crime, and they reinforce the phenomena of the objective reality, the essence of which is difficult and undefined. [4, p. 221-222].

Latvian researcher Uldis Krastinsh points out, that in case of patrimonial effects in the CC of the Republic of Latvia the estimated concepts “considerable amount” and “small amount” are used, and wording “substantial harm” is used by legislator in case when the crime caused another damage” [5, p. 22].

That is, in Latvian legislation substantial harm is mainly understood as non-material damage. It is thought, that the final decision if the socially dangerous consequences are substantial harm or not must be done by court.

In Ukrainian criminal legislation today there is a problem of defining a concept “substantial harm”. The Ukrainian Act of 13 May 2014 introduced amendments to p.3 of the note to Article 364 of the CC, which contains guidance on understanding of a concept “substantial harm” [6]. According to the new version of the note 3 the normative moment of socially dangerous consequences, in particular an official negligence, defines its size – 100 and more times the minimum non-taxable income, that is, material damage is described by the legislator in clear criminal-legal categories and, consequently, accountability should occur only in case of material damage. In case of non-material damage legislation, theorists and, as a result, court do not have a clear common approach to the definition of a notion “substantial harm”.

The official negligence in the CC of the Republic of Moldova is also a crime with material scope as it stipulates the consequences – causing significant damage. Wording “significant damage” offers



grounds to believe, that criminal liability for the crime under Article 329 of the CC of the Republic of Moldova is incurred exclusively in the case of material damage. In our view, this position of a legislator does not represent a danger to the public of the analyzed offence of the crime. As in the Ukrainian Law a problem arises in the case of causing damage other, than that of a material nature for example, when action or omission of a person damaged the credibility of the State. We can not ignore the fact of non-material injury.

The question of estimated concepts needs to be resolved as the law must be clear and understandable. According to the basic principles of the international law, in particular, *nullum crimen sine lege* embodied in Article 7 of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms (Convention) the extensive interpretation of the law is prohibited. It is worth noting, that the question of defining the concept of "substantial harm" has already been subject to the consideration by the Court of Justice of the European Union of Human Rights in *Liivik v. Estonia* case. The case is that Jaak Liivik being a general director of the Estonian Privatization Fund, while signing the agreement made additional financial commitments on behalf of the state. He was convicted of abuse of authority, the courts admitted, that the actions of Jaak Liivik caused a serious damage to the state, the assets of the state were exposed to risks, the credibility of the state has been damaged in the international arena. In its decision on 25 June 2009 European Court of Human Rights (ECHR) states, that material damage was not caused and in the Estonian criminal law there are no indications, that the risk of the damage itself might be interpreted widely as the "substantial harm" and that it is reasonable to use the concept of a significant damage as the basis of criminal liability. ECHR found that Estonian courts violated Article 7 of the Convention [7].

In the provisions of Article 329 of the CC of the Republic of Moldova, Article 367 of the CC of Ukraine, Article 197 of the CC of the Republic of Latvia the form of guilt is not indicated.

Although in the practical commentary to the CC of the Republic of Moldova it is noted that official negligence "... is the only negligent crime provided for in Chapter XV" [8]. Modern Russian researchers, who studied official negligence at the PhD

level substantiate similar idea [10, p. 130; 11, p. 140]. Some ukrainian criminologists, characterizing official negligence in the context of the study of crimes in the official and professional activities relating to the delivery of public services, express the view, that official negligence can be committed unintentionally or through negligence [12]. We are inclined to think, that the offence being analyzed really has got "mixed" form of guilt. In this, the attitude with indirect intention is possible not only to action, but also to consequences. This statement, certainly, might raise questions in the aspect of qualification as there will be a problem of distinguishing the offences of official negligence and abuse of authority. But in the commission of an abuse of authority own gain is an obligatory component of the *mens rea* of the offence. Let us give an example of case law in support of this statement. Volodymyr-Volynskiy City Court of the Volyn region on 10 February 2014 heard the case according to which K. serving as a senior operative worker in the organization for uncovering tax crimes of the tax police (being an official) failed to provide adequate storage of tobacco products seized by the boarder officials. K. realized, that he acted unlawfully, keeping these things in the garage, foresaw, that they might spoil, but was indifferent to the consequences. [12].

The subject did not have his own gain so his acts do not fall within the scope of Article 367 of the CC of Ukraine (abuse of authority). The court defined this act as official negligence although taking into the consideration the attitude to consequences there has been such form of guilt as indirect intent. Malovyskiy District Court of the Kirovograd region sentenced V., who was an economist and performed organizational and administrative functions. V. had the task to get the certificate for special use of water resources. But she did not fulfill her duties on time. As a result the legal person a few months drew water without required permission [13]. Clearly, in this case there has been an indirect intent. The person realized, that she did not fulfill her duties, foresaw, that the legal person would draw water and not wanting still allowed socially dangerous consequences to come.

The above-mentioned position to the form of guilt of the crime of official negligence relates only to Ukrainian criminal law. As the definition of the provision of the crime of abuse of authority differs a little in the CCs of the analyzed states. We consider it

a reasonable thought, that in the commission of an official negligence according to the CC of the Republic of Moldova the only careless form of guilt in the attitude towards consequences can take place.

The offence under Article 197 of the CC of the Republic of Latvia is the negligent crime.

Now about the subject of official negligence. According to the CC of the Republic of Moldova the subject of the offence is an official. The concept of the official under Article 123 of the CC – it is a person, who have rights and duties in state enterprise, establishment, organization (their offices) or in local enterprises, establishments, organizations, constantly or temporarily, by law, for the appointment, in conformity with results of the elections or on behalf some rights and duties as official functions or administrative acts, or organizational acts. So, as we see, pursuant to the CC of the Republic of Moldova criminal liability rests only with officials while people, who lead commercial, social and other non-state organizations are not subject to the corresponding article.

It is worth noting, that like Moldavian and Latvian legislation, Ukrainian legislator all official offences, whether the official is the representative of government or local administration, or this is the official of the legal person in private law, placed in the Chapter XVII of the CC, which is named "Criminal offences in office". The subjects of the offence of official negligence are the officials. Subjects of the crime of official negligence are officials the notion of whom is presented in parts 3 and 4 Article 18 of the CC of Ukraine. Accordingly, it can be both officials of the legal person in public law and in private law. Legal person in public laws a person, who constantly, permanently or upon authorization have the responsibility of the representatives of authority or local administration, and also constantly or permanently hold positions in government bodies, local government, in state enterprises or municipal companies, in establishments or organizations, related to performance of organizational and administering or administrative and management functions, or perform such functions upon authorization as the person is entitled by the authorized bodies of the State or authorized person in enterprise, establishment, organization, court or law [1]. Law does not give the definition of a legal person in private law but theorists,



by reviewing the rules reflected, point out, that such individuals cannot be the representatives of authority or local government with the exception of cases, when performing of the corresponding functions is upon authorization [11, p. 16].

Now let us turn to Article 197 of the CC of the Republic of Latvia. According to the provision of the article the subject of negligence is a responsible employee of the enterprise or organization or a person authorized by the enterprise or organization. The term “responsible employee” is not provided neither in Ukrainian, nor in Moldavian legislation. We can assume, that it is equivalent to an official in the Latvian Law. Form of property is not specified but the offence of the crime official negligence is given in the Chapter “Criminal offences of an economic nature”, so we can assume, that these are responsible employees of the enterprise, organizations, who are both in public and private property.

Latvian legislator, as we think, was right to indicate the bigger social danger of committing official negligence by the officials so envisaged in Chapter XXIV “Criminal offences committed in state authority service” of the CC responsibility for omission of the official. In Article 319 of the CC of the Republic of Latvia it is stated, that an omission is non-performance of duties by the official, that is, intentional or negligent non-performance of actions, which are her duties according to the law. The analysis of the provision reveals, that in fact the offence of the crime official negligence is included in the forms of objective part of this article. This is how Latvian legislator intended to emphasize the increase of public danger of this crime corresponding the subject of the crime. In the same chapter Article 316 the definition of the official is given. These are representatives of public authorities and any person, who constantly or temporarily performs official duties or self-governing official duties, in particular, and in state capital company or in company of the city municipality, and has the right to perform functions of care, control, investigation or punishment, or manage property or finance of a public person or the capital of their company.

As we see, the range of subjects included in the term of an official in the Republic of Latvia is a little wider, than in the corresponding rules of the criminal law of the Republic of Moldova (an official) and Ukraine (officials in the public law).

In the Republic of Latvia the analyzed notion includes individuals, who have the right to perform functions of care, control, investigation or punishment. Neither Article 123 of the CC of Moldova, nor p.3 of the note to Article 364 of the CC of Ukraine has this supplementary category of individuals. The common thing in Moldavian and Ukrainian legislation is emphasizing on the existence of a public right for the officials of organizational and administering or administrative and management functions.

Our next step is the review of the qualifying characteristics of official negligence under corresponding paragraphs of articles of the CCs of the analyzed states.

In the CC of the Republic of Moldova the reare such qualifying characteristics as the death of a person and other grave consequences. Identifying of the first mentioned characteristic does not pose any problems. But the notion of “grave consequences” in the criminal legislation is considered to be estimated. It is believed, that all the circumstances of the case should be taken into account, and the consequences must be serious enough (for example, poisoning of a big amount of people by medicine, and the permission given by negligence by the corresponding official) [8, p. 1017].

With regard to the qualifying signs of official negligence in Ukrainian legislation, p.2 of Article 367 of the CC provides for grave consequences. Accordingly, these are consequences which exceed 250 times the minimum non- taxable income. The question of defining “grave consequences” is discussed by Ukrainian researchers together with the question of substantial harm. As these criminal-legal categories are in clear monetary cost, while the question in the case non-material damage is still unsolved.

In the Article 197 of the CC of the Republic of Latvia qualifying elements are not included by the legislator. Instead, Article 319 has got a number of qualifying elements. Latvian legislator suggests more severe penalty in case of committing an offence by the official for profit (p. 2), non-performance resulting in grave consequences (p.3) or death of two people and more (p.4).

Conclusions. To sum up, appealing to the law experience of foreign countries in the regulation of the sphere of official negligence is necessary and feasible. Comparative analysis of foreign legislation

allows to correlate the national legal system with the legal systems of other countries, borrow high-quality projects for the own legislation in the sphere of legal regulation of the responsibility for official negligence.

In our view, the reflection in the CC of Ukraine of the provisions for guidance on the increased level of social danger of the official negligence committed by the authorities and local authorities is very logical. In addition, attention should be paid to the estimated concepts, specified in Article 367 of the CC of Ukraine as their regulatory uncertainties complicate the use of rules of the analyzed article by the courts in practice. Both the concept “substantial harm” and the concept “grave consequences” need the official interpretation by the legislator not to allow for enlarged interpretation of the Law to the strengthening of the criminal liability for official negligence, that is violation of the Article 7 of the Convention.

References:

1. Кримінальний кодекс України: Закон України від 5 квітня 2001 року № 2341-III. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (date of the request: 10.01.2018).
2. Уголовный кодекс Республики Молдова: Закон от 18 апреля 2002 года № 985. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (date of the request: 10.01.2018).
3. Уголовный Закон Латвии: Закон от 8 июля 1998 года № 199/200. URL: www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (date of the request: 10.01.2018).
4. Панов М. І. Вибрані наукові праці з проблем правознавства. Київ: Ін Юре, 2010. – 812 с.
5. Улдис Крастинш. Новый Уголовный Кодекс Латвии. Jurisprudencija. 1998. t. 10(2); С. 13-23. URL: <https://www3.mruni.eu/ojs/jurisprudence/article/viewFile/3866/3650>
6. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України: Закон України від 13 травня 2014 р. № 1261 – VII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1261-18>
7. Рішення у справі «Лійвік проти Естонії» від 25 червня 2009 року: комюніке Секретаря Європейського суду з прав людини. URL: <http://www.>



jurincom.com/ua/yuridichniy_visnyk_ukrayiny/overview/?id=5223

8. Уголовный Кодекс Республики Молдова. Комментарий. Под ред. В. Бужора, В. Гуцоляка. Кишинев, 2010. С. 134.

9. Минакова И. Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 205 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1559938/>

10. Тыняна М.А. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективных признаков в составе халатности. Вестник Томского государственного университета. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-otsenki-subektivnyh-priznakov-v-sostave-halatnosti>

11. Тютюгін В. І., Гродецький Ю. В., Гізімчук С. В. Злочини у сфері службової діяльності та професійної діяльності, пов'язаної з наданням публічних послуг: навч.-практ. посіб. / за ред. В. Я. Тація, В. І. Тютюгіна. Харків: Право, 2014. – 232 с.

12. Ухвала Володимир-Волинського міського суду Волинської області від 10 лютого 2014 року № 154/308/14-к. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/37063895>

13. Вирок Маловисківського районного суду Кіровоградської області від 13 лютого 2014 року № 392/117/14-к. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/37126789>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rak Svetlana Valerievna – Postgraduate Student of Academician Stashis of Scientific Research Institute for the Study of Crime Problems National Ukrainian Academy of Law Sciences, Assistant of the Criminal Law, Administrative Law and Procedure Department Poltava Law Institute Yaroslav Mudryi National Law University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рак Светлана Валериевна – аспирант Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины, ассистент кафедры уголовного и административного права и процесса Полтавского юридического института Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

svitlana.rak2017@gmail.com

УДК 347.961

ПРОЦЕДУРА СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Анна СЕРВЕТНИК,

адъюнкт кафедры гражданского права и процесса
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье на основании анализа доктринальных источников и положений действующего законодательства Украины представлена развернутая характеристика процессуального порядка совершения исполнительной надписи нотариуса. Определены основные стадии нотариального производства по совершению исполнительной надписи, а также их содержательное наполнение отдельными нотариальными действиями. Сформулировано ряд предложений по усовершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: исполнительная надпись нотариуса, нотариальное производство, нотариальный акт, стадия нотариального процесса, защита гражданских прав нотариусом.

PROCEDURE OF PERFORMANCE OF THE NOTARIAL ORDER ON THE LEGISLATION OF UKRAINE

Anna SERVETNIK,

Adjunct of the Civil Law and Process Department
National Academy of Internal Affairs (Kiev, Ukraine)

SUMMARY

The article based on the analysis of doctrinal sources and provisions of the current legislation of Ukraine, provides a detailed description of the procedural order of the notarial order. The main stages of notarial production for the performance of notarial order, as well as their content filling with individual notarial actions, are determined. A number of proposals have been formulated to improve the current legislation.

Key words: notarial order, notary production, notarial deed, stage of notarial process, protection of civil rights by a notary.

REZUMAT

Articolul, bazat pe analiza surselor doctrinare și a prevederilor actualei legislații din Ucraina, oferă o descriere detaliată a ordinii procedurale de executare a inscripției executive a notarului. Se determină principalele etape ale producției notariale pentru realizarea inscripției executive, precum și completarea conținutului acestora cu acțiuni notariale separate. Au fost formulate mai multe propuneri pentru îmbunătățirea legislației actuale.

Cuvinte cheie: inscripția notarială executivă, producția notarului, actul notarial, etapa procesului notarial, protecția drepturilor civile de către un notar.

Постановка проблемы. Осуществляя регулирование гражданских правоотношений, законодатель, в свою очередь, предусматривает целый спектр форм защиты прав их участников в случае нарушения. Помимо судебной формы, которая бесспорно является наиболее популярной, субъекту гражданских правоотношений, права которого были нарушены, предоставляется возможность воспользоваться и

ными формами защиты. Классическим примером последних является нотариальная форма защиты прав, которая реализуется посредством использования такого способа как совершение исполнительной надписи нотариусом.

Состояние исследования. Степень разработки проблем совершения исполнительной надписи нотариуса в науке нотариального права следует признать вполне достаточной. В частности, институт исполнительной надписи стано-



вился предметом исследований таких ученых как В.В. Баранкова, М.М. Дьякович, Ю.В. Желиховская, Д.В. Журавлев, Р.А. Майданик, В.В. Комаров, Н.В. Сучкова, С.Я. Фурса, В.В. Ярков и других. Вместе с тем, некоторые аспекты указанной проблематики остаются недостаточно изученными, что актуализирует необходимость проведения новых научных исследований.

Целью данной статьи является доктринальный анализ и характеристика процессуального порядка совершения исполнительной надписи нотариусом по законодательству Украины.

Изложение основного материала.

Совершение исполнительной надписи как способа защиты гражданского права нотариусом происходит в рамках специального нотариального производства. Нотариальные действия, которые в совокупности составляют конструкцию нотариального производства по совершению исполнительной надписи, осуществляются в установленном законодательством процессуальном порядке. Такой порядок регламентируется главой 14 Закона Украины «О нотариате» и главой 16 раздела II Порядка совершения нотариальных действий нотариусами Украины, утвержденного Приказом Министерства юстиции Украины № 296/5 от 22 февраля 2012 года (далее – Порядок). Именно эти два нормативных документа представляют центральный объект научного анализа.

Порядок совершения исполнительной надписи нотариусом характеризуется наличием определенной последовательности, отражающей процессуальную природу нотариального производства. Последовательность нотариального производства характеризуется признаком стадийности, которая является неотъемлемым атрибутом процессуальной материи. Как отмечают В.В. Комаров и В.В. Баранкова стадийность – это признак нотариального процесса, который определяет его динамику, последовательность осуществления процессуальной деятельности. В то же время стадия нотариального процесса как его составная часть образуется совокупностью нотариальных процессуальных действий, направленных на одну ближайшую процессуальную цель, и характеризуется пространственно-временными границами, специфическим кругом субъектов, об-

ладающих определенными правами и обязанностями, присущими им именно в этой стадии, а также процессуальными документами, которые выдаются нотариусом в данной стадии [1, с. 85].

Анализ положений действующего законодательства о нотариате позволяет выделить такие обязательные стадии нотариального производства по совершению исполнительной надписи нотариуса: 1) открытие нотариального производства; 2) подготовка к совершению исполнительной надписи; 3) *рассмотрение нотариального дела по существу и совершение исполнительной надписи.*

Ознакомление с содержанием главы 14 Закона Украины «О нотариате» и главы 16 раздела II Порядка, в сочетании с положениями доктрины нотариального процесса, дает возможность представить содержательную характеристику порядка совершения исполнительной надписи через анализ отдельных стадий соответствующего нотариального производства.

Стадия открытия нотариального производства по совершению исполнительной надписи является первой стадией, содержание которой составляет представление взыскателем заявления о совершении исполнительной надписи и проверка ее нотариусом. Целью этой стадии является проверка нотариусом общих предпосылок для совершения исполнительной надписи. В свою очередь предметом проверки становятся следующие вопросы: соблюдение правил нотариальной подведомственности; установление лица – взыскателя, обратившегося за совершением нотариального действия и объема его правоспособности и дееспособности; соответствие заявления о совершении исполнительной надписи требованиям законодательства.

Подведомственность является категорией процессуального права, которая определяет компетенцию определенного органа по рассмотрению конкретного юридического дела. Применимо к нотариату подведомственность определяет круг нотариальных дел, решение которых подпадает под компетенцию отдельного нотариуса.

Особенностью подведомственности дел по совершению исполнительной надписи является то, что в соответствии с п. 1.4. главы 16 раздела II Порядка,

исполнительная надпись совершается нотариусом независимо от места выполнения требования, местонахождения должника или взыскателя.

Ранее, когда законодательство предусматривало такое основание совершения исполнительной надписи как неоплата чека, подача заявления в таком случае была возможна исключительно нотариусу по месту нахождения плательщика [2]. Сегодня же, в отличие от других нотариальных производств, где существует конкретная привязка к месту совершения нотариального действия, совершение исполнительной надписи не предусматривает такой привязки и взыскатель может сам выбирать для себя к какому нотариусу ему обращаться.

Следует отметить, что логика законодателя в этом случае вполне понятна, ведь совершение исполнительной надписи происходит без участия должника. Вместе с тем мы не разделяем такой подход, поскольку считаем, что отсутствие должника во время совершения исполнительной надписи должно компенсироваться рядом гарантий защиты его интересов в случае, если исполнительная надпись будет совершена незаконно.

В качестве одной из таких гарантий нам представляется закрепление в законодательстве положения о совершении исполнительной надписи нотариусом по месту нахождения должника. Такой подход, по нашему мнению, позволит повысить оперативность рассмотрения дел о признании исполнительной надписи, не подлежащей исполнению, поскольку сократит время предоставления в суд необходимых документов нотариусом, местонахождение которого совпадает с территориальной юрисдикцией соответствующего суда.

Согласно ч. 2 ст. 43 Закона Украины «О нотариате», главы 3 раздела I Порядка, при совершении нотариального действия нотариус устанавливает личность обратившегося за совершением нотариального действия. О способе установления личности нотариусом делается соответствующая запись в реестре нотариальных действий.

Инструментом инициирования нотариального производства является заявление взыскателя о совершении исполнительной надписи, которое составляется в письменной форме и



должно соответствовать установленным требованиям относительно ее содержания.

Согласно п. 2.1. главы 16 раздела II Порядка такое заявление должно содержать:

- сведения о наименовании и месте жительства или пребывания взыскателя и должника;
- дату и место рождения должника – физического лица, место его работы;
- номера счетов в банках, кредитных учреждениях, код ЄГРПОУ для юридического лица;
- срок, за который должно производиться взыскание;
- информацию о сумме, подлежащей взысканию, или предметов, которые подлежат истребованию, включая пеню, штрафы, проценты и т.д.

Заявление может содержать также иную информацию, необходимую для совершения исполнительной надписи.

Согласно п. 8.11. Правил ведения нотариального делопроизводства, утвержденных Приказом Министерства юстиции Украины № 3253/5 от 22 декабря 2010 года, на заявлении о совершении исполнительной надписи в правом нижнем углу первой страницы проставляется регистрационный штамп, в котором указываются наименование конторы, архива или нотариального округа, фамилия, инициалы частного нотариуса, дата поступления документа и его регистрационный номер (порядковый номер по регистрационному журналу и номер дела (наряда) по номенклатуре дел) [3].

По результатам установления личности взыскателя, объема его дееспособности, а также проверки содержания заявления о совершении исполнительной надписи на предмет ее соответствия требованиям законодательства, нотариус может принять одно из двух решений: 1) о принятии заявления и переходе к осуществлению подготовительных действий; 2) об отказе в совершении нотариального действия.

В этом аспекте важно подчеркнуть, что, ознакомившись с заявлением и убедившись в его соответствии формальным требованиям, нотариус не может сразу принять обоснованный нотариальный акт без проведения соответствующей подготовки, для этого законодательство предусматривает отдельную стадию нотариального производства.

Таким образом, следующей стадией нотариального производства является подготовка нотариуса к совершению исполнительной надписи.

В юридической литературе стадия подготовки к совершению нотариального действия признается самостоятельной стадией нотариального процесса, которая имеет целью создание необходимых условий для правильного совершения нотариального действия и принятия нотариального акта [1, с. 86].

Системный анализ положений Порядка и его главы 16 раздела II, в частности, позволяет нам сделать вывод, что стадия подготовки к совершению исполнительной надписи охватывает круг таких действий нотариуса: 1) решение вопроса о составе лиц, участвующих в соответствующем нотариальном производстве; 2) разъяснение взыскателю его прав и обязанностей, а также содержания и значения нотариального действия; 3) определение предмета доказывания и круга доказательств, необходимых для совершения исполнительной надписи; 4) проверка правильности и полноты оплаты за совершение исполнительной надписи.

Специфика нотариального производства по совершению исполнительной надписи состоит в том, что в нем, наряду с нотариусом, участвует только один субъект нотариальных правоотношений – взыскатель. Разъяснение его прав и обязанностей, а также смысл и значение такого нотариального действия как совершение исполнительной надписи, осуществляется согласно ч. 2 ст. 5 Закона Украины «О нотариате», с учетом положений главы 16 раздела II Порядка.

Центральным компонентом стадии подготовки к совершению исполнительной надписи выступает определение предмета доказывания, а также круга доказательств, которыми подтверждается обоснованность требований взыскателя.

Предметом доказывания в нотариальном производстве по совершению исполнительной надписи законодательство определяет условия совершения исполнительной надписи, предусмотренные в ст. 88 Закона Украины «О нотариате» и п. 3 главы 16 раздела II Порядка.

В соответствии со ст. 88 Закона Украины «О нотариате» нотариус совер-

шает исполнительные надписи, если представленные документы подтверждают бесспорность задолженности или иной ответственности должника перед взыскателем и при условии, что со дня возникновения права на иск прошло не более трех лет, а в отношениях между предприятиями, учреждениями и организациями – не более одного года. Если для требования, по которому выдается исполнительная надпись, законом установлен иной срок давности, исполнительная надпись выдается в пределах этого срока.

Толкование содержания вышеуказанной статьи позволяет сделать вывод, что доказывание в нашем случае охватывает две группы фактов:

- 1) факт наличия оснований для совершения исполнительной надписи;
- 2) факт соблюдения взыскателем сроков для совершения исполнительной надписи.

Основания для совершения исполнительной надписи закреплены в ряде законодательных актов, в частности, Гражданском кодексе Украины, Семейном кодексе Украины, Кодексе торгового мореплавания Украины, Законах Украины «Об ипотеке», «О залоге», «Об обеспечении требований кредиторов и регистрации обременений», «О финансовом лизинге», «Об аренде государственного и коммунального имущества», «Об обращении векселей в Украине», «Об аграрных расписках» и др. Кроме этого важное значение для установления наличия оснований имеет Перечень документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей нотариусов, утвержденный Постановлением Кабинета Министров Украины № 1172 от 29 июня 1999 (далее – Перечень). Для доказательства факта наличия таких оснований, вместе с заявлением о совершении исполнительной надписи, взыскатель должен представить нотариусу:

- а) оригинал долгового обязательства;
- б) документы, которые подтверждают бесспорность задолженности, согласно Перечню.

Прежде чем начать исследование доказательств, нотариус по содержанию поданного взыскателем заявления должен, прежде всего, определить, на



каком основании планируется совершение исполнительной надписи.

При исследовании вышеуказанных доказательств, нотариус должен установить: 1) соответствует ли оригинал долгового обязательства требованиям закона; 2) предусмотрено ли долговое обязательство Перечнем; 3) соответствуют требованиям относимости и достаточности документы, представленные взыскателем, Перечню; 4) не подпадает ли имущество, на которое предлагается обратиться взыскание, в перечень имущества, обращение взыскания на которое запрещено законодательством, или осуществляется по решению суда; 5) правильность произведения расчетов размера взыскания.

Все вышеперечисленные действия преследуют одну цель – убедиться в беспорочности требований взыскателя. Вместе с тем, если у нотариуса возникают сомнения или существует потребность в получении иной информации или документов, имеющих значение для обоснованного совершения исполнительной надписи, он вправе истребовать их у взыскателя. Возникновение такой потребности является самостоятельным основанием для отложения совершения нотариального действия.

Исполнительная надпись может быть совершена только при условии, если со дня возникновения права требования прошло не более трех лет, если законом не установлен иной срок давности. Кроме этого, положениями ст. 88 Закона Украины «О нотариате» установлен специальный годичный срок для задолженности, которая возникает в отношениях между предприятиями, учреждениями и организациями. Эта норма справедливо подвергается критике в юридической литературе. Как считает Д.В. Журавлев, такое положение является анахроничным, поскольку на момент принятия Закона Украины «О нотариате» действующим был старый ГК УССР 1963 года, который предусматривал срок исковой давности между юридическими лицами в один год. Действующий ГК Украины установил общий срок исковой давности в три года, а потому соответствующее положение Закона Украины «О нотариате» требует согласования с нормами ГК Украины [4, 77].

Согласно п. 3.4. главы 16 раздела II Порядка сроки, в течение которых может быть совершена исполнительная надпись, исчисляются со дня, когда у взыскателя возникло право принудительного взыскания долга. При определении такого момента, на наш взгляд, целесообразно пользоваться действующими положениями гражданского законодательства, которые определяют момент истечения срока исковой давности [5].

Таким образом, отдельным фактом, который требует доказывания, является не пропуск взыскателем сроков обращения к нотариусу, что также связано с необходимостью установления беспорочности его требований.

Последним действием нотариуса на стадии подготовки должна стать проверка оплаты взыскателем необходимых платежей для совершения исполнительной надписи.

Оплата нотариальных действий регулируется ст.ст. 20, 31 Закона Украины «О нотариате», главой 16 раздела I Порядка. Размер платы за совершение исполнительной надписи зависит прежде всего, от того, какой нотариус осуществляет указанное нотариальное действие: государственный или частный [6].

За совершение исполнительной надписи нотариусом взимается государственная пошлина, размер которой согласно пп. «о» п. 3 ч. 1 ст. 3 Декрета Кабинета Министров Украины «О государственной пошлине» составляет 1 процент суммы, которая взимается, или 1 процент стоимости имущества, которое подлежит истребованию, но не менее 3 необлагаемых минимумов доходов граждан и не более 100 необлагаемых минимумов доходов граждан.

Частные нотариусы за совершение нотариальных действий взимают плату, размер которой определяется по договоренности между частным нотариусом и физическим или юридическим лицом, но не менее размера ставок государственной пошлины, взимаемой государственными нотариусами за аналогичные нотариальные действия (п. 3 главы 16 раздела I Порядка). Таким образом, размер платы частному нотариусу за совершение исполнительной надписи не может быть меньше размера государственной пошлины. Вместе с тем максимальный размер расходов

на совершение исполнительной надписи частным нотариусом законодательство не определяет, поскольку по общему правилу определяется по договоренности сторон. Это гипотетически предоставляет взыскателю и нотариусу по договоренности выйти за пределы, установленные Декретом.

Совершив все вышеуказанные подготовительные действия, нотариус переходит к третьей стадии нотариального производства – рассмотрению нотариальной дела по существу и совершению исполнительной надписи.

Как отмечает С.Я. Фурса, эта стадия отличается от подготовки к совершению тем, что на ней нотариус принимает окончательное решение о возможности совершения нотариального действия с учетом проведенных им подготовительных мероприятий [7, с. 380].

Предметом деятельности нотариуса в стадии рассмотрения дела по существу и совершения нотариального акта, отмечают В.В. Комаров и В.В. Баранкова, будет анализ представленных доказательных материалов, их исследование и оценка, на основании чего будет сделан вывод о применении норм материального права, а также оформлен и выдан соответствующий процессуальный документ. Данная стадия, по мнению ученых, состоит из нескольких частей: подготовительная часть; непосредственное совершение удостоверительной надписи; регистрация нотариального действия [1, с. 88]. С.Я. Фурса, в свою очередь, предлагает добавить к перечисленным еще одну часть – выдачу оригинала нотариального акта [7, с. 380].

Мы разделяем вышеуказанный подход, поскольку он позволяет в полной мере раскрыть содержание очерченной стадии нотариального производства.

В подготовительной части нотариус подводит итоги предыдущей стадии с целью принятия окончательного решения по нотариальному делу. Для этого нотариус удостоверяется в реальности намерений взыскателя обратиться взыскание по исполнительной надписи, а также осуществляет окончательную оценку предоставленных ему доказательств.

По результатам окончательной оценки доказательственного материала нотариус может принять одно



из двух решений: 1) о совершении исполнительной надписи или 2) об отказе в совершении исполнительной надписи.

Общие основания для отказа в совершении нотариального действия предусмотрены в ст. 49 Закона Украины «О нотариате». Применимо к исполнительной надписи, отказ в его совершении может быть мотивирован отсутствием соответствующих условий для этого (недоказанности фактов, которые входят в предмет доказывания), а именно: отсутствие оснований для совершения исполнительной надписи; непредставление взыскателем необходимых документов, предусмотренных Перечнем; истечение срока обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи; предметом взыскания выступает имущество, обращение взыскание на которое запрещено законодательством Украины либо осуществляется исключительно по решению суда; в иных случаях, когда возникают сомнения в бесспорности требований взыскателя.

Согласно ч. 4 ст. 49 Закона Украины «О нотариате» об отказе в совершении исполнительной надписи нотариус в течение трех рабочих дней выносит соответствующее постановление. При этом по требованию взыскателя, которому было отказано в совершении исполнительной надписи, нотариус обязан изложить причины отказа в письменной форме и разъяснить порядок его обжалования.

При отсутствии вышеуказанных оснований, нотариус принимает решение о совершении исполнительной надписи.

Законодательные требования относительно структуры и содержания исполнительной надписи определены в ст. 89 Закона Украины «О нотариате» и п. 4 главы 16 раздела II Порядка. Кроме того, исходя из двойственности природы исполнительной надписи как нотариального акта и исполнительного документа ее содержание должно соответствовать также всем требованиям, предусмотренным Законом Украины «Об исполнительном производстве».

Важным требованием и неотъемлемой частью исследуемой стадии, которая обеспечивает законность исполнительной надписи, является ре-

гистрация соответствующего нотариального действия [8]. В соответствии со ст. 52 Закона Украины «О нотариате», главы 11 раздела I Порядка, о всех нотариальных действиях, совершаемых нотариусами или должностными лицами органов местного самоуправления, делается запись в реестрах для регистрации нотариальных действий после того, как нотариус сделает удостоверяющую надпись на документе или подпишет документ, который выдается. Нотариальное действие считается совершенным с момента внесения об этом записи в реестр для регистрации нотариальных действий. Запись в реестре для регистрации нотариальных действий является доказательством совершения нотариального действия. При этом исполнительная надпись нотариуса вступает в силу с даты его регистрации в реестре для регистрации нотариальных действий, о чем говорится в тексте самой исполнительной надписи.

Нотариальное производство по совершению исполнительной надписи завершается выдачей оригинала исполнительной надписи взыскателю, о чем последний ставит личную подпись. В делах нотариуса при этом, согласно п. 7.1. главы 16 раздела II Порядка, остается копия документа, устанавливающего задолженность (выписка из лицевого счета должника или копия счета, справка диспашера и т.д.), или сделки, по которым осуществляется взыскание и экземпляр исполнительной надписи. Один экземпляр выписки с исполнительной надписью и оригинал долгового обязательства возвращаются взыскателю, а второй экземпляр остается у нотариуса.

Выводы. Таким образом, подводя итоги, отметим, что порядок совершения исполнительной надписи нотариусом характеризуется наличием определенной последовательности, отражающей процессуальную природу нотариального производства. В своем развитии, с момента обращения взыскателя к нотариусу с заявлением о совершении исполнительной надписи, до момента его совершения, нотариальное производство проходит три стадии: открытие нотариального производства; подготовка к совершению исполнительной надписи; рассмотрение нотариального дела по су-

ществу и совершение исполнительной надписи. Каждая из перечисленных стадий отличается спецификой отдельных нотариальных действий и конечной процессуальной целью.

Список использованной литературы:

1. Нотаріат в Україні: підручник / В.В. Комаров, В.В. Баранкова. – Х.: Право, 2012. – 384 с.
2. Інструкція про порядок вчинення нотаріальних дій нотаріусами України, затверджена Наказом Міністерства юстиції України № 20/5 від 03 березня 2004 року. URL:<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0283-04>
3. Правила ведення нотаріального діловодства, затверджених Наказом Міністерства юстиції України № 3253/5 від 22 грудня 2010 року URL:<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1318-10>
4. Журавльов Д.В. Виконавчі написи як засіб захисту нотаріусами цивільних прав юридичних та фізичних осіб. Бюлетень Міністерства юстиції України. 2010. № 8. – 76-82 с.
5. Токар Н. Визначення початку перебігу строку позовної давності в цивільному праві України. Підприємництво, господарство і право. 2006. № 9. – 16-19 с.
6. Терсіна О. Нотаріальні надії [розмір оплати послуг нотаріуса]. Український юрист. 2014. № 11. – 20-21 с.
7. Теорія нотаріального процесу: науково-практичний посібник / За заг. ред. С.Я. Фурси. К.: Алерта; Центр учбової літератури. 2012. – 920 с.
8. Єрух А.М. Практичний коментар до Порядку ведення та заповнення реєстрів для реєстрації нотаріальних дій. Х.: Страйд. 2008. – 96 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серветник Анна Геннадиевна – адъюнкт кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Servetnik Anna Hennadiievna – Adjunct of the Civil Law and Process Department of National Academy of Internal Affairs

annaservetnik@ukr.net



УДК 340.1

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX СТ.

Виталий СЕРЕДУК,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Университета Короля Данила

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются основные правовые принципы «украинского вопроса» в программных документах украинских политических партий начала XX в. Осуществляется систематизация партий по их правовым направлениям. Определяются основные факторы, которые способствовали утверждению идеи самостоятельности и соборности украинских земель и препятствия к реализации этой цели. Определено, что основными направлениями реализации правовой мысли исследуемого периода были социал-демократическое, либерально-демократическое и самостоятельное. Распространение каждого из них оговаривалось существующими правовыми системами и общественной ситуацией, сложившимися на рубеже XIX–XX веков. Общей чертой при решении «украинского вопроса» было акцентирование внимания на национальном факторе. При этом в Галиции и Надднепровьи лидеры политической мысли вкладывали в это понятие разный смысл.

Ключевые слова: «украинский вопрос», политико-правовая мысль, политические партии, национальное сознание, идея соборности, возрождение национального государства.

«UKRAINIAN QUESTION» IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE UKRAINIAN POLITICAL PARTIES IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Vitaliy SEREDUK,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law
King Danilo University

SUMMARY

The article reveals the main legal principles of the «Ukrainian question» in the program documents of the Ukrainian political parties of the early XX century. The parties are systematized according to their legal directions. The main factors, that contributed to the assertion of the idea of independence and conciliarity of Ukrainian lands and obstacles to the realization of this goal are determined. It is determined, that the main directions of the implementation of legal thought of the Ukrainian period under review was a social democratic, liberal-democratic and independent. The distribution of each of them was stipulated by the existing legal systems and the social situation, that took place at the turn of the XIX–XX centuries. A common feature in the solution of the «Ukrainian question» was the emphasis on the national factor. At the same time, in Galicia and Naddniprovyie the leaders of political thought put different meaning into this notion.

Key words: «Ukrainian issue», political and legal thought, political parties, national consciousness, idea of catholicity, revival of the national state.

REZUMAT

Articolul descrie principiile juridice de bază ale „problema ucraineană” în documentele programatice ale partidelor politice ucrainene de la începutul secolului XX. Părțile sunt sistematizate în conformitate cu direcțiile lor juridice. Acesta identifică factorii principali care au contribuit la aprobarea ideii de independență și catolicitatea terenurilor din Ucraina, precum și obstacolele în calea realizării acestui obiectiv. Sa stabilit că principalele direcții ale gândirii juridice ucrainean al perioadei de testare a fost social-democrat, liberal-democrată și independentă. Difuzarea fiecăreia dintre ele specificate sistemul juridic existent și situația socială, care a avut loc la rândul său, din secolele XIX și XX. O trăsătură comună în soluționarea „întrebării ucrainene” a fost accentul pus pe factorul național. În același timp, în liderii Galiția și Naddniprove gândirii politice a investit în acest sens concept diferit.

Cuvinte cheie: „problema ucraineană” gândirii politice și juridice, partide politice, conștiința națională, ideea catolicitate, revigorarea statului-națiune.

Постановка проблемы. Начало XX в. ознаменовалось активизацией украинского национального движения, что было обусловлено рядом причин. Во-первых, украинское национальное движение вошло в третью фазу своего становления – политическую, что ознаменовалось процессом его институционального оформления путем создания первых украинских политических

партий. Во-вторых, политико-правовая мысль XIX в. накопила значительный массив мировоззренческих и правовых убеждений, которые получили четкую структуризацию в виде политических программ партий, различных по своим идеологическим направлениям, методам борьбы и конечным видением реализации идеи украинской государственности. В-третьих, как в Россий-

ской, так и Австро-Венгерской империи, в начале XX в. наблюдались определенные черты либерализации общественно-политической жизни, которые дали толчок национальным движениям и акцентированию внимания на «национальном вопросе». В конце концов, в начале XX в. «украинский вопрос» перестал быть исключительно национальным, поскольку был включен в



сферу интересов иностранных государств и приобрел геополитическое значение.

С начала XX в. до 1917 г. украинская национальная идея, которая составляла основу «украинского вопроса», прошла длительную эволюцию. Идеи панславизма, которые доминировали на рубеже веков, утратили свою популярность и уступили идеям самостоятельности и соборности. Одновременно социализм, который был доминирующей правовой идеологией исследуемого периода, повлиял и на содержание национального вопроса. Именно поэтому «украинский вопрос» представлял собой сочетание национального и социального факторов.

Актуальность темы исследования обуславливается потребностью в комплексном, обобщающем исследовании, которое раскрывает правовое содержание «украинского вопроса» в начале XX в. «Украинский вопрос», который представлял собой комплекс факторов, призванных обеспечить возрождение национальной государственности, требует именно правового анализа, поскольку выходит за пределы исторических или политических исследований.

Состояние исследования. В украинской историко-правовой науке в последнее время акцентируется внимание на изучении особенностей становления национальной правовой мысли начала XX в. как таковой, что определила содержание и характер освободительной борьбы 1917-1921 гг. Вместе с тем программные документы первых политических партий исследуемого периода являются малоизученными. Особого внимания требует исследование «украинского вопроса» в их программных документах.

В советский период проблема эволюции украинской национально-государственной мысли была полна идеологических стереотипов. Исследователи обвиняли в «буржуазном национализме» всех, кто акцентировал внимание на «украинском вопросе», характеризуя это «антинародной идеологией» [5, с. 149]. Современные российские исследователи не отказались от устоявшихся в советские времена идеологических и научных стереотипов. Примером служит исследование И. Махутиной [9], которая (начиная с

Переяславской Рады 1654 г.) рассматривает историю украинской государственности как часть общероссийской, а украинские политические партии начала XX в. классифицирует как подражателей российских политических партий. Однако следует отметить, что отдельные российские исследователи отходят от указанных стереотипов. В этом плане заслуживающими внимания являются труды О.Миллера, в которых он рассматривает эволюцию «украинского вопроса» в империи Романовых [7; 8].

В отечественной науке на сегодняшний день деятельность украинских политических партий начала XX в. основательно изучена, однако это делалось, как правило, историками и меньше юристами, поэтому мы можем проанализировать не столько содержание их правовых платформ, а общественные условия их создания, развития и границ влияния на общество. Собственно анализ историографии деятельности политических партий Галиции осуществлен в публикации Н. Винник [1].

Среди украинских и иностранных исследователей политических программ украинских партий и их влияния на процесс создания государства можно выделить труды Н. Винник, Т. Гунчака, В. Касьянова, А. Куприянчука, А. Луцкого, А. Павка, А. Шишко, В. Яремчука и др.

Важны в этом плане исследования А. Луцкого, который политические программы украинских политических партий рассматривает как основную составляющую в процессе эволюции правовой идеологии Украины [6]. Идея государственности в программных документах политических партий стала объектом исследования А. Шишко. Он пришел к выводу, что именно благодаря деятельности украинских политических партий, проблема государственности Украины была выведена на идеологический уровень, на уровень практической политики, стала стержнем национального вопроса в Украине [14, с. 18].

Целью и задачей статьи являются: – определение правовых идей украинских политических партий начала XX в., предусматривающих решение проблемы украинской государственности;

– систематизация основных правовых взглядов и идей, которые формировали «украинский вопрос» не только как курс к разрешению национальных требований украинцев, но и как мировоззренческую составляющую тогдашнего населения.

Изложение основного материала.

Политизация национального движения на украинских землях происходило по-разному. Закономерно, что в Галиции эти процессы происходили быстрее, поскольку либерализм, присущий империи Габсбургов, способствовал подобным процессам. Более того, галицкие украинцы имели весомый опыт парламентской деятельности, поскольку с 1861 г. они были представлены в Галицком краевом сейме и имперском парламенте. По мнению Л. Илина, именно создание краевых сеймов в 1861 г. позволило решить целый ряд политических вопросов, которые были актуальными для отдельных провинций империи Габсбургов [17, с. 44]. Для Надднепровья первый парламентский опыт был получен только в условиях российской демократической революции 1905-1907 гг. Собственно Дума стала местом, где представители украинских политических сил смогли на практике проверить собственные правовые убеждения.

Всего на рубеже XIX–XX вв. на украинских землях существовало более десятка политических партий, которые по своим идеологическим направлениям делились на:

- социал-демократические;
- либерально-демократические;
- сторонники независимости.

При этом именно социал-демократическая идеология была доминирующей правовой идеологией начала XX в., поскольку обуславливалась существующими правовыми и социально-экономическими условиями развития государства и общества. Закономерно, что идеи независимости были наименее популярными, поскольку предусматривали применение радикальных мер и методов политической борьбы. Они также не получили поддержки среди широких общественных слоев, поскольку социальный вопрос откладывали на второй план, а с другой – доминирующей правовой идеей тех времен был славянский федерализм и ликвидация



самодержавия. Если в Галиции понятие «нация» и «национальное государство» утвердились и получили распространение в XIX в., то в Надднепровье они не стали доминирующими, а их смысл сводился к подчеркиванию отдельности украинцев от других народов империи Романовых.

Исследуя решение «украинского вопроса» в программах украинских политических партий начала XX в., в соответствии с приведенными выше идеологическими типами, заслуживают внимания программы Русско-украинской радикальной партии (РУРП), Революционной украинской партии (РУП), Украинской народной партии (УНП), Украинской социалистической партии (ВСП), Украинского социал-демократического союза («Спилка»), Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), Украинской демократической партии (УДП), Украинской радикальной партии (УРП), а также межпартийной организации Общества украинских поступовцев (ОУП).

Первой украинской политической партией была Русско-украинская радикальная партия, созданная во Львове 1890 г. Возникновение этой партии было следствием оппозиции к существующим в Галиции общественно-политическим течениям народников и москвофилов, которые по мнению молодого поколения галичан не могли обеспечить расширение национально-культурных прав. Будучи социалистической по своему идеологическому направлению, программа партии имела план минимум, который предусматривал достижение материального благосостояния граждан края, а план максимум – достижение социально-экономических, политических и культурных свобод [13]. Однако, не смотря на то, что партия была первой, а ее участники не имели партийного опыта, частыми были дискуссионные моменты, которые возникали именно вокруг решения «украинского вопроса». Одна часть участников партии выступала за расширение национально-политической автономии края и его разделение по этническому принципу, а другая – придерживалась откровенного либерализма к имперской власти. Уже в ноябре 1895 г. программа была пере-

смотрена. Одним из инициаторов изменения был Ю. Бачинский, который в работе «Україна irredenta» впервые сформировал идею независимости украинских земель. По его представлению, в программу партии был внесен пункт, что осуществление партией «ідеалів соціалістичних можливе є при повній самостійності політичній русько-українського народу» [15]. То есть, конец XIX в. стал периодом, когда идея «украинского вопроса» перестала быть только комплексом политических, социальных и культурных требований, а получило четкую идею – достижение независимости украинских земель. Более того, Ю. Бачинский в своей работе идею соборности обосновывал не столько как национальную или этническую потребность, а опираясь на социально-экономические показатели развития региона и их потенциал.

В конечном итоге РУРП стала платформой для будущих политических партий Галиции, возникших на рубеже XIX-XX вв. и оказывавших влияние на правосознание местного населения несколько следующих десятилетий. Следует выделить Украинскую национально-демократическую партию (УНДП), Украинскую радикальную партию (СРП), Украинскую социал-демократическую партию (УСДП), Католический русско-народный союз (с 1911 г. – Христианско-общественная партия (ХСП) [1, с. 11-12].

В 1899 г. из членов РУРП возникла Украинская национально-демократическая партия, членом которой был также и М. Грушевский. Политический опыт, который он получил находясь во Львове, имел значительное влияние на формирование будущего лидера Украинской Центральной Рады. Политическая программа УНДП предусматривала разделение Галиции на две административные единицы по этническому принципу: Восточную – украинскую, Западную – польскую. Принципиальным для них было достижение равноправия украинского языка в образовании, быту и администрации, открытие украинского университета во Львове и достижение всеобщего избирательного права. Конечной целью партии было достижение самостоятельно-

сти и соборности Украины, борьбу за которую предлагалось начать именно с Галиции, которая считалась «украинским Пьемонтом» [12, с. 12].

По мнению украинских исследователей УНДП была партией парламентского типа, имела влияние не только на рост национального самосознания населения, но и на властные структуры [12, с. 12].

На Надднепровье политизация национального движения происходила с опозданием, что было обусловлено жесткими условиями абсолютизма. В 1891 г. в Харькове возникло так называемое «Братство тарасовцев», что стало прообразом политической партии. В их понимании «украинский вопрос» состоял в достижении национального суверенитета. В их программе отмечалось, что «Україна була, є і буде завсіди окремою нацією, і як кожна нація, так і вона потребує національної волі для своєї праці й поступу» [2, с. 14]. По мнению А. Павко, именно «Братство тарасовцев» в своей программе «Стесію молодих українців», опубликованной в 1893, впервые провозгласило самостоятельную перспективу развития Украины, причем это развитие предусматривало достаточно глубокие социально-экономические преобразования [11].

Акцентирование внимания на национальном вопросе стало основополагающим смыслом «украинского вопроса» на рубеже XIX-XX вв. Так, по мнению, Г. Касьянова национализм стал ключевым элементом программ всех украинских политических партий исследуемого периода [4, с. 309]. При этом он справедливо замечает, что национальная составляющая была основой всех политических сил, как «националистических», так и тех, что осуждали национализм [4, с. 309]. По нашему мнению, такая ситуация обуславливалась тем, что понятия «нация» и «национальная самоидентификация» были спровоцированы самим российским империализмом, который поставил украинцев в такие общественно-политические условия, которые требовали доказательства и подчеркивания своей национальной идентичности, которая отличала их от других народов империи. Вместе с тем следует отметить,



что национализм развивался в рамках либеральной правовой идеологии. При этом либерализм был доминирующим, как для западно-украинских земель, так и для Надднепровья. Исходя из этого, «украинский вопрос» в начале XX в. впитал в себя национальную составляющую, которая под давлением имперской власти превратилась в идею национальной самоидентификации и возрождения государства исходя из этнического и национального принципа.

Неудивительно, что национальная идея была ключевой в политической программе первой в Надднепровье Революционной украинской партии (Харьков, 1900 г.). Программным документом этой политической силы стала брошюра бывшего члена «Братства тарасовцев» М. Михновского «Самостійна Україна». Собственно написанная им работа не была классической программой действий, а скорее краеугольным камнем украинской национальной идеи и впервые сформированной и обоснованной концепции соборности украинских земель. Показательно, что даже в наше время актуальны слова М. Михновского, что «часи вишиваних сорочок, свити та горілки минули... Третя українська інтелігенція стає до боротьби кривавої і безпощадної. Вона випикує на своєму прапорі ці слова: «Одна, єдина, нероздільна, вільна, самостійна Україна від гір Карпатських аж по Кавказькі» [10].

Однако из-за того, что в работе «Самостійна Україна», кроме требования независимости, не рассматривались другие социально-экономические и политические вопросы, она подверглась критике как руповцев, так и галичан [12, с. 15]. Эта ситуация привела к тому, что партия распалась, а ее члены основали ряд новых политических образований. По мнению А. Луцкого, именно благодаря РУП в период революции 1917-1921 гг. была реализована идея независимости [6].

Так, в 1902 г. часть членов РУП во главе с М. Михновским основали Украинскую народную партию (УНП). Это была единственная украинская партия, которая отстаивала идею самостоятельности украинских земель. Она была маленькой, но выполняла большой объем работы. Про-

граммным документом партии была изданная Н. Михновским прокламация «Десять заповедей УНП», которая не характеризовалась национальной толерантностью, поскольку ее основная идея «Украина для украинцев». В статье 2, отмечалось, что «усі люди – твої браття, але москалі, ляхи, угри, румуни та жиди – се вороги нашого народу, поки вони панують над нами й визискують нас» [3].

Другие партии, которые вышли из РУП, были социалистического направления. Так, в 1905 г. возникла так называемая «Спилка», которая впоследствии вошла в состав Российской социал-демократической рабочей партии. Другие члены РУП переименовали партию в Украинскую социал-демократическую рабочую партию. Основополагающим содержанием политических программ партий социалистического направления было акцентирование внимания на решении социально-экономических вопросов, тогда как национальный вопрос реализовывался в рамках популярной в то время идеи панславизма.

Идеи социализма, панславизма, а соответственно и автономизма обусловливались тем, что именно самодержавие определило первоочередность идеологического направления украинского национального движения, из примата первичности борьбы за социальное освобождение, которое должно было открыть путь и для национального освобождения – создание автономии, федерации или самостоятельного государства [16, с. 164]. При этом не стоит недооценивать влияние российских политических сил, которые влияли на общественно-политическую мысль надднепровских украинцев.

Значительная часть украинских политических партий либерально-демократического направления вообще отошла от идеи автономии в пользу федерализма, который возникал как оппозиция к самодержавию.

В общем, начало XX в. стало ключевым периодом политизации украинского национального движения и определило ключевые векторы развития государственнической мысли украинцев в первой четверти века. К началу украинской национально-

демократической революции 1917-1921 гг. политические партии прошли, по мнению В. Яремчука, три этапа: 1) 1899-1907 гг.; 2) 1907-1914 гг.; 3) 1914-1917 гг. [16, с. 438-440]. При этом каждый из этих этапов присущ как Надднепровью, так и Галиции. Единственное отличие заключается в том, что в течение второго этапа 1907-1914 гг. в Надднепровье в условиях реакции происходит переход к неполитической деятельности. Свидетельством этого является деятельность нелегального межпартийного объединения Общества украинских поступовцев. При этом основное содержание «украинского вопроса» того времени сводилось к идеям автономизма-федерализма. В Галиции ситуация была лучше, а реализация реформы всеобщего избирательного права дала шансы украинским партийным деятелям реализовать на практике свои планы.

Выводы. Проанализировав содержание политических программ украинских политических партий начала XX в. и отражение в них «украинского вопроса», можно сделать следующие выводы:

– конец XIX – начало XX вв. стало временем политизации украинского национального движения и формирования концепции соборности украинских земель. В контексте анализа эволюции «украинского вопроса» исследуемый период ознаменовался акцентированием внимания на понятиях «нация», «национальное государство», которые стали основой государственной идеи украинцев. При этом для Галиции и Надднепровья были присущи специфические черты как организации политических партий, так и содержания их политических программ;

– характерной чертой западно-украинских партий было ориентирование исключительно на легальные методы политической борьбы и применение конституционных норм империи Габсбургов в обеспечении национально-политических прав и соответствующего решения «украинского вопроса». Характерной чертой политического движения Галиции было также то, что партии были не только политическими образованиями, но и выполняли свои обязатель-



ства, поскольку были представлены в краевом сейме и имперском парламенте;

– для политических партий Надднепровья характерным было выделение трех идеологических направлений – независимого, либерал-демократического и социал-демократического. При этом идеи независимости оказались не популярными, поскольку граничили с идеями «нации» и «национализма». Доминирующими были идеи социализма, которые в политической плоскости граничили с автономизмом и федерализмом. Содержание «украинского вопроса» вышло за пределы борьбы за расширение национально-культурных и социальных прав и приобрело четко выраженные правовые черты.

Список использованной литературы:

1. Винник Н. Українські політичні партії Східної Галичини та український визвольний рух в кінці XIX – на початку XX ст. в сучасній українській історіографії / Н. Винник // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – 2015. – Вип. Спец.вип.2. – 11-17 с. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/dkz_2015_Spets.

2. Гунчак Т. Україна: перша половина XX ст.: Нариси політичної історії / Т. Гунчак. – К.: Либідь, 1993. – 287 с.

3. Десять заповідей УНП [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ar25.org/article/desyat-zapovidey-unp-mykoly-mihnovskogo.html>.

4. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму / Г.В.Касьянов. – К.: Либідь, 1999. – 352 с.

5. Купріячук О.В. Політизація українського національного руху кінця XIX – початку XX ст.: до новітньої історіографії проблеми / О. Купріячук // Гілея: науковий вісник: Збірник наукових праць. – К., 2009. – Вип. 23. – 148-155 с.

6. Луцький А.І. Формування та розвиток правової ідеології в Україні: [монографія] / А.І. Луцький. – Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2015. – 312 с.

7. Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи / А. Миллер. – К.: Laurus, 2013. – 416 с.

8. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском

общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А.И. Миллер. – СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.

9. Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века): [монография] / И. В. Михутина; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – Москва: [б.и.], 2003. – 287 с.

10. Міхновський М. Самостійна Україна (РУП, м. Львів) / М. Міхновський [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1900.mihnovskiy.php>.

11. Павко А. Політичні партії, організації в Україні наприкінці XIX – початку XX ст.: методологія, історіографія, проблеми, перспективні напрями наукових досліджень: Монографія / А. Павко. – К.: Знання, 2001. – 112 с.

12. Політичні партії в Україні (1900-1917): Навчальний посібник з курсу «Історія України» для студентів всіх спеціальностей / Алексєєв С.В., Ляшенко С.П. – Краматорськ: ДДМА, 2003. – 72 с.

13. Програма Русько-української радикальної партії // Народ, рік I, ч. 20, 15 жовтня 1890, С. 301-303. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ditext.com/pavlyk/radical.html>.

14. Шишко О.Г. Идея державности в програмних та теоретичних документах українських політичних партій та організацій: 1900 р. – березень 1917 року [Текст]: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Шишко Олександр Григорович; Одеський держ. ун-т ім. І.І.Мечникова. – О., 1998. – 21 с.

15. Шкраб'юк П.В. Русько-українська радикальна партія (РУРП) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Rusko_ukrainska.

16. Яремчук В.Д. Українська багатопартійність Наддніпрянської і Західної України: компаративний аналіз (1899–1918 рр.) / В.Д. Яремчук. – К.: ІТІЕНДім. І. Ф. Кураса НАН України, 2012. – 504 с.

17. Пун Л. М. Aspekt prawnyk westi i językanauczania w działalności Galicyjskiego Sejmu Krajowego w latach 1870-1876 / L. M. Pyn // Науково-інформаційний вісник Івано-Франківського університету права імені Короля Данила Галицького. Серія: Право. – 2016. – № 2. – 44-50 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Середюк Виталий Юрьевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Университета Короля Данила

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sereduk Vitaliy Yurievych – Post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law, King Danilo University

lm.ilyn@gmail.com



УДК 343.281

THEORETICAL FEATURES OF DISCHARGE JUVENILES FROM PUNISHMENT WITH THE PROBATION IN CRIMINAL LAW OF UKRAINE AND CRIMINAL LAW OF SOME FOREIGN STATES

Anastasiya SILKOVA,

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law of the
National Academy of Internal Affairs,
a lawyer in LLC "INPRAXI LAW FIRM"

SUMMARY

The article examines the legal nature and criminal-legal content of the discharge of juveniles from punishment with the probation. It was analyzed the preconditions and grounds for using this type of discharge juveniles from punishment and serving it. It was determined the features of the use of discharge types, provided by the criminal law of some foreign countries, which are similar in their criminal-law content to the discharge of juveniles from punishment with the probation, that is provided in the criminal law of Ukraine.

Key words: discharge of juveniles from punishment with the probation, preconditions, grounds, criminal law of some foreign countries.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НАКАЗАНИЯ С ИСПЫТАНИЕМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ УКРАИНЫ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Анастасия СИЛКОВА,

аспирант кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел,
юрист ООО «ЮФ «ИНПРАКСИ»

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется юридическая природа и уголовно-правовое содержание освобождения несовершеннолетних от наказания с испытанием. Проанализированы условия и основания применения данного вида освобождения несовершеннолетних от наказания и его отбывания. Определены особенности применения видов освобождения, предусмотренных уголовным правом некоторых зарубежных государств, которые подобны по своему уголовно-правовому содержанию освобождению несовершеннолетних от наказания с испытанием, предусмотренному в уголовном праве Украины.

Ключевые слова: освобождение несовершеннолетних от наказания с испытанием, условия, основания, уголовное право некоторых зарубежных государств.

REZUMAT

Articolul explorează natura juridică și conținutul penal-juridic al eliberării minorilor de pedeapsă printr-un proces. Au fost analizate condițiile și motivele aplicării acestui tip de eliberare a minorilor de la pedeapsă și de deservire. Sunt definite particularitățile aplicării tipurilor de scutiri prevăzute de legea penală a anumitor state străine, care sunt similare în conținutul lor penal-legal cu eliberarea minorilor de la pedepsirea cu procesul prevăzut de legea penală a Ucrainei.

Cuvinte cheie: eliberarea minorilor de pedeapsa cu judecata, condițiile, motivele, dreptul penal al unor state straine.

Formulation of the problem.

With the adopted Law of Ukraine "On Probation", that came into force on 27.02.2015, in our country appeared the need of the reform of Ukrainian criminal law by introducing new legal relation in the legal fields, which are related to the probation, are specifying the order and terms of service the probation period for persons exempted from punishment, including juveniles. Therefore, the study of the theoretical aspects of such a type of discharge juveniles from punishment as the discharge of juveniles from

punishment with a probation, is not only in the criminal law of Ukraine, but also in the criminal law of certain foreign countries, will contribute to implementation of a systematic approach in developing concrete suggestions to improve the provisions of the Criminal Code of Ukraine (hereinafter – the CC of Ukraine).

Status of research. The problems of discharge from punishment with the probation was examined in research of H.H. Kadari, I.I. Karpets, O.O. Knyzhenko, G.A. Kriger,

V.A. Lomako, D.V. Rivman, M.F. Savvin, A.V. Savchenko, E.A. Sarkisova, S.V. Sakhnuk, V.I. Shakun, V.V. Skybitskyi, Y.M. Tkachevskyi and others.

Purpose and tasks of the article.

The purpose of this article is to examine the legal nature and criminal content of the discharge juveniles from punishment with the probation and analysis of the features of using the discharge types provided by the criminal law of some foreign countries, that is similar in their criminal law content to the discharge juveniles from punishment with a



probation, provided in the criminal law of Ukraine.

The aim of the research is based on the following tasks: 1) to analyze the provisions of the Criminal Code of Ukraine and laws on criminal liability of certain foreign states; 2) to develop appropriate suggestions for improving the legislation of Ukraine in this area.

Presenting the main material. First of all, it is sensible to find out the legal nature and the basic criminal law content of this type of discharge juveniles from punishment in the criminal law of Ukraine.

In order to determine the legal nature of the discharge juveniles from punishment with the probation, it should be noted, that this measure of a criminal nature is a “special” type in relation to the discharge from punishment with a probation. The provisions of § 1 of Art. 104 of the CC of Ukraine [1], which regulates this type of discharge juveniles from punishment and its serving, is referral. In order to apply this special measure of a criminal nature, it is necessary to refer to the provisions regulating the relevant general criminal-legal measure, – Art. 75-78 of the CC of Ukraine.

The discharge juveniles from punishment with the probation is an optional type of discharge – its implemented through the discretionary powers of the court, taking into account all the grounds for the application of this type of discharge, and conditional, since in the case of a minor person discharge, during the test period, the obligations are assigned by Art. 76 of the CC of Ukraine, in the case of failure to perform, the person will be sent by a court to serve the sentence.

If a minor person convicted during the probationary period fulfilled the duties assigned to him or her and did not commit a new crime, the discharge of a minor person from serving a sentence with the probation is embodied in this form of criminal liability as “conditional non-punishment”. In another case, there is a mixed form of criminal responsibility – the conditional non-use of punishment is combined with the actual execution of punishment.

Precondition for the use of exemption from serving a sentence with the probation to juveniles in accordance with Art. 75 of the CC of Ukraine, § 2 of Art. 104 of the CC of Ukraine is arresting or incarceration for a term not exceeding five years.

Most scholars underline, that the impossibility of discharge of juveniles from punishment and serving it with the probation, while imposing such punishment as corrective labor, significantly reduces the scope of applying the discharge juveniles from punishment and serving it with a probation. In particular, in certain foreign countries the court has the right to apply a similar type of discharge also in cases of imposing punishments, which are not related to imprisonment. Thus, in Art. 77x of the Criminal Code of the Netherlands (hereinafter – CC of the Netherlands) is determined the possibility by the court to exempt from serving a sentence in the form of public works, fine or deprivation of the right to drive a vehicle with the probation of minor persons [21], in Art. 42 of the Criminal Code of the Swiss Confederation (hereinafter – CC of the Swiss Confederation) provides the possibility of conditional sentencing of minors – to stop the execution of punishment in the form of fines, public works and imprisonment [16], according to Art. 25 of the Criminal Code of Japan (hereinafter – CC of Japan), the delay of the sentence execution may be applied in the case of sentencing to imprisonment with or without a compulsory labor for a term up to three years or a fine of up to five hundred thousand yen [12], in Art. 171 of the Criminal Code of the Federative Democratic Republic of Ethiopia (hereinafter – CC of the Federative Democratic Republic of Ethiopia) provides the possibility of applying a deferral for the execution of a guilty verdict to juveniles with probation in the case of sentencing to a fine or imprisonment [20], and in accordance with Art. 150 of the Criminal Code of the Federal Republic of Somalia (hereinafter – CC of the Federal Republic of Somalia), applying the provisional sentence of execution of a court verdict to the minor persons is possible in the case of sentencing to imprisonment or pecuniary punishment [24].

Therefore, we consider the importance of extending the possibility of applying the discharge juveniles from punishment with the probation and also, when a minor person is convicted in the form of corrective labor.

With regard to the grounds for the exemption from serving a sentence with

a probation by minor persons, from the analysis of § 1 of Art. 75 of the CC of Ukraine is shown, that they are: the gravity of the crime, the person characteristic and other circumstances of the case, which give the court the opportunity to make a conclusion on the correction of the convicted person without serving a sentence.

Similar grounds for the use of this type of discharge are determined in the laws on criminal liability of a number of foreign states. Thus, the court may postpone the execution of the sentence: when the purpose of the punishment can be achieved without its execution (Art. 92 of the Criminal Code of the Republic of Lithuania (hereinafter – CC of the Republic of Lithuania) [22], taking into account the personality of the convicted person, his further attitude to the crime, the reasons, that led him to commit a crime, the nature of the event etc. (Art. 26 of the Criminal Code of the Argentine Republic (hereinafter – CC of the Argentine Republic) [8], the existence of criminal offenses, previous good behaviour, personality of the convicted person, the nature and conditions of the crime, the committing reasons (Art. 103 of the Criminal Code of the Republic of Nicaragua (hereinafter – CC of the Republic of Nicaragua). [15] In postponing the execution of a sentence, the court shall take into account: the criminal danger of the convicted person as well as the existence of others criminal cases against him or her and personal circumstances (Art. 80 of the Criminal Code of the Kingdom of Spain (hereinafter – CC of the Kingdom of Spain) [25], the identity of a juvenile convict, his or her way of life in the past, the circumstances of committing a crime, the behaviour after the committing, the lifestyle and results, that may arise in case of applying the deferral of a sentence execution (§ 21 of the German Federal Law on the juvenile) [13], the characteristic of a guilty person, living conditions, previous lifestyle, and behaviour after the crime (§ 2 Art. 69 of the Criminal Code of the Republic of Poland (hereinafter – CC of the Republic of Poland) [23], the nature, past, age, state of health or mental condition of the person, the nature of the offense and the extenuating circumstances in which the crime was committed (§ 1, Art. 306 of the Criminal Procedure Code of Sri Lanka



[10], the circumstances of the crime committing, the nature of the crime and the personality of the offender (§ 1 of Art. 38 of the Criminal Code of the United Republic of Tanzania) [17].

Thus, § 1 of Art. 75 of the CC of Ukraine provides sufficient grounds for the court to exempt minor persons from serving the punishment with a probation.

According to § 3 of Art. 104 of the CC of Ukraine, the probation period is set for a period of one to two years.

The CC of Ukraine does not specify the correlation of the duration of the probation period with the type and time period of the sentence. Therefore, according to some scholars, the probation period is usually set according to the length of the sentence prescribed conditionally, and to deviate from such principle is admissible only in extreme cases and with the obligatory motivation for the need for such a deviation [29, 117].

In criminal laws of some foreign states the duration of the probationary period in a certain way correlates with the term of the sentence. For an example, Art. 92 of the CC of the Republic of Lithuania provides the postponement of the sentence execution in the form of imprisonment for a term of one to three years in the case of conviction of a minor person to imprisonment due to negligence of one or more crimes or to imprisonment for a term not exceeding four years for committing of one or several intentional crimes, Art. 38 of the CC of the United Republic of Tanzania determines, that the probation period should be no more than twelve months, Art. 33 of the New South Wales Criminal Procedure Law on Children states, that the probation period for the release of juveniles from serving a sentence is up to two years [9].

The length of the probationary period in the Kingdom of Spain is longer than the term of the punishment, in § 2 of Art. 80 of the CC determines, that the period of suspending the sentence should be from two to five years in the case of sentencing in the form of imprisonment up to two years, in the Federal Republic of Germany – §§ 21, 22 of the German Federal Law on the juvenile indicates, that the duration of the probation period is from two to three years in the case of the imposition of a punishment in the form of imprisonment for a term not exceeding one year, in Art. 70 of the CC of the Republic of Poland –

in the case of a suspended sentence in the form of imprisonment up to one year, the length of the probation period is from one to three years, and in the case of applying a suspended sentence to a person, who has committed a violent crime, the length of the probation period is from two to five years, in Art. 44 of the CC of the Swiss Confederation – the probation period for pausing the execution of a court sentence is set from two to five years, in § 3 of Art. 51 of the Criminal Code of the Republic of Turkey (hereinafter – CC of the Republic of Turkey) – the probation period may be from one to three years, but in any case not less than the time duration of the imposed punishment, in Art. 74 of the Criminal Code of the People's Republic of China (hereinafter – CC of the People's Republic of China) – the probation period for imprisonment for a period not exceeding two years, short-term imprisonment or a fine may be from two to five years [19], in Art. 25 of the CC of Japan – the postponement of the punishment implementation may be applied for a period of one to five years in the case of sentencing to imprisonment along with engaging in compulsory labor or without it for a term up to three years or a fine of up to five hundred Thousands Yen, the CC of the Federative Democratic Republic of Ethiopia in § 2 of Art. 171 mentions the possibility for the court to establish a probation period of minor persons from one to three years, Art. 14a of the Criminal Code of the Republic of Indonesia (hereinafter – the CC of the Republic of Indonesia) determines, that in the case of convicting a minor to imprisonment up to one year, the probation period shall be no more than two years and in cases of committing certain offenses concerning the general security of persons, property and public health, which are related to public order and morality – no more than three years [11], in Art. 27bis of the CC of the Argentine Republic is provided, that in postponing the execution of a sentence by which a minor person is sentenced to imprisonment of up to three years, the probation period has to be from two to four years, Art. 103 of the CC of the Republic of Nicaragua contains provisions, that in the case of convicting a minor person to imprisonment up to three years, the court may suspend the sentence execution for a probation period of two to five years.

Taking into account the provisions of the above-mentioned foreign states, it should be noted, that the length of the probation period from one to two years is a sufficient period of time for effective educational influence in order to correct the convicted person.

The question of determining the starting point of the trial period is complex, since the CC of Ukraine specifies only its duration. In § 1 of Art. 165 of the CEC of Ukraine states, that the probation period is calculated from the moment, when the court verdict is pronounced [2].

In accordance with § 1 of Art. 376 of the Criminal Procedure Code of Ukraine, a judgment is pronounced in public immediately after the court leaves the consultative room. The chairman during the court proceeding clarifies the content of the decision, the procedure and time for its appeal [3].

However, in our opinion, the most appropriate is the position of A.O. Klevtsov, according to which the probation period starts from the moment of entering the sentence into force [30, 121], since the discharge from punishment with a probation is one of the forms of criminal liability, and according to the decision of the Constitutional Court of Ukraine of 27.10.1999, criminal liability starts from the moment of entering into force the court's verdict [6, 274-275].

Thus, according to § 1 of Art. 532 of the CPC of Ukraine, the verdict or decision of the court of first instance, the decision of the investigating judge, unless otherwise is provided by this Code, becomes valid after the end of the submission period for filing an appeal, established by this Code, if no such complaint has been filed [3].

In addition, as A.O. Klevtsov underlines, this position is fully correlates with the provisions of Art. 88; 89; 108 of the CC of Ukraine, concerning the calculation of the expiry date of the criminal records in case of discharge from punishment with the probation. Thus, in Art. 88 of the CC of Ukraine states, that a person is known for having a criminal record from the day of the legal enforcement of a guilty verdict and until the expiry date of the criminal records of conviction. It means, that the probation period should be deducted from the day a guilty verdict enters into force [9, 123].

The experience of foreign countries on this issue is quite significant. For example,



§ 2 of Art. 77 of the CC of the Netherlands mentions the probation period, which begins on the fifteenth day after the notice of the exemption from serving the sentence with a probation was given during the time, that has not yet passed for the appeal, § 22 of the German Federal Law on Juvenile Justice indicates, that the probation period runs from the moment the court's decision comes into force, Art. 70 of the CC of the Republic of Poland states, that the delay in the sentence execution begins with the entry into force the court's decision, Art. 52 of the Israel law on Criminal Law specifies the conditional release from imprisonment, that begins on the day of entering into force the sentence about the imposition of a punishment [26], Art. 14b of the CC of the Republic of Indonesia mentions, that the probation period shall take effect as soon as the sentence has become final.

The Law of Ukraine No. 1492-VIII of 07.09.2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine Concerning the Enforcement of Criminal Sentences and the Realization of the Rights of Convicted Persons" [5] modified the Art. 76 of the CC of Ukraine, which set out an exhaustive list of duties, that could have been used by a court. At the same time, the so-called basic duties were set out, the imposition of which in the case of the discharge of juveniles from punishment with the probation is the court's duty, and additional ones.

The court is obliged to impose on the convicted person the following duties, when applying for the discharge of juveniles from serving a sentence with the probation:

1) to show up periodically for registration with the authorized probation body;

2) notify the competent authority on probation about the change of the residence, work or study address.

The court may additionally impose the following obligations:

1) to ask the victim publicly or in a different form for forgiveness;

2) not to leave Ukraine without the consent of the authorized probation body;

3) to work for an employer or by the referral of the authorized probation body apply to the State Employment Service for registration as an unemployed person and to work, if he or she was offered an appropriate position (job);

4) to take actions, that are provided by the probation program;

5) to take a course of treatment from mental disorders and behaviour as a result of the use of psychoactive substances or a disease, that is a danger to others;

6) to follow to the requirements established by the court regarding certain actions, restrictions on communication, travel and leisure activities.

The criminal law of certain foreign states provides similar (in content) obligations, which are imposed by a juvenile court. Art. 92 of the CC of the Republic of Lithuania, § 57 of the Criminal Code of the Kingdom of Denmark (hereinafter – CC Criminal Code of the Kingdom of Denmark) [28, 48], Art. 72 of the CC of the Republic of Poland, § 2 of Art. 51 of the CC of the Republic of Turkey, Art. 74 CC of the People's Republic of China, Art. 197, 198 CC of the Federative Democratic Republic of Ethiopia, Art. 150 CC of the Federal Republic of Somalia, Art. 38 of the CC of the United Republic of Tanzania, Art. 104 of the CC of the Republic of Nicaragua also provide on a minor person the possibility of the obligation to compensate for or eliminate pecuniary damage.

Thus, the CC of Ukraine should contain a provision of extending the list of duties, that can be applied by the court to minor persons in the event of discharge from serving a sentence with the probation, in particular: to compensate the harm to the victim.

The feature of the discharge of juveniles from punishment and serving it with the probation, compared to the general type of such discharge, is the right of the court to assign to an individual, with his or her consent or request, the obligation to supervise the convicted person and to conduct educational work (§ 4 of Art. 104 CC of Ukraine). This mechanism is also known to the criminal law of foreign states: § 57 of the CC of the Kingdom of Denmark provides the supervision of an authorized person over the convicted, § 24 of the German Federal Law on the juvenile provides the appointment of an assistant, Art. 73 of the CC of the Republic of Poland mentions the duty of the court to appoint a curator or a person, who has confidence in order to educate the convict, § 2 of Art. 44 CC of the Swiss Confederation offers the right of the court to appoint an employee of the

probation service, § 5 of Art. 51 of the CC of the Republic of Turkey describes the right of the court to appoint an expert to support the released person, Art. 76 CC of the People's Republic of China, Art. 25th CC of Japan indicates the duty of transfer under the supervision of a public organization by location of the convict, Art. 62-2 of the Criminal Code of the Republic of Korea (hereinafter – CC of the Republic of Korea) determines, that the execution of a conditional release under bail is delayed for the minor person [29, 37], Art. 199 CC of the Federative Democratic Republic of Ethiopia, Art. 14d CC of the Republic of Indonesia, § 2 of Art. 24 Tasmania Laws on sentences [18] provide an appointment of a probation officer (an official).

In certain cases, when a minor person is discharge from punishment with the probation from serving the main sentence, the court may not release him or her from serving additional punishment in the form of a fine, deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities.

If a convicted person does not perform the assigned duties or systematically commit offenses, that have led to administrative penalties and which indicate a reluctance to go to the correction path, the court shall send that person to serve the sentence. Understanding "systematic offenses committing" is described in § 10 of the Plenum Resolution of the Supreme Court No. 7 "On the practice of criminal punishment appointment by courts" of 24.10.2003 – according to § 2 of Art. 78 of the CC of Ukraine, a court on application of a body, which supervises the behaviour of a convicted person discharged from punishment with the probation, may decide to cancel the release and send a sentenced person to serve his or her sentence in case of non-fulfilment of assigned duties specified in Art. 76 of the CC, or systematic (three or more times) committing offenses leading to administrative penalties and indicating his or her reluctance to enter the correction path [7, 64].

If a minor aged 14 to 16 years old is convicted of committing a crime before arrest (we do not agree with this position of scholars, taking into account the provisions of Art. 101 of the CC of Ukraine) or imprisonment and discharge from punishment with the probation,



during the probation period systematically commits an offense, which indicates his or her reluctance to go to the correction path, no such reaction will be taken to such person, since a person aged between 14 and 16 cannot be brought to administrative liability, therefore they cannot be subject to administrative penalties, which is a requirement for sending a sentenced person to serve the sentence. In this regard, after the expiry of the probation period while deciding about the release of such person from the punishment, except taking into account the execution of obligations in accordance with Art. 76 of the CC of Ukraine, it seems relevant to simultaneously evaluate the behaviour of a minor person during the probation period [27, 1011].

If the convict will commit a new crime, the court will apply the rules provided in Art. 71, 72 of the CC of Ukraine, that means the punishment (that was imposed on a previously committed crime) has to be joined in whole or in part to the punishment for a new offense.

Almost in all analyzed laws on the criminal liability of certain foreign states (§ 3 of Art. 92 of the CC of the Republic of Lithuania, § 60 of the CC of the Kingdom of Denmark, Art. 84 of the CC of the Kingdom of Spain, paragraph § of § 26 of the German Federal Law on the juvenile, Art. 75 of the CC of the Republic of Poland, Art. 46 of the CC of the Swiss Confederation, Art. 52 of the Israeli Law on Criminal Law, Art. 75, 75-1 of the CC of the People's Republic of China, Art. 63-65 of the CC of the Republic of Korea, Art. 200 of the CC of the Federal Democratic Republic of Ethiopia, § 3, § 12, Act of the Republic of Mauritius on juvenile offenders [14], § 3, Art. 150 of the CC of the Federal Republic of Somalia, Art. 38A of the CC of the United Republic of Tanzania, Art. 14f of the CC of the Republic of Indonesia, Art. 26, 27 of the Tasmanian Law on sentences, Art. 27 of the CC of the Argentine Republic, Art. 105 of the CC of the Republic of Nicaragua) the same order is established for the final release of minor persons or sending them for serving a sentence in case of non-fulfilment the duties during the probation period or the commission of a new crime.

In addition, § 3 of Art. 92 of the CC of the Republic of Lithuania, § 60 of the CC of the Kingdom of Denmark and Art. 200

of the CC of the Federative Democratic Republic of Ethiopia, provide for the possibility of a court to initially apply a warning, concerning the possibility of serving a punishment, in case of a violation of the minor person the obligations during the probation period. And in § 3 of Art. 92 of the CC of the Republic of Lithuania, § 60 of the CC of the Kingdom of Denmark, Art. 84 CC of the Kingdom of Spain, § 2 of Art. 46 CC of the Swiss Confederation, Art. 52 of the Israeli law on Criminal Law indicated the possibility of extending the probation period in case of violation the responsibilities by a minor person.

It is worth supporting the position of A.O. Klevtsov, concerning the controversy of the name of this type of discharge. The term "discharge from serving a sentence with the probation" denies the humanistic nature of this institution, moreover, it creates a sense of repression of this institute. The term "probation" is more about the technique, the mechanisms and is not acceptable to the person. Exemption from serving a sentence with a trial creates an impression not about the humanity of this institute, but about its cruel nature, which consists of a certain number of tests for a person who committed a crime [30, 54]. The "conditional conviction" term is also ineffective, since conditional is not a conviction, but serving a sentence by a minor person.

If we take into account the experience of some foreign countries, the Kingdom of Denmark, the Federal Democratic Republic of Ethiopia, the Federal Republic of Somalia, the Republic of Indonesia, Tasmania, the Argentine Republic, the Republic of Nicaragua have a delayed execution of the sentence. However, the use of such experience is controversial in the criminal law of Ukraine. First of all, this is due to the fact, that Art. 536 of the CPC of Ukraine provides for the possibility of using by the court at the phase of execution the sentence a criminal-procedural measure as delaying its execution in case of severe illness of the convicted person, which hinders the punishment, pregnancy of the convicted person or if she has a young child, or if the immediate serving of a sentence can involve exceptionally severe consequences for the convicted person or his/her family due to special circumstances (fire, natural disaster, serious illness or death of the only working family member, etc.) [3].

Thus, the discharge juveniles from serving a sentence with a probation is possible subject to the improvement of the convicted without serving a sentence, and the delay in the sentence execution relates to the postponement of the sentence execution to a specified time in connection with certain circumstances that necessarily indicate the objective impossibility of execution of sentenced sentences.

Conclusions. Discharge juveniles from serving a sentence with a probation is a special type of exemption from serving a trial sentence and has its own features. A precondition for the application of this type of dismissal in accordance with § 2 of Art. 104 of the CC of Ukraine is a conviction of a minor person to arrest or imprisonment for a specified term (not more than five years).

Taking into account the experience of certain foreign countries in applying this type of discharge, we consider the most successful name as "conditional release of minor persons from serving a sentence", and we suggest to extend the scope of application of the exemption of minors from serving a sentence with a probation; and in condemning a minor person to punishment in the form of corrective labor.

At the legislative level, there is no time from which the calculation of the probation period begins. In our opinion, the most substantiated is the position, according to which the trial period begins from the moment, when the verdict has entered into force.

The Law of Ukraine No. 1492-VIII of 07.09.2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine Concerning the Enforcement of Criminal Sentences and the Realization of the Rights of Convicted Persons", Art. 76 of the CC of Ukraine, which set out an exhaustive list of duties, that could be imposed by a court on the convicted person, was introduced in the new edition. At the same time, the so-called basic obligations were set out, the imposition of which in the case of the discharge a minor person from punishment with the probation is the court's duty, and additional.

As a result of the analysis of laws on the criminal liability of certain foreign countries, we consider the necessity to add Art. 76 of the CC of Ukraine with a provision, which extends the list of



duties, that can be applied by a court to minor persons in the event of discharge from punishment with the probation, in particular: to compensate for the harm done to the victim in the case of an independent income of a minor person.

References:

1. Уголовный кодекс Украины (редакция по состоянию на 06.12.2017 г.) // Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>
2. Уголовно-исполнительный кодекс Украины (редакция по состоянию на 07.04.2017 г.) // Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1129-15>
3. Уголовный процессуальный кодекс Украины (редакция по состоянию на 07.01.2018 г.) // Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>
4. Закон Украины «О пробации» от 05.02.2015 г. № 160-VIII (редакция по состоянию на 21.12.2016 г.) // Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/160-19>
5. Закон Украины от 07.09.2016 г. № 1492-VIII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно обеспечения исполнения уголовных наказаний и реализации прав осужденных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1492-19/print1477416528407932>
6. Решение Конституционного Суда Украины по делу по конституционному представлению Министерства внутренних дел Украины относительно официального толкования положений части третьей статьи 80 Конституции Украины (дело о депутатской неприкосновенности): Решение Конституционного Суда Украины от 27.10.1999 г. // Сборник решений Конституционного Суда Украины (2000-2004). – М. – 2004. – 535 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда от 24.10.2003 года № 7 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Постановления Пленумов Верховного Суда Украины и высших специализированных судов по уголовным делам и административным производствам: (офиц. ТЕКСТ). / Сост. С.А. Кузьмин, М. С. Марченко. – М.: ПАЛЫВОДА А.В., 2013. – 516 с.
8. Argentina Código Penal // Texto Ordenado de la Ley № 11/179 aprobado por Decreto № 3992/84 de 21 de diciembre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=12934>
9. Children (Criminal Proceedings) Act 1987 № 55 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/cpa1987261/
10. Code of Criminal Procedure Act No 15 of 1979 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.commonlii.org/lk/legis/num_act/cocpa15o1979276/
11. Indonesian Penal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/cld/document/idn/indonesian_penal_code.html
12. Japan Penal Code No 45 of 1907 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>
13. Jugendgerichts gesetze vom 04.08.1953 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/jgg/BJNR007510953.html>
14. Juvenile Offenders Act of Mauritius, Cap 186 - 6 April 1935 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socialsecurity.gov.mu/English/Documents/Act/Juvenile%20Offenders%20Act/juvenileoffendersact.pdf>
15. Nicaragua Código Penal Ley № 641 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=9796>
16. Swiss Criminal Code of 21 December 1937 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>
17. Tanzania Penal Code, Cap. 16, 1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf
18. Tasmanian Sentencing Act 1997 No 59 of 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.austlii.edu.au/au/legis/tas/num_act/sa199759o1997167/
19. The Criminal Code of the Republic of China, amended 30.12.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=C0000001>
20. The Criminal Code of the Federal Democratic Republic of Ethiopia No 414/2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refworld.org/pdfid/49216b572.pdf>
21. The Criminal Code of the Netherlands [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf
22. The Criminal code of the Republic of Lithuania, approved by Law No VIII-1968 of 26 September 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/cld/document/ltu/2000/criminal_code_of_lithuania.html
23. Criminal Code of the Republic Poland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/10>
24. The Penal Code of the Republic of Somaliland, legislative decree No 5 of 16 December 1962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.somalilandlaw.com/Penal_Code_English.pdf
25. The Criminal Code of Spain // Organic Act 10/1995, dated 23rd November [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sanchezcervera-abogados.com/en/files/2012/06/Criminal_Code_C%3%B3digo_Penal.pdf
26. Дорфман М. Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский язык. – 2-е изд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf>
27. Уголовное право Украины. Общая часть: Учебник / [Под ред. А.С. Беницкого, В.С. Гуслицкого, А.А. Дудорова, Б. Розовского]. – М.: Правда, 2011. – 1121 с.
28. Уголовный кодекс Дании / Науч. ред.: Беляев С.С. (Пер.); Пер.: Рычев А. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 171 с.
29. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 138 с.
30. Клевцов А.А. Освобождение от отбывания наказания с испытанием



несовершеннолетних по уголовному законодательству Украины: дис. к.ю.н.: 12.00.08. / Клевцов Андрей Алексеевич – Днепропетровск, 2009. – 211 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Silkova Anastasiya Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of Criminal Law of the National Academy of Internal Affairs, a lawyer in LLC “IN-PRAXI LAW FIRM”

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силкова Анастасия Александровна – аспирант кафедры уголовного права Национальной академии внутренних дел, юрист ООО «ЮФ «ИНПРАКСИ»

nastyasilkova@gmail.com

УДК 343.1

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЛОГА

Алексей СИТАЙЛО,

главный консультант отдела обобщения судебной практики и организационно-методической помощи судам низшего уровня научно-экспертного управления

Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье определены основания применения залога как меры пресечения в уголовном производстве. Определены основные причины отказа в удовлетворении ходатайств о применении залога. На основании анализа судебной практики определены случаи неправильного определения размера и применения залога. Раскрыт перечень субъектов, которые могут вносить залог, и уполномоченные его определять. Раскрыт порядок внесения и порядок возврата залога.

Ключевые слова: мероприятие, мера пресечения, уголовный процесс, уголовное производство, залог, домашний арест, содержание под стражей, личное поручительство, личное обязательство.

GROUND AND PROCEDURE FOR THE USE OF COLLATERAL

Oleksey SYTAILO,

the Chief Consultant

of the Department of the Generalization of Judicial Practice and Organizational and Methodological Assistance to the Courts

of the lowest level of the scientific and expert management of the Higher Specialized Court of Ukraine for the consideration of civil and criminal cases

SUMMARY

In this scientific article, the grounds for using collateral have been identified as a precautionary measure in a criminal proceeding. The main reasons for the refusal to satisfy the applications for the use of collateral are determined. Based on the analysis of judicial practice, cases of incorrect determination of the size and use of collateral have been identified. The list of subjects that may be pledged and authorized to identify them is disclosed. The order of making and the procedure for the return of collateral are disclosed.

Key words: measure, preventive measure, criminal procedure, criminal proceedings, pledge, house arrest, detention, personal guarantee, personal commitment.

REZUMAT

În acest articol științific motivele pentru utilizarea garanției ca măsură preventivă în cadrul procedurilor penale. Se determină principalele motive pentru refuzul de a satisface cererile de utilizare a garanției. Pe baza analizei jurisprudenței definite utilizarea abuzivă a determina mărimea și aplicarea garanției. Dezvăluit lista entităților care pot face un angajament, și autorizat să stabilească. Ordinea de depunere și ordinea de returnare a gajului sunt prezentate.

Cuvinte cheie: acțiune, o măsură preventivă, procedura penală, procedurile penale, cauțiune, arest la domiciliu, detenție, securitate personală, angajament personal.

Постановка проблемы. Под мерами обеспечения уголовного производства принято понимать предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Украины (далее – УПК) меры принудительного характера, применяемые при наличии оснований и в порядке, установленном законом, в целях предотвращения и преодоления негатив-

ных обстоятельств, которые препятствуют или могут препятствовать решению задач уголовного судопроизводства, обеспечению его действительности [1]. Основаниями для применения мер обеспечения уголовного производства УПК определяет: существование обоснованного подозрения о совершении уголовного преступления такой степе-



ни тяжести, что может быть основанием для применения мер обеспечения уголовного производства; потребности досудебного расследования оправдывают такую степень вмешательства в права и свободы личности, о котором говорится в ходатайстве следователя, прокурора; может быть выполнено задание, для исполнения которого следователь, прокурор обращаются с ходатайством. К одной из таких мер относится залог как мера предупредительного характера.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости оснований и порядка применения залога.

Состояние исследования. Исследование отдельных аспектов уголовного-процессуального принуждения, в том числе и залога, освещали в своих работах такие авторы, как Б. Б. Булатов, А. Д. Буряков, С. Ф. Коврига, Ю. Д. Лившиц, А. А. Лиеде, В.А. Михайлов, И. Л. Петрухин и др.

Изложение основного материала.

Одним из ключевых понятий в правовом поле мер предупредительного характера является понятие «правовое подозрение» – определение, которого сегодня нет в уголовно-процессуальном законодательстве Украины. При решении вопроса толкования понятия «правовое подозрение» судьи, согласно обобщению судебной практики по рассмотрению следственным судьей ходатайств о применении мер обеспечения уголовного производства, должны учитывать закрепленную в ст. 17 Закона Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» [2], позицию Европейского суда по правам человека, отраженную, в частности, в пункте 175 решения от 21 апреля 2011 по делу «Нечипорук и Йонкало против Украины», согласно которой термин «обоснованное подозрение» означает, что существуют факты или информация, которые могут убедить объективного наблюдателя в том, что лицо, о котором идет речь, могло совершить правонарушение (решение по делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» от 30 августа 1990 г., П. 32, Series A, № 182). Цель задержания для допроса заключается в содействии расследованию преступления

через подтверждение или опровержение подозрений, которые стали основанием для задержания (см. Решение по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» от 28 октября 1994 года, п. 55, Series A, № 300-A).

Ходатайство о применении мер обеспечения уголовного производства подается в местный общий суд, в пределах территориальной юрисдикции которого находится орган досудебного расследования. Такие ходатайства рассматриваются следственным судьей, который определяется автоматизированной системой документооборота суда.

По результатам рассмотрения ходатайства о применении меры обеспечения уголовного производства следственный судья вправе вынести постановление о: 1) удовлетворении ходатайства; 2) отказе в удовлетворении ходатайства; 3) возврате его для устранения недостатков, если ходатайство подано следственному судье без соблюдения требований, определенных соответствующей нормой КПК.

Решая вопрос о применении, продолжении, изменении или отмене меры пресечения при рассмотрении соответствующих ходатайств следственный судья, суд каждый раз обязаны: осуществлять полномочия по судебному контролю за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве в ходе досудебного расследования и судебного разбирательства, действовать в соответствии с требованиями уголовного процессуального закона; помнить, что критерии для избрания того или иного пресечения предусмотрены в ч. 1 ст. 194 УПК, а потому следственный судья, суд решают вопрос о применении меры пресечения, если по результатам рассмотрения ходатайства установят: 1) наличие обоснованного подозрения в совершении подозреваемым, обвиняемым уголовного преступления; 2) наличие достаточных оснований полагать, что существует хотя бы один из рисков (скрываться от органов досудебного расследования и/или суда; уничтожить, спрятать или исказить любую из вещей или документов, имеющих существенное значение для установления обстоятельств уголовного правонарушения; незаконно влиять на потерпевшего, свидетеля,

другого подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста в этом же уголовном производстве; препятствовать уголовному производству иным образом; совершить другое уголовное преступление или продолжить уголовные правонарушения; 3) недостаточность применения более мягких мер для предотвращения риска или рисков, указанным в ходатайстве; проверять наличие оснований и цели применения меры пресечения в уголовном производстве, устанавливать и обоснованность такие причины, учитывая фактические обстоятельства уголовного производства; учитывать, что меры пресечения в уголовном производстве ограничивают права человека на свободу и личную неприкосновенность, гарантированные ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (Конвенция), а потому могут быть применены только при наличии законной цели и оснований, определенных УПК, с учетом соответствующей практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) – иметь в виду, что к подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, за которое предусмотрено основное наказание в виде штрафа более три тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан, может быть применена мера пресечения только в виде залога или содержания под стражей в случаях и в порядке, предусмотренных главой 18 УПК (ч. 7 ст. 194 УПК); тщательно проверять соблюдение уполномоченными органами требований статей 207 - 213 УПК в случаях задержания лица без постановления следственного судьи, суда [3].

Сущность залога как меры пресечения в уголовном производстве заключается во внесении средств в денежной единице Украины на специальный счет, определенный в порядке, установленном Кабинетом Министров Украины, с целью обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым, возложенных на него обязанностей под условием обращения внесенных средств в доход государства в случае невыполнения этих обязанностей.

Следует отметить, что в судебной практике встречаются случаи неправильного определения и применения залога. На основании судебной практики мы можем выделить следующие:



1) нарушение норм ст. 194 УПК, когда следственные судьи в постановлениях о применении меры пресечения в виде залога не определяют конкретных обязанностей, возлагаемых на подозреваемого, а также не указывают лиц, на которых он наложен;

2) противоречие положений ст. 309 УПК постановления о применении меры пресечения в виде залога, в которых указывается, что такие решения могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Например, следственный судья Галицкого районного суда г. Львова, рассмотрев ходатайство о применении меры пресечения в виде залога, в резолютивной части решения указал на возможность его обжалования в апелляционном порядке в пятидневный срок со дня получения копии постановления. Аналогичное нарушение было допущено следственным судьей Свердловского городского суда Луганской области;

3) несоблюдение следственными судьями процессуального порядка избрания такой меры пресечения как залог. Например, следственным судьей Рожищенского районного суда Волынской области удовлетворено ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде залога в отношении В., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 307 УК. Размер залога определен в сумме 23000 грн, а также возложены на подозреваемого определенные обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 194 УПК. Однако в своем постановлении следственный судья не указал срок, на который эти обязанности возложены, а также не указал и соответственно не разъяснил требования ч. 6 ст. 182 УПК и то, что невыполнение указанных действий в установленный срок является основанием для рассмотрения вопроса об избрании в отношении подозреваемого другой меры пресечения; 4) при рассмотрении ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде залога не все следственные судьи при рассмотрении таких ходатайств выясняют существование возможности внесения подозреваемым или залогодателем залога в размере, указанном в ходатайстве следователя, а также мнение стороны защиты о размере залога [4].

Рассмотрение следственным судьей, судом ходатайства о применении,

изменении меры пресечения осуществляется безотлагательно, но не позднее семидесяти двух часов с момента фактического задержания подозреваемого, обвиняемого (момент фактического задержания фиксируется в протоколе задержания) или с момента поступления в суд ходатайства, если подозреваемый, обвиняемый находится на свободе (в таком случае следственный судья, суд назначают дату судебного заседания и осуществляют судебный вызов). Также безотлагательно (с момента подачи ходатайства подозреваемым, обвиняемым, его защитником в суде) осуществляется рассмотрение следственным судьей, судом ходатайства об изменении меры пресечения [3].

Следует отметить, что следственный судья, суд должен тщательно проверять соответствие представленного ходатайства следователя, прокурора о применении меры пресечения требованиям ст. 184 УПК, а также своевременность предоставления подозреваемому, обвиняемому копии ходатайства и материалов, которыми обосновывается необходимость применения меры пресечения (не позднее, чем за 3:00 до начала рассмотрения ходатайства). В случае несоблюдения следователем, прокурором требований ст. 184 УПК следственный судья рассматривает соответствующее ходатайство и отказывает в его удовлетворении. Следует иметь в виду, что изменить или дополнить представленное к следственному судье, суду ходатайство о применении меры пресечения вправе только прокурор.

Рассмотрение ходатайства о применении меры пресечения производится с участием прокурора, подозреваемого, обвиняемого, его защитника.

Основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства следователя (прокурора) об избрании меры пресечения в виде залога следственные судьи определяют недоказанностью обстоятельств, свидетельствующих о существовании рисков, предусмотренных п. 5 ч. 1 ст. 177 УПК, и обстоятельств, которые достаточны для убеждения, что ни одна из более мягких мер не может предотвратить доказанное при рассмотрении риска или рисков. Так, например, Постановлением следователя судьи Комсомольского районного суда г. Херсона от 21.01.2013 отказано

в удовлетворении ходатайства следователя об избрании Ч., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 368 УК, пресечения в виде залога. Обосновывая свое решение, следственный судья указал, что в соответствии с ходатайством применение такой меры пресечения как залог необходимо для лишения возможности подозреваемого скрыть залоговое имущество от возможной его конфискации, незаконно влиять на свидетелей и препятствовать уголовному производству иным образом. В соответствии со ст. 177 УПК меры не применяются с целью предотвратить, скрыть «залоговое» имущество, поскольку УПК определяет для этого другие меры обеспечения уголовного производства.

Еще один пример отказа следственным судьей Луцкого горрайонного суда в избрании меры пресечения в виде залога в размере 57 350 грн в отношении подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 364 УК, поскольку отсутствуют объективные сведения о существовании обстоятельств, которые могут свидетельствовать об уклонении подозреваемого от следствия и суда, а также отсутствуют данные, которые подтверждают, что менее строгая мера пресечения, чем залог, не может обеспечить должного процессуального поведения подозреваемого [4].

Также при решении вопроса о продлении срока действия меры пресечения в виде залога следственным судьям нужно руководствоваться положением ч. 6 ст. 194 УПК, согласно которой обязанности, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, могут быть возложены на подозреваемого на срок не более двух месяцев. В то же время в случае необходимости этот срок может быть продлен по ходатайству только прокурора. Данное ходатайство подается в местный суд, в пределах территориальной юрисдикции которого осуществляется досудебное расследование. Следственный судья обязан рассмотреть ходатайство до окончания срока действия предыдущего решения согласно правилам, предусмотренным для рассмотрения ходатайства о применении меры пресечения.

Механизм внесения, возврата и обращения в доход государства средств в случае применения меры пресече-



ния в виде залога, выбранный с целью обеспечения надлежащего поведения лица, в отношении которого применена мера пресечения, его явки по вызову к следователю, прокурору или в суд, а также выполнение других возложенных на него обязанностей, предусмотренных положениями Уголовно-процессуального кодекса Украины, урегулирован Постановлением Кабинета Министров Украины от 11 января 2012 № 15 «Об утверждении Порядка внесения средств на специальный счет в случае применения залога как меры пресечения» [5].

Залог вносится в национальной денежной единице на специальный счет территориального управления Государственной судебной администрации Украины, которое осуществляет организационное и финансовое обеспечение деятельности суда, который избрал меру пресечения в виде залога, или апелляционного суда, который избрал такую меру пресечения, открытый в органах Казначейства в установленном законодательством порядке (далее – депозитный счет).

Субъектами, которые могут вносить залог, в соответствии с уголовным процессуальным законодательством, являются: 1) подозреваемый, обвиняемый или другое лицо, действующее от его имени; 2) залогодатель – другое физическое или юридическое лицо, которое внесло средства от своего имени.

В то же время, залог не может быть внесен юридическими лицами государственной или коммунальной собственности, или которые финансируются из местного, государственного бюджета, бюджета Автономной Республики Крым, или в уставном капитале которых доля государственной, коммунальной собственности или принадлежащей субъекту хозяйствования, является в государственной или коммунальной собственности.

Размер залога определяется в постановлении следственного судьи, суда об избрании в отношении лица меры пресечения в виде залога. Внесение средств на депозитный счет осуществляется на основании платежного документа лица или залогодателя не позднее пяти дней со дня избрания меры пресечения в виде залога. Платежный документ с отметкой банка об исполнении предоставляется сле-

дователю, прокурору, суду, который осуществляет уголовное производство. Средства, внесенные в качестве залога, подлежат возврату полностью или частично в случаях, предусмотренных Уголовным процессуальным кодексом Украины. Залог возвращается лицу или залогодателю в безналичной форме на указанный ими банковский счет, а в случае отсутствия такого счета – наличными через банки или предприятия почтовой связи.

Для возврата средств, внесенных в качестве залога, лицо или залогодатель подают в территориальное управление Государственной судебной администрации Украины или апелляционный суд, которому открыт депозитный счет, куда был внесен залог, следующие документы: 1) заявление лица или залогодателя, в котором обязательно указываются реквизиты банковского счета, на который будут зачисляться средства, подлежащие возврату, а в случае отсутствия банковского счета – сведения о банке или предприятии почтовой связи; 2) заверенная судом копия постановления следственного судьи, суда, приговора суда, в котором содержится решение о возвращении залога; 3) копия платежного или иного документа, подтверждающего факт внесения средств в качестве залога.

Территориальное управление Государственной судебной администрации Украины или апелляционный суд, который избрал меру пресечения в виде залога, рассматривает указанные документы и в течение пяти рабочих дней со дня их поступления при условии зачисления средств на депозитный счет, готовит и подает в орган Казначейства платежное поручение о возврате средств. Возврат средств, внесенных в качестве залога, осуществляется в течение пяти рабочих дней со дня поступления платежных поручений территориального управления Государственной судебной администрации Украины или апелляционного суда, который избрал меру пресечения в виде залога, в орган Казначейства.

Обращение залога в доход государства осуществляется на основании платежного поручения территориального управления Государственной судебной администрации Украины или апелляционного суда, предоставленного в орган Казначейства, в котором открыт де-

позитный счет, на который был внесен залог. Копия постановления следственного судьи, суда, приговора местного суда направляется в течение пяти дней со дня вступления в законную силу следственным судьей (судом), который их постановил или принял, в территориальное управление Государственной судебной администрации Украины, на депозитный счет которого был внесен залог, для подготовки платежного поручения.

Платежное поручение выдается территориальным управлением Государственной судебной администрации Украины в течение пяти рабочих дней со дня поступления решения следственного судьи, суда, приговора суда (апелляционным судом – в течение пяти рабочих дней со дня вынесения определения или приговора суда), вступившего в законную силу, в которых содержится решение об обращении залога в доход государства, принятое в случаях, предусмотренных Уголовным процессуальным кодексом Украины.

Итак, следует отметить, что из проведенного анализа отказов следственных судей в удовлетворении ходатайства о применении мер, в том числе залога, следует, что следователи (прокуроры) не во всех случаях соблюдают требования ст. 184 УПК. Основной причиной отказа в удовлетворении ходатайств есть недоказанность следователем (прокурором) при рассмотрении ходатайства наличия достаточных оснований полагать, что существует хотя бы один из рисков, предусмотренных ст. 177 УПК. При этом существуют случаи, когда в ходатайстве следователи (прокуроры) неправильно указывают фамилию подозреваемого, отсутствует правовая квалификация, не всегда приобщаются копии материалов, которыми обосновывается доводы ходатайств.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. Т. 1 / О.М. Бандурка, Є.М. Блажівський, С.П. Бурдоль та ін.; за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А.В. Портнова. – Х.: Право, 2012. – 367 с.
2. Про виконання рішень та застосування практики Європейського



суду з прав людини: Закон України від 23 лютого 2006 року № 3477-IV // Відомості Верховної Ради України, 2006. – № 30. – Ст. 260.

3. Про деякі питання порядку застосування запобіжних заходів під час досудового розслідування та судового провадження відповідно до Кримінального процесуального кодексу України: Лист від 04.04.2013 № 511-550/0/4-13. URL. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0511740-13>

4. Узагальнення судової практики щодо розгляду слідчим суддею клопотань про застосування заходів забезпечення кримінального провадження: рішення Вищого Спеціалізованого Суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 07 лютого 2014 року. URL. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/n0001740-14/page>

5. Про затвердження Порядку внесення коштів на спеціальний рахунок у разі застосування застави як запобіжного заходу: затв. Постановою Кабінету Міністрів України від 11 січня 2012 р. № 15. URL. <http://zakon.rada.gov.ua>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситайло Алексей Иванович – главный консультант отдела обобщения судебной практики и организационно-методической помощи судам низшего уровня научно-экспертного управления Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sytailo Oleksey Ivanovych – the Chief Consultant of the Department of the Generalization of Judicial Practice and Organizational and Methodological Assistance to the Courts of the lowest level of the scientific and expert management of the Higher Specialized Court of Ukraine for the consideration of civil and criminal cases

demidenkov@ukr.net

УДК 340.12

КАНОНИЧЕСКО-ПРАВОВЫЕ ИСТИНЫ В ТЕОРИИ ДОГМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Степан СЛИВКА,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии права,
Институт права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется христианское вероучение (как любое другое религиозное), которое основывается на определенных устоявшихся мнениях, устных и письменных решениях, постановлениях и т.д., которые никогда не просматривают и не дополняют. Наоборот, вера их защищает, высоко оценивает и пропагандирует в виде догматов. Фактически ретенция (процесс сохранения, содержания информации) теории догматов является началом религиозного развития, поиском канонически-правовой истины, поскольку это является общей целью любой религии. Хотя существует различие между догмами и канонами.

Ключевые слова: религия, право, истина, догма, догмат, канонически-правовые догматы, теология, Церковь, вера, Священное Писание.

CANONICAL-LEGAL TRUTHS IN THE THEORY OF DOGMATIC DEVELOPMENT

Stepan SLYVKA,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and Philosophy of Law
Institute of Law and Psychology National University “Lviv Politekhnik”

SUMMARY

The article examines the Christian doctrine (like any other religious one), based on certain established opinions, verbal and written decisions, resolutions, etc., which are never viewed or supplemented. On the contrary, their faith protects, highly appreciates and propagates in the form of dogmas. In fact, the retention (the process of preservation, the content of information) of the theory of dogmas is the beginning of religious development, the search for canonical-legal truth, since this is the common goal of any religion. Although there is a difference between dogmas and canons.

Key words: religion, law, truth, dogma, canonically legal dogmas, theology, Church, faith, Scripture.

REZUMAT

Articolul examinează doctrina creștină (ca oricare altă religie) bazată pe anumite opinii stabilite, hotărâri verbale și scrise, rezoluții etc., care nu sunt niciodată văzute sau completate. Dimpotrivă, credința lor protejează, apreciază și se propagă sub formă de dogme. De fapt, de retenție (proces de stocare, conținutul informațional) din preceptele teoriei este începutul dezvoltării religioase, caută adevărul canoniceste juridic, deoarece acesta este un obiectiv comun al oricărei religii. Deși există o diferență între dogme și canoane.

Cuvinte cheie: religie, lege, adevăr, dogma, dogma, dogmele canonice legale, teologia, Biserica, credința, Scriptura.

Постановка проблемы. Каждая религия сформирована целенаправленными мыслями и сознанием, твердыми и непоколебимыми убеждениями, что формирует бесспорно канонически-правовую истину, которая является догматической и с четкими признаками.

Актуальность и анализ исследований данной проблемы. В христианстве, как указывает протоиерей Н. Малиновский, признают свою истину, которая характеризуется следующими существенными признаками догматов: теологичность догматов веры, богооткровенность, церковность,



законообязательность для всех членов Церкви. Эти признаки формируют мнение о том, что догматы являются богооткровением истины, которые содержат учение о Боге в трех Лицах и Его отношение к миру, особенно к человеку, а также охраняются, определяются и предлагаются Церковью как неоспоримые, постоянные и обязательные для всех верующих правила веры [3, с. 4–8].

Целью данной статьи является освещение канонически-правовых истин в праве.

Изложение основного материала. В теории догматического развития, как правило, существуют различные мнения относительно классификации догматов по указанным признакам. Такое разнообразие следует из различных жизненных интересов и часто приближается к ереси или ошибкам в теоретическом смысле. Наиболее распространенным является разделение догматов на: библейские и церковные; раскрытые и нераскрытые; общие, основные и отдельные; недостижимые ума и достижимые (относительно); существенные и несущественные; догматы одной Церкви и других (общие, особые, отличные т.д.) [2, с. 21–26].

Подходящим считаем мнение, что такая классификация является несправедливой, неправильной и не соответствует богословскому учению. Ведь нет собственно церковных догматов, которые бы отличались от библейских. Церковь придерживается тех же догматов, которые есть в Откровении, и только определяет и объясняет их для своих верующих, указывая, во что и как они должны верить на основе Слова Божьего. Догматы, необоснованные на Откровении или противоречащие ему (например, непогрешимость Папы Римского), являются неестественными.

Появление мысли о нераскрытости догматов можно объяснить тем, что люди толкуют их по своему усмотрению, поскольку в Священном Писании недостаточно освещено их прямое понимание. Это касается, прежде всего, догматов о Суде Божьем, злых духах, ангелах и тому подобных. В общем, такая нераскрытость является относительной, ведь Церковь своими учениями на основе решений Вселенских Соборов формирует единое природное мнение. Впрочем, заметим, догматов,

раскрытых до мелочей (например, догматов о Пресвятой Троице, об объединении двух волей во Христе), нет, поэтому всегда появляются вопросы, которые требуют дополнительных знаний древних известных пастырей, святых отцов Церкви.

Митрополит Макарий указывает, что отдельные догматы выведены из общих и основных, которые содержатся в Символе веры. То есть 12 членов веры, утвержденные Первым и Вторым Вселенскими Соборами, являются непоколебимыми догматами, в которые нужно верить. Некоторые из них понятны, другие же содержат в себе нечто сокровенное, что требует размышлений. Поэтому Церковь и трактует отдельные догматы подробнее. Соответственно, отвергать те или иные догматы, значит отрицать общие или основные, из которых они вытекают. Тем более, 9-й член веры утверждает, что нужно верить Церкви, в том числе и ее учению, поскольку она единая, святая, соборная и апостольская.

Разделение догматов на недостижимые (чистые) и достижимые (смешанные) для человеческого разума является условным, поскольку речь идет о сверхъестественных истинах Откровения, что требует от человека мыслить естественно или вообще поддаться чувствам. Ведь каждого человека следует рассматривать как единственную и неповторимую личность, у которой свой ум и чувства. В целом же человеку нужно больше прислушиваться к позиции Церкви, а не к собственным размышлениям.

Ошибочность разделения догматов на существенные и несущественные следует из негативной практики. Такое разделение противоречит Священному Писанию. Апостолы высказывали много истин, каждая из которых имеет большое значение для спасения человека. Видится в этом также противоречие и Священному Преданию и действием Церкви, поскольку появление еретиков, различных фальшивых толкователей основных догматов переводит их в разряд несущественных. Это касается неуважения к святым иконам и мощам, что стало объектом анафемы на Седьмом Вселенском Соборе. В конце концов, это противоречит здравому смыслу, поскольку из одного священного источника не может следовать

толкование различной силы, которое приводит к полному или частичному восприятию догм. Такое разделение, конечно, выгодно различным религиозным течениям, которые формируют фальшивую веру, в которой уже давно нет единого подхода к признанию догматов. Кроме того, разделение догматов на существенные и несущественные таит в себе негативные последствия для обесценивания Откровения, вызывает равнодушное отношение к религиям, вселяет неверие в спасение человечества и тому подобное.

Досадно констатировать, что, кроме общих догматов, каждая Церковь имеет еще и свои особые, отличные, которые часто являются несогласованными между религиями и конфессиями. Все это потому, что не могут прийти к согласию в вопросе, какая Церковь является наследницей Древней Церкви, которая является Вселенской и Апостольской и тому подобное. Теперь часто ссылаются на канонические и неканонические Церкви, что также влияет на теорию догматического развития.

Канонически-правовые истины в теории догматического развития нужно надежно защищать, а затем строго соблюдать их требования. Ведь в догматах содержатся акмеологические сведения природных закономерностей. Поэтому, формируя учение о естественном праве, человек прибегает к освещению законов природы, которые появились за шесть дней творения мира. Эти законы являются высокими, из них вытекают и природные догмы для человеческого познания и развития творчества. Понятно, что природные догмы скрыты, так и реальность скрыта, но Церковь как посредник освящения человека своим учением о догматах убеждает верующих в сверхъестественной, надинтелигибельной истине, которая удерживает их и помогает выполнять свое предназначение на земле, напоминает, что догмы существуют не только в земной Церкви, но и небесной. Исходя из этого, классификацию догматов нужно осуществлять взвешенно.

На таком разделении и других факторах основана теория догматического развития, источником которого является Бог Откровения (Священное Писание и Священное Предание). В дальнейшем в христианстве теория



догматов утверждалась Вселенскими Соборами и развивалась отцами Церкви и Церквами в целом. Конечно, в теории догматического развития попадали различные ереси, коннотации, неканонические учения, апокрифы. Поэтому догматическое учение Церкви нуждается в защите вечных и неизменных истин. Апология догматов, догматические знания (истины), догматическое сознание должны направляться не столько на познание догм, сколько на постижение, перцепцию. Человеческий разум рассчитан на постижение, которое начинается с точного и неуклонного соблюдения догматических норм, то есть акривии, сверхъестественно-догматических феноменов канонического права, канонически-догматических текстов.

Догматические тексты не являются результатом дискурсивного мышления о Божественной реальности, хотя и основываются на Священном Откровении. Они рождаются из опыта богопознания и появляются в виде обучающих определений как результат этого опыта. Человек, который живет полностью церковной жизнью, тем самым приобщается и к полноте догматического сознания Церкви и, по сути, не требует дополнительных догматических формирований того, чем она живет. Таким человеком руководит Дух Божий (Святой Дух) [4, с. 529].

Канонически-правовая истина формируется в Церкви, где проповедуются природные закономерности со ссылками на догматы разной степени сложности. Человек (верующий) для постижения сверхъестественных феноменов догм должен размышлять над своим умом и развивать свою экзистенцию, внутренний чувственный мир, чтобы найти свою природную сущность в мире.

В учении о человеке центральной темой является экзистенция в ее отношении к трансценденции. Экзистенция является феноменом бессознательного и освещается через разум, который является орудием экзистенции, в результате чего постигается то, что существует экзистенциальная истина. При этом субъект – это то, что домисливается как сущность, или интеллигибельного, а указывает на акт существования или надинтелигибельные. На вершине сущего, там, где все обращено к чисто транс-

цендентному акту, интеллигибельность сущности соединяется в абсолютной тождественности с надинтелигибельностью существования [5, с. 698-700]. То есть экзистенциальный подход порождает проверку истинности (верификации) своего надинтелигибельного существования. Но эти верификации не требуют новых догматических учений феноменов, а только надежной трансцендентной защиты, которую должен осуществлять человек.

Появление догматических определений не обусловлено внутренней необходимостью церковной жизни. Церковь не нуждается в новых или точных догматических формулировках, тем более, что каким бы точными догматические формулировки не были, они никогда не могут быть абсолютно адекватным содержанием догмата. История христианской Церкви свидетельствует, что догматическое творчество Вселенских Соборов – это ответ Церкви на вызов, брошенный ей теми людьми, которые не жили полнотой церковной веры и искажали ту полноту, порождая всевозможные догматические блуждания и сбивая ими с истинного пути церковной жизни других. Соборные догматические определения появились с чисто внешних, но не церковных причин; фальшивые учения имели антицерковный характер и угрожали единству Церкви, так и были названы ересью. Догматическое творчество Соборов сводилась к самому главному – защиты вероучения от еретических заблудших [4, с. 530].

Вселенские Соборы как высший орган власти в Церкви принимали окончательные решения, которые наделены статусом непогрешимости. Прообразом Вселенских Соборов является Апостольский собор в Иерусалиме. Вселенские Соборы созывались для авторитетного изложения догматов – неоспоримых истин веры, данных Божьим Откровением, решение канонических (церковно-правовых) проблем, опровержения еретических учений. В действиях Вселенских Соборов наиболее полно проявляется благодатное присутствие Святого Духа, которым живет христианская Церковь [1, с. 114].

Первый (Никейский) Вселенский Собор в 325 году утвердил неоспоримую истину – догмат: Сын Божий есть

истинный Бог, рожденный от Бога Отца прежде всех веков и так же вечен, как Бог Отец; Он рожден, а не сотворен, и единосущный с Богом Отцом. Эти догматы содержатся в семи членах Символа веры. Второй (Константинопольский) Вселенский Собор в 381 году утвердил следующий догмат (еще пять членов Символа веры): о равенстве и единосущности Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном [6, с. 454].

Неизменные истины в форме важных догматов приняли и другие Вселенские Соборы. Третий (431 г.) закрепил учения об Иисусе Христе как Богочеловеке, о Пресвятой Деве Марии как Богородице, родившей Сына Божия от Святого Духа. Четвертый (451 г.) сформулировал учение о двух природах Иисуса Христа – Божественную и человеческую. Пятый (553 г.) осудил произведение трех сирийских богословов и ошибки основателя восточного богословия Оригена, провозгласил верность Священному Преданию. Шестой (680 г.) сформулировал учение о двух естествах и две воли Иисуса Христа – божественную и человеческую. Седьмой (787 г.) закрепил учения о почитании икон [1, с. 114-115]. Кроме этих догматов, Соборы принимали значительное количество правил, которые содержали и догматические и канонические истины.

Символ веры, другие догматы, принятые на Вселенских Соборах, содержащие сверхъестественные феномены, которые определяют подавляющую каноничность Церкви. Деятельность Церкви на основе таких феноменов имеет признаки каноничности. То есть основой канонического права является сверхъестественные догмы, которые содержатся в едином источнике – Божьем Откровении. Отсюда вытекает одна из задач канонического права: человек должен понять способом экзистенции догматы, содержащиеся в Божьем Откровении. Согласно учению митрополита Макария [2], для этого нужно осуществить классификацию догматов по таким сверхъестественным категориям: Бог, творение Божие, промысел Божий, Иисус Христос, Церковь, Божья благодать.

Экзистенция догмата о Боге содержит такие догматы: об отношениях человека с Богом, ближним, собой (доказательства Божьего единства), – учиться



духовной глубине Богопочитания и Боголюбове, прославлять Бога словами, чувствами и мыслями, стремиться к Богу (доказательства Божественной сущности), выработать в себе повинности: смирение, благодарность, покорность, жертвенность, благоговейность, сдержанность, бодрость, отвлечение от материального, а не упование на людей, веру, просьба помощи, не падать духом, бояться Бога, постоянно помнить назидательность о свойство ума Божия: всевидящность и безграничную мудрость; знания свойств воли Божией: самая высокая истинная свобода, сверхвысокая святость, безграничная благодать, совершенная истинность и верность, безграничная правосудность; в каждом человеке в той или иной степени отражается пребожественная Троица: единство и согласие составных частей человеческой сущности (тела, души и духа), согласие и единство главной человеческой природы (разум, воля, чувства); все люди являются сынами Божиими, то есть братьями Единородного Сына Божия; все три Лица Божества (Отца, Сына, Святого Духа) равны между собой, единосущны и неразделимы (но Отец занимает первое место), физические (земные) родители носят крупное небесное имя (также, как и сами дети).

Зная о существовании таких высших сверхъестественно-правовых феноменов, человек должен неукоснительно соблюдать их. Многие люди, которые искренне верили в эти догматы и выполняли их требования, ощутили на себе их положительное желаемое воздействие. И наоборот, откровенное пренебрежение к ним приводило к печальным последствиям. Кроме того, попытки самовольно трактовать догматы, рассуждать о личных свойствах Бога, Иисуса Христа, Святого Духа являются нарушением сверхъестественно-правовых норм, грехом.

Имманентные (лат. – вытекают из внутренней природы) переживания касаются также человека, который осознает значение для своей жизни творения Божьего, в частности всего совершенного, что существует в природе и свидетельствует о совершенстве Господа. Поэтому человек должен как можно чаще задумываться над этим, прислушиваться к голосу природы, чувствовать глубокую благодарность

к Творцу, славить Его, творить все во славу Божию, любить все (абсолютно все) Его творения и не отвергать любви к Нему. Эта деятельность человека отражает духовно-нравственный аспект догмата о Божьем творении, особенно, когда речь идет о духовном и материальном творении.

Создавая духовный мир, Бог наполнил его большим количеством ангелов, которые не имеют ни плоти, ни образа Божьего, но обладают разумом. Только человек получил образ Божий и имеет право стремиться к подобию Божию, к святости. Символично душа человека свидетельствует о ее принадлежности к духовному, невидимому миру, а тело наоборот – к материальному, видимому, и требует постоянной гармонии, духовного контроля. Кроме того, нужно верить в бессмертие души, можно продолжать свое бытие и после разлуки с телом, перейдя в иной мир. В этом нам помогают ангелы, которые, как бесплотные духи, по своей природе выше нас и равны между собой, но по силе и совершенству между ними существует определенная иерархия (девять чинов).

В догматической теории приводится пример бунта ангелов, который заключается в том, что один из самых высоких духов захотел быть равным с Богом и повел за собой многих ангелов в пропасть. Грехом была гордость, деяния вопреки воле Божией. Без Божьего благодатного содействия человек (как и ангелы) ничего хорошего и совершенного создать не может.

Материальный мир Бог создал также из небытия в течение шести эпох. Этот догмат требует со стороны человека достойного уважения: в течение шести дней реализовывать свои таланты, способности и силы, а седьмой посвятить служению Богу. Святая Церковь устанавливает и другие дни (даты), в которые человек догматически должен верить, тогда также запрещается физический труд ради чествования бытия святых людей на земле. В понедельник, например, постоянно отмечается Церковью день ангела.

В философии человека называют «микросомом», «микрокосмосом», а митрополит Макарий (Булгаков) называет «малым миром» [2, с. 427-513], который создавался по-особенному.

Духовный и материальный мир Бог создавал словом и повелением. Созданию малого мира (человека) предшествовало обсуждение, определенный совет между всеми Лицами Святой Троицы. После этого Бог своими руками из земной пыли слепил малый мир и лично вдохнул в него жизнь, то есть все то, что было создано в течение шести дней. Как следствие, малый мир получил образ Божий – человека мужского пола. Иначе была создана женщина, что свидетельствует не только о взаимной любви между мужчиной и женщиной, но и о повелении женщины мужчине, что на практике вызывает недоумение.

Все люди после творения Божьего родились от Адама и Евы. Это означает, что все мы братья и сестры между собой, ближние. Наш невидимый, небесный Отец – Бог из всех живых существ только нам (людям) подарил душу, наделил ее умом, свободой, бессмертностью, и сделал так, чтобы тело подчинялось ей. Вообще душа в человеке должна предшествовать всем телесным действиям, условно говоря, светиться в человеке, тогда человек будет выполнять задуманную сделку (союз, договор) с Богом, жить для Бога, угождать Ему, что требует постоянного совершенствования своих духовных сил.

Важным экзистенциальным догматом является осознание того, что Бог приготовил человеку и постоянное жилье – рай, дал возможность быть совершенным. Однако откровенное непослушание, гордость, предательство в сделке привели к лишению (как санкция) всех небесных благ. Поэтому этот грех первородным, который передается из поколения в поколение, а человек должен постоянно просить у Бога помощи в спасении. Ведь человек живет в грешных условиях, которые создал не только сам, но и с помощью злых небесных сил – ангелов (демонов). Благодаря большому трудолюбию демонов человек сознательно или бессознательно совершает правонарушение. И победить их человек самостоятельно не может. Для человеческого покаяния Бог выбрал последнее, необычное средство – на земле удивительно, но естественно явился Сын Божий и своей праведной жизнью показал, как нужно жить и прославлять Бога, входит в догматическое понятие – промысел



Божий, то есть забота, забота о недопущении нарушения первоначальной гармонии, соответствует определенной экзистенции.

Заботливое присутствие Бога в нашей окружающей среде определяется как промысел Божий, можем представлять как постоянную родительскую опеку чуткого Небесного Отца, который постоянно заботится, чтобы Его творение развивалось согласно первоначальному замыслу. Он способствует росту творения, помогает избавиться от болезней, преодолеть препятствия. В Евангелии Бог часто сравнивается с садовником, а Вселенная – с садом. Сад, оставленный или заброшенный садовником, непременно вырождается, одичает или засохнет. Добрый же садовник постоянно ухаживает за посаженными деревьями, поливает их во время засухи, выпалывает сорняки, обрезает засохшие или ненужные ветви – помогает деревьям беспрепятственно расти и приносить плоды, является основным семиотическим содержанием промысла Божия. Кроме того, без учета действия промысла Божьего объяснения истории человечества, истории народов или государств, всегда заходит в тупик. Но достаточно учесть Божье присутствие, как сразу становится понятно, почему империя зла обречена на гибель, почему разочарование в Боге, а тем более богоборческие движения завершаются общественной катастрофой [3, с. 17-18]. С такого понятия промысла вытекают необходимые экзистенциальные задачи для человека.

Прежде всего, человек должен благодарить Бога за его онтологическое назначение в мире и возложенную на него ответственность за судьбу мира. Для этого необходимо возлагать надежду на Бога, обращаться со своими потребностями через молитву к Богу, следить за промыслом Божиим в своей жизни и в соответствии с этим строить свое поведение, способствовать не только друзьям, но и врагам. Вообще нужно отличать промысел Божий в духовном мире от промысла Божьего в материальном мире.

В духовном мире человек не должен восхвалять силу своего ума, ибо ангелы с совершенным разумом нуждаются в озарении и образовании от Бога, и с благодарностью пользоваться

тем Откровением, которое дарует нам Господь. Молиться ангелам, охраняющим нас, не означает боготворить их отдавать им Бог поклонения, служить нужно одному Богу. Ангелов же нужно принимать, слушать их благие внушения, любить их, обращаться к ним через молитву, не огорчать их своим невниманием или плохими делами. Ведь ангелы помогают нам противиться злым духам и побеждать их, не бояться зла, не впадать в отчаяние и тому подобное. В материальном мире человек просит у Бога тех благ, которые нужны во внешней природе, но не все просьбы приобретения благ удовлетворяются, поскольку человек не знает замысла, промысла Божьего, Божьей воли. Просьба к Господу помочь избежать тех бед, которые посягают на людей во внешнем мире, требует не падать духом среди всех опасностей, а уповать на Бога.

Вообще человек как малый мир, микрокосмос, должен стремиться благогодождати Богу истинной верой и добрыми делами, все успехи приписывать не себе, а ему, в случае беды сначала обращаться к Господу, поскольку судьба каждого человека зависит от Него. Бог любит праведников и сам дает земную власть, которую надо поддерживать и молиться за нее.

Исследуя следующие экзистенциальные догматы об Иисусе Христе, отметим, что речь идет о таинстве воплощения, единства ипостаси в Иисусе Христе. Этот догмат в человеке экзистенциально утверждает веру, оживляет и укрепляет надежду, зажигает любовь к Богу, возбуждает прославление Богородицы всеми силами своей сущности, учит уважать в себе достоинство человеческой природы и не унижать ее грехами. То есть Иисус Христос своим примером, земной жизнью создал догматический образец для подражания, который человек должен неукоснительно соблюдать.

Догмат таинства искупления отражает экзистенциальный процесс человеческого спасения, которое совершил Иисус Христос. Для этого Сын Божий подарил человечеству закон веры, новый (совершеннее ветхозаветного закона) закон, единый для спасения не отдельных, не только живых, а всех людей. Догматы Иисуса Христа оказываются на земле в ипостаси Первосвя-

щенника. Это выражается прежде всего в принесении самого Себя во искупление – жертву грешных людей. Человек должен понять, что его спасения осуществлялось на кресте и продолжается крестом. Поэтому для духовной пользы следует постоянно прибегать к крестному знаменю, освящать ним все наши начинания и дела, уходить от всех соблазнов и тому подобное. Иисус Христос избавил нас своей крестной смертью грехов со всеми губительными последствиями и приобрел для нас реальную вечную жизнь. Путем страданий и креста вошел в свою славу, а вознесшись на небеса, постоянно беспокоится за нас перед Богом, что дает нам возможность идти открытым входом в Царство небесное с главными добродетелями – верой, надеждой и любовью. Итак, Иисус Христос победил ад, смерть и разрушил их государство, связал крепко дьявола с его ангелами и смело победил миродержателей тьмы этого возраста и поднебесного духовного зла.

В своей богословской жизни человек имеет возможность приобретать экзистенциальные догматы Церкви. Иисус Христос основал Церковь Свою для того, чтобы она очеловечивала людей и направляла к вечной жизни. Для этого перед Церковью стоит задача проповедовать спасательное учение, освящать людей священнодействиями, утверждать верующих на благочестивую жизнь. Иерархия в Церкви касается и верующих, и пастырей: каждый знает свое место во время службы. Церковь Христова – единая, святая, соборная и апостольская, имеет свои догматы в форме церковных заповедей: обязательно праздновать установленные праздники, в воскресные и праздничные дни посещать Божественные литургии, беспрекословно соблюдать многодневные и однодневные посты, во время каждого поста, или раз в месяц, или хотя бы во время Великого поста исповедаться и причащаться, не производить различных веселий (развлечений, свадеб) в заповедные дни, не читать еретической безбожной литературы и не смотреть аналогичных телепередач. В соответствии с этими церковными догматами у людей может быть церковное или нецерковное сознание.

Церковное сознание придает догматам исключительное значение. Дог-



матическое учение Церкви, по сути, является фундаментальной основой, на которой должна выстраиваться жизнь личности, общества и мира в целом. Что касается сознания нецерковного, то оно, конечно, не признает такого значения по догматам. Более того, как правило, использует слово «догмат» (или «догма») для обозначения устаревших или «закостенелых» доктрин или отдельных положений, которые слепо принимаются на веру или под давлением авторитета. Это происходит потому, что нецерковное сознание воспринимает догму Церкви как нечто консервативное, что мешает развитию человека и его творческому совершенствованию. В сознании современного образованного человека, выросшего в духовной атмосфере последних лет, слово «догматический» стало синонимом слепого, скованного, неподвижного склада ума. Однако основной особенностью догмата является то, что он отражает Абсолютное Начало, Абсолютное Бытие и Абсолютную Истину. Этим догмат значительно облегчает путь человека даже в течение тысячелетий познавать Абсолютное с помощью истин промежуточных, частичных и относительных. Однако сам человек в процессе познания далеко не всегда пользуется догматическим богатством Церкви [4, с. 532].

Догмат о благодати Божией человек (верующий) всегда хочет удерживать в своей экзистенции. Ведь речь идет о наделении экзистенции человека Божественной силой, Божественной энергией и вообще Божественным влиянием. Благодать нужна для нашего спасения, без ее помощи мы не можем ни обратиться к Богу, ни верить в Христа Спасителя, ни делать истинно добрые, духовные дела. Благодать даруется человеку не вообще, а только во Христе Иисусе. Хотя благодать является проявлением Божественной природы, однако осуществляет восхождение благодати на человека Третье Лицо – Святой Дух. То есть получение благодати нужно заслужить, но она может распространяться не только на одних праведников, поскольку призывает к покаянию и обращению к Богу, возбуждает к благочестивой жизни, вселяет в нас силу, творит добро. Благодать очищает грешника

от грехов, оберегает себя от всякой скверны плоти и духа. Для получения Божьей благодати человек должен отвечать как минимум двум условиям: вера и творения добрых дел.

Выводы. Канонически-правовые истины содержатся в догматических феноменах, временно скрытые от человеческого разума и нуждаются не только в акривии, но и верификации. Поскольку большой и малый миры, Вселенная и разум человека, являются загадками природы, то тайны хранятся в догматах. Человек может постичь эти догматы только экзистенциально. Экзистенция догматов имеет свою классификацию, откуда следует теория догматического развития, а отсюда и теория сверхъестественно-догматических феноменов канонического права. Догматическая мысль в каноническом праве влияет на моральное богословие и требует неукоснительного соблюдения.

Список использованной литературы:

1. Ісиченко Ігор, архієп. Зустрічі на життєвій дорозі: Популярний катехізис для молоді / архієп. Ігор Ісиченко. – Львів; Х.: Святогорець, 2013. – 144 с.
2. Макарий (Булгаков), митроп. Православно-догматическое богословие: у 2 т. / митроп. Макарий (Булгаков). – Киев, 2006. – Т. 1. – 598 с.
3. Малиновский Н., прот. Очерк православного догматического богословия: у 2 т. / прот. Н. Малиновский. – СПб., 1911. – Т. 1. – 485 с.
4. Православная энциклопедия: многотомн. изд. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энцикл.», 2007. – Т. 15. – 752 с.
5. Православная энциклопедия: многотомн. изд. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энцикл.», 2011. – Т. 27. – 752 с.
6. Слобідський С., прот. Закон Божий / прот. С. Слобідський. – Вид. 3. – К.: Вид. від. УПЦ КП, 2005. – 655 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сливка Степан Степанович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии права, Институт права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Slyvka Stepan Stepanovych – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law Institute of Law and Psychology National University “Lviv Politechnik”

demidenkov@ukr.net



УДК 351.746.1:343.326:623.454.8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Роман УСТИЧ,
юрист

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано международное законодательство в сфере антитеррористической безопасности ядерных объектов. Предложены дальнейшие направления улучшения международного законодательства в сфере антитеррористической безопасности ядерных объектов.

Ключевые слова: законодательство, терроризм, ядерный терроризм, антитеррористическая безопасность ядерных объектов.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF ANTITERRORIST SECURITY OF NUCLEAR FACILITIES

Roman USTICH,
Lawyer

SUMMARY

In the article the international antiterrorism legislation on the safety of nuclear facilities have been analyzed. On this basis a further ways of improving the international antiterrorism legislation on the safety of nuclear facilities have been proposed.

Key words: legislation, terrorism, nuclear terrorism, antiterrorist security of nuclear facilities.

REZUMAT

Articolul analizează legislația internațională în domeniul securității antiteroriste a instalațiilor nucleare. Sunt propuse direcții suplimentare de îmbunătățire a legislației internaționale în domeniul securității antiteroriste a instalațiilor nucleare.

Cuvinte cheie: legislație, terorism, terorism nuclear, securitatea antiteroristă a instalațiilor nucleare.

Постановка проблемы. Терроризм все больше угрожает национальной безопасности многих стран мира, приводя к тяжелым политическим, экономическим и психологическим последствиям, о чем свидетельствуют последние события, которые произошли в разных странах мира только за 2017 год, а именно террористические акты в Иерусалиме (8 января, 14 июля), Стокгольме (7 апреля), Манчестере (22 мая), Лондоне (3 июня), Барселоне (17 августа), Нью-Йорке (31 октября), т.д. Террористические акты стали явлением известным и для Украины (например, 25 октября 2017 г. в городе Киеве террористический акт, совершенный около здания телеканала «Эспресо») Терроризм уже давно перестал быть национальным явлением и приобрел международные признаки – «терроризм не имеет границ».

Актуальность темы исследования. Международное законода-

тельство играет особую и важную роль в сфере борьбы с терроризмом, поскольку устанавливает правила и принципы формирования законодательства государств мира, которые ратифицируют международные акты. Украина, как и многие другие государства мира, является активным участником ряда международных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения борьбы с терроризмом, в том числе ядерным. Это побуждает к проведению анализа международных нормативно-правовых актов, нормы которых имеют отношение к вопросу антитеррористической безопасности ядерных объектов и определению основных проблем и перспектив его развития.

Целью и задачей этой статьи является осуществление анализа международного законодательства в сфере антитеррористической безопасности ядерных объектов и на этом основании предложение даль-

нейшего улучшения вышеуказанного законодательства.

Изложение основного материала. Международное законодательство, регулирующее вопросы борьбы с терроризмом, в том числе ядерным, и меры антитеррористической безопасности ядерных объектов является многоаспектным, поэтому предлагаем осуществить его анализ путем разделения на две группы в зависимости от функциональной роли, отрасли и сферы действия: 1 – общее международное законодательство, регулирующее отношения в сфере борьбы с терроризмом; 2 – специальное международное законодательство, регулирующее отношения в сфере борьбы и противодействия ядерному терроризму.

Первая группа – общее международное законодательство, регулирующее отношения в сфере борьбы с терроризмом.



Международно-правовые нормы, способствующие борьбе с международным терроризмом, начали разрабатываться еще в довоенный период. В частности, можно назвать Женевские конвенции 1937 года о предупреждении и преследовании терроризма и создание международного уголовного суда. В этих документах впервые было определено понятие терроризм. Однако на борьбе с терроризмом принятие этих конвенций никак не отразилось: они были ратифицированы только Индией [17, с. 75].

К одному из первых базовых международных документов в сфере борьбы с терроризмом можно отнести Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом [7], которая была принята в результате осознания растущей обеспокоенности, вызванной увеличением количества террористических актов, с целью принятия эффективных мер для обеспечения того, чтобы преступники, совершившие такие акты, не избежали преследования и наказания. Основной задачей указанной Конвенции является налаживание механизма выдачи и задержания лиц, совершающих террористические акты. Исходя из этого и с целью разграничения политического преступления и терроризма, в ст. 1 указанного международного документа приводится перечень преступлений, которые относятся к террористическим актам. Но в ст. 2 отмечено, что под действие Конвенции могут подпадать действия, не перечисленные в ст. 1, но которые направлены против жизни, телесной целостности или свободы людей; против имущества, создавая коллективную опасность для людей; на приготовление, покушение или соучастие в этих преступлениях.

В.П. Емельянов отмечает, что эта Конвенция не содержит понятия терроризма и относит почти все насильственные преступления к терроризму, снижая таким образом эффективность антитеррористических мероприятий. Также, по мнению последнего, Европейская конвенция не согласована с международными конвенциями, которые указаны в ст. 1, так как в этих международных документах нет указаний на то, что они направлены на борьбу именно с тер-

рористическими актами, а имеют более широкое направление, и в этих документах речь идет о противодействии различным проявлениям насилия, независимо от того террористического они характера или какого-то другого [6, с. 25].

Одним из ключевых моментов по борьбе с терроризмом стало принятие на Генеральной Ассамблее ООН 18 декабря 1979 года Международной конвенции по борьбе с захватом заложников [14]. В юридической литературе принятия Конвенции связано с тем, что это преступление стало рассматриваться как самостоятельное, из-за чего и возникла необходимость отделить его от других смежных преступлений. Однако именно преамбула Конвенции рассматривает захват заложников как проявление международного терроризма [13, с. 56].

Такое толкование становится основой для споров между учеными по этому вопросу. Так, М.П. Киреев относит захват заложников и захват или угон воздушного судна к разновидности терроризма. В.В. Демиденко, В.М. Прус и А.Н. Шемякин рассматривают эти преступления как разновидность пиратства. По мнению Е.Г. Ляхова, эти преступления относятся к разновидности бандитизма [13, с. 55-56].

По мнению С.А. Кузниченко, положения указанной Конвенции заслуживают критики, ее авторы относят захват заложников к международному терроризму, сразу возникает несколько вопросов: во-первых, если преступники захватили самолет как транспортное средство с целью пересечения границы – это не будет террористическим актом; во-вторых, если захваченный самолет и пассажиры на борту используются с целью получения выкупа, без каких-либо террористических требований, – это также не будет террористическим актом;

в-третьих, захват самолета и заложников граждан одного государства и преступники, которые выдвигают требования к собственному правительству, – это не международный терроризм [13, с. 55–56].

Согласны с мнением С.А. Кузниченко, что для того, чтобы отнести преступное деяние к проявлению

международного терроризма оно должно иметь существенные признаки, присущие этому явлению.

15 декабря 1997 года международным сообществом также принята Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [16], к которой Украина присоединилась 29 ноября 2001 года. Указанной выше международной конвенцией провозглашена необходимость укрепления международного сотрудничества между государствами в разработке и принятии эффективных, практических мер для предупреждения таких актов терроризма и для уголовного преследования и наказания виновных.

16 мая 2005 года подписана Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма [12], которая ратифицирована Украиной, и вступила в силу для Украины 1 июня 2006 года. Государства-участники подписали указанный международный акт, желая принимать эффективные меры, чтобы предотвращать терроризм и противодействовать публичным подстрекательствам к совершению террористических преступлений, а также привлечению к террористической деятельности и обучению ей; помня потребность усилить борьбу с терроризмом и подтверждая, что, употребляя все меры для недопущения террористических преступлений и для борьбы с ними, необходимо уважать принцип верховенства права, демократические ценности, права человека и основные свободы человека, а также другие положения международного права, в частности в соответствующих случаях международного гуманитарного права; помня, что акты терроризма по своему характеру или с точки зрения обстоятельств совершения имеют целью серьезно запугать население или неправоммерно побудить правительство или международную организацию совершить какое-то действие или воздержаться от совершения их, или серьезно дестабилизировать или разрушить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры страны или международной организации.

Каждая Сторона указанной Конвенции принимает соответствующие



меры, в частности в сфере подготовки кадров для правоохранительных и других органов, а также в сферах образования, культуры, информации, средств массовой информации и просвещения общественности, с целью предотвращения террористических преступлений и их негативных последствий с одновременным соблюдением обязательств по правам человека, предусмотренных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Международным пактом о гражданских и политических правах (1966) и других обязательствах в соответствии с международным правом.

Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для улучшения и развития сотрудничества между национальными органами в целях предупреждения террористических преступлений и их негативных последствий, путем: 1) осуществление обмена информацией; 2) совершенствование физической защиты лиц и объектов; 3) улучшение обучения и планов координации действий в чрезвычайных общественных ситуациях.

Кроме того, в указанной Конвенции определены такие понятия как: «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления», «привлечение к терроризму», «обучение терроризму» и другие.

Вторая группа – специальное международное законодательство, регулирующее отношения в сфере борьбы и противодействия ядерному терроризму.

Одним из важных международных нормативно-правовых актов, который ратифицирован Украиной, является Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок [10]. Государства-участники указанной Конвенции выразили свои убеждения, что правонарушение в отношении ядерного материала является предметом серьезного беспокойства и существует острая необходимость в принятии соответствующих и эффективных мер, предусматривающих предотвращение и выявление таких правонарушений и наказание за них, желая предотвратить потенциальную опасность

в результате незаконного захвата и использование ядерного материала, а также признавая важность эффективной физической защиты ядерного материала, используемого для военных целей, и понимая, что такой материал находится и в дальнейшем будет находиться под строгой физической защитой.

Кроме того, в указанной Конвенции содержится перечень понятий и их определений. В частности, дано определение «ядерного материала», «международной перевозки ядерного материала» и др. Под «ядерным материалом» в указанной Конвенции следует понимать плутоний, за исключением плутония с концентрацией изотопов, превышающей 80% по плутонию-238, уран-233, уран, обогащенный изотопами уран-235 или уран-233, уран, содержащий смесь изотопов, которые встречаются в природе в форме, отличной от руды или рудных остатков, и любой материал, содержащий один или более вышеназванных элементов.

В том числе, указанным выше международным документом урегулирован вопрос экспорта и импорта ядерных материалов, гарантии защиты во время его международной перевозки, действия в случае кражи, захвата путем грабежа или какого-либо другого незаконного захвата ядерного материала или реальной угрозы таких действий и тому подобное.

Так, при краже, захвате путем ограбления или какого-либо другого незаконного захвата ядерного материала государства-участники указанной Конвенции принимают следующие меры, которые являются своего рода мерами антитеррористической безопасности ядерных объектов: 1) государство-участник принимает надлежащие меры для того, чтобы по возможности быстрее информировать другие государства, которых, по его мнению, это касается относительно любой кражи, захвата путем грабежа или другого незаконного захвата ядерного материала или реальной угрозы таких действий, а также информировать, когда это необходимо, международные организации; 2) когда это необходимо, заинтересованные государства-участники обмениваются информацией друг с

другом или с международными организациями с целью обеспечения защиты ядерного материала, находящегося под угрозой, проверки целостности транспортного контейнера или возвращения захваченного незаконно ядерного материала и:

– координируют свои усилия по дипломатическим и другим согласованным каналам;

– оказывают помощь, если она запрашивается;

– обеспечивают возврат похищенного или пропавшего ядерного материала в результате вышеупомянутых событий.

21 мая 1963 года международным сообществом принята Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб [5]. Конвенция устанавливает особый режим ответственности за вред, к которому традиционные гражданско-правовые подходы не могут эффективно применяться.

Кроме того, урегулирование отношений в сфере борьбы с ядерным терроризмом осуществлено Договором о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года [4], который вступил в силу для Украины 5 декабря 1994 года. Основной целью указанного выше международного нормативно-правового акта является то, что каждое из государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому-либо ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или приобретению любым другим способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. В том числе, каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контролировать над таким оружием или взрывными устройствами ни непосредственно, ни косвенно; не производить и не приобретать любым другим способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно



как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Кроме этого, Украина 17 августа 1971 года ратифицировала Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в их недрах ядерного оружия и других видов оружия массового поражения [3] (вступил в силу 18 мая 1972 года), 30 декабря 1986 года – Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии [9] (вступила в силу 27 января 1987 года), Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации [8] (вступила в силу 26 февраля 1987 года) [1, с. 233-234].

Важным вопросом, связанным с международным аспектом в сфере использования ядерной энергии, также является приведение национальной нормативной базы в соответствии с Конвенцией о ядерной безопасности [11], принятой 17 июня 1994 года и ратифицированной Украиной 17 декабря 1997 года. Конвенция определяет обязательства по применению фундаментальных принципов безопасности, а не детальные стандарты по безопасности. Присоединение к ней требует от государства существенного повышения уровня безопасности эксплуатации ядерных установок и совершенствования законодательства по вопросам лицензирования, функционирования систем проверок и оценок безопасности ядерных установок.

Одним из базовых международных нормативно-правовых актов в сфере борьбы с ядерным терроризмом Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [15], в которой отмечено, что акты ядерного терроризма могут приводить к самым серьезным последствиям и могут создавать угрозу международному миру и безопасности, отмечая также, что в существующих многосторонних положениях международного права эти нападения не рассматриваются должным образом.

В указанной Конвенции содержится определение объекта ядерного терроризма, а именно: «радиоактивный материал», «ядерный материал» и «ядерный объект». Кроме того, в указанном нормативно-правовом

акте предоставлен исчерпывающий перечень преступлений, которые подпадают под действие Конвенции.

В соответствии с указанной выше Конвенцией каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, в частности те, которые направлены или рассчитаны на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким-либо соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести.

Однако нормы указанной выше Конвенции не содержат норм превентивного характера, а наоборот только нормы карательного и процедурного содержания по отношению к лицам, уже совершившим преступление. В Конвенции отсутствуют конкретные механизмы действий государств-участников Конвенции в сфере предупреждения и устранения последствий совершенного преступления, зато имеются лишь нормы, определяющие возможность государств-участников Конвенции на национальном уровне принятия таких нормативно-правовых актов с прописанными механизмами действий для устранения и предупреждения ядерного терроризма.

Анализируя вышесказанное, в первую очередь следует отметить, что международные нормативно-правовые акты играют важную роль в реализации антитеррористической безопасности ядерных объектов в Украине и является предпосылкой для создания отечественной законодательной базы для организации антитеррористической безопасности ядерных объектов в Украине, а также источником для формирования понятийного аппарата в сфере борьбы с терроризмом в целом и антитеррористической безопасности ядерных объектов в частности.

В то же время, согласны с мнением Т.С. Бояр-Созонович, что заключенные конвенции по борьбе с отдельными видами и формами международного терроризма достаточно ограниченные, даже в совокупности они не составляют упорядоченной и скоординированной системы мер. Кроме того, с развитием науки и техники постоянно возникают новые виды и формы терроризма, которые на определенном этапе исчезнут из поля зрения международных «предметных» конвенций [2, с. 56].

На решение указанной выше проблемы такие ученые, как Т.С. Бояр-Созонович и С.А. Кузниченко предложили разработку одной универсальной Конвенции, которая регулирует все проявления международного терроризма, должна в своем составе четко определить единый понятийный аппарат, который впоследствии вводился бы во внутрисударственное законодательство стран, которые ратифицировали или присоединились к ней. Эта конвенция должна иметь универсальный понятийный аппарат с обязательным определением понятия «международный терроризм», унифицируя все предыдущие для предотвращения возникновения двойных стандартов в отношении террористов.

Следует отметить, что на международном уровне отсутствует международный акт, который регулировал бы вопрос антитеррористической безопасности ядерных объектов как системы мер, направленных на предупреждение совершения террористических актов с использованием ядерных объектов. По нашему мнению, необходимо принятие такого международного акта, который содержал бы правовые нормы о механизме сотрудничества субъектов международного права в сфере антитеррористической безопасности ядерных объектов, а именно комплекса скоординированных специальных мероприятий, которым свойственно обеспечивать отсутствие риска для здоровья людей, имущества и окружающей среды, направленные на предупреждение, предотвращение и пресечение террористической деятельности, где предметом совершения преступления или объектом нападения является ядерный объект.



Выводы. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что международное законодательство в сфере борьбы с терроризмом содержит большое количество международных нормативно-правовых актов. Однако нормы международных документов в целом носят декларативный характер и не устанавливают конкретных механизмов антитеррористической безопасности ядерных объектов. Кроме того, на международном уровне отсутствует нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы антитеррористической безопасности ядерных объектов. Поэтому считаем, что международные нормативно-правовые акты должны содержать более детальные правила поведения субъектов международного права о проведении совместных мероприятий антитеррористической безопасности ядерных объектов.

Список использованной литературы:

1. Антипенко В.В. Правові основи протидії терористичним актам із застосуванням радіоактивних речовин / В.В. Антипенко // Актуальні проблеми держави і права. – 2007. – С. 233–237. – 233–234 с.
2. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты / Т.С. Бояр-Созонович. – Одесса, 1991. – 98 с.
3. Договор про заборону розміщення на дні морів та океанів і в їх надрах ядерної зброї та інших видів зброї масового ураження: Договір, Міжнародний документ від 11.02.1971 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_385.
4. Договір про нерозповсюдження ядерної зброї: Договір, Міжнародний документ від 01.07.1968 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_098.
5. Віденська конвенція про цивільну відповідальність за ядерну шкоду: Конвенція, Міжнародний документ від 21.05.1963 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_006.
6. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В.П. Емельянов. – СПб.: Изд-во “Юрид. центр Пресс”, 2002. – 291 с.
7. Конвенція про допомогу в разі ядерної аварії або радіаційної аварійної ситуації: Конвенція, Міжнародний документ від 26.09.1986 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_027.
8. Конвенція про оперативне оповіщення про ядерну аварію: Конвенція, Міжнародний документ від 26.09.1986 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_026.
9. Конвенція про фізичний захист ядерного матеріалу та ядерних установок: Конвенція, Міжнародний документ від 26.10.1979 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_024.
10. Конвенція про ядерну безпеку: Конвенція, Міжнародний документ від 17.06.1994 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_023.
11. Конвенція Ради Європи про запобігання тероризму: Конвенція, Міжнародний документ від 16.05.2005 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/994_712.
12. Кузніченко С.О. Тероризм як загроза міжнародній безпеці / С.О. Кузніченко // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – 2010. – № 23. – 52–59 с. – 55–56 с.
13. Міжнародна конвенція по боротьбі із захопленням заручників: Конвенція, Міжнародний документ від 17.12.1979 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_087.
14. Міжнародна конвенція про боротьбу з актами ядерного тероризму: Конвенція, Міжнародний документ від 14.09.2005 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_d68.
15. Міжнародна конвенція про боротьбу з бомбовим тероризмом: Конвенція, Міжнародний документ від 15.12.1997 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_374.
16. Панфілова Ю.М. Міжнародний тероризм – сучасна глобальна загроза миру та міжнародній безпеці. Можливі шляхи його подолання /

Ю.М. Панфілова // Міжнародне право та правознавство. Зовнішня торгівля: економіка, фінанси, право. – 2011. – № 6. – 73–76 с. – 75 с.

17. Європейська конвенція про боротьбу з тероризмом: Конвенція, Міжнародний документ від 27.01.1977 № ETSN90 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_331.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Устич Роман Сергеевич – юрист

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Ustich Roman Sergeevich – Lawyer

romanystich@gmail.com



УДК 342.951

ФУНКЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Виктор ФИЛАТОВ,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского, хозяйственного и экологического права
Университета таможенного дела и финансов

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы функции информационной безопасности государства. Отдельно исследованы законодательство в сфере информационной безопасности и работы отечественных ученых по указанной проблематике. Охарактеризованы отдельные направления при определении и анализе функций информационной безопасности. Рассмотрены недостатки действующего законодательства, которые препятствуют усовершенствованию знаний о функциях информационной безопасности. Предложен перечень функций информационной безопасности, с детализацией их сущности и содержания.

Ключевые слова: законодательство, информационная безопасность, интересы государства, правовая природа, политика, функции.

FUNCTIONS OF THE INFORMATION SECURITY OF THE STATE IN LEGAL MEASUREMENT

Viktor FILATOV,

Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil,
Commercial and Environmental Law at the
University of Customs and Finance

SUMMARY

The article analyzes the functions of state information security. Separately, legislation in the field of information security and work of domestic scientists on the above-mentioned issues has been studied. Some areas are described in the definition and analysis of information security functions. The shortcomings of the current legislation, that hinder the improvement of knowledge about the functions of information security are considered. The list of functions of information security is proposed with the details of their essence and content.

Key words: legislation, information security, state interests, legal nature, politics, functions.

REZUMAT

Articolul analizează funcțiile de securitate a informațiilor din stat. Legislația în domeniul securității informațiilor și munca oamenilor de știință în familie asupra problemelor menționate au fost studiate separat. Sunt caracterizate câteva direcții în definirea și analiza funcțiilor de securitate a informațiilor. Se iau în considerare deficiențele actualei legislații care împiedică îmbunătățirea cunoștințelor despre funcțiile de securitate a informațiilor. Se propune o listă de funcții de securitate a informațiilor, cu detalii despre esența și conținutul acestora.

Cuvinte cheie: legislația, securitatea informațiilor, interesele statului, natura juridică, politica, funcțiile.

Постановка проблемы. До недавнего времени, категория «информационная безопасность» в законодательстве Украины не рассматривалась как составляющая национальной безопасности государства. Анексия Крыма и конфликт на Востоке Украины показали существенные просчеты власти в вопросах обеспечения информационной безопасности и стали решающим фактором кардинального пересмотра соответствующей политики государства. На сегодня этот процесс находится на стадии становления и требует комплексного научного обоснования отдельных правовых аспектов. Прежде всего, к их числу следует отнести проблему определения функционального назначения информационной безопасности в правовом измерении, решение которой позволит вплотную подойти к вопросу принципов и механиз-

мов формирования политики информационной безопасности.

Актуальность темы исследования. Отсутствие комплексной политики информационной безопасности, существенно повлияло на уровень защиты интересов государства в информационной сфере. Доктрина информационной безопасности Украины была утверждена лишь в начале 2017 года (Указ Президента Украины от 25 февраля 2017 г. № 47/2017) [1]. Вследствие этого современная политика информационной безопасности Украины характеризуется недостаточной системностью, комплексностью и правовой определенностью. В совокупности эти проблемы не позволяют разработать и внедрить отдельные направления политики информационной безопасности. Предпосылками решения этих задач является комплексное научное

исследование проблематики защиты интересов государства в информационной сфере. Следует отметить, что нехватка научных работ по данной тематике очевидна, что и определяет актуальность выбранного направления научного поиска.

Состояние исследования. Проблема правовой природы и сущности информационной безопасности государства в разное время была предметом исследования С.М. Домбровской, О. С. Зозули, В.В. Остроухова, В. Н. Петрика, А. А. Тихомирова и других. Однако специального исследования правовой природы функций информационной безопасности не проводилось, что также свидетельствует об актуальности темы данной научной статьи.

Целью и задачей статьи является комплексный теоретико-правовой анализ функций информационной безопасности



как основополагающих элементов реализации соответствующей политики государства.

Изложение основного материала. Исследуя проблемы информационной безопасности А. А. Тихомиров подчеркивает, что целенаправленная деятельность государства в данной сфере объединяет следующие компоненты: свободный доступ к информации; информационное равенство; развитость и доступность информационных ресурсов; ориентация на национальный информационный продукт; защищенность информационной инфраструктуры. По мнению ученого это означает, что перед государством стоят задачи, которые требуют стратегического планирования, создания механизмов защиты информации, обеспечения реализации гражданами права на информацию [2, с. 100]. По нашему мнению, данный тезис раскрывает лишь некоторые аспекты сущности информационной безопасности, однако её функции в правовом измерении, остаются не определенными. Задачи государства, которые обозначил ученый, также не могут считаться функциями информационной безопасности, поскольку они раскрывают направления организационно-управленческой деятельности в данной сфере.

По мнению С.М. Домбровской, механизм информационной безопасности направлен на: гарантирование конституционных прав и свобод человека и гражданина; развитие гражданского общества и демократических институтов; защиту государственного суверенитета и территориальной целостности Украины; укрепление политической и социальной стабильности; интеграцию Украины в европейское информационное пространство [3, с. 23]. Следует предположить, что функции информационной безопасности носят межинституциональный характер, поскольку относятся к разным по природе и сущности видам общественных отношений. Вследствие этого они отличаются своей индивидуальной направленностью и взаимобусловленностью.

По нашему мнению, функции информационной безопасности можно определить с помощью анализа угроз (внутренних и внешних) в информационной сфере. Именно они указывают на функциональное назначение такого правового института как информационная безопасность. Иными словами, угроза и состояние защищенности соответствуют теории, по которой опасность

определяет уровень безопасности. То есть эти категории не могут существовать изолированно и обязательно влияют друг на друга. Например, такая категория как «информационная война», по мнению В.В. Остроухова и В.Н. Петрика, имеет следующие задачи: деструктивное идеологическое влияние; манипулирование общественным мнением; дестабилизация политической ситуации; подрыв международного авторитета государства; дискриминация фактов национальной самобытности народа; подрыв морального духа населения [4, с. 138].

Из вышеуказанного следует, что информационная безопасность призвана обеспечить предупреждение и нейтрализацию угроз информационным интересам государства, в том числе и информационной войны, которая ведется против Украины. При определении функций информационной безопасности целесообразно принять во внимание её структуру, которая визуализируется в зависимости от специфики управленческой деятельности. Необходимо учитывать подсистемы, которые в своей работе выделяет О. С. Зозуля: институциональная (носит стратегический характер, поскольку на данном уровне осуществляется нормативно-правовая регламентация механизма информационной безопасности); организационно-управленческая (система координационно-реординационных отношений); прогнозно-проектная (формирование доктрины защиты интересов государства в информационной сфере); функциональная (выявление и нейтрализация угроз); культурно-идеологическая (формирование парадигмы информационной безопасности); общественная (активизация общества на защиту информационного пространства); коммуникативная (контроль в сфере информационной безопасности) [5, с. 51–53].

Функции информационной безопасности имеют крайне важное значения, поскольку национальное информационное пространство Украины подвергается значительным угрозам, которые представляют опасность для функционирования государства, его политического и экономического развития, интеграции в европейские и евроатлантические структуры. Поэтому защита информационного суверенитета, создание мощной и эффективной системы информационной безопасности, разработка стратегий и тактик противодействия угрозам должны стать приоритетом для органов власти и негосударственных институтов [6, с. 31]. Отсюда следует, что

высокий уровень информационной безопасности – это результат взаимодействия власти и общества, только совместные усилия способны обеспечить надлежащий уровень защиты интересов Украины в информационной сфере.

Необходимо отметить, что в научных кругах, как правило, предметом исследований становятся механизмы информационной безопасности и вопросы правового статуса субъектов, которые её обеспечивают. Однако, по нашему мнению, некая отстраненность от проблемы функционального назначения категории «информационная безопасность», приводит к отсутствию комплексного понимания её сущности и общественного назначения. Нивелируя функциональные особенности, трудно построить совершенную и действенную систему противостояния внутренним и внешним угрозам в информационной сфере. Помимо мнения ученых, следует обратить внимание и на действующие нормативно-правовые акты в данной сфере общественных отношений.

Анализ законодательства в сфере национальной безопасности и доктрины информационной безопасности позволяют констатировать следующее:

– само понятие «информационная безопасность» не закреплено на законодательном уровне, что усложняет определение её природы и функций. В частности, в Законе Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 г. № 964-IV лишь закреплено, что интересы в информационной сфере являются составляющей государственной безопасности [7]. В данном случае трудно выделить отдельные функциональные особенности указанной категории;

– большинство приоритетов информационной безопасности имеют декларативный характер, определены достаточно поверхностно. Прежде всего, это касается Стратегии национальной безопасности Украины, в которой перспективные направления закреплены в п. 4.11 [8]. Такая абстрактность в правовом измерении приводит к однобокости в выражении воли государства и общества. Вследствие этого уровень информационной безопасности государства остается достаточно низким;

– Доктрина информационной безопасности Украины преимущественно связана с нейтрализацией угроз в информационной сфере, которые возникли вследствие конфликта на Донбассе [1]. Наряду с этим, другие внешние и внутренние угро-



зы остались без надлежащего внимания законодателя. В таких условиях функциональная составляющая информационной безопасности раскрыта не полностью.

Исследуя категорию «информационная безопасность», необходимо решить ещё один важный вопрос: можно ли применять категорию «функция» к отдельной составляющей национальной безопасности. Либо следует говорить о функциях субъектов информационной безопасности. По мнению Е. А. Джураевой, функции непосредственно влияют на структуру и форму правового явления. В юридической науке данная категория имеет свои особенности, что обусловлено методологическим характером философии права [9, с. 7]. В академическом толковом словаре современного украинского языка термин «функция» определяется как явление, которое зависит от формы его проявления и изменяется в соответствии с изменениями данной формы [10]. По нашему мнению, информационная безопасность является самостоятельной категорией, которая имеет свою структуру, механизмы обеспечения, форму и принципы. Именно поэтому к ней можно уверенно применять термин «функции», поскольку она характеризуется индивидуальным местом в структуре национальной безопасности. Используя все вышеуказанное, к числу функций информационной безопасности следует отнести:

1. Защита национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз. Данная функция предусматривает, что уровень информационной безопасности должен обеспечить полноценную защиту интересов государства в информационной сфере. В этом случае информационную безопасность можно представить, как равновесие угроз и методов их предупреждения (локализации). Именно такое равновесие обеспечивает баланс информационной безопасности. В данном аспекте защита рассматривается как динамическая категория, которая должна соответствовать современным вызовам и учитывать потенциальные угрозы информационной инфраструктуры.

2. Обеспечение полноценной информатизации общества. Речь идет о повсеместном внедрении информационно-телекоммуникационных систем, которые позволяют качественно поменять жизнь общества. Безопасность – это не только защита, а и развитие, которое позволяет упреждать угрозы и способствует информацион-

ной образованности. Как следствие, осуществлять негативное информационное влияние на общество, «вооруженное» информацией, почти невозможно. Имея представление о базовых угрозах (киберпреступность, информационный терроризм и т.д.), граждане смогут своевременно реагировать на попытки незаконного вмешательства в их личную информационную безопасность и в безопасность государства.

3. Охрана культурных и исторических ценностей нации. Речь идет о противостоянии негативному информационному влиянию, которое предполагает осуждение факта борьбы за независимость Украины, критику отдельных этапов исторического развития государства, проявление неуважения к традициям украинского народа. С помощью информации можно манипулировать сознанием граждан, например, распространять идею неполноценности государства, его ущербности. Такая политика может привести к сепаратизму, экстремизму и дискриминации внутри государства по определенным признакам. На сегодня данная функция очень актуальна для Украины.

4. Диверсификации информационного пространства государства. Прежде всего, это касается вопроса наполнения эфира национальным информационным продуктом. Также крайне важно очистить информационное пространство от продукта, который содержит пропаганду расовой ненависти, насилия, свержения власти и ставит под вопрос территориальную целостность государства. Информация уже давно стала оружием, с помощью которого можно без войн и революций свергать власть целых стран. Процессы глобализации только способствуют этому, делая национальное информационное поле более незащищенным и уязвимым.

5. Защита национального единства. Данная функция предполагает универсализацию информационных потоков в обществе с целью создания единого понимания политики и интересов государства. Без этого невозможно полноценное развитие государства, а социально-экономические процессы будут сведены к определенным, клановым интересам. В таких условиях интересы народа отходят на второй план, что никак не согласовывается с принципами правового государства, в основе которого находится гражданское общество.

Указанные функции должны обеспечить согласование политики государства

и интересов общества, что является ключевым условием эффективности деятельности власти на разных уровнях. Следует отметить, что функции информационной безопасности являются детализацией отдельных функций национальной безопасности государства. Именно на их основе необходимо разрабатывать доктрину информационной безопасности Украины. Прежде всего, данные функции целесообразно раскрыть в законодательных и подзаконных актах, которые принимаются для защиты интересов Украины в информационной сфере.

Выводы. Установлено, что функции информационной безопасности следует определять через призму существующих и потенциальных угроз, которые раскрывают сущность и природу информационной безопасности. Определено, что основными проблемами нормативно-правовой регламентации функций информационной безопасности являются: недостаточная определенность понятия «информационная безопасность» в действующем законодательстве; декларативный характер большинства её приоритетов; односторонность формализации внешних и внутренних угроз информационной безопасности в законодательных актах.

Предложено к функциям информационной безопасности отнести: защиту национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз; обеспечение полноценной информатизации общества; охрану культурных и исторических ценностей нации; диверсификацию информационного пространства государства; защиту национального единства.

При этом перспективным направлением дальнейших научных поисков в данной сфере является проблема согласованности функций информационной безопасности с существующими угрозами и приоритетами государственной политики в информационной сфере.

Список использованной литературы:

1. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 29 грудня 2016 року «Про Доктрину інформаційної безпеки України»: Указ Президента України від 25 лютого 2017 р. № 47/2017. Урядовий кур'єр. 2017. № 38.
2. Тихомиров О.О. Забезпечення інформаційної безпеки як функція



сучасної держави: монографія. Київ. Центр навч.-наук. та наук.-практ. вид. НА СБ України. 2014. – 196 с.

3. Домбровська С.М. Механізми забезпечення інформаційної безпеки як складової державної безпеки України. Теорія та практика державного управління. 2015. № 1 (48). – 15-24 с.

4. Остроухов В.В., Петрик В.М. До проблеми забезпечення інформаційної безпеки України. Політичний менеджмент. 2008. № 4. – 135-141 с.

5. Зозуля О.С. Державне управління забезпеченням інформаційної безпеки України в умовах інформаційно-психологічного протистояння: дис. канд. наук з держ. упр.: 25.00.01. Київ. 2017. – 251 с.

6. Ільницька У. Інформаційна безпека України: сучасні виклики, загрози та механізми протидії негативним інформаційно-психологічним впливам. Lviv Polytechnic National University Institutional Repository. 2016. № 1. – 27-32 с.

7. Про основи національної безпеки України: Закон України від 19 червня 2003 р. № 964-IV. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 38. Ст. 351.

8. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року «Про Стратегію національної безпеки України»: Указ Президента України від 26 травня 2015 р. № 287/2015. Урядовий кур'єр. 2015. № 95.

9. Джураєва О. О. Функції сучасної держави: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. Одеса. 2006. – 17 с.

10. Академічний тлумачний словник сучасної української мови. URL: <http://sum.in.ua/s/funkcija>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатов Виктор Викторович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского, хозяйственного и экологического права Университета таможенного дела и финансов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filatov Viktor Viktorovich – Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil, Commercial and Environmental Law at the University of Customs and Finance

filatov_viktor@ukr.net

UDC 349.2

CONCEPT AND TYPES OF STATE CONTROL OF THE LEGAL TRAFFICKING OF DRUGS

Oleksandr SHEVCHUK,

Doctor of Juridical Sciences, Senior Lecturer at Department Administrative Law and Administratively Activities of the Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The author's definition of the term "form", legal design "form of state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors" is proposed. The points of view of scientists concerning "forms of state control" are given. The concept of "legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors" was introduced. Author's classification of forms of state control over the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors has been developed. Forms of state control over the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors are described. Prospects for the optimization of legislation on the forms of state control in the sphere of the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors in Ukraine are determined.

Key words: forms of state control, types of forms of state control, state control, legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors in Ukraine, classification of forms of state control.

КОНЦЕПЦИЯ И ТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Александр ШЕВЧУК,

доктор юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Предложено авторское определение термина «форма», правовой конструкции «формы государственного контроля за законным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров». Приведены точки зрения ученых относительно «форм государственного контроля». Наведено понятие «законный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров». Разработана авторская классификация форм государственного контроля за законным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Охарактеризованы формы государственного контроля за законным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Определены перспективы оптимизации законодательства относительно форм государственного контроля в сфере законного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в Украине.

Ключевые слова: формы государственного контроля, виды форм государственного контроля, государственный контроль, законный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в Украине, классификация форм государственного контроля.

REZUMAT

Se propune definirea de către autor a termenului "formă", formă juridică "formă de control al statului asupra circulației legale a stupefiantelor, a substanțelor psihotrope și a precursorilor". Sunt date punctele de vedere ale oamenilor de știință cu privire la "formele de control al statului". A fost introdus conceptul de "circulație legală a stupefiantelor, a substanțelor psihotrope și a precursorilor". Sa dezvoltat clasificarea de către autor a formelor de control al statului asupra traficului legal de stupefiante, substanțe psihotrope și precursori. Se descriu forme de control al statului asupra traficului legal de stupefiante, substanțe psihotrope și precursori. Se stabilesc perspectivele de optimizare a legislației privind formele de control al statului în sfera traficului legal de stupefiante, substanțe psihotrope și precursori în Ucraina.

Cuvinte cheie: formele de control al statului, tipurile de forme de control al statului, controlul de stat, circulația legală a narcoticelor, a substanțelor psihotrope și a precursorilor în Ucraina, clasificarea formelor de control al statului.



Formulation of the problem: In modern legal science there are various points of view regarding the understanding of the list and types of forms of state control, are characterized, as a rule, by the specific direction of research in scientific research, researchers give different forms of control [1, p. 229; 2, p. 123; 3, p. 161; 4, p. 91], identifying them with the methods of [3, p. 169]; [5, p. 182], directions, means, measures and types of control [2, p. 124]. The current legislation of Ukraine also identifies forms and methods of control [6]. The forms used in the implementation of state control may be different, depending on the subject, the object, the purpose, the means of state control applied.

Relevance of the research topic.

The state control should be carried out on the basis of the current legislation by authorized bodies, officials, civil servants. He follows, in particular, Art. 19 of the Constitution of Ukraine, according to which the state authorities, local self-government bodies and their officials are obliged to act only on the basis, within the powers and in the manner provided for by the Constitution and laws of Ukraine [7]. Compliance with this provision is decisive regarding the legitimacy of forms of state control, that are carried out by its bodies. When carrying out state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors, the forms inherent in it are used. In a legal state any form of state control is exercised solely on the basis, within the limits of authority and in the manner provided by law.

Status of the study. Ukrainian and foreign scientists paid special attention to studying the forms of state control: V.B. Averyanov, O.F. Andriyenko, Yu. P. Bityak, V.N. Garashchuk, V.M. Gorshenev, M.S. Studenikin, I.B. Shakhov and others. We have already turned our attention to the problems of establishing forms of state control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances [8], but we have not considered the question of the criteria for distinguishing its forms from the legal circulation of such funds, substances and precursors, unfortunately, this issue was not investigated.

The task and aim of articles is to establish the concept and types of forms of state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors of Ukraine.

Statement of the main material. First, we note that “the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors” are activities for the cultivation of plants included in the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors, as well as activities related to trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and precursors included in the said List, which are resolved and controlled by the legislation in the sphere under consideration on the basis of licensing. It is carried out with the purpose of using these means, substances and precursors for the needs of their own production, in medical practice for the treatment of patients, in veterinary medicine, in research, in expert and operational-search activities, with scientific and educational purposes [9, p. 10, 11]. ‘

In order to establish the content of the legal design of the “form of state control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors”, as well as for the possible elimination of disagreements, not only in terminology, but also in approaches to the classification of these forms, it is necessary to understand what the term “form” itself means. The structure of the “form of state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors” does not contain the current legislation, nor is it interpreted in the legal scientific literature. In the general scientific interpretation of the term “form”, some researchers associate with the category of “content”. In explanatory dictionaries, the form is the expression of any content or anything else [10, p. 1427]. The term “form” means “the type, construction, way of organizing something; the external manifestation of some phenomenon, associated with the essence, content” [11, p. 1328]. The philosophical dictionary treats the form as an external image, the external expression of some content, and also determines or determines the order of the flow, in contrast to its amorphous material or content [12, p. 289]. So, form is a method of organization, an external manifestation of any phenomenon, connected with the essence, content, which determines the order of the latter. In this regard, a similar point of view has V.N. Garashchuk, who determines, that the form is an external manifestation (result) of specific control or supervisory procedural and organizational actions, that visibly

manifests itself in certain acts based on the results of the activity of the inspectors [3, p. 163].

And how is the concept of “form of state control” defined in legal scientific literature? According to some scholars, forms of state control in the sphere of economic activity should be called external manifestation of legally significant procedures of control activity [13, p. 536; 14, p. 52]. V.V. Murza under the forms of state control understands the methods of production of control activity, its practical implementation, carried out within the limits of powers granted to state control bodies, based on the relevant principles and applied to achieve the goals set with the greatest degree of result [15, p. 111].

Attention of O.F. Andriyko, who examines state control, notes, that his form can be defined as the externally expressed effect of the executive body (official), is carried out within its competence and causes certain consequences, that are of a legal nature and a certain legal the value of [16, p. 43]. Taking into account the foregoing, we will draw a conclusion: the forms of state control over the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors are an external manifestation of the procedural and organizational actions of subjects of state control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors within the limits of the granted powers, is in the legal consequences of implementing the latter.

Yu.P. Bitak and V.V. Zuy refer to the forms of control as revision and verification [17, p. 124], in which the majority of researchers support them. O.F. Andriyko, a list of forms of control of executive authorities complemented by such as the analysis of information materials, reports, messages, warnings [1, p. 24]. E.V. Shorina, in addition to those mentioned, also singles out inspections, surveys, surveillance, review, raids [18, p. 15]. I.K. Zalyubovskaya, in addition to audit and inspection, distinguishes among the forms of control the demand for reports, the analysis of information materials, reports, communications, reservations, as well as audit, expertise, coordination of activities of controlled objects, consideration of complaints, applications [19, p. 13]. A.I. Gurin adds inspection, registration, certification, accreditation, licensing, etc. to the audit



and revision [20, p. 165]. I.S. Orekhova insists, that in the sphere of economic activity the main forms of state control are audits and inspections [21, p. 11]. This opinion is supported by other scientists [22 p. 73]. Thus, in most cases, the separation of forms of state control is carried out by scientists in the field of activity, the main of which are verification and audit.

In accordance with the powers of controlling bodies to use forms of state control is an integrated system, that allows its subjects to fully obtain the necessary information about the status of the activities of the controlled entities [23, p. 24]. The choice of forms by the controlling entity occurs within the limits delineated by its powers or expressly provided for in the legal norm. Basically, the relevant forms provided for by legal acts regulating the activities of the controlling entity [1, p. 186].

There is no single point of view on the notion of “verification” among scientists. L.A. Savchenko, examining financial control, the audit interprets as a system of control actions to study the administrative or financial and economic activities of the relevant facility [24, p. 266]; D.M. Reva believes, that the verification consists in examining the compliance of the data, reflected in the documents with the requirements of the legislation [25, p. 98]; P.N. Chistyakov defines it as the activity of the relevant bodies for the study of documentation for the purpose of checking it [26, p. 57]. So, the majority of scientists define the audit as the activity of controlling bodies in researching the information specified in the documents, for compliance with their legislation requirements.

The Economic Code of Ukraine stipulates, that the state controls the economic activities of economic entities in the form of inspections and inspections [27]. According to the provisions of Art. 1 of the Law of Ukraine “On the main principles of state supervision (control) in the sphere of economic activity” of April 5, 2007, No. 877-V, state control is the adoption of planned and unplanned activities, carried out through inspections, audits, inspections, surveys and other actions [28]. Forms of state control are also defined in other regulatory legal acts.

Planned activities are carried out in accordance with the annual or quarterly plans approved by the state control authority before December 1 of the year preceding the planned one, or until the

25th day of the last month of the quarter preceding the planned one [28]. Within one year of implementation, more than one planned control measure with respect to a particular business entity is not allowed. In the sphere referred to it the state control body determines the criteria for assessing the degree of risk from conducting economic activities. Taking into account the value of an acceptable risk, all subjects of management are classified as one of three risk levels: high, medium and small [28]. Depending on the degree of risk, the monitoring body will schedule the periodicity of the planned state control activities, as well as lists of issues for this, approved by its order. The state control bodies carry out such planned activities, provided that the business entity is notified in writing about this no later than 10 days before the day of their holding. The norms of Art. 6 of this Law, the grounds for conducting unscheduled activities have been determined [28].

Here are statistics on the conduct of inspections by the State Service of Ukraine on Drugs and Drug Control in 2011–2015. And about the types of violations found. So, in 2011 69 unscheduled inspections were carried out, and according to their results 2 licenses were canceled, 19 violations were not detected, 48 instructions were given to eliminate identified violations of the License terms [29, p. 160, 161]. In 2012 140 planned inspections and 31 unscheduled inspections, as a result of which 3 licenses were declared invalid, 2 were canceled, 93 violations were not detected, 73 instructions were given to eliminate identified violations of the License terms. In 2013 559 planned and 49 unplanned inspections were conducted, according to which 10 licenses were canceled, 8 were declared invalid due to non-renewal of them in the period established by law, 289 cases were found without violations, and 301 orders were issued to eliminate the violations of the Licensing Conditions [29 p. 161]. In 2014 285 scheduled and 33 unscheduled inspections were carried out, of which: (a) verification of compliance with the requirements – 1; (b) by letters from the Ministry of Internal Affairs and the Security Service of Ukraine – 28 and 1, respectively; (c) other state bodies – 1, (d) on the circulation of individuals – 1 [29, p. 161].

In the first half of 2015 11 unscheduled inspections were carried out, according

to which 1 instruction was issued, 147 instructions were given to eliminate the violations identified during the inspections, in 8 business entities the licenses were declared invalid due to the fact, that they were not re-registered in the prescribed period, and in 4 cases the licenses were revoked [29, p. 162].

According to the State Service of Ukraine for Drugs and Drug Control, a significant number of violations found primarily in business entities, have not been tested since 2009 and vice versa, licensees, who have already been audited by the State Service of Ukraine from medicines and drug control carrying out activities without violations of law and comply with the requirements for mandatory reporting. The most typical violations in health care facilities include the following: 1) the licensing authority was not informed of the change in the data specified in the documents attached to the application for a license; 2) certificates of drug treatment were not updated after the end of their validity period; 3) persons without a certificate from the Ministry of Internal Affairs of Ukraine were allowed to work with controlled substances; in the absence of an employee, according to their official duties, they had access directly to narcotic drugs, psychotropic substances and precursors, that had not been with drawn or outstanding in the established criminal record; 4) annual reports were not submitted to the licensing body, quarterly inventories were not conducted or conducted without the preparation of a balance of inventory. There was an inventory taking into account without balances on the departments or without taking into account the precursors listed in List No. 2 of Table IV of the List of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors.

The above violations testify, first of all, to insufficient knowledge and unsatisfactory performance by management of legal entities of the requirements of the current legislation of Ukraine. The lack of funds of the management of medical and preventive health care institutions explains the impossibility of passing mandatory periodic narcological examinations of persons admitted to the treatment of controlled substances. The reason for non-compliance with the requirements for facilities and premises intended for carrying out activities related to trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances



and precursors is, first of all, the inadequate financing of hospitals, and as a result, the inability to properly equip the premises used for the storage of such drugs, substances and precursors [29, p. 162]. In addition, when checking the State Service of Ukraine with medicinal substances and drug control concerning legal entities, that carry out activities on the trafficking of precursors (List No. 2 of Table IV of the List), the most common violations are the failure to notify the licensing authority of changes in the data specified in the documents attached to the application for a license, namely: a) on admission to work of persons not specified in the information on the compliance of the material and technical base with the license conditions; b) changed and the head of the institution; c) the storage of controlled substances of new places.

In the future we will consider such forms of state control over the legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors as: a) inspection of vehicles, cargo and personal belongings of citizens (Article 8) and b) medical examination and medical examination of persons, who abuse narcotic drugs means or psychotropic substances (Article 13) [30]. The specifics of the inspection of the vehicle, the cargo, that it contains, the personal effects of the driver and passengers is that it is carried out by police officers or officials of the Security Service of Ukraine on the basis of statements or reports of offenses related to the illegal traffic in narcotic drugs, psychotropic substances or precursors, or if other reliable information is available from the competent authorities. In case of detection of substances, that cause suspicion as belonging to these and that require further investigation, as well as, if there are signs of drug intoxication in the driver or passengers, the transport and the said persons can be delivered to the bodies of the National Police of Ukraine in order to find out the necessary circumstances [30]. Article 264 of the Administrative Code regulates the procedure for personal search and establishes, that it can be carried out by an authorized person of the same sex from the person being examined and in the presence of two witnesses of the same sex. Narcotic drugs and psychotropic substances found during the detention of a person, personal examination or examination of her belongings are seized by officials of the National Police of Ukraine and stored

together with the relevant documents in certain places by the police to the case on the merits. Note, that with the help of personal inspection, a small amount of narcotic drugs and psychotropic substances in clothes of the inspected person and in the cavities of her body can be detected [31, p. 16]. Things and documents found during the apprehension, personal inspection or examination of things and which are the instrument or the direct object of the offense are seized by the relevant officials of the bodies in accordance with Art. 265 of the Code of Ukraine on Administrative Offenses [33], on which a protocol is drawn up or a corresponding record is made in the protocol on an administrative offense, on the inspection of things or administrative detention.

Let us move on to the disclosure of the question of medical examination and medical examination of persons, who abuse narcotic drugs or psychotropic substances. Medical examination is carried out on an outpatient basis in order to establish a person's state of intoxication; medical examination – in a stationary, setting with the purpose of establishing a diagnosis of “drug addiction” in the person (Article 1). Medical examination is carried out in the direction of the police, and medical examination – in the direction of the doctor-narcologist. A person, who shies away from a medical examination or medical examination is liable to be brought to the narcological institution by the body of the National Police of Ukraine [30]. He order the medical examination and medical examination is regulated by the joint order of the Ministry of Health and the Ministry of Internal Affairs of Ukraine of June 16, 1998, No. 158/417 [34] and the Instruction on the procedure for the identification and registration of persons, who illegally use narcotic drugs or psychotropic substances [35]. For each category of law enforcement officers there are normative and legal acts on these issues. For example, the order of the Security Service of Ukraine “On the organization in the Security Service of Ukraine to identify persons, who unlawfully use narcotic drugs or psychotropic substances” from March 4, 2013, No. 88 determined, that medical examination is carried out in the following cases [36]:

1) presence in the person of: a) signs of drug intoxication – impaired coordination of movements, pronounced trembling of the fingers, sudden changes in the color

of the face (red face or unnatural pallor), inadequate behavior, narrowed or very dilated pupils, do not respond to light, slowness or vice versa of increased liveliness or gait mobility, speech; b) symptoms of mental or physical dependence on narcotic drugs or psychotropic substances found in the treatment and prevention institution security service of Ukraine; c) positive results of studies on the presence of the hepatitis B, C, HIV virus in treatment and prevention institutions;

2) reasonable suspicion of use by a person the narcotic drugs or psychotropic substances without the appointment of a doctor on the basis of information provided by this or that person, as well as other facts. Medical examination and examination of these individuals can only be carried out in certain institutions.

Conclusions. Forms of state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors are an external manifestation of the procedural and organizational actions of subjects of state control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors within the limits of the powers granted, is rendered in the legal results of such actions. State control in the outlined area is manifested in the form of audits and inspections. Most often the control bodies in this sphere are subject to inspections (planned and unplanned). Special forms of check are distinguished: 1) medical examination of persons, who abuse narcotic drugs or psychotropic substances, by which they understand their outpatient examination with the purpose of establishing the state of drug intoxication; 2) medical examination of persons in inpatient settings to confirm the diagnosis of “drug addiction”; 3) inspection of vehicles, goods and personal belongings of citizens, consists in carrying out by the competent authorities to inspect them, if there is reliable information on the illegal presence of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors.

According to the results of the activities for 2011–2015 of the State Service of Ukraine from Drugs and Drug Control, the most typical violations in health care institutions of Ukraine were identified, namely:

1) failure to inform the licensing authority of changes in the data specified in the documents attached to the application for issue of a license;



2) certificates on the passage of narcological examination after the expiration of their validity period are not updated;

3) are allowed to work with controlled substances of a person without the established certificate of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine;

4) annual reports are not submitted to the licensing body;

5) quarterly inventories are not carried out or are carried out without drawing up a balance of inventory and without taking into account their residues and the number of precursors.

The solution of problems of improving the legislation on the application of forms of state control over the legal circulation of narcotic drugs, substances and precursors in Ukraine must comply with the norms and standards of the legal system of the European Union and requires the formation of effective activities of controlling and law enforcement bodies, the expansion of the legal framework, the application of forms of state control and methods of influence States, that meet European standards. Solving these problems will increase the effectiveness of implementing forms of state control over the legal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors in Ukraine and improve their applications.

References:

1. Andriyko O.F. Organizational and legal problems of state control in the sphere of vikonavchoy vldy: dis. Dr. jurid. Sciences: spec. 12.00.07 / Andriyko Olga Fedorovna. – K., 1999. – P.390.
2. Vytvitsky S.S. State control in the field of licensing activity: diss. candidate jurid. Sciences: special 12.00.07 / S. S. Vitvitsky. – Kh., 2004. – P. 205.
3. Garaschuk V.M. Theoretical and legal problems of control and supervision in public administration: diss. doctor jurid. Sciences: special 12.00.07 / Vladimir Nikolayevich Garaschuk. – X., 2003. – P. 413.
4. Novikov V.V. Intravenous control as a means of ensuring the law and discipline in the internal affairs bodies: diss. candidate jurid. Sciences: special 12.00.07. / Novikov Vitaly Vladimirovich. – Kh., 2006. – P. 179.
5. Shorina E.V. Control over the activity of the bodies of state administration in the USSR: monogr. / E. V. Shorina. – Moscow: Nauka, 1981. – P. 301.
6. About the prikordonny control: Law of Ukraine dated 05.11.2009., No. 1710-VI // News of the Supreme Rada of Ukraine. – 2010. – No. 6. – Art. 46.
7. Constitution of Ukraine dated 28.06.1996. № 254к / 96-BP // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 1996. – No. 30. – Art. 141.
8. Shevchuk O. M. Forms of state control in the sphere of turnover of narcotic drugs and psychotropic substances / O.M. Shevchuk // *Legea si Viata*. – 2013. – No. 10/3 – P. 237-241.
9. Shevchuk O.M. Administrative law of the regulation of the state control over the supply of narcotic drugs, psychotropic rhechovin and precursors in Ukraine: diss. Doct. jurid. Sciences: spec. 12.00.07 / Shevchuk O.M. – Kh., 2016. – P. 41.
10. Soviet Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. A. M. Prokhorov. - Ed. 4th. - M.: Sov. encycl., 1987. – P. 1632.
11. The Great Tlumachny Dictionary of the Sushavno Ukrainians / Way. i goals. Ed. VT Busel. – K.: VT “Perun”, 2001. – P.1728.
12. Philosophical Encyclopaedic Dictionary / Ed.-Cons: EF Gubsky, GV Korableva, VA Lutchenko. – Moscow: Publishing house INFRA-M, 2006. – P. 576.
13. Orekhova I.S. Forms of state control in the sphere of state property / I.S. Ortekhova // Actual. probl. power and rights. – 2011. – Vip. 60. – P. 535-542.
14. Understanding of the form of the state control of states overignty in the current state-legal theory / V.V.Timoshin/ScientificworksofMAUP.-2011.- Vip. 1. – P. 52-54.
15. Murza V. V. Forms of the method of state control and visualization / V. Murza // Publications. right. – 2013. – No. 2 (10). – P. 110-116.
16. Andriiko O.F. Derzhavny naslyad / OF Andriyko // Jurid. encycle. – For 6 tons. – T. 2. : D-J / Wed. Ed. Yu.S. Shemshuchenko. – K.: Ukr. Encycl., 1998. – P. 744.
17. The administrative law of Ukraine: a textbook / in general edition by Yu. P. Bityak. – X.: Law, 2010. – P.624.
18. Shorina E.V. Control and verification of execution are important means of strengthening the state discipline/E.V.Shorin.-M.:Knowledge,1978.- P. 216.
19. Zalyubovskaya I.K. Organizational and legal bases of state control in Ukraine: educational manual / I.K. Zalyubovskaya – A.: Yurid. Lit., 2003. – P. 104.
20. Gurin A.I. State control as a form of implementation of executive power: diss. jurist Sciences: special 12.00.14 / Gurin Andrey Igorevich. – Saratov, 2004. P. 217.
21. Orhekova I. S. State control in the field of economic activity: administrative and legal principles: author’s abstract. dis to bake sciences step Cand. lawyer Sciences: special 12.00.07 / I. S. Orekhova. – O., 2009. – P.20.
22. Barahtyan N.V. Concepts and forms of state control in the field of economic activity / N.V. Barahtyan // Law and Society. – 2014. – No. 2. – P. 69-75.
23. Nizhnik M. Control in the field of public administration / M. Nyzhnik, O. Mashkov // Visn. UADU – 1998. – № 2. – P. 23-31.
24. Savchenko L. A. Legal problems of financial control in Ukraine: diss. to bake sciences step Dr. Lawr. Sciences: specialy: 12.00.07 / Savchenko, Lesia Anatoliivna. – Irpin, 2002. – P. 457.
25. Reva D.M. Legal Regulation of Tax Control in Ukraine: diss. candidate jurid. Sciences: special 12.00.07 / Reva Daria Nikolaevna. – Kh., 2005. – P. 204.
26. Chistyakov P.M. Control of the bodies of the State Tax Service of Ukraine for entrepreneurial activity subject to licensing: theory and practice of realization: diss. jurid. Sciences: special 12.00.07 / Chistyakov Petr Mikhailovich. – Zaporozhye, 2004. – P. 201.
27. Commercial Code of Ukraine dated January 16, 2003, No. 436-IV // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 2003. – № 18, № 19-20, № 21-22. – Art. 144.
28. On the Basic Principles of State Supervision (Control) in the Sphere of Economic Activity: Law of Ukraine dated April 5, 2007, No. 877-V // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 2007. – No. 29. – Art. 389.
29. Shevchuk O.M. Legal regulation in the field of drug control: monograph / O.M. Shevchuk – Kh.: Law, 2017. – P 424.
30. On Measures to Counteract the Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors: The Law of Ukraine of 15.02. 1995, No. 62/95 – BP // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 1995. – No. 10. – Art. 62.
31. Zolotareva N.I. Proceedings in cases on administrative violations encroaching on the legal relations of the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances: diss. candidate jurid. sciences: spec. 12. 00. 07 / N. I. Zolotareva. – K., 2000. – P. 20.



33. Code of Ukraine on Administrative Offenses: Law of Ukraine dated December 7, 1984, No. 8073-X // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 1984. – No. 51. – Art. 1122.

34. On Approval of the Procedure for the Medical Examination and Medical Examination of Persons Abuse of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances: Order of the Ministry of Health and the Ministry of Internal Affairs of Ukraine of 16.06.1998, № 158/417 [Electron resource]. – Access mode: http://www.moz.gov.ua/ua/portal/dn_19980616_158.html

35. Instruction on the procedure for the detection and registration of persons who illegally use narcotic drugs or psychotropic substances: the order of the Ministry of Health, Ministry of Internal Affairs, the Prosecutor General's Office, Ministry of Justice of Ukraine of 10.10.1997, № 306/680/21/66/5 // Official Bulletin of Ukraine. – 1997. – No. 48. – Art. 440.

36. About the organization in the Security Service of Ukraine to identify those, who are illegally using narcotic drugs or psychotropic substances: an order of the Central Administration of the Security Service of Ukraine dated March 4, 2013, No. 88 // Official Bulletin of Ukraine. – 2013. – No. 28 – Art. 968.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shevchuk Oleksandr Mikhailovich – Doctor of Juridical Sciences, Senior Lecturer at Department Administrative Law and Administratively Activities, Yaroslav Mudryi National Law University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевчук Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

oleksandr-shevchuk@ukr.net

UDC 342.9:349.41

REASONS FOR ADMINISTRATIVE AND DELICT RELATIONS: FEATURES AND CLASSIFICATION

Oleksandra SHYNKARUK,

Candidate of Juridical Sciences,

Associate Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Philip IVANOV,

Postgraduate Student of the Department

of Administrative and Financial Law of the

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

SUMMARY

An attempt has been made in the article to highlight the peculiarities of the reasons for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation, as a result it has been emphasized, that the last ones can cause man-made changes in natural resources state, be an obstacle to obtain cultural, economic and social benefits, and violate the rules of natural resources use and conservation. In addition, the classification of these reasons according to individual criteria has been made, namely: an object; level of causing of man-made environmental changes; the blocking degree of necessary economic, social and cultural benefits society obtaining, etc.

Key words: reasons for administrative and delict relations, administrative and legal relations, administrative and delict relations, natural resources use and conservation.

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Александра ШИНКАРУК,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права

Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

Филипп ИВАНОВ,

аспирант кафедры административного и финансового права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка выделить особенности оснований административно-деликтных отношений в сфере использования и охраны природных ресурсов, в результате чего выделена их особенность вызывать техногенные изменения в состоянии природных ресурсов, способность быть препятствием для получения культурных, экономических и социальных благ обществом и нарушать правила использования и охраны природных ресурсов. Кроме того, классифицированы указанные причин по отдельным критериям, а именно, по объекту; уровню причинения техногенных изменений окружающей среды; степени блокировки получения необходимых экономических, социальных и культурных благ обществом и тому подобное.

Ключевые слова: основания административно-деликтных отношений, административно-правовые отношения, административно-деликтные отношения, использование и охрана природных ресурсов.



REZUMAT

Acest articol încearcă să evidențieze caracteristici ale bazelor de relații administrative și de prejudiciu în domeniul utilizării și protecției resurselor naturale, ca urmare a care a fost alocat, astfel încât acestea dispun ca ceea ce au în capacitatea lor de a provoca schimbări provocate de om în starea resurselor naturale, pentru a fi un obstacol pentru culturale, economice și sociale ale societății și încalcă normele de utilizare și protecție a resurselor naturale. În plus, clasificarea acestor cauze a fost efectuată în funcție de anumite criterii, și anume: obiectul; care provoacă modificări provocate de om în mediul înconjurător; gradul de blocare a primirii beneficiilor economice, sociale și culturale necesare ale societății și altele asemenea.

Cuvinte cheie: bazele relațiilor administrative-delicțuale, relațiile administrativ-juridice, relațiile administrative-tort, utilizarea și protecția resurselor naturale.

Statement of the problem. Any social relations are the result of certain actions or events occurring in society. The administrative and delict relation in the sphere of natural resources use and conservation, the updating of which is preceded by separate reasons, are no exception. However, despite all its scientific and practical significance, defining the concept of “the reasons for administrative and delict relations” and establishing its place, it should be noted that the last one has not acquired a legislative expression. The Code of Ukraine on Administrative Offenses [4], as well as other administrative acts [1; 2; 3; 5; 6] do not allow to clearly identify this administrative and legal phenomenon.

The relevance of the research topic. Legal studies of the origin of administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation, directly or indirectly, have been carried out by such scholars. as V. Hurzhii, V. Denisenko, V. Knish, L. Koval, V. Kolpakov, V. Kurilo, S. Matchuck, S. Podlinuv, M. Sambor, O. Stukalenko, O. Kharytonova, O. Shemiakov, E. Shulga, M. Shulga and others. However, research of the classification of legal basis for administrative and delict relations in the sphere of use and of natural resources use and conservation has not been done.

Status of research of the article is to investigate and distinguish the basis peculiarities for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation.

Presentation of the main material. Studying the classification of the basis for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation, it should be noted. that they, as well as the general basis [8, p. 122 - 132] have two sides, firstly legal one, which are the requirements of administrative and delict norms and procedure for their activation, which, in turn, implements its own legislative vocation (direct

execution of an administrative delict, that infringes on the established order of conservation and use of all existing depleting environmental components, basic purpose of which from material point of view is to provide the society with all necessary benefits through direct mental and physical activity of specific people involved in their use) and factual, that is illegal act that has demonstration in rules violation of natural resources use and conservation.

In addition, it should be noted that the reasons for administrative and delict relation are not any legal facts, but only those resulting from the person's will who intentionally perform any act or inaction, expressed in violation of the law rule requirements, which foresees the administrative liability, as well as delicts of law enforcement [7, p. 34-36]. That is, the basis for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation will be only the delict, which is based on the person's will, who intentionally perform any act or inaction, expressed in violation of the law rule requirements, as to the proper use and conservation of natural resources. For example, requirements violation of Art. 47 The Code of Ukraine on Administrative Offenses (further – CUonAO) [4] concerning violation of the right of state ownership of natural resources. Administrative and delict relations in this case will occur from the moment of an illegal encroachment on state ownership of natural resources. The physical activity of a person will result in a violation of the law, thus intensifying administrative and delict relations.

That is, the rules violation of natural resources use and conservation is any administrative delict in the sphere of nature use, which by its nature can cause technogenic changes in the qualitative and quantitative properties of natural resources and may be an obstacle for society to obtain appropriate cultural, economic and aesthetic benefits. Taking

this unto account, some of their types should be considered.

According to V. Knysh, all administrative violations in the sphere of environmental protection and natural resources use can be classified, depending on the object of the infringement: land, underground, water, forest, vegetation, atmospheric misconduct and misdemeanors directed against the animal world. The following can be attributed to administrative land violations: damage and pollution of agricultural and other lands (Article 52 CUonAO); violation of the rules of land use (Article 53 CUonAO), illegal land occupation (Article 531 CUonAO); the land cadaster concealing or distorting (Article 532 of the CUonAO); untimely return of temporarily occupied land or not bringing it to a state suitable for the intended use (Article 54 of the CUonAO), etc. Misdemeanors in the sphere of underground ecosystems include violation of the rules requirements for natural resources conservation (Article 57 CUonAO); the rules and requirements violation for conducting works on the geological study of the underground system (Article 58 CUonAO). Water violations include the rules violation of water resources conservation (Article 59 CUonAO); the requirements violation for the protection of territorial and internal marine waters from pollution and littering (Article 591 CUonAO); the rules violation of water use (Article 60 CUonAO), etc. Administrative forest and plant law breaking includes: violation of the established procedure for using the forestry fund, timber harvesting and exporting, resin harvesting (Article 64 CUonAO); illegal deforestation, damage and destruction of forest crops and young trees (Article 65 CUonAO); illegal dry vegetation or its residues burning (Article 771 CUonAO); legislation violation on plant protection (Article 831 of the CUonAO), etc. Offenses that encroach on the animal world are the rules violations of animal world objects



use (Article 85 CUonAO); producing and selling of prohibited tools for animal or plant world objects extraction (Article 851 CUonAO); the rules violation of whaling (Article 86 CUonAO), etc. Administrative atmospheric violations include the procedure violations for the pollutants emission into the atmosphere or the influence of physical and biological factors (Article 78 CUonAO); violation of the activity order aimed at artificial changes in the state of the atmosphere and atmospheric phenomena (Article 781 CUonAO); non-compliance with the requirements for the protection of atmospheric air at the enterprises and facilities operation (Article 79 CUonAO), etc [9, p. 68].

In our opinion, apart from the classification of the rules violation of natural resources use and conservation according to the object, it is advisable to allocate them according to the criterion of the level of causing man-made environmental changes, the blocking degree of necessary economic, social and cultural benefits society obtaining, and separately to distinguish such a criterion of classification as delicts, which violate procedural aspects of regime rules in this sphere according to the form of guilt.

In accordance with the first criterion, administrative delicts in the sphere of all existing depleting environmental components use and conservation, the main purpose of which from the material point of view is to provide society with necessary benefits, through the direct mental and physical activity of specific people involved in their use should be divided into the way of causing man-made changes:

1) directly causing man-made environmental changes (for example, agricultural and other lands damage and contamination (Article 52 CUonAO), the rules violation of land use (Article 53 CUonAO), the rules violation of water use (Article 60 CUonAO); the order violations of polluting substances emission into the atmosphere or the influence of physical and biological factors (Article 78 CUonAO); the rules violation of the animal world objects use (Article 85 CUonAO), and others) [4];

2) indirectly causing man-made environmental changes, but does not exclude such an act in the future: failure to comply with the requirements as

to the protection of atmospheric air at the enterprises and facilities operation (Article 79 CUonAO); producing and selling of prohibited tools for animal or plant world objects extraction (Article 851 CUonAO); illegal deforestation, damage and destruction of forest crops and young trees (Article 65 CUonAO); the requirements violation for the protection of territorial and internal marine waters from pollution and littering (Article 591 CUonAO), etc.) [4].

Administrative misdemeanors as the basis for the delict relations occurrence in the sphere of natural resources use and conservation should be classified according to the blocking degree of necessary benefits society obtaining and depending on the object, that is harmed. Such groups are encroachment on the blocking of land, underground, water, forest and vegetation, atmospheric benefits obtaining and benefits associated with the animal world.

The delicts that violate the procedural aspects of the regime rules in the sphere all existing depleting environmental components use and conservation, the main purpose of which from the material point of view is to provide society with necessary benefits, through the direct mental and physical activity of specific people involved in their use should be divided into: 1) intentional, committed in order to satisfy their own useful motive (illegal land plot occupation, the land cadastral concealing or distorting); 2) careless, that is, under the influence of various life factors (the requirements violation of fire safety in forests, damage to hayfields and pastures on state forest fund lands); 3) mixed, that is, those that can be committed both intentionally for the satisfaction of own useful motive, and from the negligence under the influence of various life factors (the rules violation of whaling, non-compliance with the requirements for the protection of atmospheric air at the enterprises and facilities operation, the rules and requirements violation for conducting works on the geological study of the underground system).

An analysis of the articles content of Chapter 7 of the CUonAO [4] allows us to give concrete examples of the basis for administrative and delict relations, which by its nature can cause man-made environmental changes and an obstacle

to the society in obtaining the necessary benefits, that is, the rules violation for natural resources use and conservation.

The basis for administrative and delict relations, activating: Art. 52 CUonAO is committed intentionally to satisfy own useful motive of agricultural and other land damaging, their pollution by chemical and radioactive substances, oil and petroleum products, untreated sewage, industrial and other wastes, as well as failure to take measures to control weeds; Art. 53 is intentional or careless use of land not in accordance with intended purpose, non-compliance with the environmental protection regime of land use, placement, design, construction, objects commissioning, that negatively affect the land state, improper exploitation, anti-erosion hydraulic structures and protective forest plantations destruction or damage; Art. 63 is intentional use of state forest fund land plots for uprooting, building, wood processing, warehousing, etc. to satisfy own useful motive without proper permission to use these land plots; Art. 65 is intentional or careless destruction or damage of the field-protective forest bands, protective forest plantations along the banks of rivers, canals, around water objects, hydraulic structures, road bands, railways and other protective forest plantations; Art. 70 is intentional or involuntary careless hay mowing and cattle grazing in forests and on state forest fund lands, not covered by forest, illegal harvesting of wild fruits, nuts, mushrooms, berries, etc. in the areas, where it is forbidden or permitted only for forest tickets; Art. 77-1 is intentional or careless burning of stubble, meadows, pastures, areas with steppe, wetland and other natural vegetation, vegetation or its remains and fallen leaves on agricultural lands, in road bands and railways, in parks, other green plantations and lawns in settlements without permission of the state control bodies in the sphere of environmental protection or in the terms violation of such permission, as well as a person's measures disuse, who has received a permission for burning such vegetation or its remains and fallen leaves, for timely their extinguishing; Art. 83-1 is intentional or careless:

1) the distribution of harmful organisms as a result of violation of agricultural and other purposes plants growing technologies;



2) ecologically unjustified plant protection implementation; Art. 85 is intentional or negligent rules violation of hunting (hunting without permission, in prohibited places, at prohibited times, using prohibited tools or methods, hunting for prohibited animals, dogs admission into hunting areas without supervision, hunting with established hunting procedure violation for a certain territory (region, hunting households, etc.); Art. 91 is intentional conducting within the territories and objects of the nature reserve fund, their protection zones, as well as territories reserved for the next heritage, forbidden economic and other activities, the violation of regime requirements of these territories and objects, etc.

Mentioned basis belong to all types of basis classification for administrative and delict relations, namely, intentional and negligent, an encroachment on the blocking of land, underground, water, forest and vegetation, atmospheric benefits acquisition and benefits associated with the animal world, directly or indirectly cause technogenic environmental changes and so on. However, the unifying object is the object of illegal encroachment, namely the social relations that arise in connection with natural resources use and conservation.

Conclusions. The reasons for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation should be classified according to the following criteria: to the object; to the criterion of level of causing of man-made environmental changes; the blocking degree of necessary economic, social and cultural benefits society obtaining; delicts, that violate procedural aspects of regime rules in this sphere according to the form of guilt.

The features of the basis for administrative and delict relations is by its nature can cause technogenic changes in natural resources properties, may be an obstacle for society to obtain cultural, economic and social benefits, and violate the rules of natural resources use and conservation. Consequently, the reasons for administrative and delict relations in the sphere of natural resources use and conservation should be sought in the hypothesis of each specific administrative and delict norm, whereby mentioned norms should be united according to their

own, appropriate object, which serve the public relations in the sphere of natural resources use and the conservation.

References:

1. Про адміністративні правопорушення / Кодекс України // Відомості Верховної Ради Української РСР (ВВР) 1984, додаток до № 51, Ст. 1122.
2. Кодекс адміністративного судочинства України / Кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2005, № 35-36, № 37, Ст.446.
3. Про національну поліцію / Закон України // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2015, № 40-41, Ст. 379.
4. Про надра / Кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1994, № 36, Ст. 340.
5. Земельний Кодекс України / Кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2002, № 3-4, Ст.27.
6. ЗУ «Про охорону навколишнього середовища» / Закон України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1991, № 41, Ст.546.
7. Гуржій А. В. Теоретико-правові засади визначення підстав адміністративної відповідальності / А. В. Гуржій // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. – 2011. – № 3. – 122-132 с.
8. Денисенко В. В. Теория административно-деликтных отношений: дисс. доктора юрид. наук: 12.00.014 / Денисенко В. В. – СПб., 2002. – 342 с.
9. Книш В. І. Особливості адміністративної відповідальності за вчинення правопорушень у галузі охорони навколишнього природного середовища та раціонального використання природних ресурсів / В. І. Книш // Право і Безпека. – 2011. – № 1. – 68-71 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shynkaruk Oleksandra Vasyliivna – Candidate of Juridical Sciences, Associate professor of the Department of Civil and Commercial Law, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

Ivanov Philip Oleksandrovych – Postgraduate Student of the Department of Administrative and Financial Law, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шинкарук Александра Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

aleksandra.shyn5@gmail.com

Иванов Филипп Александрович – аспирант кафедры административного и финансового права Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

filipivanov@gmail.com



УДК 342.9.03

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Светлана ШОПТЕНКО,

кандидат юридических наук,

доцент, доцент кафедры юридических дисциплин

Сумского филиала Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Автор статьи подчеркивает, что административно-юрисдикционная деятельность является одним из ведущих направлений работы правоохранительных органов государства. В статье определен положительный зарубежный опыт реализации производств по делам об административных правонарушениях и пути его внедрения в Украине. Проанализировано содержание и особенности процедуры привлечения к административной ответственности в зарубежных странах. Определены положительные черты производств по делам об административных правонарушениях, реализуемых в других государствах. Обоснованы возможности внедрения положительного зарубежного опыта в исследуемой сфере в Украине.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность, производство по делам об административных правонарушениях, административно-деликтная деятельность, зарубежный опыт.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE REALIZATION OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES AND THE POSSIBILITY OF ITS IMPLEMENTATION IN UKRAINE

Svetlana SHOPTENKO,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,

Assistant Professor of the Department of Law Disciplines of

Sumy branch of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article emphasizes, that administrative-jurisdictional activity is one of the leading areas of work of law-enforcement bodies of the state. The article defines a positive foreign experience in the implementation of cases on administrative offenses and the ways of its introduction in Ukraine. The content and features of the procedure for attracting administrative responsibility in foreign countries are analyzed. The positive features of the proceedings on cases of administrative offenses committed in other states are determined. The possibilities of introducing positive foreign experience in the investigated sphere in Ukraine are substantiated.

Key words: administrative and jurisdictional activity, proceedings on administrative offenses, administrative and tort activities, international experience.

REZUMAT

Autorul articolului subliniază faptul că activitatea administrativ-jurisdicțională este una din direcțiile principale ale activității organelor de drept ale statului. Articolul definește experiența străină pozitivă în implementarea industriilor în cazurile de încălcări administrative și modalitățile de implementare a acesteia în Ucraina. Sunt analizate conținutul și particularitățile procedurii de aducere a responsabilității administrative în țările străine. Au fost determinate trăsăturile pozitive ale procedurilor în cazurile de încălcări administrative realizate în alte state. Sunt puse bazele posibilităților de introducere a experienței străine pozitive în domeniul cercetării din Ucraina.

Cuvinte-cheie: activitate administrativ-jurisdicțională, proceduri privind infracțiunile administrative, activități administrative-delicte, experiență străină.

Постановка проблемы. Административно-юрисдикционная деятельность является одним из ведущих направлений работы правоохранительных органов, как Украины, так и других государств. Такая их деятельность призвана урегулировать административные споры, возникающие в сфере обеспечения законности и правопорядка. Она должна обеспечивать как можно скорее полное, всестороннее, объективное и законное решение дел об

административных правонарушениях, дисциплинарных дел и жалоб граждан, восстановления правопорядка в стране и нарушенных прав или свобод человека. Административно-юрисдикционная деятельность, как и правоохранительная деятельность вообще, требует постоянного совершенствования в направлении улучшения ее нормативного урегулирования, форм и методов ее реализации, процедур рассмотрения дел и тому подобное. Одним из важных

направлений совершенствования такой деятельности является внедрение положительного зарубежного опыта реализации производств по делам об административных правонарушениях.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию вопросов административной деятельности правоохранительных органов в Украине и в других государствах уделяли внимание такие ученые, как В. Б. Аверьянов, О.Ф. Андрийко, А.М. Бандурка,



В.Т. Белоус, Ю.П. Битяк, А.П. Гетьман, И.П. Голосниченко, В.Л. Грохольский, С.М. Гусаров, А.Т. Комзюк, Т.А. Коломоєц, В.К. Колпаков, С.Ф. Константинов, А.Н. Кулиш, А.Н. Муzychук, В.И. Олєфир, Н.И. Панов, В.П. Петков, Т.А. Проценко, Е.П. Рябченко, В.М. Олуйко, В.А. Саламатов, А.А. Селиванов, С.Г. Стеценко, Ю.С. Шемшученко, В.К. Шкарупа, Х.П. Ярмаки, А.Н. Ярмыш и другие. В то же время вопрос введения зарубежного опыта производства по делам об административных правонарушениях требует дополнительного комплексного исследования.

Целью данной статьи является определение положительного зарубежного опыта реализации производств по делам об административных правонарушениях и путей его введения в Украине. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать содержание и особенности процедуры привлечения к административной ответственности в зарубежных странах; определить положительные черты производств по делам об административных правонарушениях, реализуемых в других государствах; обосновать возможности внедрения положительного зарубежного опыта в исследуемой сфере в Украине.

Изложение основного материала. Среди всех административно-юрисдикционных производств наиболее нормативно и организационно урегулированными как в Украине, так и в других государствах, является производство по делам об административных правонарушениях. При этом процедура их рассмотрения и решения в различных государствах имеет свои особенности и специфику. Анализ законодательства европейских государств в исследуемой сфере позволяет определить особенности реализации процедуры рассмотрения и разрешения дела об административном проступке, характерные для западноевропейских стран романо-германской правовой системы, а именно:

– совершение процессуальных действий (задержание лиц, осмотр места совершения противоправных действий, опроса лиц и др.) только при условии наличия юридических и фактических оснований наступления административной ответственности за определенное правонарушение;

– общеобязательное обеспечение прав и свобод граждан (сообщение о причинах задержания, право на сбор доказательств, подачу жалобы на действия органов государственной власти, право на правовую помощь и др.);

– проведение сокращенной процедуры (при условии беспрекословного признания своей вины и согласия на уплату штрафа). В Португальской Республике предусмотрено две, а в Австрийской Республике три разновидности сокращенного производства [3];

– открытость производства по делам об административных правонарушениях начинается с момента фиксации информации о совершении административного правонарушения;

– применение любых мер административного принуждения свидетелем действует в пользу презумпции виновности лица;

– отсутствие четкого иерархического построения системы органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях;

– существование специальной процедуры защиты прав граждан от неправосудных решений – ходатайство о судебном контроле;

– обжалование в судебном порядке в административный суд или трибунал [1, с. 205].

Из указанных особенностей следует, что производство по делам об административных правонарушениях в Украине мало чем отличается от аналогичных процедур в западноевропейских государствах. Наши правоохранительные органы также начинают производство только при наличии деяния, подпадающего под признаки административного правонарушения, и правовой нормы, предусматривающей ответственность за его совершение. Производство в Украине также происходит открыто с обеспечением защиты прав и свобод граждан. Аналогична и система органов, реализующих исследуемое производство, которая является достаточно разветвленной и взаимно подчиненной. В то же время следует обратить внимание на опыт западноевропейских государств по внедрению сокращенной процедуры рассмотрения дела. Кодекс Украины об административных правонарушениях устанавливает возможность сокращенного производства в нашей стране, но оно

касается только дел о нарушении правил дорожного движения. В то же время вполне оправданным было бы введение ее и для других значительных административных правонарушений, а также при условии беспрекословного признания своей вины и согласия на уплату штрафа. Также довольно интересным европейским опытом является существование специальной процедуры защиты прав граждан от неправосудных решений – ходатайство о судебном контроле, заключающееся в проверке судом законности действий и решений субъектов, реализующих производство по делам об административных правонарушениях.

В Западной Европе превалирует две системы административно-деликтного законодательства: французская и немецкая. Немецкий тип (Швейцария, Австрия, Швеция, Финляндия и др.) административно-деликтной деятельности характеризуется рядом особенностей:

1) высокая степень институциональной дифференциации на уровне федеральных земель, которые выступают как государства с собственной конституционно-учредительной и законодательной властью; органы административной юстиции входят в систему судебной власти и осуществляют исключительно судебную деятельность;

2) концептуальной особенностью является то, что органы административной юрисдикции входят в состав судебной, а это обусловило наличие широких полномочий у судей по административным делам в отношении органов управления (отмена действия административных актов и принятия решений об устранении их последствий);

3) еще одной важной особенностью немецкого типа административного права является дифференциация, проведенная между «связанными» административными актами, решениями по своему усмотрению (дискреционные решения) и свободой собственной оценки при принятии решения [2].

Проанализировав вышеуказанные особенности, можно увидеть, что они отличаются и в большей степени не характерны для Украины. Так, в нашем государстве есть единые на всей территории правовые нормы, регулирующие порядок привлечения лица к



административной ответственности. Кроме того, для немецкого типа административно-деликтной деятельности характерна значимость судов в исследуемой сфере, чего нельзя сказать об Украине, где большинство дел об административных правонарушениях рассматриваются и решаются уполномоченными органами государственной власти или административными комиссиями.

Порядок производства по делам об административных правонарушениях в Германии урегулирован нормами Федеративного Закона ФРГ «Об административных правонарушениях», который содержит соответствующие процессуальные нормы [3]. Из данного нормативно-правового акта можно выделить следующие особенности исследуемой процедуры:

1) предусмотрены сроки давности для производства по делам об административных правонарушениях. Производство по делу об административном правонарушении истекает через три года в случае совершения правонарушения, ответственность за которое предусмотрена в виде штрафа в размере более 15 тыс. евро, через два года – за совершение правонарушения, ответственность за которое предусмотрена в виде штрафа в размере от 2500 до 15 тыс. евро, через год – за правонарушения, ответственность за которое предусмотрена в виде штрафа от 1 тыс. евро до 2500 евро, за шесть месяцев – во всех остальных случаях;

2) юрисдикция по применению штрафов за правонарушения принадлежит административному органу, кроме случаев, когда законом в отдельных случаях такие полномочия переданы прокурору или в суд;

3) решение вопроса о необходимости производства по делу об административном правонарушении относится исключительно к компетенции органа преследования;

4) наложение штрафов за правонарушения оформляется уведомлением о штрафе. При этом не предусмотрено фиксирование факта совершения административного правонарушения с участием лица, привлекаемого к ответственности, подобно протоколу об административном правонарушении в соответствии с Кодексом Украины об административных правонарушениях;

5) процедура обжалования заключается в том, что лицо, в отношении которого применен штраф, может предоставить возражения в письменной форме или для записи административным органом, выдавшем такое сообщение. Административный орган или соглашается с мнением лица и отменяет сообщение о штрафе, либо через органы прокуратуры направляет дело об административном правонарушении в суд. С этого момента функции органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, выполняет прокуратура. Суд, в свою очередь, может решить дело как по результатам проведения заседания по делу, где заслушивается лицо, привлеченное к ответственности, так и без его проведения, если против этого не возражает прокуратура и данное лицо. Решение может быть обжаловано в установленных законом случаях [3, 4, с. 142-143].

Из данных особенностей следует, что немецкое законодательство, регулирующее производство по делам об административных правонарушениях, отличается от украинского. При этом подход Германии к определению сроков давности привлечения к административной ответственности в зависимости от размера штрафа является более целесообразным и обоснованным. Согласно Кодексу Украины об административных правонарушениях такой срок давности зависит от субъекта, который рассматривает дело (субъектом властных полномочий административное взыскание может быть наложено не позднее чем через два месяца со дня совершения правонарушения, а при длящемся правонарушении – не позднее чем через два месяца со дня его обнаружения, а судом (судьей) взыскание может быть наложено не позднее чем через три месяца со дня совершения правонарушения, а при длящемся правонарушении – не позднее чем через три месяца со дня его обнаружения [5]). Кроме того, отдельные сроки давности в национальном законодательстве установлены для коррупционных правонарушений. Такая дифференциация сроков не совсем обоснованна, поскольку в некоторых категориях дел и суды, и должностные лица органов государственной власти имеют право налагать

одинаковые взыскания (например, штраф), а сроки для них установлены разные. Немецкий подход является более удачным и способствует полному, объективному и всестороннему рассмотрению дела, а также обеспечивает неотвратимость наказания для лица.

Также к положительным чертам немецкого законодательства по вопросам административно-юрисдикционной деятельности можно отнести то, что наложение штрафов за правонарушения оформляется сообщением о штрафе, а фиксирование факта совершения административного правонарушения с участием лица, привлекаемого к ответственности, не требуется. В украинском законодательстве такое разрешается только при выявлении правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В то же время уменьшение «бумажной» работы субъектов властных полномочий при выявлении и рассмотрении дел о незначительных административных правонарушениях, за которые предусмотрено максимальное наказание в виде штрафа, позволило бы им больше внимания уделять профилактической или иной правоохранительной работе.

В Австрии производства по делам об административных правонарушениях регулируются Законом об общих положениях административных производств, принятым еще в 1950 году. Данный нормативно-правовой акт содержит минимальный объем норм, регулирующих различные административные процедуры, в том числе процедуру административных «положительных» и юрисдикционных производств, в том числе производств по делам об административных правонарушениях, реализуемых правоохранительными органами. Указанный закон лишь обобщенно трактовал процедуру рассмотрения и разрешения прав. В 1991 году в Австрии, в связи с необходимостью введения административной реформы, вступил в силу ряд новых нормативно-правовых актов, регулирующих процессуальные аспекты государственного управления. Вместе с ними был принят «Вводный закон к административно-процессуальным законам», в котором устанавливались базовые нормы о вступлении в силу, в том числе



законов: об общих положениях административных производств, об административном наказании, об административном принуждении, о вручении документов и тому подобное. Таким образом, данный закон является модельным и регулирует деятельность практически всех ведомств, в том числе и правоохранительных органов [6, с. 374-375]. Выделение в отдельный нормативно-правовой акт норм, регулирующих производство по делам об административных правонарушениях, является положительным опытом, который целесообразно ввести и в Украине.

В Венгрии производства по делам об административных правонарушениях регламентируются Актом № IV «Об общих нормах административного производства в государстве», который был принят еще 9 июня 1957 и регулирует порядок и последовательность действий органов исполнительной власти, определяются их полномочия, правила принятия решений, права и обязанности сторон административных процедур. Этот акт «Об общих нормах административного производства в государстве» призван способствовать эффективному осуществлению публичного управления путем регулирования административных производств и процедур органов исполнительной власти и местного самоуправления. Предметом регулирования данного нормативного акта в порядке административного производства являются дела, связанные с национальной обороной, зарубежной торговлей, социальным страхованием, нечестной рыночной торговлей, установлением фиксированных цен, финансами, акцизами, а также с юридической защитой собственности промышленных предприятий [7].

Похожие нормативно-правовые акты действуют и в Польше, Словении, Хорватии, Болгарии, Черногории, Македонии и ряде других государств. Они определяют правовые основы рассмотрения и разрешения административных дел, компетенцию субъектов, которые их реализуют, другие требования по реализации исследуемой процедуры.

Французская система (Нидерланды, Италия, Бельгия, Греция и др.) административно-деликтной деятельно-

сти имеет свои особенности, которые заключаются в следующем:

1) наличие такой процессуальной фигуры, как публичный докладчик, который подводит итоги по результатам ходатайств;

2) обжаловать административные акты имеет право не только лицо, в отношении которого вынесено постановление о наложении административного взыскания, но и третьи лица, права которых были нарушены [8, с. 88].

Особенностью исследуемых производств в Великобритании является то, что законодательство в этом государстве не отделяет понятие административный проступок от уголовно наказуемых правонарушений. В связи этим и процедура их рассмотрения регулируется уголовно-процессуальным законодательством и реализуется исключительно судом. Такая позиция не совсем обоснованна, поскольку дела об административных правонарушениях не требуют проведения такого серьезного расследования, как преступления. Кроме того, они могут решаться не только судами, но и профильными органами государственной власти, уполномоченными на то законом.

Выводы. Учитывая зарубежный опыт в сфере реализации производств по делам об административных правонарушениях, можно сделать вывод, что современное украинское законодательство в исследуемой сфере не является совершенным. Оно требует систематизации, внесение ряда изменений и дополнений, а именно:

– необходимо принять законодательный акт, который четко регламентировал бы процедуру рассмотрения и разрешения дела об административном правонарушении;

– целесообразно установить сроки давности привлечения к административной ответственности в зависимости от вида и размера взыскания, применяемого к правонарушителю;

– обоснованным является введение упрощенного производства по делам о незначительных административных правонарушениях, за которые законом предусмотрено наложение взыскания в виде предупреждения или штрафа;

– заслуживает внимания европейский опыт относительно возможности

обращения участников производства в суд с ходатайством о судебном контроле, заключающемся в проверке судом законности принятых должностным лицом решений;

– необходимо пересмотреть систему субъектов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, в направлении их уменьшения;

– нужно рассмотреть возможность введения в производствах по делам об административных правонарушениях института примирения участников.

Список использованной литературы:

1. Основы административного судопроизводства и административного права / Учеб. пособие / Под общ. редакцией Р.О. Куйбиди, В.И. Шишкина – К.: Старый свит, 2006. – 427–451 с. (на украин. языке).
2. Гаврилова Л.В. Административно-деликтное законодательство Федеральной Республики Германии: становление, развитие и современное состояние: дисс. канд. юрид. наук / Л. В. Гаврилова – Тюмень, 2003. – 200 с.
3. Gesetz über Ordnungswidrigkeiten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_owig/englisch_owig.html#p0009
4. Адміністративно-юрисдикційна діяльність Національної поліції України: Навч. посібник/За заг. ред. Заслуженого юриста України В.А. Глухвері. – Дніпро: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ, 2016. – 264 с.
5. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Кодекс, Закон від 07.12.1984 № 8073-X // Відомості Верховної Ради Української РСР (ВВР) 1984. – додаток до № 51. – Ст.1122
6. Силайчев М.В. Закон Австрии «Об общих положениях административных производств» / М.В. Силайчев // Актуальные проблемы Российского права. – № 2. – 2009. – 372–377 с.
7. Суховетрук І.І. Адміністративно-юрисдикційні провадження, які здійснюються правоохоронними органами України: дис. канд. юрид. наук 12.00.07 – Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право/ Ірина Ігорівна Суховетрук. – К., 2017. – 230 с.



8. Дрозд О.Ю. Удосконалення адміністративно-юрисдикційної діяльності в контексті міжнародного досвіду / О.Ю. Дрозд // Прикарпатський юридичний вісник. – 2015. – Випуск 2 (8). – 87-90 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Шоптенко Светлана Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин Сумского филиала Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Shoptenko Svetlana Sergeevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Law Disciplines of Sumy branch of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru